УЧИЛИЩЕ

БЛАГОЧЕСТІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

C
456

УЧИЛИЩЕ
БЛАГОЧЕСТІЯ,

или

ПРИМѢРЫ
ХРИСТІЯНСКИХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ,

выбранные

изъ

ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ.

BIBLIOTECA RUSSA ROMA

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе девятое.

C
129

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1864.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется Марта. 21 дня, 1863 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій*.

ТИПОГРАФІЯ Н. Н. ГРАЗУНОВА.

(Б. Мѣщанская, 8).

BVE0361250
1 BVE0361251

ROMA · BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II · DEPOSITO PERMANENTE

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Предлагая для пользы твоего сердца, благочестивый читатель, духовныя повѣсти, изъ Четь-Минеи и Пролога выбранныя, за нужное почитаю объявить тому причину. Неоднократно случалось мнѣ видѣть, что усерднѣйшіе Христіяне, начиная читать Житія Святыхъ, утомлялись на нѣсколькихъ жизнеописаніяхъ не потому, чтобы на ихъ сердца не имѣли вліянія происшествія, тутъ изображаемыя, а потому только, что совершенство нынѣшняго языка, въ разсужденіи Четь-Минеи и Пролога, есть общій всѣмъ, такъ сказать, недостатокъ. Такимъ образомъ свѣтъ лишается лучшей нравоучительной книги — разительныхъ примѣровъ для своего поведенія въ дѣлахъ вѣры и общежитія.

Но сія потеря не ограничивается недостаткомъ въ воспитаніи: она влечетъ за собою чувствительнѣйшій вредъ. Молодые люди, образуемые по твореніямъ древнихъ и новыхъ мудрецовъ, почерпаютъ и для поведенія своего правила изъ ихъ жизнеописаній; имена Сократа и Жанъ-Жака, Катона и Дагесса, съ первыми началами ученія уже врѣзываются въ патяти ихъ. Это весьма похвально; но безчестно для Христіянина то, что, совершивъ весь кругъ ученія, едва ли знаютъ, кто были Богословы, Златоусты, Николаи, Амвросіи. . . Сія зараза такъ распространилась, что даже сочинители чего-нибудь духовнаго часто подтверждаютъ истину своихъ пра-

вилъ примѣромъ какого-нибудь чудака древности, или славнаго грѣшника новѣйшихъ временъ.

Что жъ происходитъ изъ того? Ахъ! пагубное глумленіе, будто на скрижаляхъ вѣры нѣтъ славныхъ именъ! Будто лѣтописецъ ея не представляетъ примѣровъ для добродѣтели! Какое торжество для нечестиваго, и какая горесть для сердца Христіянскаго! Напротивъ того, сколько полезно было бы для юношества, если бы въ Россійскихъ училищахъ, хотя разъ въ недѣлю, прочитывали дѣтямъ по одной повѣсти изъ житій Святыхъ. — Не смѣю предлагать для сего предмета мною выбранныя; каждый законоучитель, имѣя свой вкусъ, можетъ изъ сего неистощимаго для истинныхъ Христіянъ источника извлекать то, что, судя по званію воспитанниковъ, покажется ему полезнѣйшимъ.

Впрочемъ, если Христіяне трудъ мой примутъ благосклонно, я постараюсь предлагаемую здѣсь книжку распространить столько, чтобъ дѣти изъ житій Угодниковъ Господнихъ имѣли по уроку въ какой либо добродѣтели на каждый день; если же мой выборъ не понравится, утѣшусь тѣмъ, что проложилъ путь другимъ, которые болѣе, нежели я, имѣютъ способности.

Что касается до заглавія книги, я сначала назвалъ ее Дѣтскою Четь-Минеею; но Святѣйшій Сѵнодъ, удостоивъ ее своего благословенія, благоволилъ наименовать Училищемъ Благочестія.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МЫСЛИ ИЗЪ МЕТАФРАСТА.

Что міръ сей, какъ не нощь?.. Сколь нощь была бъ темна,
Когда бъ ее не освѣтила
Христова вѣра, какъ Луна —
Когда бы разныя свѣтила
На скользкій, тѣсный путь, крутой
Не проливали свѣта...

* * *

О Вы! у Ангела *великаго Совѣта*
Предстатели за насъ! Сонмъ праведный, святый,
Которые, горя къ Ходатаю любовью,
И благостіемъ и кровью,
И святостью чудесъ,
Увѣрили весь міръ, что вѣра — дщерь небесъ:
Вы—звѣзды для вселенны.

* * *

Такъ! звѣзды, Вышняго рукой превознесены,
На твердь небесную, блистаютъ издали
Для всей земли;
Ихъ видитъ Азія, Европа созерцаетъ;

Digitized by Google

Мудрецъ, имѣющій познанія обширны,
И дѣятельный гражданинъ,
И земледѣлецъ мирный,
Отецъ и братъ и сынъ,
И тотъ, кто въ Ангельску одежду облечется,
Отъ міра отречется,
Всѣ для блаженства — здѣсь среди суетъ земныхъ,
И тамъ, въ обители *Сокровища благихъ*
Найдутъ примѣры
Въ семъ вертоградѣ вѣры.

* * *

Съ благоговѣніемъ, сынъ Церкви, созерцай
Святые образцы — се разноцвѣтный Рай!
Въ какое ни войдешь на свѣтѣ состоянье,
Найдешь, откуду взять для жизни подражанье.
Внимай — когда Святыхъ
Дѣянья не забудешь,
Самъ насажденъ средь ихъ
Въ дому Господнемъ будешь.

Всяку повѣсть Божественну восхощи слышати, и притчи разума да не убѣжатъ тебе.

Сирах. гл. VI, ст. 35.

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Твердость Василія Великаго (*).

Евсевій, градоначальникъ Кесарійскій и родственникъ царскій, вздумалъ одну вдову, молодую и богатую, именемъ Вестіану, отдать въ супружество своему любимцу, который нѣсколько времени безъ успѣха старался получить руку ея. . . Чудное дѣло! Безразсудный вельможа, сжалившись надъ страданіемъ одного, хотѣлъ заставить, чтобы страдала другая.—Едва ли не такова вообще добродѣтель свѣта!

Какъ скоро Вестіана узнала, что ей предстоитъ насиліе, немедленно ушла въ церковь, и объявила святому Василію, сколь бѣдственны ея обстоятельства. Защищать беззащитныхъ, было пріятнѣйшимъ удовольствіемъ для Угодника Божія.—Онъ пріемлетъ юную вдовицу въ свое покровительство.

Какъ разгнѣвался жестоковыйный градоначальникъ, увидя, добычу свою, уже изъ рукъ похищенну! . . . Онъ повелѣваетъ воинамъ окружить церковь; исполнители

(*) Св. Василій Великій жилъ въ царствованіе Іуліана отступника и Валента въ IV вѣкѣ по Р. Х.; пасъ Церковь Божію 8 лѣтъ; житія его было 45 лѣтъ. Память его празднуется Января въ 1-й день.

беззаконной воли его повсюду ищутъ Вестіану, не уважая святыни; идутъ въ домъ святаго Василія, проникаютъ въ самую спальню. Беззаконникъ, имѣя нечистую совѣсть, думалъ, что человѣкъ Божій способенъ на толь же ужасный грѣхъ... Но сколько ни искали ее, трудъ ихъ былъ напрасенъ ибо святый Василій, опасаясь, чтобъ Вестіану съ наглостію не исторгли изъ церкви, приказалъ тайно проводить ее въ дѣвическій монастырь къ сесстрѣ своей преподобной Макринѣ.

Раздраженный Евсевій призываетъ къ себѣ святаго Василія; дѣлаетъ ему жестокія укоризны, и клянется вымучить у него, гдѣ сокрыта жертва его насилія. — «Я готовъ на всѣ казни, отвѣчаетъ ему Святый: повели разтерзать меня; повели источать по каплѣ хладную кровь мою, но тайны не открою; мое тѣло въ твоихъ рукахъ, но духъ мой въ рукѣ Божіей.» — Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, смертію Праведника кончился бы гнѣвъ и ярость градоначальника; но граждане узнали, что великій Святитель ихъ въ опасности.

Вдругъ — не только граждане, но и жены, даже дѣти, вооружившись, кто чѣмъ могъ, устремились къ дому градодержца... требовали крови его за святаго отца и пастыря своего.—Злодѣй ужаснулся; ярость перемѣнилъ на отчаяніе; а великій Василій, вышедъ къ народу, напомнилъ ему долгъ подчиненности; представилъ, коль ужасны слѣдствія бунта, и среди благословеній народныхъ возвратился въ домъ свой.

Гдѣ толь непоколебимое великодушіе противу насилія? гдѣ толь надежное покровительство для невинности? И сверхъ того, гдѣ толикая кротость противу своего гонителя?... О Христіане! возьмите примѣръ съ великаго Василія.

Непамятозлобіе Василія Великаго.

«Святитель Господень! воскликнула на пути одна бѣдная вдовица къ Василію Великому: защити меня злосчастную предъ градоначальникомъ: ты имѣешь у него великую силу—а я, горькая сирота, не могу болѣе переносить обидъ и притѣсненій . . .» Угодникъ Божій, въ тотъ же часъ написалъ къ нему слѣдующее:—«Сія неимущая вдова сказала мнѣ, что моя просьба всегда имѣетъ у тебя силу; если это правда, докажи дѣломъ, и сотвори милость несчастной . . .» Вдова съ радостію пріемлетъ письмо Святительское, и воображая себя уже избавленною отъ всѣхъ притѣсненій, поспѣшно идетъ къ градоначальнику.

Но судія не чувствовалъ счастія исполнить просьбу Святаго, и прочитавъ письмо, отвѣчалъ ему:—«Съ удовольствіемъ бы сдѣлалъ для сей бѣдной женщины все, о чемъ проситъ она, но не въ силахъ; ибо законъ велитъ взыскивать дань, которой она подлежитъ.»

Архіерей Божій, помававъ главою что могъ, далъ на бѣдность вдовицѣ; а ему отписалъ вторично:—«Если хотѣлъ ты, но не могъ, не теряетъ цѣны добродѣтель твоя; если же могъ, но не хотѣлъ, то небесный Судія нѣкогда причтетъ тебя къ требующимъ; и, когда восхощешь, не возможешь . . .» Сіе пророчество Праведника оправдалось вскорѣ.

Царь услышалъ о любостяжаніи и обидахъ градоначальника; разгнѣвался, и велѣлъ заключить его въ узы... Тогда-то неправедный судія вспомнилъ, что приговоръ святаго Василія не былъ игрою словъ, какъ думалъ прежде; и едва поднимая отягченныя оковами руки, написалъ къ нему: «Человѣкъ Божій! слово твое свято; я причтенъ къ плачевному лику требующихъ; преклони къ не-

счастному на милость Царя, Отца народа. Угодникъ Божій! ты всегда можешь, когда хощешь.»

Святый Василій не отвергъ просьбы погибающаго; Царь не отвергъ просьбы Праведника. Градоначальникъ, получивъ свободу, повергся къ ногамъ Святителя и отъ него спѣшилъ воздать сторично бѣдной вдовѣ, которую прежде не хотѣлъ и слушать.

Видя несчастнаго, всегда должно поставлять себя на его мѣстѣ; ибо счастіе свѣта сего непостоянно. Кто славенъ сегодня, можетъ быть, завтра сдѣлается послѣднимъ. Христіане! заключите отсюда, хорошо ли поступаютъ люди гордые и безжалостные?

О трудолюбіи (*).

Къ Настоятелю нѣкотораго монастыря на горѣ Синайской, именемъ Силуану, однажды пришелъ принять благословеніе инокъ, и увидя братію въ трудахъ, сказалъ: «не дѣлайте брашно гиблющаго, *Марія бо благую часть избра.*» —Игуменъ, услышавъ сіе, приказалъ Строителю, отвести для гостя комнату наединѣ и тамъ оставить его.

Чрезъ нѣсколько часовъ иноки начали обѣдать: между тѣмъ гость смотрѣлъ въ окно, и ждалъ, скоро ли позовутъ его. Иноки вышли изъ-за стола, а объ немъ никто и не позаботился. Наконецъ, побуждаемый гладомъ, онъ пришелъ къ пастоятелю и спросилъ, ѣли ли сегодня иноки? — Ѣли, отвѣчалъ Настоятель.—Да почто жъ не повѣстили меня? возразилъ пришелецъ: — «Ты человѣкъ духовный, и не требуешь пищи, сказалъ Настоя-

(*) Изъ Пролога. Января въ 18 день.

тель: а мы одѣяны въ плоть, и хочемъ ѣсть; вотъ почему и трудимся; ты избралъ благую часть: читай же книги и питайся словами духовными.»

Старецъ устыдился своего умствованія, и поклонясь до земли, просилъ у Настоятеля прощенія... «Любезный о Христѣ братъ! поднимая его, сказалъ Игуменъ: съ какой стороны ни разсматривай, но отъ трудовъ всегда есть польза; и Марія отъ Спасителя заслужила похвалу — для сестры своей Марѳы.

Праздность часто бываетъ причиною пороковъ; ибо тогда человѣкъ, не имѣя чѣмъ заняться, даетъ волю своимъ страстямъ, которыя увлекаютъ его въ погибель.

Юный благотворитель (*)

Святый Климентъ, сынъ идолопоклонника и Христіанки, въ нѣжной юности лишившись отца и матери, былъ усыновленъ Софіею, благородною и добродѣтельною гражданкою Анкиры, подругою его матери. Руководимый ея примѣромъ, юный Христіанинъ воспитывался въ страхѣ Господнемъ.

Тогда сдѣлался въ Галатіи столь великій голодъ, что жители, по большей части, невѣрные, не имѣя чѣмъ питать дѣтей своихъ, оставляли ихъ на произволъ судьбы. Что жъ дѣлалъ святой отрокъ? Онъ собиралъ сверстниковъ, повсюду скитающихся, безъ надежды утолить голодъ свой, и младенцевъ на распутіи испускающихъ послѣдній вопль, училъ *грамотѣ* и вѣрѣ Евангельской, и усовершалъ благодѣянія свои, омывая ихъ въ водахъ Крещенія. Такимъ образомъ домъ Софіи, чрезъ святаго Климента, сдѣлался гостинницею и училищемъ, а Со-

(*) Января въ 23 день.

фія болѣе, нежели матерью; ибо, возвращая бѣднымъ отрокамъ и младенцамъ жизнь временную, предуготовляла для нихъ, чрезъ юнаго благотворителя, и вѣчную жизнь.

Величайшая жертва (*).

Святый Павлинъ, Епископъ Ноланскій, былъ столько милостивъ, что все свое имущество роздалъ бѣднымъ соотечественникамъ, для искупленія Вандалъ плѣнниковъ. Наконецъ, когда у Праведника не осталось не только денегъ, но и платья, которое бы могъ продать, пришла къ нему бѣдная вдовица и просила у него помощи, чтобы выкупить единороднаго ея сына. Рабъ Божій Павлинъ обыскалъ весь домъ свой, но не могши найти — ни полушки, сказалъ рыдающей матери: — «Кромѣ меня самаго, нѣтъ у меня ничего; и такъ возьми меня, и какъ раба своего, отдай за сына . . .» Бѣдная вдовица подумала, что Святитель надъ нею смѣется, и хотѣла идти домой; но святой Павлинъ остановилъ ее, увѣрилъ, что говоритъ сущую правду, и убѣдилъ ее Епископа отдать за сына.

Здѣсь обыкновенные люди удивятся, и поступокъ святаго человѣка почтутъ неблагоразумнымъ. Будучи не въ состояніи выкупить одного юношу, скажутъ они, Павлинъ могъ бы, въ другое время, освободить изъ рабства нѣсколько человѣкъ. Но пусть они прочтутъ слова Спасителя: *больши сея любви никто же имать, да кто положитъ душу свою за други своя* (**). Сверхъ того, пусть посмотрятъ, сколь спасительны были слѣдствія отъ сего, толь рѣшительнаго, поступка.

(*) Января въ 23 день.

(**) Іоан. XV. 13.

Святый Павлинъ и вдовица скрылись изъ города и пошли къ Вандаламъ. Достигнувъ мѣста, вдовица пала къ ногамъ Князя Вандальскаго, зятя Царя Рикса, и просила его, чтобъ раба взялъ за сына. Долго жестокосердый господинъ не соглашался, долго не уважалъ слезъ матери; но услышавъ, что Павлинъ искусный садовникъ, принялъ старца за юношу.

Вдовица съ сыномъ возвратилась въ отечество; а Праведникъ началъ трудиться въ саду господина своего, и получилъ приказаніе, каждый день, къ столу его приносить различные травы и плоды. Вельможа, будучи охотникъ до садовъ, также часто ходилъ къ Павлину, и всегда по нѣскольку времени разговаривая съ нимъ, узналъ его разумъ и мудрость, и наконецъ такъ полюбилъ его, что почувствовалъ необходимость каждый день видѣть его.

Однажды, между прочими разговорами съ господиномъ, святый Павлинъ за тайну сказалъ ему: «Скоро встрѣтятся съ тобою важныя обстоятельства: Царь Риксъ умретъ скоропостижно; смотри же, не отлучайся изъ столицы; въ противномъ случаѣ, кто нибудь другой захватитъ власть и вѣнецъ царскій.» Удивленный толь важнымъ пророчествомъ, вельможа вѣрилъ и не вѣрилъ словамъ Праведника; но будучи весьма любимъ Царемъ, въ тотъ же часъ пошелъ къ нему и сказалъ все, что слышалъ отъ своего садовника. — «Я хочу самъ видѣть человѣка сего, отвѣчалъ Царь: прикажи ему принесть къ столу моему травъ и плодовъ.»

Едва Павлинъ, по приказанію, вошелъ въ палату, Риксъ затрепеталъ... потомъ опомнясь, подозвалъ къ себѣ зятя, и сказалъ ему: — «Слова его справедливы; въ прошедшую ночь, я видѣлъ сонъ, будто мои бояре сидятъ въ совѣтѣ, а сей человѣкъ выше всѣхъ ихъ: разговаривая между собою нѣсколько времени, вдругъ они

сдѣлали приговоръ, чтобы отнять у меня царство; и такъ спроси его, кто онъ? и откуда? я не думаю, чтобы сей старецъ былъ простой человѣкъ.» Тогда зять царскій отвелъ святаго Павлина въ сторону, и заклиналъ его Богомъ, чтобы сказалъ о себѣ всю истину. Праведникъ ни за что бы не обнаружилъ себя, но для имени Господня, которымъ заклиналъ его вельможа, хотя съ душевнымъ прискорбіемъ, сказалъ, что онъ — Епископъ.

Риксъ и зять его объяты были ужасомъ. «Прости меня, человѣкъ Божій! сказалъ вельможа, что я, по невѣдѣнію, возложилъ на тебя трудъ рабскій.»—«Требуй отъ меня, чего хочешь, продолжалъ Царь, и возвратись въ землю твою съ великими дарами.» — «Одного прошу у тебя, смиренно отвѣчалъ святой Павлинъ: отпусти плѣнниковъ изъ всѣхъ мѣстъ моего отечества; это величайшій даръ, которымъ можешь меня напутствовать.»

Тогда вездѣ разосланы были указы царскіе. Всѣ плѣнники собрались въ одно мѣсто, и отданы святому Павлину . . . Наконецъ праведникъ съ честію, осыпаемъ благословеніями, отправился въ отечество, и возвратилъ спокойствіе и радость отцамъ и матерямъ, супругамъ и дѣтямъ, родственникамъ и друзьямъ.

Самъ Господь сохраняетъ жизнь и свободу того, кто ею жертвуетъ для спасенія жизни и свободы своихъ ближнихъ.

Святый Григорій Богословъ отказывается отъ патріаршества, чтобы даровать миръ церкви (*).

Святитель Христовъ Григорій, занимаясь Богомысліемъ, любилъ жизнь уединенную; но Царь и народъ при-

(*) Св. Григорій Богословъ, родомъ Каппадокіанинъ, сынъ Григорія Назіанзина, жилъ въ царствованіе Ѳеодосія Великаго въ IV вѣкѣ; пасъ Церковь Божію 12 лѣтъ; скончался 80 лѣтъ. Память его празднуется Января въ 25 день.

зывали его въ Царь-градъ на престолъ Патріаршій. Какъ ни отрекался Угодникъ Божій принять толь важную на себя должность, но тщетно! собрались сто пятьдесятъ Епископовъ и подъ предсѣдательствомъ святаго Мелетія, Патріарха Антіохійскаго, вручили ему жезлъ пастырскій. Но, ахъ! въ какомъ мѣстѣ, въ какомъ чинѣ не дѣйствуетъ честолюбіе и зависть?

Спустя нѣсколько дней, святый Мелетій преставился; и Епископы Египетскіе и Македонскіе вознегодовали на Григорія, утверждая, что онъ, будучи возведенъ на престолъ свой не Александрійскимъ Патріархомъ, яко старшимъ, противу правилъ получилъ санъ великаго Святителя. Возстала распря и междоусобіе.

Угодникъ Божій, видя въ санѣ своемъ причину раздоровъ между Пастырями духовными, мгновенно пріемлетъ намѣреніе рѣшительное: представъ посреди собора, онъ говоритъ имъ:—«Пастыри святаго стада Христова! стыдно вамъ другихъ учить миру и любви, а между собою воздвигать брань; ибо увѣщанія къ согласію и единодушію не только не дѣйствительны, но и обращаются въ посмѣяніе, когда происходятъ изъ сердца, обуреваемаго раздорами. Заклинаю васъ Пресвятою Единосущною Троицею: имѣйте между собою миръ и любовь, и устрояйте дѣла Церкви согласно. Если я, одинъ я, причиною вашего разномыслія и ссоръ, я не лучше Пророка Іоны; ввергните меня въ море, и утолится между вами буря междоусобія; корабль духовный войдетъ въ пристанище мира. Хотя невиненъ я, но готовъ претерпѣть все, что вамъ угодно; только примиритесь и будьте единодушны.»

Сія твердость святаго Григорія всѣхъ привела въ стыдъ и смущеніе; никто не могъ отвѣчать ему; многіе обливались слезами. Видѣвъ сіе, Угодникъ Божій, самъ

прослезившись, воскликнулъ: «Простите, служители православія; поминайте меня грѣшнаго въ молитвахъ вашихъ.» — Онъ вышелъ изъ собранія; спросилъ у Царя увольненіе отъ должности и немедленно отбылъ въ отечество на жизнь уединенную.

Вотъ поступокъ примѣчательный! Всякое званіе требуетъ единодушія сочленовъ. Если увидишь, что присутствіе твое непріятно сословію, удались и тѣмъ возврати ему миръ. Оставь твой санъ, твое достоинство; ибо сколько бы человѣкъ для общества полезенъ ни былъ; но если дѣлаетъ чрезъ себя раздоръ, противу своей воли причиняетъ вредъ, иногда всенародный.

Богъ вѣдаетъ, кого послать на встрѣчу (*).

Преподобный Ефремъ, однажды намѣреваясь идти въ Едесъ, молился къ Богу, дабы сподобилъ его увидѣть градъ святый и, когда вступитъ туда, послалъ ему на встрѣчу человѣка, который бы отъ Священнаго писанія съ пользою побесѣдовалъ съ нимъ. Но едва вошелъ онъ въ городскія ворота, увидѣлъ предъ собою женщину, которая о поведеніи своемъ подавала не очень выгодныя мысли.

Святый мужъ остановился; и въ горести свой думалъ: «Господи! ты презрѣлъ моленіе раба твоего; ибо сія женщина можетъ ли говорить со мною о предметахъ спасительныхъ?» Женщина, съ своей стороны, также остановилась и съ удивленіемъ смотрѣла на старца. Наконецъ преподобный Ефремъ спросилъ у нее: «скажи мнѣ, почто стоишь и смотришь на меня?»—«Я смотрю на тебя, отвѣчала женщина, для того, что отъ му-

(*) Января въ 18 день.

жа взята есмь; а ты между тѣмъ долженъ смотрѣть не на меня, но въ землю, отъ нея же взятъ еси.»

Человѣкъ Божій удивился отвѣту ея и прославилъ Бога, давшаго женщинѣ толь великій умъ; онъ узналъ, что Господь не презрѣлъ моленія его, и пришедъ въ городъ, остался въ немъ на долгое время.

Милостыня отъ подаянія (*).

Преподобный Зинонъ, ученикъ святаго Василія *Великаго*, четыредесять лѣтъ въ постничествѣ богоугодно проводившій, съ начала ни отъ кого и ничего принимать не хотѣлъ. Почему щедролюбцы, унося свои *подаянія* назадъ, уходили отъ него съ душевною печалію о томъ, что святый мужъ не пріемлетъ отъ нихъ. Между тѣмъ приходили къ нему бѣдные, желая что нибудь получить отъ него, какъ отъ великаго старца; но поелику Зинонъ не имѣлъ, что дать, то и сіи уходили отъ него также печальны. — «Что предпріиму? что буду дѣлать? наконецъ сказалъ самъ себѣ старецъ: печалятся и тѣ, которые назадъ уносятъ дары свои; печалятся и тѣ, которые хотятъ что нибудь принять отъ меня. Буду же поступать такимъ образомъ: если кто мнѣ принесетъ что нибудь, я возьму; если кто у меня попроситъ, я отдамъ.» — Сіе наблюдая, святый Зинонъ и самъ былъ спокоенъ и другихъ успокоивалъ.

По какому случаю установленъ праздникъ Срѣтенія Господня (**).

Въ одинъ злополучный годъ царствованія Юстиніанова, съ послѣднихъ числъ Октября, въ Византіи и ок-

(*) Января въ 30 день.

(**) Дѣти знаютъ изъ Священной Исторіи, что значитъ Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа.

рестныхъ странахъ открылось моровое повѣтріе и свирѣпствовало такъ сильно, что наконецъ умирало тысячъ по десяти каждодневно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось толикое запустѣніе, что *не бѣ погребаяй*... Но въ Антіохіи, сверхъ сей язвы, продолжалось ужасное землетрясеніе: ежедневно разрушались домы и церкви и множество народа погибало подъ ихъ развалинами. — Между прочими подавленъ и Евфрасій, Епископъ Антіохійскій, тогда какъ приносилъ безкровную жертву въ храмѣ Господнемъ. Мизійскій городъ Помпеополь до половины былъ разрушенъ; а другая половина его поглощена землею съ тысячами жителей. Дабы отвратить сей гнѣвъ Господень, по особливому откровенію нѣкоторому святому человѣку, установлено торжественно праздновать *Срѣтеніе Господне.* — И какъ скоро, Февраля втораго дня, начали *Всенощное Бдѣніе* съ крестнымъ ходомъ, въ тотъ часъ язва миновала, моръ престалъ, землетрясеніе укротилось.

Симеонъ Богопріимецъ (*).

Старецъ Симеонъ, по свидѣтельству Священнаго писанія, былъ человѣкъ праведный и благочестивый; просвѣщенный Духомъ Святымъ, онъ *чаялъ утѣхи Израилевы*, по слѣдующему откровенію.

Когда Птоломей, Царь Египетскій, основатель славной Александрійской библіотеки, приказалъ Моисеевы и Пророческія книги перевесть съ Еврейскаго языка на Греческій: тогда изъ Израильтянъ выбраны были седмдесять мудрыхъ и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ язы-

---

(*) Февраля въ 3 день. Изъ минеи Четьи.

кѣ искусныхъ мужей (*). Въ семъ-то сословіи находился и праведный Симеонъ.

Занимаясь преложеніемъ книги Исаіи, когда Симеонъ достигъ пророчества: *Се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына* (**), усумнился и остановясь, разсуждалъ самъ съ собою: какъ дѣвица можетъ родить отроча? Потомъ взялъ ножъ, и въ своей рукописи хотѣлъ изгладить оное... Вдругъ Ангелъ Господень явился ему, и удержавъ руку, сказалъ: «Вѣруй тому, что написано; ты самъ узришь событіе величайшаго таинства; ибо не увидишь смерти, доколѣ не узришь имѣющаго родиться отъ пречистыя Дѣвы Христа Господня.» Утвердившись на словахъ Ангела и Пророка, съ того времени Симеонъ съ пламеннымъ желаніемъ ожидалъ пришествія Христова: жилъ праведно и непорочно, и не выходя изъ церкви, молился Богу.

Когда же рождшійся Спаситель, послѣ четыредесяти дней, Богоблагодатною Маріею принесенъ былъ въ церковь: тогда Святый, познавъ свыше, что сей Младенецъ есть обѣтованный Мессія, и сія Матерь есть Святая Дѣва, на которой исполнилось пророчество Исаіи, съ благоговѣніемъ и радостію принялъ въ объятія свои Господа и воскликнулъ: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣстѣ очи мои спасеніе твое* (***), и возблагодаривъ Бога, давшаго утѣшеніе Израилю, испустилъ на небо духъ свой, будучи отъ рожденія своего трехъ сотъ и шестидесяти лѣтъ. Такъ Господь продолжилъ дни его, да достигнетъ лѣта, въ которое родился Безлѣтный!

(*) Они вообще извѣстны подъ именемъ 70 толковниковъ.
(**) Исаіи VII. 14.
(***) Луки XI, 29.

Да подражаемъ въ житіи и вѣрѣ праведному Семеону! тогда здѣсь—въ мірѣ удостоимся принять не въ объятія, но въ сердца наши Христа Господня; а по смерти, *восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ*. Такимъ образомъ *всегда съ Господемъ будемъ* (*).

О терпѣніи (**).

Нѣкоторый инокъ былъ любимъ пятью старцами, но не нравился одному, который и старался оскорблять его разнымъ образомъ. Инокъ вышелъ изъ терпѣнія, и оставивъ обитель, удалился въ другую. Тамъ восемь человѣкъ обходились съ нимъ дружески, но два ненавидѣли. Инокъ ушелъ оттуда въ третій монастырь; но тамъ седмь только братьевъ изъявляли нѣкоторое къ нему благорасположеніе, а пятеро смотрѣли на него съ великимъ неудовольствіемъ. Инокъопять рѣшился искать новаго убѣжища.

На пути старецъ размышлялъ о своемъ несчастіи и ужасался, воображая, что съ нимъ случится и вездѣ тоже самое; онъ искалъ средствъ, какъ бы ему ужиться на одномъ мѣстѣ, и послѣ долгаго размышленія нашелъ... Это было *терпѣніе!* Обрадуясь счастливой мысли, онъ взялъ свитокъ бумаги и написалъ: *терпи!* Потомъ вошелъ въ первый монастырь, который ему встрѣтился.

Тутъ нерѣдко случалось доброму старцу, принимать досады не только отъ одного, отъ двухъ, но иногда и отъ всей братіи: однако онъ, давъ обѣтъ Богу, никогда не хотѣлъ нарушить его; никогда не покушался, даже въ мысляхъ, перемѣнить мѣсто свое; и когда весьма чувствительно кто нибудь огорчитъ его, онъ только вынетъ

(*) Къ Солун. IV, 17.

(**) Изъ Пролога. Февраля въ 15 день.

изъ пазухи хартійцу и прочтетъ: *во имя Іисуса Сына Божія терплю,* и послѣ сего успокоится. Такимъ образомъ добродѣтельный старецъ проводилъ всю жизнь спокойно.

Кто желаетъ спокойно жить въ обществѣ, тотъ долженъ равнодушно смотрѣть на всѣ неудовольствія, которыя ему причинять будутъ; безъ сей необходимо нужной добродѣтели, человѣкъ будетъ перемѣнять мѣсто за мѣстомъ и—вся его жизнь будетъ подобна вихрю.

Пагубно вѣрить снамъ (*).

Въ нѣкоторой обители былъ инокъ, украшенный всѣми добродѣтелями, и за то весьма уважаемый братіею. Къ несчастію онъ всегда вѣрилъ сновидѣніямъ.

Духъ-искуситель весьма радуется, когда узнаетъ въ человѣкѣ слабую сторону, съ которой легко можетъ побѣдить его: духъ-искуситель всею адскою силою вооружился на инока.

Каждую ночь, какъ скоро инокъ, послѣ обыкновенныхъ молитвъ, вздремлетъ, врагъ рода человѣческаго началъ показывать ему сновидѣнія, съ начала безвредныя, чтобы тѣмъ болѣе обольстить несчастнаго, и въ какую сторону старецъ ни толковалъ ихъ, каждый сонъ оправдывалъ событіемъ наяву. Наконецъ, увидѣвъ, что заблудшій старецъ всему вѣрилъ, въ одну злополучную ночь изобразилъ предъ нимъ жизнь будущую: изобразилъ, что Апостолы, Мученики, Преподобные и всѣ Христіяне сидятъ въ ужасной тьмѣ, терзаемы отчаяніемъ; а въ другой сторонѣ, вмѣстѣ съ Пророками и древними Патріархами, ликуетъ народъ Еврейскій, и Богъ Отецъ, указуя на нихъ перстомъ, вѣщаетъ:—«се чада моя!»

(*) Изъ Пролога. Февраля въ 26 день.

Старецъ отъ ужаса пробудился, и ни о чемъ не разсуждая, ушелъ въ Палестину, въ жилища Іудейскія. Тамъ принялъ обрѣзаніе и сталъ ревностный защитникъ убійцъ Христовыхъ.

Но Богъ сколько долготерпѣливъ, столько и правосуденъ: чрезъ три года, Богъ наслалъ на него болѣзнь столь лютую, что сгнили даже кости его;—и отступникъ въ ужасныхъ мученіяхъ испустилъ духъ свой.

Кто слѣпо вѣритъ снамъ, тотъ погрѣшаетъ не менѣе, какъ бы ворожилъ на картахъ. Христіяне! лучше надѣйтесь на Промыслъ небесный и не ввѣряйтесь тому, что бываетъ часто дѣйствіемъ заблуждающаго воображенія.

Наказанный ненавистникъ.

Въ Кіевопечерской Лаврѣ были два инока, Священникъ Титъ (*) и Діаконъ Еваргій. Нѣсколько лѣтъ они жили между собою такъ дружелюбно, что прочіе братія дивились ихъ единодушію... Но врагъ рода человѣческаго искони сѣетъ плевелы посреди пшеницы! онъ посѣялъ между ими вражду и гнѣвомъ и ненавистью такъ омрачилъ ихъ, что немогли безъ досады—даже взглянуть другъ на друга. Когда, отправляя Божію службу, одинъ изъ нихъ шелъ съ кадильницею по церкви, то другой отходилъ въ сторону, чтобы не услышать ѳиміама; а если иногда сей послѣдній оставался на своемъ мѣстѣ, то первый проходилъ отъ него, какъ можно далѣе. Сія взаимная злоба продолжалась весьма долго; и они, не примирившись между собою, дерзали приносить безкровную жертву Богу... Сколько братія ни совѣтовали имъ, чтобы отложи-

(*) Преподобный Титъ, Пресвитеръ Печерскій, жилъ въ XII вѣкѣ по Р. Х. См. въ Минеи-Четьи подъ 27 числомъ Февраля.

ли гнѣвъ и жили между собою въ мирѣ и согласіи, но все было тщетно!

Однажды Священникъ Титъ тяжко разболѣлся. Отчаясь въ жизни, онъ началъ горько плакать о своемъ согрѣшеніи и послалъ къ недругу своему, просить прощенія; но Евергій не хотѣлъ слышать о томъ, и началъ жестоко проклинать его. Братія, соболѣзнуя о толь тяжкомъ заблужденіи, насильно привлекли его къ умирающему. Титъ, увидѣвъ врага своего, съ помощію другихъ, всталъ съ одра и палъ предъ нимъ, слезно умоляя, простить его: но Евергій былъ такъ безчеловѣченъ, что отвратился отъ него и съ остервенѣніемъ воскликнулъ: «ни въ сей, ни въ будущей жизни не хочу примириться съ нимъ!» Онъ вырвался изъ рукъ братіи и палъ на землю.

Иноки хотѣли поднять его; но какъ изумились, увидѣвъ его мертвымъ и столько охладѣвшимъ, какъ бы умеръ нѣсколько назадъ времени! Ихъ изумленіе умножилось еще болѣе, когда Священникъ Титъ, въ тоже самое время, всталъ съ одра болѣзни здравъ, и какъ бы никогда боленъ не былъ. Въ ужасѣ отъ толь необыкновеннаго происшествія, они окружили Тита и одинъ предъ другимъ спрашивали: «что значитъ это?» Будучи въ тяжкой болѣзни, отвѣчалъ онъ, доколѣ я, грѣшный, сердился на брата моего, видѣлъ Ангеловъ, отъ меня отступившихъ и плачущихъ о погибели души моей, а нечистыхъ духовъ радующихся—вотъ причина, почему я, всего болѣе, желалъ примирить съ нимъ. Но какъ скоро привели его сюда, и я поклонился ему, а онъ началъ проклинать меня: я увидѣлъ, что одинъ грозный Ангелъ поразилъ его пламеннымъ копіемъ, и несчастный мертвъ повергся на землю; а мнѣ сей же Ангелъ подалъ руку и возстановилъ отъ одра болѣзни.»

Иноки оплакали лютую смерть Евагрія, и съ того вре-

мени, болѣе прежняго, начали блюстись, да никогда солнце не зайдетъ во гнѣвѣ ихъ.

Памятозлобіе есть порокъ ужаснѣйшій и столько же мерзокъ предъ Богомъ, сколько пагубенъ въ обществѣ. Христіяне! человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію: какое отличіе!... но повѣрьте, что памятозлобный не имѣетъ его: онъ болѣе звѣрь, нежели человѣкъ.

Чудесная встрѣча (*).

Нѣкто, именемъ Іоаннъ, служилъ въ Царѣградѣ при Монетномъ дворѣ. Будучи благочестивъ, щедръ для нищихъ, богобоязненъ, однажды Іоаннъ принялъ къ себѣ инока, пришедшаго изъ Палестины, сколько для того, чтобы исполнить пріятнѣйшій сердцу его долгъ страннопріимства, столько и для того, чтобы въ праздное время заниматься съ нимъ разговорами душеспасительными.

Въ одно время собесѣдники шли вмѣстѣ, инокъ по правую, а Іоаннъ по лѣвую руку. Вдругъ встрѣтился съ ними незнакомецъ и сказалъ выразительно: «не должно тебѣ, Авва, итти одесную великаго Архіерея.» Удивленный инокъ объявилъ о семъ Евтихію, Патріарху Цареградскому; и Святитель, уваживъ толь чудное происшествіе, облекъ Іоанна въ образъ Ангельскій.

Новопосвященный инокъ не обманулъ надежду Первосвященника: былъ образцемъ братіи, Ангеломъ земнымъ, человѣкомъ небеснымъ.

Чрезъ нѣсколько времени умеръ блаженный Евтихій; и праведный Іоаннъ, съ общаго согласія Духовныхъ и Свѣтскихъ, избранъ на мѣсто его. Человѣкъ Божій долго отрицался отъ толь великаго сана; но устрашенный

(*) Смотри въ Житіи Святыхъ Сентября подъ 2 числомъ.

сверхестественнымъ видѣніемъ, въ которомъ представилось ему пламенное море, отъ земли до неба колеблющееся, и сонмъ Ангеловъ, въ случаѣ непослушанія, предвѣщающихъ ему грозную казнь, наконецъ согласился вступить на престолъ Патріаршескій.

Житіе чистое, постъ совершенный, высокія добродѣтели украшали его до блаженной кончины; и содѣянныя имъ чудеса свидѣтельствуютъ, что Іоаннъ, нареченный *Постникомъ*, былъ возлюбленный Божій.

Праведное воздаяніе отступнику Вадитзису (*).

Въ царствованіе Греческаго Царя Ѳеофила, Агарянскій Князь Амирмумна разбилъ Христіянское воинство и осадилъ прекрасный и великій градъ Амморію. Но какъ неприступныя стѣны и многочисленная сила защищали его; и Греки на вылазкахъ, каждую ночь, истребляли великое число Измаильтянъ: то Амирмумна былъ въ сомнѣніи, не лучше ли отступить отъ толь крѣпкаго града.

Но къ несчастію Грековъ, между царскими военачальниками былъ нѣкто Вадитзисъ. Сей извергъ, имѣя частную злобу на нѣкоторыхъ полководцевъ, вознамѣрился предать непріятелю городъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ погубить тѣхъ, кого ненавидѣлъ. Выбравъ благопріятный случай, злодѣй пустилъ къ Агарянамъ, уже начинавшимъ снимать лагерь, стрѣлу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:—«Почто, послѣ толикаго съ вашей стороны кровопролитія, отходите безъ всякаго успѣха? приступите къ стѣнѣ оттуда, гдѣ видите столбъ, на которомъ стоитъ мраморный левъ. Сію часть города защищаю я, и клянусь! что буду вамъ помощникомъ. Вы знаете впрочемъ, какой

(*) Изъ житія св. 42 мучениковъ, иже во Амморіи, которые жили въ IX вѣкѣ въ царствованіе Ѳеофила иконоборца.

награды будетъ стоить вашъ благопріятель и другъ.» Стрѣла была примѣчена; письмо отдано Амирмумнѣ, который, прочитавъ его, не преминулъ воспользоваться совѣтомъ злодѣя.

Въ глухую полночь, когда Амморіяне ничего отъ непріятеля не опасались, Агарянинъ совокупилъ силу свою и съ бѣшенствомъ наступилъ на ту часть стѣны, гдѣ былъ Вадитзисъ. Граждане и войска устремились сдѣлать отпоръ: но злодѣй обратилъ оружіе на своихъ соотечественниковъ, и непріятель безпрепятственно вошелъ въ городъ. Кровопролитіе было ужасно; все обращено въ пепелъ; Христіянскіе вожди уведены въ плѣнъ а предатель отечества, Вадитзисъ, прілвъ вѣру лжепророка, надѣленъ отъ Амирмумны богатствомъ и возвеличенъ саномъ вельможи.

Седьмь лѣтъ злосчастные военачальники сидѣли въ мрачной темницѣ, занимаясь единымъ Богомысліемъ; ибо выкупъ за нихъ отвергнуть былъ съ презрѣніемъ. Агаряне, плѣнившіе ихъ тѣла, хотѣли плѣнить и души ихъ. Часто посылаемы были вельможи и мудрецы, чтобы преклонить ихъ на свою сторону, но тщетно; приходилъ и Вадитзисъ: но они ужасались и воззрѣть на него. Наконецъ Амирмумна ожесточился и изрекъ на нихъ приговоръ смерти.

Четыредесять и два праведные мужа за вѣру во Христа Спасителя пролили кровь свою... Но Богъ сколько долготерпѣливъ, столько и правосуденъ. Агарянскій Князь, удивляясь ихъ непоколебимости въ вѣрѣ и прямовѣрности къ Царю своему, вдругъ призываетъ къ себѣ Вадитзиса, который былъ равнодушнымъ зрителемъ смерти ихъ, и съ грознымъ взоромъ говоритъ ему: «ты не соблюлъ вѣры во Христа, измѣнилъ Царю твоему: то увѣренъ я, что при случаѣ оставишь вѣру въ Магомета, и будешь моимъ предателемъ; почему предупреждаю вто-

Digitized by Google

ричное отъ тебя злодѣйство.» Онъ далъ знакъ исполнителямъ казни; и въ одно мгновеніе глава измѣнника отторгнута отъ выи.

Ужасно быть измѣнникомъ Царя—Отца небеснаго! столь же ужасно, быть измѣнникомъ Царя—Отца отечества!... Какъ гражданинъ, измѣнившій Царю своему, который есть образъ и подобіе Божіе на земли, не можетъ быть Христіяниномъ, такъ и Христіянинъ, отрекшійся отъ вѣры Господней, не можетъ быть гражданиномъ. Ибо какая вѣрность къ Царю земному отъ того, который измѣняетъ Царю небесному?

Видѣніе старца о пріемлющихъ милостыню (*).

Нѣкоторый затворникъ, въ юности отказавшись отъ всѣхъ удовольствій свѣта, жилъ въ тѣсной хижинѣ и занимаясь разглагольствіемъ съ однимъ Богомъ, умерщвлялъ тѣло свое постомъ и всенощнымъ бдѣніемъ. За толь равно-ангельное житіе Праведникъ удостоился откровенія свыше.

Въ одинъ день, пришелъ въ монастырь старѣйшина града, чтобъ подать, по обыкновенію своему, милостыню братіи. Онъ обдѣлилъ всѣхъ иноковъ по сребреннику, а къ затворнику принесъ златницу, и стоя у окна келліи, усердно просилъ его, чтобы не отвергнулъ толь неважнаго дара. Старецъ, употреблялъ въ пищу и питіе не болѣе, какъ по одному сухарю и по чашкѣ воды на день, хотя никогда не принималъ ни злата, ни сребра, но устыдясь просьбы человѣка благороднаго и благодѣтельнаго, взялъ златницу...

Ночью, прочитавъ обыкновенныя молитвы, онъ уснулъ. Вдругъ въ сонномъ видѣніи представилось ему, что, вмѣ-

(*) Марта въ 7 день. См. Житія Святыхъ.

стѣ съ братіею, онъ стоитъ въ пространномъ полѣ, которое заросло густымъ и колючимъ терніемъ; а нѣкоторый юноша, подобный Ангелу, понуждалъ старцевъ, чтобъ пожинали оное. Потомъ подходитъ къ нему и говоритъ: жни терны!—Когда же затворникъ началъ отговариваться, то юноша грозно воскликнулъ: «не имѣешь причины стоять праздно! ибо вчера, вмѣстѣ съ братіею, ты нанялся, и притомъ взялъ златницу, между тѣмъ какъ прочіе получили только по сребреннику. Какъ болѣе взявшій, ты болѣе другихъ долженъ и трудиться. Сіи терны суть дѣла того, кто вчера подалъ тебѣ милостыню... Трудись въ потѣ лица твоего.»—Съ симъ словомъ затворникъ проснулся.

Онъ размыслилъ о своемъ сновидѣніи и сердечно ужаснулся, что, при толь непроходимомъ терніи грѣховъ своихъ, долженъ исторгать терны чужихъ прегрѣшеній.

О вы, которые питаетесь милостынею! Познайте должность вашу изъ сего видѣнія, котораго небесный Судія удостоилъ праведнаго мужа: молитесь о грѣхахъ благодѣтелей. А вы, которые даете пищу и одежду страждущему нищетой или недугами человѣчеству, усугубьте щедроты свои; ибо милостынею и вѣрою очищаются грѣхи.

Ревность по Христѣ Блаженнаго Кодрата (*).

Въ царствованіе Децiя, когда Христіяне, въ необъятномъ числѣ содержась въ темницахъ, были томимы гладомъ и муками, праведный Кодратъ, будучи благороденъ и богатъ, покупалъ входъ у стражей къ православнымъ узникамъ, приносилъ имъ пищу и увѣщевалъ, чтобы, по любви къ Богу, они дерзали на всѣ ужасы смерти.

(*) Св. мученикъ Кодратъ былъ родомъ Коринѳянинъ, скончался въ царство Децiя, въ лѣто по Р. Х. 248. Память его Марта въ 10 день.

Въ то время нѣкто Перенній, чиновникъ царскій, прибылъ въ Никомидію и потребовалъ списка Богоотступниковъ (такъ поклонникъ идольскій называлъ Христіянъ). Видя ихъ столь великое множество, тиранъ поклялся, даже память ихъ истребить отъ среды живыхъ.

Въ общемъ собраніи народа представлены были на судъ Христіяне. Судія воскликнулъ грозно: «пусть скажетъ всякъ свое имя, чинъ и отечество.»—Блаженный Кодратъ, какъ втайнѣ исповѣдующій вѣру Христову, былъ постороннимъ зрителемъ и стоялъ позади всѣхъ. Видя робость страдальцевъ, онъ устрашился, чтобы кто нибудь изъ нихъ, отъ угрозъ или мученій, не отрекся Христа Спасителя и рѣшился подать примѣръ страдальчества до смерти: онъ воззвалъ велегласно изъ-за народа:—«Мы называемся Христіяне; чиномъ рабы Христовы; а отечество наше есть небо.» — Услышавъ сіе, воевода царскій удивился дерзости и приказалъ оруженосцамъ, чтобы наглаго (такъ думалъ злобожный) незнакомца взяли и представили къ нему ближе. Но дерзающій по Богѣ Кодратъ, не дожидаясь стражи, устремился туда самъ, и раздвигая руками тѣснящійся народъ, сталъ предъ Перенніемъ. Всѣ обратили на него глаза свои; а онъ, оградившись крестнымъ знаменіемъ, воскликнулъ: — «Се отъ имени всѣхъ предстою тебѣ, и увѣдомляю тебя, что мы, всѣ сколько здѣсь ни видишь, ничто иное, какъ воины Іисуса Христа...»

Взирая на толь великаго ревнителя православной вѣры, всѣ Христіяне укрѣпились; всѣ восхотѣли, лучше пролить кровь свою, нежели сказать одно слово въ пользу язычества. Святый Кодратъ былъ предшественникомъ страдальцевъ.

Человѣкъ не долженъ сомнѣваться, жертвовать ли самимъ собою, если имѣетъ случай, обратить другихъ на путь спасенія, или поддержать на ономъ.

Великодушіе противу обидъ (*).

Нѣкоторый старецъ, по имени Киръ, будучи изъ низкаго рода и весьма кротокъ, не понравился братіи.

Часто случается, что за смиреніе или за другія хорошія качества, наконецъ полюбятъ того, кого прежде не любили; но участь преподобнаго Кира была не такова! съ продолженіемъ времени умножалась ненависть братіи: не только старшіе, но и юноши, находящіеся подъ искусомъ, оскорбляли его и нерѣдко—даже выгоняли изъ-за стола. Сіе продолжалось пятнадцать лѣтъ.

Въ сей обители случилось быть Іоанну *Лѣствичнику*. Видя, что кроткій Киръ, будучи выгоняемъ изъ-за стола, часто ложился спать голоденъ онъ спросилъ у него: скажи мнѣ, что значатъ сіи противу тебя обиды?—«Повѣрь мнѣ, любезный о Христѣ гость, отвѣчалъ смиренный старецъ, что братія такъ поступаютъ не по злобѣ; они только искушаютъ меня, достойно ли ношу образъ Ангельскій? Вступивъ въ обитель сію, я слышалъ, что отшельнику должно быть подъ искусомъ тридцать лѣтъ, а я прожилъ еще одну половину.

Христіяне! вотъ примѣрный поступокъ противу тѣхъ, которые обидятъ насъ. Кроткій Киръ не хотѣлъ мстить на дѣлѣ своимъ гонителямъ; но еще смотрѣлъ съ хорошей стороны на ихъ оскорбленія; давалъ поступкамъ ихъ лучшій разумъ тогда, когда они были безумны; хранилъ честь ихъ, когда они сами себя безчестили; принималъ за высшее счастіе то, чтобы другіе почли для себя совершеннымъ несчастіемъ.

(*) Изъ Пролога. Марта въ 12 день.

Цѣломудріе Хризанѳа и обращеніе дѣвицы Даріи (*).

Святый Хризанѳъ, сынъ Полемія, Римскаго вельможи, въ юныхъ лѣтахъ изучился какъ любомудрію, такъ и всему, что полезно и пріятно въ обществѣ. А поелику Римъ, не смотря на тиранства, тогда наполненъ былъ Христіянами, то юноша, имѣя здравый и просвѣщенный умъ, легко усмотрѣлъ, коль велико различіе между правовѣріемъ и суевѣріемъ, и узнавъ священника, именемъ Карпофора, человѣка въ божественномъ писаніи искуснаго, который жилъ въ подгорной пещерѣ, не далеко отъ города, началъ посѣщать его. Вотъ твердый шагъ къ Христіянству, безъ котораго благочестивая мысль Хризанѳа, можетъ быть, вскорѣ бы разсѣялась въ вихрѣ суетъ! Съ симъ-то наставникомъ препровождая по нѣскольку часовъ каждый день, юноша такъ плѣненъ былъ Евангеліемъ, что вскорѣ узналъ все, касающееся до вѣры, и въ седьмый день принялъ отъ него крещеніе.

Хотя Хризанѳъ неявно исповѣдывалъ вѣру свою, но часто вырывались изъ устъ его нѣкоторыя слова въ пользу Христіянъ; почему пріятели и родственники Полемія почли за долгъ, предостеречь его, чтобы чрезъ равнодушіе къ поступкамъ сына не навлекъ на себя гнѣва царскаго и чрезъ то не погубилъ бы и его и себя.

Полемій изумился... Онъ призываетъ своего сына; спрашиваетъ, точно ли онъ, оставилъ вѣру отцевъ своихъ, принялъ чуждую, не навидимую!... Услышавъ, при первомъ вопросѣ, признаніе, Полемій разгнѣвался на него и заключилъ въ темницу: но юный Христіянинъ узы и гладъ почиталъ не казнію, а наукой поста и терпѣнія христі-

(*) Св. Мученики Хризанѳъ и Дарія жили и пострадали въ III вѣкѣ по Р. Х. Память ихъ Марта въ 19 день.

янскаго. Отецъ вскорѣ узналъ его чувствованія и, по совѣту родственниковъ, вознамѣрился отвлечь отъ Христа чрезъ возбужденіе въ немъ страсти къ женскому полу.

На сей конецъ приказалъ въ лучшемъ вкусѣ убрать комнаты. Тамъ, заключивъ съ нимъ нѣсколько прелестницъ, содержалъ его въ изобиліи и роскоши: но какъ сей вымыслъ злочестія и великодушіемъ Хризанѳа и Божескимъ чудомъ обратился въ стыдъ отцу и искусительницамъ, то Полемій вздумалъ обмануть его не такъ соблазнительнымъ образомъ. Онъ избралъ дѣвицу молодую, разумную и красивую, достойную своего сына невѣсту: это была Дарія, жрица Минервы.

Полемій открываетъ ей тайну; проситъ, чтобы она согласилась пробыть въ его домѣ нѣсколько времени, для убѣжденія Хризанѳа, и если успѣетъ въ томъ, отдала бы ему свою руку и сердце. Просьба отца была принята вскорѣ, и Дарія, съ согласія своихъ родителей, осталась наединѣ съ Хризанѳомъ.

Тутъ истощила она весь свой разумъ, все свое искуство, чтобы овладѣть сердцемъ юноши! Но воинъ Христовъ, ограждаясь оружіемъ Креста, былъ не поколебимъ, какъ гора адамантова; долго не удостоивалъ ее даже взора, не токмо какихъ либо отвѣтовъ. Наконецъ, видѣвъ ея разумъ, вздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ: «удивляюсь я, что ты, дѣвица, кажется, невинная, употребляешь твою красоту, твой разумъ, твое краснорѣчіе на то, чтобы развратить мою душу: лучше бы съ толь отличными дарованіями тебѣ снискивать любовь у Сына Божія! Это весьма легко: сохрани только душу твою столько же чисту, какъ чисто тѣло твое; тогда Ангелы тебѣ будутъ друзья, Апостолы собесѣдники, Мученики—единокровные; они исходатайствуютъ тебѣ то счастіе, что самъ Христосъ восхощетъ быть женихомъ твоимъ.

Дарія. Ты говоришь что-то для меня непонятное. Впрочемъ меня привела сюда не безчестная страсть, но слезы твоего родителя, и благоговѣніе къ богамъ нашего отечества.

Хризанѳъ. Слезы отца моего... Ахъ! я пролилъ бы, вмѣсто ихъ, кровь мою, если бы онѣ происходили отъ другой причины. Что жъ касается до боговъ, я безъ ужаса не могу и слышать о нихъ.

Дарія. И для меня столько же ужасно слушать хулы твои, на небо вопіющія... Хризанѳъ! Неужели не знаешь ты, что человѣкъ, больше всего, обязанъ благоговѣть къ богамъ и всегда блюстись, чтобы не подвигнуть ихъ на гнѣвъ и мщеніе.

Хризанѳъ. Неоспоримо; но симъ благоговѣніемъ обязаны мы—къ Богу истинному, а не къ симъ вымысламъ суевѣрія, не къ симъ истуканамъ, которыхъ ваяніе и живопись, въ толь необъятномъ множествѣ, разставили по вашимъ капищамъ.

Дарія. Какъ можно столь дерзко говорить о томъ, что освящено вѣками? Неужели, до одного человѣка въ свѣтѣ, всѣ суевѣры?

Хризанѳъ. Уважая человѣчество, я не скажу этого. Но всеобщее почтеніе къ вашимъ божествамъ происходитъ отъ страха; ибо всякъ, дерзнувшій думать иначе, осуждается на смерть. Примѣръ въ Христіянахъ предъ глазами. И такъ повѣрь мнѣ, что людямъ, по большой части, не достаетъ только великодушія, умереть за истину: проницательности у нихъ довольно; ибо басни о вашихъ богахъ такъ презрительны, что представлять небесный Промыслъ съ толико богопротивными свойствами, есть то же, что и отвергать бытіе Божіе.

Дарія. Я не знаю, что умъ твой находитъ нелѣпаго въ Богословіи нашего отечества.

Хризанѳъ. Въ такомъ случаѣ послушай меня. Ты, какъ дѣвица благовоспитанная, должна знать, что Богомъ нельзя назвать того, кто не имѣетъ святости и правды.

Дарія. Объ этомъ никто сомнѣваться не можетъ.

Хризанѳъ. Какую же имѣетъ святость и правду вашъ Кронъ, который, рождая дѣтей, пожиралъ ихъ? Какую имѣетъ святость и правду вашъ Зевесъ, котораго каждый день ознаменованъ преступленіемъ?

Дарія. Что касается до поступковъ Крона, они имѣютъ таинственный смыслъ; но славу Зевеса проповѣдуютъ небо и земля.

Хризанѳъ. Слава, прямо божественная! когда онъ, какъ неблагодарный сынъ, былъ гонителемъ отца своего; какъ... но прости меня, Спаситель міра! что осквернилъ память мою — и чуть не осквернилъ языкъ — неизреченными злодѣяніями. Дарія! Я сказалъ бы много: но каждое слово о Зевесѣ оскорбляетъ небо и стыдливость... Ты дѣвица.

Дарія (закраснѣвъ). Слѣдственно, отвергая Зевеса, ты отвергаешь и прочихъ боговъ?

Хризанѳъ. Сама заключить можешь; ибо гдѣ нѣтъ головы, тамъ ничего не значатъ и другіе члены. Впрочемъ я не думаю, чтобы какая нибудь дѣвица захотѣла говорить о поступкахъ, напримѣръ, Венеры и проч.

Дарія. (въ замѣшательствѣ). Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ повѣсти Стихотворцевъ — но у насъ есть мудрецы; они защита Богопочитанія; не терпятъ злонравія и поучаютъ добродѣтели.

Хризанѳъ. Сократъ первый у васъ мудрецъ — защитникъ ли онъ? поклонникъ ли Зевеса и прочихъ боговъ?

Дарія. Сократъ ошибся и за то наказанъ. Но чѣмъ докажешь, что и другіе мудрецы были невѣрны?

Хризанѳъ. Ихъ сочиненіями.

Дарія. Тѣмъ для меня лучше. Я знаю, что философы

подъ разными иносказаніями образуютъ строеніе міра и толкуютъ имена боговъ.—Такимъ образомъ Крона они называютъ временемъ, все поядающимъ; часы, мѣсяцы и годы суть, такъ сказать, дѣти его.

Хризанѳъ. Благодарю, что сама противъ себя обращаешь оружіе... Подъ бездушными видами изображаются бездушныя вещи: не очевидно ли тутъ отрицается бытіе боговъ?

Дарія. Напрасно: въ бытіи времени я вижу Крона; въ бытіи огня, земли, воды и проч. я вижу бытіе Зевеса, Цереры, Нептуна и проч.

Хризанѳъ. Слѣдственно, по твоему, огнь есть Богъ, а Зевесъ образъ Божій; земля есть Богъ, а Церера образъ Божій; море есть Богъ, а Нептунъ образъ Божій... Для чего же почитаете вы — изображенія вещей, а не самыя вещи? для чего поклоняетесь не огню, не землѣ, но ихъ иносказательнымъ наименованіямъ? Нельзя, чтобы какой нибудь Царь позволилъ народу презирать себя лично, строго между тѣмъ повелѣвая, благоговѣть предъ его истуканомъ. Но сіе-то и дѣлаете вы.

Дарія. Это дѣлаетъ только чернь; а мы въ сихъ изваяніяхъ почитаемъ самую сущность.

Хризанѳъ. И такъ подъ именемъ, напримѣръ, Цереры, вы обожаете землю; для чего жъ она требуетъ воздѣлыванія и посѣва, а не молитвъ, чтобы даровать хлѣбъ? Если море есть Богъ, для чего разсѣкаютъ его веслами, чтобы благополучно достигнуть пристани? Стихіи не имѣютъ ни души, ни разума: но по манію Божію служатъ человѣку. Сей Богъ усыряетъ росою и согрѣваетъ солнцемъ землю, чтобы она плодотворила; сей Богъ волнуетъ и укрощаетъ море; сей Богъ создалъ время и вѣчность. Почему и должно почитать единаго Творца, все устроившаго. Мы читаемъ съ удовольствіемъ хорошія сочиненія: но честь воздаемъ ихъ сочинителямъ. Вся природа есть великая книга, до-

стойная нашего удивленія; Творецъ, которому должно поклоняться, есть Богъ. Но признайся, Дарія, что твои доказательства суть единое упрямство.

Дарія. Ты сдѣлалъ еще столь мало, что не можешь такъ заключать о жрицѣ Минервы.

Хризанѳъ. Возьми въ примѣръ только Юлія Цезаря. Ты знаешь, кто былъ онъ: и не почитаютъ ли между тѣмъ его богомъ? Вѣрно, и всѣ ваши боги получили себѣ алтари по такимъ же обстоятельствамъ.

Сими и тому подобными доказательствами святый Хризанѳъ довелъ свою искусительницу до того, что она призналась наконецъ въ невѣжествѣ и заблужденіи. Послѣ того не трудно ему было, посѣять въ ея душѣ вѣру во Христа Спасителя, котораго пришествіе въ міръ, житіе и смерть возвѣщаютъ славу Царя Царей, Единороднаго Сына Божія.

Наконецъ Хризанѳъ и Дарія дали другъ другу клятвенное обѣщаніе, подъ видомъ супружества сохранить цѣломудріе, чтобы исполнить долгъ послушанія къ отцу, и вмѣстѣ то, чего требовала отъ нихъ жизнь равноангельная. Отецъ Хризанѳовъ, радуясь мнимой перемѣнѣ сына, далъ ему свободу: а юноша, съ обрученною ему сестрою, невинною Даріею, чрезъ то пріобрѣлъ способъ и другихъ обращать на путь спасенія; ибо онъ, подъ именемъ пріятелей, имѣлъ великое число учениковъ; а Дарія, подъ именемъ подругъ, имѣла ученицъ. Оба упражнялись въ распространеніи вѣры Христовой.

Счастлива Дарія, что не отвергла совѣтовъ Хризанѳа! Она въ ликѣ Ангеловъ. Дѣти! не внимайте ласкательству разврата, и слушайте прилежно, когда наставляютъ васъ на дѣла богоугодныя.

Ненавистникъ неспособенъ ни къ какимъ добродѣтелямъ (*).

Во время гоненій на Христіянскую вѣру, взяты были подъ стражу два брата, которые другъ на друга имѣли злобу, и послѣ обыкновенныхъ допросовъ осуждены на смерть. Тогда одинъ сказалъ другому: «примиримся между собою, любезный братъ! мы завтра отыдемъ къ Богу.»—Но тотъ не хотѣлъ и слушать его.

Въ слѣдующій день, повели ихъ на мѣсто казни; и что же?... Тотъ, который не пересталъ ненавидѣть брата, отрекся Христа; другой, который простился съ братомъ своимъ, умеръ за вѣру Христову. Удивленный мучитель спросилъ у перваго: почто вчера не отвергся Христа, чтобы избѣгнуть пытки? и услышалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «когда я рѣшительно сказалъ брату моему, что не хочу съ нимъ помириться, тогда мгновенно оставила меня сила и помощь Божія: вотъ единственная причина, почему я оставилъ вѣру во Христа.»

Ненавистникъ, безпрестанно изыскивая различныя средства, какъ бы сдѣлать зло тому, кого ненавидитъ, уже не походитъ на человѣка, но совершенно уподобляется духу—губителю; а посему можетъ ли онъ быть способенъ къ какимъ нибудь добродѣтелямъ? наипаче къ мученичеству, гдѣ нужна въ высочайшей степени любовь къ Богу, которая не можетъ быть безъ любви къ ближнему?

Наказанный клятвопреступникъ (**).

Нѣкто, именемъ Іоаннъ, бывшій прежде болярнъ Кіевскій, облекшись въ Ангельскій образъ въ Кіевопе-

(*) Изъ Пролога. Марта въ 22 день.
(**) Марта въ 23 день.

черской Лаврѣ, имѣлъ при себѣ юнаго сына, Захарію. Видя приближающуюся смерть, Іоаннъ поручилъ его покровительству неба; а нѣкоторому иноку, именемъ Сергію, бывшему прежде также болярину Кіевскому и съ нимъ вмѣстѣ постригшемуся, оставилъ тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота, чтобы соблюлъ ихъ до совершеннолѣтія сына, и послѣ ему отдалъ. Такимъ образомъ распорядившись, Іоаннъ умеръ.

Захарія, достигнувъ осмнадцати лѣтъ, потребовалъ у Сергія наслѣдство отца своего. Но колючая власяница и тяжкія вериги не всегда ограждаютъ сердце отъ духа—искусителя! Отшельникъ, сдѣлавшись рабомъ любостяжанія, изумился, какъ бы не зная, чего юноша отъ него требуетъ: но видя неотступность Захаріи, притворно оскорбился и сказалъ ему: «отецъ твой отдалъ все имѣніе Богу; у него и проси, а не у меня. Виноватъ ли я, что Іоаннъ былъ такъ безуменъ, что обогащая нищихъ, сдѣлалъ нищимъ единороднаго сына.»

Видя столь нечаянное вѣроломство, юный Захарія заплакалъ. Онъ умолялъ Сергія, чтобы отдалъ ему, по крайней мѣрѣ, половину имѣнія, хотя третью часть; даже просилъ у него наконецъ—десятой доли... Но преступленіе было сдѣлано, и Сергій не хотѣлъ обнаружить, сколь богопротивна душа его. Для Захаріи осталось последнее средство, чтобы инокъ доказалъ невинность свою клятвою предъ Богомъ.

Увы! порокъ имѣетъ столь гибельное свойство, что человѣкъ, поскользнувшись однажды, претыкается и въ другой разъ! Пустынникъ—миролюбецъ, имѣя свидѣтелями братію, идетъ съ Захаріею въ Печерскую церковь; тамъ ставъ предъ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы, гдѣ прежде вмѣстѣ съ юнымъ Іоанномъ пріялъ союзъ братолюбія, клялся небомъ и землею, что

отецъ Захаріи никогда не давалъ ему ни полушки, не только тысячи гривенъ серебра и ста гривенъ золота. Но какъ скоро началъ приступать къ Приснодѣвѣ, чтобы облобызать воскрилія одежды ея, вдругъ невидимая сила удержала преступника: онъ не могъ двигнуться съ мѣста, какъ ни напрягалъ стопы свои—весь трепеталъ... Наконецъ видя, сколь ужасно правосудіе Господне, воскликнулъ: «Преподобные Отцы, Антоній и Ѳеодосій! помолитесь Богородительницѣ, да не дастъ Ангелу смерти погубить меня... А ты, сынъ моего собрата и друга! возьми злато свое и прости меня грѣшнаго.»

Иноки ужаснулись, и пошли въ келлію Сергія, славя Бога, толикія чудеса сотворшаго.

Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе: сказалъ Господь чрезъ Моисея. Христіяне! страшитесь говорить: Ей Богу! вотъ тебѣ Христосъ! даже тогда, когда на вашей сторонѣ правда. Довольно сказать: ей ей! или: ни ни! Кольми же паче да сохранитъ васъ Богъ отъ привычки божиться напрасно.

О молитвахъ недостойныхъ Божія величества (*).

Нѣкоторой старецъ, молящійся Богу и питающійся своими трудами, пришелъ въ селеніе, продать свое рукодѣлье. Уже благочестивый инокъ хотѣлъ возвратиться въ обитель, какъ встрѣтился съ нимъ незнакомецъ, окруженный нищими, странниками, и пригласилъ его къ себѣ на ужинъ.

Обласканный, какъ нельзя лучше, старецъ простился съ добродѣтельнымъ человѣкомъ, и восхищаясь гостепріимствомъ его, старался узнать, кто таковъ сей стран-

(*) Изъ Пролога. Марта въ 27 день.

полюбецъ? Какую же почувствовалъ къ нему любовь, когда услышалъ, что онъ каменосѣчецъ, именемъ Евлогій; занимается работой весь день, ничего не вкушая; когда же настанетъ вечеръ, получивъ обыкновенную плату, ведетъ за собой въ домъ всѣхъ, кого изъ бѣдныхъ на пути встрѣтилъ, и издерживаетъ на ужинъ все, что выработалъ: даже крошки, которыя останутся отъ стола, бросаетъ сосѣднимъ псамъ. Столько Евлогій надѣялся на Промыслъ небесный, питающій всѣхъ отъ человѣка до червя!

Добродушный старецъ, удивляясь добродѣтелямъ его, думалъ: «Евлогій бѣдный питаетъ каждый день столько нищихъ; чтожъ бы сдѣлалъ Евлогій богатый? Ахъ! онъ былъ бы пища всѣмъ алчущимъ, одежда всѣмъ нагимъ!» И началъ день и ночь просить Бога, чтобы Евлогій, для счастія другихъ, сдѣлался богатъ; соединивъ молитву свою съ постомъ онъ такъ изнемогъ, что едва былъ живъ.

Наконецъ Богъ услышалъ молитву старца и извѣстилъ его слѣдующимъ образомъ: старецъ заснулъ; вдругъ видитъ себя въ церкви *Воскресенія*; видитъ нѣкотораго Богоподобнаго отрока, на святомъ камени сидящаго; подлѣ него стоялъ Евлогій. Потомъ отрокъ сказалъ: «если отдашь самъ себя порукою за Евлогія, то надѣлю его богатствомъ. — Отъ рукъ моихъ взыщи душу его, отвѣчалъ старецъ»—и увидѣлъ, что двое изъ предстоящихъ начали въ пазуху Евлогія сыпать золото. Тутъ старецъ воспрянулъ отъ сна своего, благодаря Бога, что услышана молитва его.

Между тѣмъ Евлогій жилъ по прежнему. Но однажды поутру, вышедъ на работу свою, ударилъ киркою по камню и почувствовалъ, что онъ пустъ; ударилъ въ другой разъ и увидѣлъ скважину; ударилъ въ третій разъ,

и изъ камня посыпалось золото.—Евлогій ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать съ сокровищемъ! Въ тотъ день ни одинъ нищій у Евлогія и даже самъ Евлогій не вкушалъ пищи. Назавтра онъ купилъ лошадей и, подъ видомъ перевозки камней, привезъ домой золото, и ужиналъ одинъ.

Долго Евлогій былъ въ безпокойныхъ размышленіяхъ... Наконецъ нанялъ корабль и отправился въ Царьградъ; тамъ задарилъ всѣхъ вельможъ, и самъ сдѣлался вельможею; купилъ огромный, великолѣпный домъ и жилъ такъ, какъ прежде, безъ всякой бережливости, то есть, каждый день угощалъ тѣхъ, которые были близки къ Царю.

Старецъ, который испросилъ у Бога богатство Евлогію, ничего не зналъ о томъ; но спустя два года, опять увидѣлъ во снѣ святолѣпнаго отрока и подумалъ: гдѣ-то Евлогій?—Но что же узрѣлъ послѣ того? Нѣкто злообразный изгоняетъ Евлогія отъ лица отрока... Старецъ пробудился отъ сна и, воздохнувъ, сказалъ самъ себѣ: «увы! я погубилъ душу мою!» Потомъ одѣлся и пошолъ въ ту весь, гдѣ прежде жилъ Евлогій; онъ долго ждалъ, пока придетъ питатель бѣдныхъ и пригласитъ его въ домъ свой, но тщетно! Наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, спросилъ у одной старушки: «есть ли здѣсь кто нибудь принимающій странниковъ?...» Нѣтъ, отвѣчала она съ тяжкимъ вздохомъ: былъ у насъ каменосѣчецъ, который всего болѣе, любилъ страннопріимство; но Богъ, увидѣвъ дѣла его, далъ ему благодать свою, и онъ теперь въ Царѣградѣ вельможею...» Услышавъ сіе, старецъ сказалъ самъ себѣ: «я сдѣлалъ убійство!» и пошелъ въ столицу.

Тамъ узналъ, гдѣ живетъ Евлогій, сѣлъ у вратъ дома его и ожидалъ, вогда выдетъ онъ... Наконецъ является

Евлогій съ гордостію на лицѣ, съ гордостію въ походкѣ, окруженъ ласкателями и сопровождаемъ рабами. — «Помилуй меня, воскликнулъ старецъ, я хочу нѣчто сказать тебѣ...» Но Евлогій даже не воззрѣлъ на старца; а рабы оттолкнули его. Несчастный поручитель опередилъ Евлогія другою улицею, опять встрѣтился, опять окликнулъ его, но получивъ нѣсколько ударовъ, принужденъ былъ удалиться. — Такимъ образомъ старецъ сидѣлъ четыре недѣли предъ вратами дома Евлогіева, обуреваемъ снѣгомъ и дождемъ, и не имѣлъ случая, предъ нимъ изъясниться.

Наконецъ старецъ отчаялся о спасеніи Евлогія, и повергшись на землю, просилъ Бога, что-бы разрѣшилъ его отъ порученія: но небесный Судія, чрезъ чудотворный сонъ, возвѣстилъ, что безумная молитва и безумное порученіе недостойны прощенія. Несчастный старецъ, не зная что дѣлать, сѣлъ въ корабль, чтобы отплыть въ Александрію, и въ сіе самое время повергся въ такое малодушіе и отчаяніе, что былъ подобно какъ мертвъ. Въ семъ умоизступленіи, онъ воздремалъ, и послѣ многихъ мучительныхъ сновидѣній, услышалъ гласъ: «иди въ твою келлію! я возвращу Евлогія въ первый чинъ; но ты, слабый человѣкъ! не возсылай къ Богу молитвъ, недостойныхъ его величества.»

Спустя три мѣсяца, старецъ услышалъ, что Царь Іустинъ умеръ; что наслѣдникъ его началъ гнать преждебывшихъ любимцевъ; что двое изъ нихъ умерщвлены, а Евлогій бѣжалъ.—Впрочемъ Царь назначилъ великое награжденіе тому, кто принесетъ его голову.

Старецъ опять пошелъ въ ту весь, гдѣ прежде жилъ Евлогій. Но какъ обрадовался онъ, когда на закатѣ солнца увидѣлъ его, идущаго съ работы и окруженнаго нищими! Старецъ хотѣлъ было броситься на встрѣчу къ

нему, но Евлогій предупредилъ и, цѣлуя руки его, пригласилъ къ себѣ ужинать.

Тутъ старецъ и Евлогій объяснились между собою.— Послѣ чего каменосѣчецъ разсказалъ ему: какъ возвратился онъ въ отечество свое, какъ бѣжали всѣ жители, чтобы видѣть его, и поздравляли съ саномъ вельможи; и какъ онъ, боясь обнаружить себя, увѣрилъ ихъ, что ходилъ только въ Іерусалимъ, поклониться гробу Господню. «Я вторично взялъ, продолжалъ Евлогій, свои орудія, и пошелъ прямо къ тому камню, гдѣ обрѣлъ золото; я думалъ, что опять найду кладъ; но сколько ни стучалъ, сколько ни тесалъ разныхъ камней, не нашелъ—ничего. Наконецъ вышелъ изъ заблужденія, и слава Богу! забылъ пагубный санъ вельможи.»

Молись Господу Богу о томъ, чтобы простилъ твои согрѣшенія, и о томъ, чтобы предохранилъ тебя отъ внезапныхъ случаевъ, сдѣлать преступленіе: но—не проси въ молитвахъ твоихъ богатства, власти и проч. Ибо Богъ всевѣдущъ: Онъ знаетъ, что намъ полезно и вредно; Богъ милосердъ: Онъ даруетъ то, что человѣку нужно. Евлогій служитъ примѣромъ, сколь иногда пагубно, бѣдному сдѣлаться богатымъ.

Единственное сокровище для человѣка есть — Богъ (*).

Въ Царѣ-градѣ былъ нѣкоторый гражданинъ, довольно богатый и человѣколюбивый. Имѣя одного у себя сына, онъ не старался оставить ему великое наслѣдство, и свое имѣніе раздавалъ щедрою рукою неимущимъ. Но сего еще не довольно было для человѣка богоугоднаго.— Онъ хотѣлъ имѣть и то утѣшеніе, чтобы, являясь къ страшному престолу Судіи небеснаго, могъ ему сказать:

(*) Изъ Пролога. Марта въ 27 день.

се азъ, и чадо мое! хотѣлъ и сына своего сдѣлать столько же милостивымъ къ страждущему человѣчеству.

Въ одинъ день, призвавъ его къ себѣ и показавъ всѣ свои богатства, спросилъ у него: «любезный сынъ! что болѣе желаешь получить отъ меня въ наслѣдство: сіи ли сокровища? или Христа Спасителя?» Юноша, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, рѣшительно отвѣчалъ ему: «Христа; болѣе ничего.» Восхищенный сыновнимъ отвѣтомъ, отецъ еще болѣе началъ расточать свое имѣніе нищимъ, такъ, что по смерти своей, оставилъ ему только насущный хлѣбъ. Благонравный юноша, изъ богача сдѣлавшись почти убогимъ, не сожалѣлъ о томъ; ибо надѣялся на Христа—на сіе великое сокровище, которое у него осталось.

Въ томъ же городѣ жилъ нѣкоторый вельможа, славный богатствомъ и благочестіемъ. Онъ имѣлъ у себя супругу также богобоязливу, и единородную дщерь, воспитанную въ страхѣ Божіемъ. Когда дѣвицѣ приспѣло время супружества, нѣжные родители сказали другъ другу: «какого жениха изберемъ нашей дочери? богатаго ли и злонравнаго? но онъ будетъ оскорблять ее, принудитъ гоняться за суетою свѣта, научитъ тщеславиться... Нѣтъ; изберемъ лучше человѣка средняго состоянія, но богобоязненнаго, который приметъ дочь нашу, какъ особливый даръ неба. Пойдемъ въ церковь Божію, присовокупили они; будемъ молиться о счастіи нашего дитяти; и кто первый войдетъ въ храмъ Божій, тотъ пусть будетъ супругъ ея.

Намѣреніе дерзкое, безразсудное! скажутъ люди нынѣшняго свѣта; но Христіяне! не слушайте сихъ высокоумныхъ мудрецовъ; ибо они не знаютъ, на чемъ основывалась молитва родителей: это было совершенное упованіе на Бога, на чадолюбиваго Отца всѣхъ сущихъ

въ мірѣ. Пусть же они говорятъ, что хотятъ; а мы доскажемъ святую повѣсть.

Сотворивъ пламенную молитву къ Богу, отецъ и мать дѣвицы сѣли и ждали, чѣмъ небесный Промыслъ рѣшитъ судьбу любезнѣйшей ихъ дочери... Вдругъ входитъ оный, вышеупомянутый нами, богобоязливый юноша. Подозвавъ его къ себѣ, они спросили: кто онъ? и откуда? и услышавъ, что это сынъ такого-то въ Бозѣ усопшаго щедролюбца, возблагодарили Бога и сказали ему: «Христосъ Спаситель намъ усыновилъ тебя; прими отъ насъ руку нашей дочери, а съ нею и богатство наше.—Все сіе даетъ тебѣ самъ Богъ.»

Благочестивый юноша служитъ примѣромъ, что Богъ никогда не оставляетъ въ нищетѣ того, кто единственно изъ любви къ нему расточаетъ свои сокровища.

Какъ сребролюбивая инокиня сдѣлалась щедролюбивою (*).

Дѣвица Мононія, отъ юности принявъ Ангельскій образъ, повидимому, была смиренна и благочестива, но въ самомъ дѣлѣ поклонялась идолу: ибо собирала богатство и никогда не подавала милостыни. Имѣя у себя племянницу и любя ее сердечно, она думала только о томъ, чтобы выдать ее въ супружество, какъ можно выгоднѣе, и забыла своего небеснаго Жениха.

Святый Макарій, попечитель неимущихъ, съ душевнымъ сокрушеніемъ взирая на сію заблудшую инокиню, вознамѣрился обратить ее отъ идола къ Богу—въ чемъ и успѣлъ слѣдующимъ образомъ. Будучи въ молодости своей искуснымъ гранильщикомъ драгоцѣнныхъ камней, онъ съ сей стороны былъ извѣстенъ Мононіи, какъ страст-

(*) Изъ Пролога. Марта въ 30 день.

ной охотницѣ до рѣдкихъ вещей. И такъ, въ одинъ день, пришедъ къ ней, сказалъ онъ: «нѣкто продаетъ два безцѣнные камня, изумрудъ и яхонтъ; я не знаю, его ли они собственные, или гдѣ украдены; но увѣряю тебя, что они будутъ рѣдкимъ украшеніемъ для твоей племянницы; купецъ отдаетъ ихъ не дорого—только за пять сотъ золотыхъ.» Мононія обрадовалась несказанно, и начала просить святаго Макарія, чтобы такую рѣдкость не выпускалъ изъ рукъ; не хотя сама выходить за монастырь, она въ ту же минуту вручила ему деньги.

Благочестивый Священникъ, получивъ золото, ушелъ и не хотѣлъ съ нею видѣться нѣсколько дней, а старицѣ совѣстно было послать за нимъ; ибо святый Макарій былъ человѣкъ отъ всѣхъ уважаемый и общимъ довѣріемъ почтенный. Наконецъ Мононія, встрѣтивъ его въ церкви, спросила: куплены ли камни, или нѣтъ? «Они у меня дома, отвѣчалъ Праведникъ: не угодно ли тебѣ самой посѣтить меня и посмотрѣть камни? Если они понравятся, то возьми ихъ, если же не понравятся, то получи назадъ золото.» Мононія съ радостію пошла къ нему.

Что прежде хочешь видѣть, яхонтъ или изумрудъ? войдя въ домъ свой, спросилъ ее святый Макарій.—Что тебѣ угодно, отвѣчала Мононія; и Праведникъ ввелъ ее въ одну комнату. Но что увидала тутъ Мононія? Мужескаго пола нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, разслабленныхъ, которые, сидя за столомъ, благословляли имя Мононіи... «Вотъ твой яхонтъ, указавъ на нихъ, сказалъ ей Макарій, и повелъ въ другую комнату. Изумленная старица, не говоря ни слова, за нимъ слѣдовала, и увидѣла женщинъ, страждущихъ или отъ старости или отъ болѣзней, которыя, также обѣдая, молили Бога о здравіи Мононіи. «Вотъ твой изумрудъ, указавъ на нихъ, опять

сказалъ Макарій: какъ думаешь ты, есть ли что нибудь драгоцѣннѣе сихъ камней? Если хочешь, возьми ихъ; если не хочешь, оставь у меня и возьми назадъ твои деньги.» Не зная, что отвѣчать на сей поступокъ святаго Макарія, пораженная стыдомъ, старица безмолвно оставила его.

Будучи наединѣ, Мононія разумалась, на какой конецъ приняла она образъ Ангельскій, прошла въ умѣ всю жизнь иночества и не могла вспомнить ни одного совершенно добраго дѣла; она столько начала сокрушаться о томъ, что впала въ тяжкую болѣзнь. Тутъ представлялись ея воображенію то тьма кромѣшная, то огнь неугасаемый; а нѣкоторый Мужъ, сіяющій славою, на все сіе указывая, говорилъ ей: «вотъ ужасы, отъ которыхъ могутъ избавить тебя яхонтъ и изумрудъ, купленные святымъ Макаріемъ.» Устрашенная симъ, Мононія какъ отъ сна воспрянула, и почувствовала облегченіе отъ болѣзни.

Съ того времени Мононія уважала Макарія, какъ своего Ангела-Хранителя, и перемѣнивъ образъ жизни, сдѣлалась щедрою питательницею бѣдныхъ.

По истинѣ, тотъ покупаетъ безцѣнный яхонтъ, безцѣнный изумрудъ, кто питаетъ бѣдныхъ; ибо на сіи камни можно купить царство небесное.

Поступокъ Св. Фервуфы въ разсужденіи супружества (*)

Святый Симеонъ, Епископъ Персидскій, принявъ вѣнецъ мученическій за вѣру Христову, оставилъ послѣ себя двухъ сестръ, изъ коихъ младшая именовалась Фервуфою. По случаю, увидѣла ее супруга Царя Саворія,

(*) Апрѣля въ 4 день.

и такъ тронулась ея красотою и разумомъ, что, оставивъ безъ вниманія вѣру, приказала ей и сестрѣ ея жить у себя въ комнатахъ. Будучи любимы Царицею, юныя Христіянки могли бы спокойно заниматься Богомысліемъ.

Но благодѣтельница ихъ, на другой же день, разболѣлась. Волхвы пришли посѣтить Царицу и узнать, чѣмъ она страждетъ... Къ несчастію, одинъ изъ нихъ, увидя Ферву́фу, такъ прельстился ея красотою, что, возвратившись домой, немедленно послалъ къ ней съ предложеніемъ, чтобы она отдала ему руку свою; а онъ будетъ почитать ее не иначе, какъ своею обладательницею. Онъ представлялъ уже, что невинную дѣвицу имѣетъ въ объятіяхъ своихъ, и готовился итти къ супругѣ Царской, чтобы испросить ее себѣ въ супружество.

Но какъ изумился онъ, получивъ въ отвѣтъ, что она не можетъ быть женою идолопоклонника! Надменнаго волхва объялъ стыдъ; и любовь перемѣнилась на бѣшенство.

Чувствуя оскорбленіе въ высшей степени, онъ идетъ къ Царю своему, и притворившись испуганнымъ, объявляетъ ему, что болѣзнь Царицы насильственна; что въ ней дѣйствуетъ медленный ядъ, который безъ сомнѣнія, дали ей Христіянки, живущія въ ея комнатахъ, чтобы тѣмъ отмстить тебѣ смерть своего брата, Епископа Симеона.

Извѣстно, какъ Персидскіе Цари уважали совѣты и прорицанія волхвовъ своихъ... Немедленно Ферву́фа съ ея сестрою и служанкой представлены къ Царю. Ихъ допрашивали и судили не только какъ иновѣрокъ, но какъ волшебницъ, душегубицъ. — Одно согласіе Ферву́фы быть супругою которому нибудь изъ волхвовъ, могло спасти ихъ: но праведныя дѣвицы лучше хотѣли утратить жизнь временную, нежели жизнь вѣчную.

Дѣвицы! Не смотрите на богатство и знатность, ко-

гда вступаете въ супружество; смотрите лучше, добродѣтеленъ ли, благочестивъ ли тотъ, кто требуетъ у васъ руки и сердца?

Примиритель (*).

Благочестивый пустынникъ пришелъ въ нѣкоторый скитъ на короткое время и, не заставъ особливой келліи, не зналъ, гдѣ остановиться. Другой старецъ, у котораго была пустая хижина, отдалъ ее пришельцу. Въ первые дни иноки обходились между собою, какъ братія о Христѣ; но скоро ихъ любовь рушилась.

Узнавъ, сколько поучительна бесѣда пришельца, многіе начали посѣщать его, и приносили ему, кто что имѣлъ. Старецъ, давшій ему убѣжище, позавидовалъ славѣ инока и сказалъ самъ себѣ: «я живу здѣсь издавна, молюся и пощуся, однако никто не навѣстилъ меня до сего времени; а сей пришлецъ здѣсь нѣсколько дней, и всѣ приходятъ къ нему, просить благословенія.» Потомъ началъ роптать и злословить инока; наконецъ дошло до того, что онъ, надрываясь съ досады, послалъ своего ученика, сказать гостю, чтобы вышелъ изъ келліи, куда хочешь. Добродѣтельный ученикъ, пришедъ къ гостю, вмѣсто того, чтобы объявить волю своего наставника, поклонился и сказалъ ему: «Отецъ мой приказалъ спросить у тебя, здоровъ ли ты?»—«Скажи отцу твоему, отвѣчалъ гость, чтобы помолился о мнѣ Господу Богу: я нѣсколько боленъ.»—Юноша, возвратясь къ своему наставнику, объявилъ другое: будто старецъ нашелъ другую келлію, и скоро уйдетъ отъ него.

Прошло нѣсколько дней, и старецъ опять послалъ ученика своего, сказать пришельцу, что, если не выйдетъ

(*) Изъ Пролога. Апрѣля въ 6 день.

изъ келліи, онъ самъ придетъ и жезломъ изгонитъ его... Что жъ напротивъ того сдѣлалъ ученикъ? «Отецъ мой, сказалъ онъ пришельцу, услышавъ, что ты боленъ, прислалъ меня навѣстить тебя.»—«Скажи отцу твоему, отвѣчалъ гость, что я, молитвами его, выздоровѣлъ.» Юноша, возвратясь къ наставнику своему, сказалъ, будто гость проситъ позволенія, пожить у него только одну недѣлю.

Прошла и недѣля... Старецъ вышелъ изъ терпѣнія, и взявъ костыль, пошелъ выгонять пришельца. Но юноша, предупредивъ его, прибѣжалъ къ иноку и сказалъ ему, что учитель его идетъ, звать его на ужинъ... Услышавъ сіе, пришелецъ вышелъ на встрѣчу къ старцу, и поклонясь ему, сказалъ: «я иду къ тебѣ, любезный о Христѣ братъ! не трудись итти ко мнѣ.» Изумленный кротостію его, старецъ повергъ на землю костыль свой, устремился облобызать его; потомъ увелъ въ свою келлію и угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Проводивъ гостя, старецъ спросилъ у юноши, сказывалъ ли онъ пришельцу то, что было отъ него приказано?—Нѣтъ! отвѣчалъ юноша.—Старецъ душевно тому обрадовался, и узнавъ, что зависть его была слѣдствіемъ зависти діявольской, онъ припалъ къ ногамъ ученика своего и сказалъ ему: «отнынѣ ты отецъ мой, а я ученикъ твой; ибо чрезъ твой только поступокъ спасены души обоихъ насъ.»

Вотъ поучительный примѣръ для тѣхъ, которые любятъ изъ дома въ домъ переносить вѣсти! Христіяне! если увидите двухъ между собою ссорющихся, употребляйте всѣ способы, чтобы примирить ихъ: чрезъ сіе спасительное дѣло, вы избавите отъ погибели заблуждшихъ, и сами къ добрымъ своимъ дѣламъ присовокупите важнѣйшую добродѣтель.

Отступникъ Нирсанъ ужаснѣйшею цѣною покупаетъ себѣ жизнь (*).

Когда преподобный Вадимъ, Архимандритъ Персидскій, за вѣру Христову содержался въ темницѣ, и будучи томимъ гладомъ и терзаемъ пытками, не хотѣлъ сдѣлать— даже наружнаго богопочитанія солнцу: въ то самое время, нѣкто Нирсанъ, Князь Арійскій, уличенный въ Христіянствѣ, отданъ былъ подъ стражу. Но ахъ! онъ не имѣлъ великодушія и долготерпѣнія Вадимова.

Устрашась угрожающихъ мукъ, онъ повергся наконецъ въ такую робость, что не устыдился сказать: «почто терять мнѣ блаженство извѣстное, въ надеждѣ нѣкогда получить блаженство неизвѣстное?»—И въ тотъ же часъ послалъ одного изъ стражей къ Царю Саворію съ просьбою, чтобы онъ, возвратилъ ему свое благоволеніе, а онъ, съ своей стороны, возвращается къ вѣрѣ отцевъ своихъ. Царь обрадовался и велѣлъ, чтобы Нирсана къ нему представили.

«Я готовъ доказать тебѣ мою Царскую милость всѣмъ, чѣмъ только вообразить можешь, сказалъ Саворій: но и ты, Нирсанъ! докажи мнѣ послушаніе вѣрноподданнаго.» Онъ шепнулъ что-то на ухо одному изъ царедворцевъ, и вскорѣ предстаетъ преподобный Вадимъ въ тяжкихъ оковахъ на рукахъ и ногахъ. «Если Нирсанъ умертвитъ своею рукою Вадима, сказалъ Саворій къ предстоящимъ вельможамъ: то оставлю ему жизнь, возвращу санъ, богатства и любовь мою.» Злочестивецъ, не отвѣтствуя ни слова, беретъ у одного оруженосца саблю и взмахиваетъ...

Вдругъ рабъ Божій воззрѣлъ на него. Злодѣя объялъ трепетъ; подобно, какъ окаменѣла рука его.—«Злобожный человѣкъ! сказалъ ему Праведникъ, до того ли дошло твое неистоство, что не только дерзнулъ ты отречь-

(*) Апрѣля въ 9 день.

ся Христа, но еще убиваешь рабовъ его? Горе тебѣ въ страшный день суда Божія! Я охотно умираю за вѣру Христову; но не хотѣлъ бы умерщвленъ быть отъ твоей руки.» Богоотступникъ, не чувствуя укоризнъ Праведника, и не имѣя силъ, исполнить волю тирана, стоялъ въ трепетѣ, устремивъ дикій взоръ на Вадима. Наконецъ собрался съ духомъ, съ напряженіемъ поднялъ руку свою, и спустилъ ударъ на выю Святаго, но вскользь; онъ нѣсколько разъ повторялъ удары свои и, давъ безчисленныя раны, едва могъ умертвить мученика. Такъ дрожали руки убійцы!

Предстоящіе вельможи удивлялись долготерпѣнію мученика, который подъ многократными ударами стоялъ неподвижно, какъ гора каменная, и ругались надъ убійцею, гнушаясь, что такъ боязливъ и малодушенъ.

Бѣдственна была жизнь Богоотступника! ибо невѣрные подозрѣвали его, не обратится ли опять къ Христіанству, и при всякомъ случаѣ укоряли, что онъ, разъ измѣнивъ вѣрѣ отцевъ своихъ, не можетъ быть добрымъ гражданиномъ; а Христіяне, встрѣчаясь съ нимъ, бѣжали отъ него, или падали ницъ, чтобы не осквернить очей своихъ воззрѣніемъ на толь лютаго нечестивца... Наконецъ, терзаемъ отчаяніемъ, святоубійца сдѣлался самоубійцею.

Сила Архипастырскаго запрещенія.

Одинъ Епископъ, за нѣкоторую вину, отлучилъ Священника отъ службы Божіей. Вскорѣ случилось, что несчастный, по своей надобности, пошелъ въ другую область и на дорогѣ былъ захваченъ невѣрными. Будучи принуждаемъ принесть жертву идоламъ, съ твердостію отрекся онъ отъ злобожнаго велѣнія, и былъ замученъ.

Тѣло убіеннаго досталось Христіянамъ, и принесено

въ близлежащій городъ. Богъ не токмо на душѣ, но и на тѣлеси праведныхъ удивляетъ милость свою. Градоначальникъ, видя чудеса отъ мощей мученика, соорудилъ церковь, устроилъ раку, и положивъ въ нее тѣло его, поставилъ внутрь Святилища. Потомъ, пригласивъ Епископа и весь причетъ церковный, просилъ освятить храмъ Господень.

Но едва началось всенощное бдѣніе—о чудо! рака двинулась съ мѣста, и никѣмъ не тронута, вышла изъ церкви. Всѣ, тутъ находящіяся, ужаснулись, и усердно молясь Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, которыя, какъ думали они, прогнѣвали угодника Господня, опять внесли оную въ церковь; но едва въ другой разъ началась служба Божія, рака опять вышла.

Градоначальникъ, пораженный удивленіемъ и страхомъ, не зналъ, чему приписать сіе чудо; Епископъ болѣзновалъ; весь народъ плакалъ; и съ сими чувствованіями разошлись по домамъ своимъ.

Настала ночь; и святый мученикъ явился Епископу. «Не скорбите о себѣ, сказалъ онъ, что не остаюсь съ вами въ храмѣ Господнемъ; я умоляю тебя, сходи въ такой-то градъ къ Святителю и упроси его, да разрѣшитъ имени отъ запрещенія; ахъ! я отлученъ отъ службы Божіей, и для того не могу съ вами служить въ церкви и исхожу вонъ; хотя и принялъ вѣнецъ мученическій, но не видѣлъ лица Христова, какъ недостойный совершать святыхъ Тайнъ Его; *елицѣхъ бо Архипастырь свяжетъ на земли, будутъ связаны на небесѣхъ*. Ты не приступай къ сему; кто связалъ, тотъ пусть и разрѣшитъ.» Сказавъ сіе, мученикъ сталъ невидимъ.

Назавтра Епископъ увѣдомилъ о семъ Градоначальника, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ причта духовнаго, отправился къ нареченному отъ святаго мучени-

ка Епископу, и все случившееся разсказалъ ему. Святитель немедленно отправился въ путь и, преклонясь предъ чудотворными мощами, воскликнулъ: «Христосъ, связавый тебя чрезъ меня, смиреннаго раба своего, да разрѣшитъ тебя нынѣ за пролитіе крови твоей во славу имени Его! Вниди въ храмъ Господень и пребуди съ нами.» Тогда съ подобающею честію внесли раку Святаго въ церковь, и совершили *всенощное бдѣніе* и Литургію. Мощи не двигнулись и истощали чудотворенія.

Служащіе предъ престоломъ безкровнаго Агнца! Разумѣйте, коль великъ санъ Святительскій, и бойтесь подпасть неудобопрощаемому ихъ наказанію.

Человѣкъ рачительный къ своей должности не дожидается приказаній, а особливо понужденій (*)

Въ юности моей—говоритъ о себѣ преподобный Исаакъ Сирскій—я жилъ съ Аввою Кроніемъ; и сей, уже дрожащій, старецъ не возлагалъ на меня никакого дѣла, но добровольно вставалъ самъ и подавалъ мнѣ и прочимъ сосудъ воды для умовенія. Послѣ того, я жилъ съ Аввою Ѳеодоромъ Ферменскимъ—и сей Отецъ не далъ мнѣ ни одного приказанія; но самъ приносилъ на столъ пищу и говорилъ мнѣ: «если хочешь, садись обѣдать.» Я обыкновенно отвѣчалъ ему: «Авва! я пришелъ сюда для того, чтобы тебѣ служить: почто не объявляешь мнѣ воли твоей?» Но старецъ всегда молчалъ... Наконецъ я увѣдомилъ о семъ прочихъ. Иноки пришли къ нему и сказали: «Авва! братъ пришелъ сюда единственно для твоихъ услугъ: почто не поручаешь ему никакого дѣла?» Развѣ я начальникъ Киновіи, что буду приказывать? отвѣчалъ преподобный Ѳеодоръ: когда захочетъ пусть дѣ-

(*) Апрѣля въ 12 день.

лаетъ то, что я дѣлаю, какъ видитъ онъ».—И такъ, съ сего времени я предупреждалъ его и дѣлалъ все, что намѣревался дѣлать Авва.

Дѣти, ученики, подчиненные! изъ сей повѣсти замѣтьте, какъ должно поступать вамъ съ родителями, начальниками и учителями.

Примѣръ добродѣтельныхъ мужей для насъ спасителенъ.

Когда преподобный Исаакъ приблизился къ блаженной кончинѣ, собравшіеся вокругъ него старцы спросили: что будемъ дѣлать послѣ тебя, Авва? «Смотрите, отвѣчалъ святый мужъ, *како ходихъ предъ вами:* сего для васъ довольно. Если захочете идти въ слѣдъ мой и хранить заповѣди Божія, Господь низпошлетъ на васъ благодать свою и сохранитъ мѣсто сіе; а если не соблюдете оныхъ, не останетесь и на мѣстѣ семъ. Мы, видя приближающихся къ смерти Отцевъ нашихъ, также сокрушались; но, соблюдая заповѣди Господни и совѣты ихъ, жили, какъ будто ихъ самихъ предъ собою имѣя. Равнымъ образомъ поступайте вы, и самъ Богъ сохранитъ васъ.»

Дѣти! каждый благочестивый поступокъ вашихъ родителей, вашихъ наставниковъ, вашихъ родственниковъ, старцевъ и всѣхъ добродѣтельныхъ людей всегда имѣйте предъ вашими очами не только при ихъ жизни, но и по смерти.— Это будетъ свѣтильникомъ на путяхъ вашихъ, съ которымъ никогда не преткнетесь о камень соблазна.

Сокращенное содержаніе Закона Божія.

Святый Іоаннъ Богословъ, достигнувъ глубокихъ лѣтъ и потерявъ силы не столько отъ старости, сколько отъ великихъ, непостижимыхъ для нашего разума трудовъ,

приносимъ былъ въ собраніе вѣрныхъ своими учениками. Апостольская ревность заставляла его проповѣдывать Слово Божіе и поучать Христіанъ; но ветхій деньми старецъ говорить не могъ; а потому и довольствовался только сими словами: «чадца моя! любите другъ друга». Удивляясь всегдашнему повторенію одного и того же совѣта, они спросили его о причинѣ, и любимецъ Христовъ отвѣчалъ: «это заповѣдь Спасителя, исполненіе которой, послѣ любви къ Богу, есть сокращенное содержаніе всего закона.

Для щедраго и Богъ щедръ (*)

Святый Тихонъ, бывшій послѣ Епископомъ Амафунтскимъ и великимъ поборникомъ Православія, въ молодыхъ лѣтахъ продавалъ хлѣбы; ибо отецъ его былъ пекарь. Имѣя сострадательное сердце, благочестивый отрокъ часто раздавалъ по нѣскольку хлѣбовъ нищимъ безденежно, за что раздраженный отецъ въ одно время строго наказалъ его. Тогда святый Тихонъ сказалъ ему: «родитель мой, ты огорчаешься напрасно: я отдаю хлѣбы твои взаимъ Богу и имѣю отъ Него рукописаніе въ священныхъ книгахъ, гдѣ именно говорится: даяй Богу, сторицею пріиметъ. Если тому не вѣришь, пойдемъ въ житницу: тамъ увидишь, какъ Богъ возвращаетъ заимодацамъ долгъ свой». Сказавъ сіе, онъ беретъ отца своего за руку и ведетъ къ житницѣ; но когда хотѣли отворить дверь, нашли, что она наполнена чистою и лучшею пшеницею, хотя прежде въ ней почти ничего не было. Отецъ удивился и ужаснулся; онъ палъ на землю, воздая благодареніе Богу, и съ того времени не запрещалъ сыну своему раздавать милостыню по его волѣ.

(*) Іюня въ 16 день.

Сила молитвы.

Въ нѣкоторомъ саду обрѣзывали сухія вѣтви отъ виноградныхъ деревъ и выбрасывали вонъ. Святый Тихонъ, собравъ оные, разсадилъ въ своемъ огородѣ и помолился Богу, чтобы низпослалъ на виноградъ его четыре дарованія: первое, чтобы сухія розги приняли влагу, жизнь и силу, укоренились и возрасли; второе, чтобы виноградъ былъ полонъ и красивъ; третіе, чтобы ягоды были сладки и здоровы; четвертое, чтобы грозды его скорѣе прочихъ созрѣвали.

Назавтра Тихонъ пошелъ навѣдать о винограде своемъ и увидѣлъ на немъ благословеніе Господне: всѣ розги прозябли; онѣ начали рости, и того же лѣта сверхъестественно принесли чрезвычайное изобиліе плодовъ; повсюду виноградъ былъ зеленъ, а у святаго отрока созрѣлъ, имѣлъ вкусъ, весьма сладкій и для здравія полезный.

Сей вертоградъ не только при жизни, но и по смерти Чудотворца не лишился своей чудесной силы, и вино, изъ сихъ ягодъ изгнетенное, по большей части употреблялось для приношенія безкровной жертвы Богу.

Столько предъ Господомъ дѣйствительна молитва угодниковъ Его!... Но, Христіане! здѣсь замѣтьте другое, не меньше важное для васъ нравоученіе. Вы не члены ли Церкви? не розги ли винограда, его же насадила десница Господня? Вы, безъ духовныхъ дарованій, сухи исходите изъ чрева матери своея; но святая купель вамъ даруетъ влагу, Божественное мѵро—жизнь, Крестъ Господень—силу. Вся церковь тогда молится за васъ устами Священнослужителя, да укоренитесь и возрастете въ вѣрѣ Евангельской. Исполнитесь убо дѣлъ добрыхъ; будьте украшеніемъ не только вашихъ семействъ, но и

общества Христіанскаго. Растворяйте сладостію благодѣяній жизнь ближнихъ, огорченную злосчастіями; споспѣшествуйте здравію недужныхъ. Спѣшите, одинъ скорѣе другаго, разцвѣсть вѣрою, благочестіемъ, братолюбіемъ! Тогда *будете, яко древа насажденныя при исходищахъ водъ, иже плоды свои даютъ во время свое, и листъ ихъ не отпадетъ, и вся, елика аще творите, успѣете* (*).

Сампсонъ страннопріимецъ (*).

Святый Сампсонъ, урожденецъ римскій, еще въ юности своей обучился врачебному искусству, не по нуждѣ, не изъ корысти, но единственно для того, чтобы не быть празднымъ и помогать страждущимъ. По смерти родителей онъ поселился въ Царѣ-градѣ и совершенно посвятилъ себя упражненію, столь любезному для его сердца. Но неусыпнаго врача наиболѣе украшала благодать Господня, которая всегда благословляла успѣхомъ святые труды его—чрезъ что человѣкъ Божій такъ прославился, что Патріархъ, противу воли, рукоположилъ его въ Пресвитера.

Въ то время тяжко разболѣлся греческій царь Юстиніанъ; и поелику отъ врачей своихъ не могъ получить ни малѣйшаго облегченія, то обратился онъ къ Богу, единому Источнику исцѣленій; и послѣ усердной молитвы извѣщенъ былъ въ сновидѣніи, что Сампсонъ только можетъ избавить его отъ болѣзни. Не скоро и съ трудомъ благодатный врачъ былъ отысканъ. Обрадованный Юстиніанъ оказалъ ему необыкновенную ласковость, на которую святый Сампсонъ отвѣчалъ съ кротостію:

(*) Память его празднуется Іюня въ 27 день.

«Всемилостивѣйшій Государь! я нищъ и грѣшенъ; самъ требую отъ Христа исцѣленія грѣховъ моихъ. Но вѣра твоя преклонитъ на милость Царя царей; Онъ можетъ сотворить все, что восхощетъ». Послѣ сего, человѣкъ Божій, конечно не искусствомъ своимъ, но благодатію небеснаго Врача, столь долго страдавшаго Юстиніана совершенно возставилъ отъ одра болѣзни.

Благодарный монархъ радовался сколько о исцѣленіи своемъ, столько и о томъ, что толь богоугодный человѣкъ обитаетъ въ царствующемъ градѣ его. Онъ поднесъ ему богатые дары въ сребрѣ и златѣ: но святый Самисонъ ничего не принялъ. «Если благоволишь мнѣ оказать милость твою, сказалъ онъ, то прошу тебя объ одномъ: во славу Бога и для твоего спасенія, повели близь хижины моей построить гостинницу, въ которой бы я, пока живъ буду, могъ принимать больныхъ и странныхъ, и по силѣ моей успокоивать ихъ; чрезъ сіе исходатайствуешь и себѣ вѣчное воздаяніе отъ Бога и мою старость утѣшишь». Юстиніанъ съ сердечнымъ удовольствіемъ исполнилъ просьбу человѣка Божія: соорудилъ страннопріимницу и больницу, и опредѣлилъ для нихъ большіе доходы. Здѣсь-то неутомимый врачъ, не только тѣлесный, но и душевный, занимаясь благоденствіемъ ближнихъ, достигъ до глубокой старости и безболѣзненно прешелъ въ жизнь вѣчную.

Но и самая смерть его — сей богоугодный домъ не сдѣлала сирымъ. Когда случалось, что надзиратель страннопріимницы былъ нерадивъ въ своей должности, или скупъ для бѣдныхъ, святый Самисонъ являлся ему и, если не исправится, грозилъ погибелію. Однажды въ Царѣградѣ сдѣлался пожаръ, столь свирѣпый, что отчаялись потушить его; огонь шелъ прямо на страннопріимницу и готовъ былъ истребить оную. Вдругъ увидѣли угодни-

ка Божія, явившагося надъ домомъ. Онъ ходилъ вкругъ ограды своей и повелѣвалъ остановиться пламени. Въ то самое время, сверхъ чаянія возгремѣло облако, пролился необыкновенный дождь и погасилъ пламень.

Смиреніе, Богомъ прославленное.

Нѣкоторый старецъ не выходилъ изъ келліи: но имя затворника вездѣ было славно и до благоговѣнія уважаемо. Однажды Духъ Святый возвѣстилъ ему: «нѣкто изъ праведныхъ мужей разрѣшается отъ тѣла; гряди и прежде нежели умретъ онъ; воздай цѣлованіе».—Старецъ задумался.—«Если выйду днемъ, стечется народъ; будетъ, можетъ быть, прославлять меня: а это тяжело для моего сердца. И такъ отправляюсь въ путь поздно въ вечеру, тайно отъ всѣхъ».—Когда смерклось, человѣкъ Божій вышелъ изъ келліи... Но вдругъ явились отъ Господа два Ангела съ лампадами, чтобы освѣщать путь его. Весь городъ сбѣжался видѣть славу праведника. Такимъ образомъ сколько онъ убѣгалъ славы, столько слава за нимъ слѣдовала, и исполнились слова Священнаго Писанія: *всякъ смиряяй себе вознесется.* (*)

О важности сана епископскаго и вообще священническаго.

Когда Авва Амосъ принялъ патріаршескій престолъ въ Іерусалимѣ, тогда иноки изъ разныхъ обителей и пустынь, по обыкновенію, пришли воздать поклоненіе Первосвященнику Божію. «Молитесь за меня, грѣшнаго, облобызавъ ихъ, сказалъ Патріархъ», непрестанно молитесь,

(*) Лук. XIV, 11.

отцы и братія! Великое и тяжкое бремя возложено на меня, и ужасаютъ меня подвиги старѣйшинства. Я читалъ нѣгдѣ, что Левъ, первый наставникъ римскій, четыредесять дней пребылъ въ церкви въ молитвѣ и постѣ, и слезно просилъ Бога, да проститъ согрѣшенія его. Наконецъ услышалъ гласъ: «Господь отпустилъ всѣ грѣхи твои кромѣ тѣхъ, которые касаются до обязанностей, возложенныхъ на тебя рукоположеніемъ. О семъ единомъ истязанъ будешь».

Вы, которые готовитесь быть пастырями и учителями словеснаго стада Христова! познайте изъ сего, коль важное дѣло: принять рукоположеніе. Не забывайте, что на страшномъ судѣ Христовомъ взыщется отъ васъ каждая душа, вамъ порученная. Пасите ихъ такъ, чтобы тогда дерзновенно могли сказать: *Господи! се азъ и дѣти, яже ми далъ еси.*

Многостраданіе за вѣру (*)

Во царствованіе императора Констанса на Востокѣ весьма усилился расколъ, который былъ отраслію ереси Евтихіевой. Ибо онъ, прежде того, утверждалъ, что въ Іисусѣ Христѣ одно естество; а тогда, вопреки истинѣ, доказывали, что въ Іисусѣ Христѣ одна воля. Святѣйшій Папа Мартинъ принуждаемъ былъ сей расколъ утвердить своимъ согласіемъ; но праведникъ лучше хотѣлъ пострадать до смерти, нежели согласиться съ неправомыслящими.

Наконецъ Констансъ, по совѣту Павла, Патріарха цареградскаго, потребовалъ святаго Мартина въ царствующій градъ свой; но, чтобъ болѣе оскорбить и обезславить мужа праведнаго, повелѣлъ обнародовать, что онъ, сверхъ нарушенія вѣры, ведетъ переговоры съ

(*) Апрѣля въ 14 день.

Срацынами и побуждаетъ ихъ воздвигнуть брань на Греко-римское царство. Святый Мартинъ представлялъ убѣдительнѣйшія доказательства невинности своей, но его не хотѣли слушать.

Народъ любилъ и защищалъ праведника; для сего воевода царскій, ночью, тайно отъ всѣхъ, Святѣйшаго Папу взялъ подъ стражу и отвезъ на островъ Никсію, гдѣ содержался онъ цѣлый годъ въ заточеніи, томимъ гладомъ и оскорбляемъ ужаснѣйшими ругательствами, отъ чего тѣлесныя силы его пришли въ крайнее изнеможеніе.

Но злобные люди тѣмъ не удовольствовались. — Въ холодное осеннее время повезли его въ столицу, гдѣ, остановясь въ пристани, допускали къ нему недоброжелательныхъ и безчеловѣчныхъ гражданъ, которые досаждали ему лютѣйшимъ образомъ; это продолжалось съ утра до вечера; потомъ отнесли его (ибо онъ весьма былъ боленъ) въ тѣсную и смрадную темницу, гдѣ содержался двадцать три дня; наконецъ, какъ преступника, подвергнули духовному и гражданскому суду. Чего не перенесъ тутъ невинный страдалецъ! Предсѣдатель суда съ грубостію приказалъ ему встать на ноги. — Онъ повиновался, будучи поддерживаемъ оруженосцами. Предуготовленные лжесвидѣтели доказывали на него преступленія, которыхъ праведникъ ужасался болѣе смерти; но какъ съ его стороны не принимали никакихъ оправданій, то онъ, облившись слезами, сказалъ: «Богомъ свидѣтельствуюсь, что сдѣлаете мнѣ великое благодѣяніе, если сей же часъ умертвите меня».

Однако зависть и злоба не надѣялись насытиться его кровью и хотѣли сдѣлать нѣчто больше: праведникъ былъ выведенъ и поставленъ на высокое, открытое мѣсто; а народу дано повелѣніе проклинать его. Отвсюду загре-

мѣли восклицанія: «анаѳема Мартину! анаѳема предателю Бога и отечества!» Послѣ того, раздравъ одежду, обнажили его и, заключивъ въ оковы, повлекли черезъ весь городъ опять въ судилище, восклицая: «да раздробится на части толь лютый преступникъ! онъ недостоинъ жизни!» Тамъ страждущаго отъ болѣзни и отъ узъ повергли въ темницу между злодѣями и разбойниками.

Констансъ вторично покушался склонить святаго Мартина къ богопротивному расколу, но видя всѣ свои старанія тщетными, послалъ его въ заточеніе въ Херсонъ, гдѣ праведникъ отъ глада и сырости воздуха чрезъ два года прешелъ въ жизнь вѣчную.

И такъ, нѣтъ столь лютыхъ мученій, которыя бы могли поколебать постоянство ревностныхъ исповѣдниковъ истины и отвратить ихъ отъ благочестія и вѣры.

Неблагодарность царя Саворія.

Когда святый Симеонъ, Епископъ персидскій (*), пренебрегши ласки и угрозы мучителя и показавъ готовность на всѣ ужасы смерти, окованный и терзаемый оруженосцами, былъ веденъ изъ царской палаты: евнухъ Усфаганъ, первый вельможа и въ юности царя бывшій его дядька, увидѣвъ Симеона, всталъ и поклонился угоднику Божію. Но онъ, какъ принявшаго нѣкогда Христіянство, а потомъ сдѣлавшагося богоотступникомъ, Усфагана не удостоилъ даже взора своего и, укоривъ его, какъ беззаконника, равнодушно пошелъ на мученія, для него уготованныя.

Усфаганъ затрепеталъ... Онъ вспомнилъ божественныя

(*) Святый Симеонъ пострадалъ въ 335 году по Р. Х. Память его Апрѣля въ 17 день.

надежды, которыя имѣлъ нѣкогда на заслуги Христа Спасителя; искра Христовой вѣры пробудилась въ душѣ его, и Усфаганъ, сокрушаясь сердцемъ, началъ плакать и рыдать. Онъ совлекъ съ себя драгоцѣнныя одежды, надѣвъ рубище, сѣлъ у вратъ двора царскаго, и ударяя себя въ перси, вопіялъ: «увы мнѣ, окаянному! какъ явлюся къ Богу моему, котораго отвергнулъ? какой дамъ отвѣтъ на судѣ страшномъ?...»

Царь Саворій въ минуту узналъ о толь внезапной перемѣнѣ своего любимца и благодѣтеля. Онъ призываетъ его къ себѣ, истощаетъ всѣ средства, чтобы возвратить его на путь гибели, удивляется, увѣщеваетъ, укоряетъ, сожалѣетъ угрожаетъ, называетъ волшебствомъ всѣ поступки Христіанъ, проклинаетъ вѣру Христа Спасителя и потомъ опять умоляетъ Усфагана, какъ отца своего, чтобы онъ, именитый и мудрый старецъ, не дѣлалъ уничиженія богамъ, ему безчестія и печали всему царскому дому. Но Усфаганъ на все отвѣчалъ только слѣдующими словами: «довольно ужасно и прежде содѣянное мною безуміе; теперь свидѣтельствуюсь небомъ и землею: не почту тварь паче Творца».

Послѣ сихъ и тому подобныхъ бореній между царемъ и Усфаганомъ, неблагодарный Саворій рѣшился предать смерти своего благодѣтеля и втораго отца... Онъ повелѣлъ отсѣчь ему голову.

Идучи на казнь, праведный мужъ просилъ царя обнародовать, что Усфаганъ умираетъ не за гражданское какое нибудь преступленіе, но за вѣру Христіанскую.— Онъ безъ труда получилъ на то согласіе царское; ибо Саворій, наказывая своего друга и благодѣтеля, думалъ чрезъ то устрашить прочихъ Христіанъ, а Усфаганъ надѣялся, что Христіяне, услышавъ о страданіи его, бо-

Digitized by Google

лѣе укрѣпятся на всѣ ужасы смерти за вѣру Христову. Съ сими мыслями онъ умеръ спокойно.

Вотъ примѣръ добродѣтели языческой! Сей тиранъ, осудившій на смерть своего воспитателя, наставника и благодѣтеля, втораго отца; и чрезъ то поправшій все священное, могъ ли имѣть въ сердцѣ своемъ какія либо благодѣтельныя чувствованія? Душа Христіанина не такова: она уважаетъ злосчастія и иновѣра.

Пустыннолюбецъ, или начало Соловецкаго монастыря (*).

Въ царствованіе Великаго Князя Василія Васильевича, въ Бѣлоезерскомъ Кирилловскомъ монастырѣ былъ старецъ, именемъ Савватій. Работая Господу день и ночь, умерщвляя тѣло свое постомъ, всенощнымъ бдѣніемъ и трудами на пользу обители, и наставляя въ благочестіи приходящихъ туда богомольцевъ, онъ такъ прославился, что не проходило ни одного дня, чтобы не посѣтили его нѣсколько человѣкъ для принятія отъ него благословенія.

Слава и почтеніе любезны сердцу человѣческому, и какихъ не принимаютъ на себя трудовъ, чтобы сдѣлать знаменитымъ имя свое! Но Савватій думалъ не такъ: ища славы не отъ людей, но отъ Бога, онъ сокрушался о томъ, что вездѣ говорятъ о немъ; ибо, зная слабость человѣческую, праведникъ не надѣялся на свое сердце и боялся, чтобъ не проникли въ него чувствованія гордости и высокомѣрія. Святый мужъ рѣшился сыскать для себя мѣсто пустынное, никѣмъ непосѣщаемое.

Утвердившись въ намѣреніи, онъ принялъ благословеніе отъ Настоятеля, простился съ братіею и ушелъ на островъ Валаамъ, лежащій на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ ино-

(*) Апрѣля въ 17 день.

ки, ночь трудясь въ молитвахъ, днемъ снискиваютъ себѣ пищу милостынею и трудами рукъ своихъ. Но слава всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кто убѣгаетъ отъ нея... Всѣхъ превосходя подвигами постничества, святый Савватій и здѣсь просіялъ именемъ не только въ мѣстахъ окрестныхъ, но и въ странахъ далѣе лежащихъ.

Опять человѣкъ Божій началъ скорбѣть и снѣдаться печалію, видя почтеніе отъ братіи и отъ приходящихъ туда богомольцевъ; но, къ сердечному удовольствію услышалъ онъ, что на морѣ есть островъ, называемый Соловецкій, пустый и ненаселенный, отстоящій отъ берега на два дни плаванія. Другой, при первомъ слухѣ вообразилъ бы ужасъ пустыни, хладъ Сѣвера, ревъ звѣрей, и въ трепетѣ отвратилъ бы оттуда очи свои; святый Савватій, напротивъ того, воскликнулъ: «здѣсь благопріятное для меня пристанище! Богъ милосердъ; Онъ пятью хлѣбами напиталъ въ пустынѣ пять тысячъ народа: пропитаетъ и меня на островѣ хладмомъ и пустомъ, и даже пошлетъ для меня чѣмъ накормить и пришельцевъ, если какіе посѣтятъ обитель мою». Но настоятель и братія ни подъ какимъ видомъ не хотѣли разстаться съ толь праведнымъ мужемъ: ибо святый Савватій былъ вѣнецъ ихъ братства.

Человѣкъ Божій рѣшился уйти тайно. Въ глухую полночь онъ вышелъ изъ обители и направилъ путь свой къ сторонѣ моря; отъ живущихъ на брегѣ рыболововъ вторично услышалъ онъ, коль ужасная пустыня будетъ жилищемъ его; но все сіе святаго отшельника только болѣе восхищало. Идучи по берегу морскому, онъ нашелъ инока, именемъ Германа, при часовнѣ живущаго, и соорудилъ съ нимъ малую ладію.

Взявъ съ собою нѣсколько хлѣба и землепашескихъ орудій, съ надеждою на Бога, они пустились въ море.

Тишина и попутный вѣтръ способствовали имъ достигнуть желаннаго мѣста. Тамъ пустыннолюбцы водрузили крестъ, поставили келлію и начали жить, работая Господу и въ потѣ лица своего снискивая себѣ пищу. Ихъ руки воздѣлывали землю, а уста благословляли Господа.

Кто ищетъ славы отъ людей, тотъ пріемлетъ здѣсь— на свѣтѣ мзду свою, которой должно бы ожидать въ будущей жизни. Христіане! сравните одну блѣдную искру, которая мгновенно исчезаетъ, съ блистаніемъ солнца, и тогда судите, что значитъ слава міра сего противу славы небесной, которую уготовалъ Богъ любящимъ его.

Христіанская любовь къ ближнимъ.

Въ Антіохіи, по случаю новыхъ податей, для наступающаго тогда военнаго времени необходимо нужныхъ, произошелъ бунтъ, въ которомъ даже истуканы Ѳеодосія *Великаго* и покойной супруги его Флакиллы были съ ругательствомъ опровергнуты. Трудно найти истинную причину толь слѣпаго бѣшенства противу Государя, мудраго и человѣколюбиваго! Нѣкоторые повѣтствуютъ что ночью предъ тѣмъ явилось ужасное чудовище и, поднявшись надъ городомъ, ударяло бичемъ по воздуху и, казалось, возбуждало весь народъ къ возмущенію.

Судъ о толь почти неслыханной дерзости производился съ надлежащею строгостію. Посланные отъ Ѳеодосія чиновники лишили Антіохію наименованія Восточной столицы; запретили даже общенародныя бани; наполнили темницы не только виновными, но и тѣми, которые показались имъ подозрительными; описали имѣнія у большей части знатныхъ особъ, и повсюду разставили вооруженную стражу. Пораженные ужасомъ, граждане не-

престанно имѣли предъ очами своими образъ смерти и ожидали часа казни.

Здѣсь-то состраданіе пастырей и учителей христіанскихъ оказалось въ высшей степени. Флавіанъ, Архіепископъ злосчастной Антіохіи, не взирая на худую погоду, на безпокойства въ пути, на свою старость, отправился въ Царь-градъ за преступниковъ ходатайствовать у Ѳеодосія. Святый Іоаннъ Златоустъ утѣшалъ народъ душеспасительными поученіями: представлялъ имъ необходимость истиннаго покаянія послѣ толь жестокаго злодѣйства и пагубныя слѣдствія отчаянія, которому, послѣ минутной дерзости, предались Антіохійцы. Пустынники, жившіе близъ города, отвсюду стекаясь, увѣряли гражданъ, что они или испросятъ имъ милость, или умрутъ съ ними. Провождая цѣлые дни при входѣ въ судилище для умоленія дѣлоразбирателей, ночью они ложились при дверяхъ темницъ и готовы были предать жизнь и вольность за избавленіе братій своихъ: то обнимали колѣна судей, то говорили къ нимъ именемъ Божіимъ.

Одинъ изъ сихъ человѣколюбивыхъ старцевъ, именемъ Македоній, человѣкъ простый и незнавшій свѣтскаго обращенія, но знатный благочестіемъ и святостію, встрѣтивъ двухъ судей среди города, приказалъ имъ сойти съ лошадей. Чиновники разсердились было, но услышавъ о безпримѣрной жизни пустынника, исполнили повелѣніе, обняли его и просили прощенія. Тогда сей старецъ, исполнясь Божественной премудрости, воздвигъ гласъ свой: «Подите, друзья мои, и сдѣлайте Государю отъ меня слѣдующее представленіе: ты Императоръ, однако человѣкъ; ты обладаешь людьми, которые суть образъ Божій. Бойся гнѣва Создателева, если истребишь Его созданіе. Ты раздраженъ, что твои образы разрушены: менѣе ли прогнѣвается Богъ, когда ты разрушить Его

образы? Твои бездушны и нечувствительны, а Его одушевленны и разумны. Твои мѣдные образы опять возставлены и утверждены; но когда умертвишь людей, чѣмъ можешь вознаградить твое преступленіе? Воскресишь ли ихъ?» Сей гласъ ревности и любви сильно потрясъ сердца судей. Равнымъ образомъ и просьбы прочихъ иноковъ нерѣдко исторгали у нихъ слезы; но они должны были въ отвѣтъ и свое оправданіе представлять имъ волю Государя, опасность послабленія государственнымъ преступникамъ и необходимость слѣдовать правиламъ должности и правосудія.

Уже насталъ ужасный денъ, когда хотѣли читать рѣшительный приговоръ обвиненнымъ... Пустынножители опять собрались въ судилище и неотступно просили отложить дѣло на нѣсколько времени и ожидать новыхъ отъ Двора повелѣній. Они принимали на себя итти къ Императору и умилостивить его своими слезами, и наконецъ столько успѣли, что получили желаемое. Судіи дозволили имъ подать представленія свои на письмѣ, и отослали оныя къ Государю.

Удивленія достойные пустынники, увидѣвъ, что дѣло, столь близкое къ ихъ сердцу, находится въ лучшемъ состояніи, возвратились въ свои келліи. Ихъ слезы и моленія предъ судіями имѣли то спасительное дѣйствіе, что Флавіанъ успѣлъ между тѣмъ явиться предъ Ѳеодосіемъ и преклонить сердце его на жалость—что происходило слѣдующимъ образомъ.

Прибывъ въ палаты, гдѣ находился Ѳеодосій, Архіерей Божій остановился отъ него вдали, какъ бы удерживаемъ страхомъ, стыдомъ и печалію. Онъ стоялъ безмолвно, потупивъ глаза въ землю; казалось, самъ былъ виновенъ и просилъ помилованія себѣ самому; только слезы и воздыханія говорили за него. Пораженный симъ,

Ѳеодосій подошелъ къ нему и съ кротостію сказалъ: «не погрѣшая противу неба, могу жаловаться на жителей Антіохійскихъ; я предпочиталъ ихъ городъ всѣмъ городамъ моего государства: за толь многія милости и благодѣянія могъ ли ожидать отъ нихъ толь злодѣйскаго воздаянія? Я не думаю, чтобы сдѣлалъ имъ какую либо несправедливость; а если иногда и былъ столько несчастливъ, то могли бы они возстать на меня одного; для чего же оскорблять умершихъ, которые противу ихъ не погрѣшили?» Онъ остановился на сихъ словахъ; и Архіепископъ, отерши слезы, наконецъ прервалъ молчаніе.

Онъ началъ рѣчь — истиннымъ признаніемъ преступленія Антіохійцевъ, исповѣдуя, что нѣтъ соразмѣрнаго оному наказанія. Но, сравнивъ ихъ неблагодарность съ благодѣяніями Государя, представилъ ему, что — чѣмъ больше оскорбленіе, тѣмъ славнѣе прощеніе; привелъ въ примѣръ Константина *Великаго*, который, будучи побуждаемъ цареводцами, жестоко наказать мятежниковъ, обезобразившихъ одинъ изъ его истукановъ, осязая рукою лицо свое и улыбаясь, отвѣтствовалъ: я не ощущаю никакихъ язвъ; напомнилъ ему собственную его милость, когда онъ, на праздникъ святыя Пасхи даровавъ жизнь заключеннымъ въ темницахъ преступникамъ, воскликнулъ: «о если бы Господь далъ мнѣ силу воскрешать и мертвыхъ!» представилъ, что Іудеи, язычники и варвары теперь смотрятъ на него и ожидаютъ приговора виновнымъ, чтобы, судя, по его милосердію или жестокосердію, заключить о силѣ и святости вѣры Евангельской. Но дабы истребить изъ сердца его политическую мечту о дурномъ примѣрѣ, если толь великое преступленіе останется безъ наказанія, представилъ ему, что прощеніе въ семъ случаѣ не будемъ слѣдствіемъ малодушія и невозможности мстить, но дѣйствіемъ вѣры и милосердія,

и что злосчастная Антіохія страхомъ и грызеніемъ совѣсти уже наказана болѣе, нежели сколько могли бы наказать ее мечъ и огонь.

Слезныя просьбы и угрозы суда Господня въ устахъ человѣка Божія были столь дѣйствительны, что Ѳеодосій не могъ противиться силѣ убѣжденій. Не въ силахъ удержать слезъ своихъ, и сколько можно, скрывая внутреннее смущеніе, онъ сказалъ только: «если Господь благоволилъ простить убійцъ своихъ: я ли не долженъ простить моихъ оскорбителей—я, который такой же смертный, какъ и они, и рабъ того же Господа?» Тогда благочестивый старецъ повергся къ ногамъ Государя и умолялъ небо о его благоденствіи. «Иди, отецъ мой, обнявъ его, продолжалъ Ѳеодосій, и принеси скорѣе утѣшеніе сѣтующему народу; обрадуй его на праздникъ *Христова Воскресенія* (*) отпущеніемъ преступленія его. Моли Бога, да благословитъ оружіе мое, и будь увѣренъ, что я, по окончаніи войны, приду самъ утѣшить гражданъ Антіохійскихъ.» Оказавъ всевозмоное благоволеніе Флавіану, Ѳеодосій вскорѣ отпустилъ его.

Возвращеніе Святителя въ Антіохію подобно было торжеству. Весь городъ встрѣтилъ его за нѣсколько *стадій*; дорога усыпана была цвѣтами. Радость и молитвы — было единое и общее чувствованіе гражданъ.

Празднословіе и бесѣда духовная (**).

Состарѣвшійся въ постничествѣ, Кассіанъ разговаривалъ съ нѣкоторымъ старцемъ о пользѣ души; и какъ разговоръ ихъ продолжался довольно времени, то старецъ началъ дремать. Преподобный Кассіанъ, сожалѣя

(*) Сіе происходило на послѣднихъ недѣляхъ святаго Великаго поста.
(**) Изъ Пролога. Апрѣля въ 25 день.

о нерадѣніи къ Богу инока, захотѣлъ обнаружить предъ нимъ дѣйствіе духа-искусителя, и произнесъ что-то служащее только къ веселому времяпровожденію... Вдругъ инокъ очнулся и протянулъ ухо, чтобы не проронить ни одного слова. Тогда Кассіанъ, воздохнувъ тяжко, сказалъ ему: «какъ несчастны мы! пока бесѣдовали о вещахъ небесныхъ, то дремота сжимала очи наши; а какъ скоро вылетѣло изъ устъ веселое слово, мы воспрянули, и сонъ прошелъ.

Пораженный до глубины сердца наставленіемъ, старецъ послѣ того всегда молился Богу, чтобы никогда не допускалъ его заснуть, когда идетъ разговоръ духовный, и немедленно низпосылалъ бы на него крѣпкій сонъ, когда начнутъ празднословить, а кольми паче язвить имя другихъ.

И мы подобны безпечному иноку! Все слушаемъ охотно, кромѣ нравоученій: разность только въ томъ, что инокъ исправился; а мы, по большой части, какъ живемъ, такъ и умираемъ.

Ходи въ церковь и никогда не выходи изъ нея, пока не кончится служба Божія (*)

Нѣкто добрый, но бѣдной человѣкъ имѣлъ сына. — Къ несчастію, въ ихъ сторонѣ наступило голодное время. Тогда, видя себя, жену и сына, истаявающихъ отъ глада, несчастный отецъ сказалъ: «любезное дитя! согласись, чтобы я продалъ тебя; мучительно съ тобою разстаться, но симъ только и мы и ты можемъ избѣгнуть голодной смерти». «Дѣлай, что хочешь, батюшка! отвѣчалъ юноша: я повинуюсь съ охотою». — «Но, сынъ мой! возразилъ отецъ, помни совѣтъ, который дамъ те-

(*) Изъ Пролога Апрѣля въ 6 день.

бѣ: ходи всегда въ церковь, и никогда не выходи оттуда, не дослушавъ Божественную службу». Послѣ сего онъ отвелъ его и продалъ одному вельможѣ, а сынъ, съ своей стороны никогда не нарушалъ повелѣнія родительскаго и, служа вѣрой и правдой своему господину, всегда ходилъ въ церковь.

Но добродѣтель безпрестанно искушается. По какому-то несчастному случаю, юноша подвигнулъ на гнѣвъ и мщеніе госпожу. Одинъ молодой слуга всемѣрно къ тому способствовалъ. Мстительная женщина рѣшилась погубить невиннаго юношу. «Сей новокупленный рабъ — съ видомъ испуганнымъ однажды сказала она своему мужу — имѣетъ злыя мысли на жизнь твою» и, съ обыкновенною въ такомъ случаѣ хитростію, такъ увѣрила его, что онъ, не разобравъ дѣла, согласился вѣрнаго раба предать смерти.

Въ тотъ же день, увидѣвъ уголовнаго судію, безразсудный господинъ сказалъ ему: «я пришлю къ тебѣ одного изъ моихъ слугъ съ убрусомъ; ты прикажи отсѣчь ему голову и, завернувъ въ убрусъ, отдай тому, кто придетъ послѣ него. Мѣжду тѣмъ по имени не назвалъ ни того, ни другаго.

Такимъ образомъ добрый юноша, не зная ничего, по приказанію господина пошелъ на смерть свою, но, идучи, увидѣлъ, что предъ одною церковью отправляютъ *молебствіе*; онъ вспомнилъ наставленіе отца своего и остановился тутъ до окончанія службы.

Между тѣмъ госпожа вышла изъ терпѣнія, что такъ долго принуждаютъ ждать крови его, и къ уголовному судіѣ послала своего любимца спросить у него, какой дастъ отвѣтъ на то, съ чѣмъ посланъ новокупленный рабъ?. Соблазнитель, идя дорогой и услышавъ *молебствіе*, также остановился — изъ любопытства. Юноша, увидѣвъ

его, спросилъ: куда идешь? къ уголовному судіѣ, отвѣчалъ онъ, требовать отвѣта на то, зачѣмъ ходилъ ты: былъ ли у него? «Нѣтъ еще, отвѣчалъ юноша: но сдѣлай милость, перемѣнимъ наши препорученія, мнѣ весьма хочется дослушать божественную службу; ты отнеси этотъ убрусъ вмѣсто меня, а я схожу за отвѣтомъ». Молодой человѣкъ, взявъ убрусъ, пошелъ куда должно, и въ тотъ же часъ потерялъ свою голову.

Служба Господня кончилась, и юноша, по уговору, пошелъ къ судіѣ уголовному. Тамъ получилъ онъ что-то завернутое въ убрусѣ и, не любопытствуя, принесъ домой. Какъ изумились господинъ и госпожа, увидѣвъ въ живыхъ того, кого послали на смерть! Они обмерли отъ ужаса, когда увидѣли въ убрусѣ голову любимаго слуги, котораго послали за головою юноши. Потомъ спросили, какъ это происходило и, услышавъ отъ него все подробно, увидѣли тутъ дѣйствіе Промысла небеснаго. — Супругъ видѣлъ только свою неосмотрительность въ обвиненіи одного и невинную смерть другаго; а злобная жена, сверхъ того, видѣла тутъ праведный судъ Господень и, умилившись душею, перестала гнать юнаго раба своего.

Храмъ есть земное небо, гдѣ невидимо присутствуетъ самъ Богъ. Христіане! приходите въ церковь какъ въ тихое пристанище отъ бури, отъ печалей житейскихъ: тамъ *просите, и дастся вамъ*; *ищите, и обрящте, толцыте, и отверзется вамъ* (*).

Смиреніе преподобнаго Ѳеодосія (**).

Однажды нужно было преподобному Ѳеодосію Печер-

(*) Матѳ. VII, 7.

(**) Преподобный Ѳеодосій постригся въ 1032 году, скончался въ 1074 по Р. Х. Память его Мая въ 3 день.

скому посѣтить Великаго Князя Изяслава, находившагося тогда въ дальнемъ разстояніи отъ Кіева. Промедливъ до вечера, Угодникъ Божій хотѣлъ, по обыкновенію, *пѣшкомъ* итти въ обитель, но князь приказалъ отвезть его въ коляскѣ.

Провожатый, человѣкъ молодой, видя преподобнаго Ѳеодосія въ весьма простой одеждѣ, почелъ его за какого нибудь собирателя милостыни и позавидовалъ, что онъ, сидя въ коляскѣ, можетъ спокойно заснуть. — Наконецъ былъ такъ раздосадованъ, что вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: «Черноризецъ! время бы и мнѣ отдохнуть на твоемъ мѣстѣ». Святый мужъ, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ коляски и посадилъ туда слугу княжескаго.

Преподобный Ѳеодосій, принявъ на себя должность провожатаго, то шелъ подлѣ коня, то, утомившись, садился на него. — Сіе продолжалось до разсвѣта: между тѣмъ молодой человѣкъ спалъ спокойно...

Наконецъ съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ начали встрѣчаться вельможи, ѣдущіе изъ Кіева къ Изяславу: увидѣвъ праведника, они сходили съ коней и ему кланялись. Слуга княжескій, пробудясь на голосъ Ѳеодосія, изумился, увидѣвъ, что первые чиновники государства воздаютъ толь великое почтеніе старцу, котораго онъ обидѣлъ; въ ужасѣ, онъ выскочилъ изъ коляски... Но сей ужасъ еще умножился, когда, приближась къ монастырю, увидѣлъ онъ, что вся братія вышли къ нему на встрѣчу и съ благоговѣніемъ принимали отъ него благословеніе. «Кто сей старецъ?» думалъ слуга княжескій, и почиталъ себя погибшимъ, если Изяславъ узнаетъ о его дерзости. . . . Но праведный мужъ вскорѣ успокоилъ его.

Онъ ввелъ своего оскорбителя въ трапезу и приказалъ

поставить предъ нимъ питіе и яствы; потомъ, подаривъ нѣсколько денегъ, ласково отпустилъ домой.

Вотъ смиренномудріе, истинно христіанское! А мы вездѣ любимъ быть первыми: не только стараемся въ дружескихъ собраніяхъ занять высшее мѣсто, но даже въ храмѣ Божіемъ, гдѣ невидимо присутствуетъ Царь царей, предъ которымъ въ равномъ достоинствѣ рабъ и князь; мы оскорбляемся, если кто нибудь низшаго противу насъ состоянія станетъ впереди — иногда съ негодованіемъ отталкиваемъ его.

Царь-отецъ (*)

Преподобный Арсеній *Великій*, не принявъ еще образа иноческаго, какъ человѣкъ мудрый и добродѣтельный, былъ призванъ царемъ Ѳеодосіемъ въ Царьградъ и сдѣланъ учителемъ Аркадія и Онорія. Будучи кротокъ душею и уважая ихъ, какъ дѣтей царскихъ, онъ преподавалъ уроки всегда стоя — между тѣмъ какъ ученики его сидѣли въ мягкихъ и роскошныхъ креслахъ.

Въ одно время нечаянно пришелъ къ нимъ Ѳеодосій. Увидѣвъ Аркадія и Онорія сидящихъ, а Арсенія предъ ними стоящаго, онъ оскорбился и сказалъ: — «Такое ли отъ меня было тебѣ наставленіе? не сказалъ ли я съ самаго начала, чтобы ты, какъ вторый отецъ, почиталъ ихъ своими дѣтьми, а не царскими?» Все должно быть у своего мѣста, съ кротостію отвѣчалъ Арсеній: юношамъ нужно ученіе, а царевичамъ прилична честь царская...»

Ѳеодосій, еще болѣе недоволенъ будучи отвѣтомъ Арсенія, немедленно снялъ съ дѣтей своихъ знаки царскіе и, противъ воли посадивъ учителя, ученикамъ при-

(*) Арсеній Великій жилъ въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х. Память его Мая въ 8 день.

казалъ стоять предъ нимъ... «Если научатся бояться Бога, сказалъ онъ, выходя отъ дѣтей своихъ, и будутъ достойны владычествовать надъ народомъ, то небесный Промыслъ дастъ имъ царство на землѣ; если же будутъ горды и злобны, то лучше имъ не царствовать, нежели царствовать безумно. Молю Бога, чтобы дѣти мои лучше умерли въ юности, нежели бы возрасли на гибель души своей и на злосчастіе народа.»

Арсеній, благословивъ въ душѣ своей Ѳеодосія, съ того времени началъ преподавать уроки сидя, а царевичи стояли предъ нимъ.

Безъ сомнѣнія, не желаетъ счастія дѣтямъ своимъ тотъ отецъ, который подаетъ имъ хотя малѣйшій поводъ гордиться своимъ богатствомъ или знатностію.

Смиренномудріе Арсенія великаго (*)

Преподобный Арсеній *Великій* былъ такъ смиренномудръ и столько не надѣялся на свой разумъ, что всегда искалъ чему нибудь научиться — даже отъ людей неученыхъ.

Однажды сей праведникъ, разговаривая съ нѣкоторымъ старцемъ, пришедшимъ изъ Египта, просилъ у него наставленія, какъ лучше и надежнѣе отгонять отъ сердца своего помыслы небогоугодные? Нѣкто изъ иноковъ, слышавшій ихъ бесѣду, удивился тому и спросилъ у Арсенія: «Почто ты, будучи искусенъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, и зная разумъ всѣхъ книгъ, принимаешь уроки отъ невѣжды?» — «Я знаю греческій и римскій языки, отвѣчалъ праведникъ, но по сіе время не могу выучить *азбуки*, которую сей простякъ знаетъ весьма твердо.

(*) Мая въ 8 день.

Подъ симъ святый Арсеній разумѣлъ смиреніе, которое есть начало всѣхъ добродѣтелей, какъ *азбука* есть начало всѣхъ книгъ.

Осужденіе падаетъ на осуждающаго (*)

Нѣкогда преподобный Арсеній тяжко разболѣлся. Иноки перенесли его въ церковную больницу и положили на мягкую постель.

Старецъ изъ другаго монастыря пришелъ посѣтить больнаго и, увидѣвъ Арсенія на мягкомъ ложѣ, соблазнился и подумалъ: «Это ли отецъ Арсеній? какъ можно ему такъ покоиться?»

Но какъ пришелецъ изумился тому весьма неосторожно, то бывшій тутъ Священникъ отгадалъ мысли его и, отведя въ сторону, спросилъ, кто таковъ былъ онъ, живучи въ мірѣ, и какова была жизнь его? — «Я былъ пастухъ, ничего не подозрѣвая, отвѣчалъ инокъ, и жилъ въ чрезмѣрной бѣдности и печали». — «А теперь хорошо ли живешь?» опять спросилъ у него Священникъ. «Весьма спокойно, отвѣчалъ онъ, и имѣю все, что мнѣ нужно». Знай же, сказалъ Священникъ, что сей старецъ, котораго видишь, былъ второй отецъ царскимъ дѣтямъ; ему предстояли тысячи рабовъ; его постель была мягка и роскошна; его богатства были безчисленны: и такъ, не правда ли, что ты, послѣ трудовъ мірскихъ, нынѣ покоишься, а отецъ Арсеній послѣ покоя мірскаго нынѣ трудится?»

Старецъ признался въ своемъ заблужденіи и, поклонясь въ ноги Священнику, просилъ у него прощенія, что въ сердцѣ своемъ толь нагло оскорбилъ праведника.

(*) Мая въ 8 день.

Не осуждайте, да не осуждени будете, сказалъ Христосъ Спаситель. Христіяне! мы часто осуждаемъ ближняго, но сами на себя и оглянуться не хочемъ.

Истинный пустынножитель (*).

Одинъ Римскій вельможа, близкій родственникъ преподобному Арсенію, при смерти своей отказалъ ему великое богатство. Праведникъ, получивъ *духовную*, едва успѣлъ узнать содерженіе, какъ и хотѣлъ разорвать ее; но слуга, который принесъ оную, палъ къ нему въ ноги и умолялъ, чтобы не дѣлалъ того; въ противномъ случаѣ, строго взыщутъ съ него. Тогда преподобный Арсеній, отдавая ему назадъ завѣщаніе своего родственника, сказалъ: — «Я умеръ прежде его: удивительно, какъ онъ, недавно умершій, дѣлаетъ меня, мертвеца, наслѣдникомъ богатства.—Отдай, другъ мой! бумагу назадъ тому, кто тебя съ нею послалъ сюда».

Вотъ примѣръ высокаго пустынножительства! Кто посвятилъ себя на служеніе единому Богу, тотъ не имѣетъ нужды въ богатствѣ.

Излишная на себя надежда пагубна (**).

Нѣкоторый инокъ желалъ быть мученикомъ за Христа; но поелику Церковь наслаждалась миромъ, то и не зналъ онъ, какъ удовлетворить желанію своего сердца. Видя въ святомъ Пахоміѣ даръ чудотворенія, онъ приходилъ къ нему многократно и просилъ помолиться за него къ Богу, чтобы удостоилъ его вѣнца страдальческаго. Сколь-

(*) Мая въ 8 день.

(**) Изъ жизни преподобнаго Пахомія Великаго, котораго память празднуется Мая въ 15 день.

ко угодникъ Божій ни совѣтовалъ ему, чтобы не принималъ въ сердце свое толь странныхъ помышленій, сколько ни говорилъ ему: «любезный о Христѣ братъ! переноси мужественно подвигъ иночества; день и ночь занимайся богомысліемъ; непорочною жизнію подавай душеспасительный примѣръ братіи: и будешь имѣть участіе на небеси съ мучениками». Но всѣ увѣщанія святаго Пахомія были тщетны. Старецъ съ сокрушеніемъ и слезами умолялъ его.

Наконецъ праведникъ, желая избѣгнуть непрестанныхъ просьбъ инока, сказалъ ему:—«Хорошо; я помолюся о тебѣ къ Спасителю міра, да подастъ тебѣ случай прославиться въ страдальчествѣ. Но ты, какъ можно, берегись, чтобы, вмѣсто исповѣданія имени Христова, не отвергнуть его въ лютый часъ мученій. Я увѣрялъ тебя и теперь увѣряю, что заблуждаешь, безъ нужды желая повергнуться въ напасть, когда самъ Господь учитъ насъ молиться, да не будемъ введены въ искушеніе; но если желаніе твое такъ сильно, то пусть по твоему будетъ.»

Чрезъ два года послѣ ихъ разговора, случилось нѣкоторымъ изъ братіи быть въ дальней веси для собиранія камыша на постели. Но какъ они тамъ долго замедлили, то святый Пахомій, призвавъ старца сего, сказалъ ему: «иди, посѣти трудниковъ и отнеси имъ пищу: и благословляя его въ путь, присовокупилъ; *се нынѣ время благопріятное, се нынѣ день спасенія, ни едино ни въ чемъ же дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ»* (*). — Инокъ не могъ догадаться, къ чему относились слова угодника Божія, и отправился въ путь свой.

(*) 2 Коринѳ. VI, 2. 3.

Но, проходя черезъ пустыню, онъ встрѣченъ былъ варварами, которые обитали въ неприступныхъ горахъ. Они окружили его, взяли въ плѣнъ и увели въ жилища свои. «Пріиди, старче, ругаясь кричали они: поклонись богамъ нашимъ». Долго отрекался инокъ принесть жертву идоламъ; но обнаженныя надъ головою его сабли, угрозы неслыханныхъ мукъ принудили несчастнаго сдѣлать колѣнопреклоненіе злобожное. Убоясь смерти, онъ забылъ душу безсмертную и, отрекшись Христа, ѣлъ и пилъ отъ жертвы ихъ. Послѣ того, какъ единовѣрецъ, отпущенъ безъ всякаго вреда...

Сколь опасно полагаться на свои силы, когда человѣческое сердце столь непостоянно и превратно, а плоть толико слаба и немощна!

Хранитель цѣломудрія Ѳеодоры (*).

Юная дѣвица, именемъ Ѳеодора, уличена была въ исповѣданіи вѣры Христа Спасителя и представлена на судъ къ Евстратію, градодержцу Александрійскому. «Любезная дѣвица, сказалъ онъ, или поклонись богамъ твоего отечества, или отведена будешь въ домъ безславія; это потому, что вы, Христіянки, почитаете за первый долгъ соблюдать цѣломудріе.» — «Ты знаешь, отвѣчала Ѳеодора, что Богъ, какъ сердцевѣдецъ, смотритъ на мысль и намѣреніе наше, въ случаѣ невозможности, пріемлетъ за самое дѣйствіе; пусть, что хотятъ, со мною сдѣлаютъ: я все останусь невинна; — впрочемъ, Богъ мой силенъ, если восхощетъ сохранить непорочность, ему обѣтованную». Судія, нѣсколько тронутый разумомъ молодой дѣвицы, далъ ей три дня на размышленіе, въ

(*) Мая въ 27 день.

надеждѣ, что она отступитъ отъ воспріятой вѣры; но сіи три дни святая Ѳеодора употребила только на Богомысліе.

Когда въ другой разъ представили ее на судъ, и — Евстратій спросилъ: что теперь она скажетъ ему? Дѣвица отвѣчала рѣшительно: ничего болѣе, какъ то же, что сказала прежде. Хорошо; возразилъ судія: посмотримъ, сколь всемогущъ твой распятый Пилатомъ Іудеянинъ! и подъ стражею отослалъ ее въ мѣсто срама и нечестія.

«Господи Боже мой! избавивый Сусанну отъ безстыдныхъ старцевъ, воскликнула Ѳеодора, избавь и меня, рабу твою, отъ такихъ же злодѣевъ!» Между тѣмъ толпа развратныхъ юношей сбѣжалась къ дому, и спорили между собою, кому прежде войти къ дѣвицѣ... Невинная Ѳеодора трепетала и молилась Богу, Хранителю невинности.

Вдругъ нѣкоторый юноша, облеченный въ воинскую одежду, съ поспѣшностію вбѣгаетъ въ кругъ сластолюбцевъ, какъ бы нетерпѣніемъ понуждаемъ, всѣхъ расталкиваетъ и входитъ въ храмину. — Никто не смѣлъ противиться ему, думая, что это какой нибудь чиновникъ воинскій. Ѳеодора, увидя его, ужаснулась. — «Ободрись, сказалъ ей юноша; я одинъ изъ вѣрныхъ братій, называюсь Дидимъ, пришелъ избавить тебя отъ рукъ насилія. Надѣнь мою одежду и выйди отсюда; чрезъ сіе только можешь сохранить непорочность твою. Что жъ касается до меня, я останусь на твоемъ мѣстѣ и знаю, что дѣлать. — Великодушная Ѳеодора не согласилась бы смертію другаго купить себѣ жизнь: но здѣсь подвергалось злосчастію ея цѣломудріе.... Ѳеодора воспользовалась благодѣяніемъ юноши, надѣла одежду его и, закрывая лице какъ бы отъ зазрѣнія совѣсти, вышла изъ ужаснаго дома, какъ агница изъ стада волковъ.

Подстрекаемъ любострастіемъ, немедленно вошелъ дру-

той юноша... Но какъ ужаснулся онъ, вмѣсто дѣвицы увидѣвъ мужа! Подумавъ, что сія перемѣна не что иное, какъ волшебство Христіянки, онъ выбѣжалъ вонъ, восклицая: «уйдемъ отсюду! скорѣе уйдемъ, чтобы тайная сила и насъ не обратила въ женщинъ, какъ Ѳеодору обратила въ мужчину!» Не зная, что съ нимъ сдѣлалось, всѣ побѣжали въ слѣдъ за нимъ.

Въ ту же минуту о толь странномъ происшествіи узнало правительство... Послана стража, чтобъ взять Дидима; но Христіянину ли бояться мученій и смерти?

Такимъ образомъ всевышній Промыслъ въ неминуемыхъ бѣдствіяхъ, когда ему угодно, избавляетъ страждущую невинность.

Благочестивый споръ (*).

Когда воинъ Христовъ Дидимъ, за соблюденіе цѣломудрія Ѳеодоры на смерть осужденный, веденъ былъ на мѣсто казни: вдругъ изъ-за народа услышали голосъ; «допустите меня! допустите къ невинному страдальцу!» и увидѣли въ кругу стражей дѣвицу Ѳеодору...

«Ты мой благодѣтель, сказала она юношѣ: ты сохранилъ меня отъ ужаснѣйшаго злосчастія; но я не просила тебя, чтобъ защищалъ меня отъ смерти. Великодушный юноша! позволь мнѣ смертію сохранить твою жизнь, какъ ты смертію твоею сохранилъ мою невинность; и первая добродѣтель твоя довольна, чтобъ получить величайшую мзду отъ Бога.» — «Оставь меня, Ѳеодора! отвѣчалъ юноша: я умираю не за тебя, но за вѣру Христа Спасителя.» — «По крайней мѣрѣ, возразила дѣвица, я умру прежде; а ты, если хочешь быть въ числѣ мучениковъ, послѣдуй за мною; ибо ты, какъ юноша, ни-

(*) Мая въ 27 день.

чего страшиться не можешь, а я страшусь прежняго насилія.» — «Любезная сестра!» сказалъ ей святый Дидимъ, «Господь однажды соблюлъ твою невинность; онъ и всегда можетъ соблюдать оную.»

Судія, видя юношу и дѣвицу другъ съ другомъ о смерти препирающихся, наскучилъ слушать ихъ и воскликнулъ: «пусть пойдутъ на тотъ свѣтъ оба вмѣстѣ!..» И оруженосцы въ одно мгновеніе отсѣкли главы Дидиму и Ѳеодорѣ.

Вотъ съ какимъ удовольствіемъ истинный Христіянинъ идетъ на мученія и смерть... Отъ чего же? отъ того, что имѣетъ Божественныя надежды въ вѣчности.

Обращеніе въ Христіянскую вѣру св. Философа Іустина. (*)

Святый мученикъ Іустинъ, до принятія Христіянской вѣры, учился любомудрію разныхъ сектъ. Стоики, Перипатетики, Пиѳагорейцы и Платоники преподавали ему, одинъ послѣ другаго, нравственность и Богословіе; но отъ всѣхъ слыша только суетныя умствованія, а въ разсужденіи Божества — самые темные толки, онъ чрезъ то не могъ удовлетворить ума своего, жаждущаго познаній, которыхъ святый Іустинъ самъ не понималъ.

Находясь въ семъ расположеніи духа, въ одно время, онъ прогуливался за городомъ въ уединенномъ мѣстѣ близь моря. Углубившись въ размышленія, вдругъ встрѣтился съ неизвѣстнымъ ему старцемъ, котораго видъ тотчасъ внушилъ къ себѣ почтеніе. Святый Іустинъ остановился и смотрѣлъ на него пристально; старецъ, съ своей стороны, примѣтилъ сіе и спросилъ у него: «конечно, ты знаешь меня? иначе съ такимъ вниманіемъ не смотрѣлъ бы на меня...»

(*) Іюня въ 1 день.

Св. Іустинъ. Нѣтъ; я не знаю тебя. Но меня удивило то, что я, въ семъ пустомъ мѣстѣ, такъ нечаянно съ тобою встрѣтился.

Старецъ. Я жду изъ-за моря родственниковъ, и пришелъ сюда для того, чтобы, въ случаѣ ихъ возвращенія, скорѣе съ ними увидѣться. — А ты что дѣлаешь здѣсь?

Св. Іустинъ. Я люблю заниматься любомудріемъ, и потому часто прогуливаюсь въ уединеніи, чтобы ничто не развлекало моихъ мыслей.

Старецъ. Слѣдовательно, ты Философъ. Какую жъ пользу пріобрѣтаешь отъ Философіи?

Св. Іустинъ. Весьма великую; ибо она просвѣтительница ума, наставница благонравія и правительница жизни. Она научаетъ различать добро отъ зла, заблужденіе отъ истины, вредъ отъ пользы и проч.

Старецъ. И такъ Философія составляетъ блаженство человѣка?

Св. Іустинъ. Безъ сомнѣнія.

Старецъ. Скажи же, что есть Философія? и какое человѣку доставляетъ она блаженство?

Св. Іустинъ. Философія есть такая наука, чрезъ которую познаемъ истину; а блаженство ея состоитъ въ удовольствіи сердца, когда человѣкъ постигнетъ истину.

Старецъ. Если Философія научила тебя, что есть истина, то скажи мнѣ, что есть Богъ?

Св. Іустинъ. Богъ есть существо всѣхъ высочайшее и никогда неизмѣняющееся, первая Причина бытія всѣхъ вещей, которыя видимъ, и которыя понимаемъ.

Старецъ. Твой отвѣтъ восхищаетъ меня. Но скажи мнѣ: чтобъ постигнуть Бога, тотъ ли разумъ потребенъ, который понимаетъ Ариѳметику, Музыку и проч.

Св. Іустинъ. О нѣтъ! чтобъ постигнуть Бога, ну-

женъ не того свойства разумъ, какой нуженъ въ наукахъ и художествахъ.

Старецъ. Ты отвѣчаешь хорошо; ибо если человѣкъ что нибудь постигаетъ, то постигаетъ или потому, что о томъ слышалъ, либо читалъ; или потому, что видѣлъ своими глазами. Въ такомъ только случаѣ ты можешь оную вещь понять и другимъ пересказать. Послѣ сего спрашиваю у тебя: какъ ваши Еллинскіе мудрецы могли что нибудь понять, или что нибудь сказать о Богѣ, когда его не видали, и ничего о немъ не слыхали?

Св. Іустинъ. Мы видимъ силу Божества не тѣлесными очами, какъ видимъ человѣка или животное: Бога постигать можно однимъ только умомъ, какъ говоритъ Платонъ, котораго ученію, болѣе прочихъ, я послѣдую.

Старецъ. Но есть ли въ нашемъ умѣ такая и столь довольная сила, чрезъ которую бы скорѣе, нежели чрезъ чувства, можно было познавать и разумѣть то, чего не видимъ?

Св. Іустинъ. Конечно есть; и сію-то силу Платонъ называетъ окомъ ума, которое дано человѣку для того, чтобы оно, будучи очищено и просвѣщено ученіемъ любомудрія, могло постигнуть и самую Божественную истину.

Старецъ. Я съ удовольствіемъ слушаю отъ тебя все, что говоришь; но имѣю важную причину не любить твоего Платона. — Его ученіе подозрительно.

Св. Іустинъ. Почему такъ?

Старецъ. Если Платонъ учитъ точно такъ, какъ вѣруешь ты: то для чего же онъ самъ не узналъ — не увидалъ истины Божіей? Онъ говорилъ, что Богъ невидимъ, непостижимъ, и между тѣмъ покланялся твари видимой: небу, звѣздамъ и проч. Послѣ сего, какъ же подумать, чтобъ Философы имѣли разумъ, довлѣющій по-

стигнуть могущество Божіе? Нѣтъ; другъ мой! умъ человѣческій, наставляемый отъ Духа Святаго и непросвѣщенный вѣрою, не можетъ познать Бога. . .

Св. Іустинъ. Да гдѣ же можно найти учителя, который бы открылъ истину, если не знаютъ ея ни Платонъ, ни прочіе Философы?

Старецъ. Если охотно будешь слушать меня, я ничего не утаю отъ тебя.

Св. Іустинъ. Единственное удовольствіе моего сердца состоитъ въ томъ, чтобы узнать истину. — Я готовъ слушать тебя день и ночь.

Старецъ. Въ древнія времена, гораздо прежде всѣхъ Философовъ, были нѣкоторые мужи, святые, праведные и любезные Богу. Наставляемы Духомъ Святымъ, они предсказали все, что нынѣ совершается; они познали истину въ самомъ ея источникѣ и, возвѣщая оную человѣкамъ, ни кого не стыдились, никого не боялись. Ихъ сердце для честолюбія было неприступно; и потому все, что въ Божественныхъ откровеніяхъ видѣли или слышали, они предлагали внятно, просто, небоязненно. Ихъ писанія существуютъ и нынѣ; и кто будетъ читать ихъ безъ всякаго предубѣжденія; тотъ просвѣтитъ умъ свой въ познаніе истины.

Св. Іустинъ. Не гдѣ же можно найти книги сіи?

Старецъ. Вездѣ, гдѣ только есть Христіяне — потребуй отъ нихъ, и они дадутъ тебѣ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Но когда будешь читать ихъ: то прежде всего молись къ истинному Богу, чтобы отверзъ сердце твое къ принятію истины; ибо увидѣть и уразумѣть дѣла Божіи можетъ только тотъ, кому благоволитъ открыть самъ Богъ. Молись; ибо сей Богъ открываетъ всякому, кто ищетъ у Него съ молитвою, и приближается къ Нему съ любовію.

Сказавъ сіе, старецъ оставилъ святаго Іустина и скрылся. Сколько праведникъ послѣ того ни старался, чтобы увидѣть его, но всѣ поиски его были напрасны.

Между тѣмъ, сердце его объялось нетерпѣніемъ прочитать книги Пророковъ. Онъ сличалъ предсказанія древнихъ Сивиллъ съ пророчествами сихъ Боговдохновенныхъ мужей о Христовомъ отъ Пречистыя Дѣвы воплощеніи, о вольной Его страсти, о судѣ будущемъ, о кончинѣ міра сего; и удивляясь единогласію тѣхъ и другихъ, мало по малу достигъ въ совершеннѣйшее познаніе Бога Отца и Сына Божія. Сколько врагъ рода человѣческаго, князь тьмы, ни старался описать ему самыми черными красками поступки Христіянъ: но все сіе служило только къ тому, что онъ всегда, болѣе и болѣе, разжигался любовію къ вѣрѣ Евангельской; ибо, слыша повсюду клеветы на рабовъ Господнихъ, онъ тѣмъ тщательнѣе старался разсматривать поступки ихъ. Что же видѣлъ онъ?... благочестіе, воздержаніе, милосердіе, послушаніе, любовь къ отечеству, непоколебимость на судѣ неправедномъ, небоязнь противу всѣхъ ужасовъ смерти, словомъ: всѣ добродѣтели, которыя человѣка поставляютъ выше человѣчества.

Такимъ образомъ испытавъ Христіянъ и язычниковъ, святый Іустинъ всѣмъ сердцемъ и всею душею прилѣпился къ Богу, Ходатаю міра, и принялъ святое Крещеніе. Извѣстно, сколь послѣ сего великимъ поборникомъ вѣры Евангельской, сколь непобѣдимымъ воиномъ Христовымъ сдѣлался сей святый Философъ.

Примѣръ святаго Іустина, жаждущаго научиться истинѣ, и сего таинственнаго старца, который наставилъ его на путь спасенія, служитъ доказательствомъ, что Богъ всегда готовъ подать намъ руку помощи и вывесть изъ заблужденія, если токмо желаетъ того—сердце наше.

Супружеская вѣрность (*).

Нѣкоторый купецъ, нагрузивъ корабль богатыми товарами, поплылъ въ Африку: но вскорѣ случилась буря; корабль разбился, всѣ сокровища потонули, — и спасшійся купецъ возвратился домой съ пустыми руками... Но тамъ ждало его другое несчастіе: заимодавцы расхитили оставшееся въ домѣ имѣніе и, поелику еще оставался на немъ долгъ, несчастнаго посадили въ темницу.

Въ семъ горестномъ состояніи жена несчастливца чрезъ женскія рукодѣлія снискивила насущный хлѣбъ и тѣмъ пропитывала себя и мужа. Она была молода и красива; а сіе-то и было причиною слѣдующаго происшествія.

Какъ въ одно время она обѣдала въ темницѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, пришелъ туда нѣкоторый богатый человѣкъ, чтобъ подать милостыню бѣднымъ узникамъ. Увидѣвъ молодую женщину въ толь злополучномъ мѣстѣ, онъ такъ тронулся ея красотою, что въ сердцѣ своемъ почувствовалъ непреоборимую къ ней страсть... Богачъ немедленно вышелъ изъ темницы и послалъ за ней слугу своего. — Бѣдная супруга поспѣшила увидѣться съ нимъ, думая, что онъ, сжалившись надъ ихъ состояніемъ, хочетъ подать ей что нибудь ради Христа... «Какое сдѣлала ты преступленіе, что сидишь въ темницѣ?» спросилъ у нея богачъ: и когда несчастная супруга объявила ему все, что случилось съ ея мужемъ, онъ продолжалъ: «я согласенъ окупить весь долгъ твоего мужа, если согласишься быть моею женою; ты невинна: для чего тебѣ быть участницею его злополучія?» —«Я клялась предъ алтаремъ Господнимъ быть вѣрною ему до смерти, отвѣчала добродѣтельная женщина: и

(*) Изъ Пролога. Іюня въ 14 день.

потому не могу располагать сама собою; если угодно тебѣ, подожди здѣсь, а между тѣмъ я спрошусь у него.— Богачъ согласился на ея отзывъ, твердо надѣясь, что бѣдный человѣкъ честію своею пожертвуетъ свободѣ.

Встревоженная женщина приходитъ съ своему супругу и пересказываетъ предложеніе богача. Услышавъ сіе, несчастный вздохнулъ и прослезился; потомъ отвѣчалъ ей: «любезная супруга! скажи преступному благодѣтелю, что мы, въ какой бы крайности ни находились, преступленіемъ закона Божія не хочемъ купить вольности; скажи ему, что Богъ, испытующій бездны, видитъ и тѣхъ, которые низвергнуты въ темницы; что сей Богъ знаетъ, какими судьбами избавить насъ; скажи ему, что мы не надѣемся *на князи и на сыны человѣческіе, въ нихже нѣсть спасенія*». Супруга опять вышла къ богачу и объявила ему все отъ слова до слова.

Добродѣтельная чета не обманулась, что Богъ имѣетъ тысячу среств избавить человѣка отъ напасти. . . Въ другой подлѣ нихъ перегородкѣ былъ заключенъ разбойникъ; онъ слышалъ разговоръ мужа съ женою, и сколь ожесточенъ ни былъ, до глубины сердца тронулся ихъ добродѣтелію — онъ подалъ имъ голосъ, чтобы подошли поближе, и сквозь стѣну сказалъ имъ: «я разбойникъ; много сдѣлалъ зла и убійствъ, и совершенно увѣренъ, что вскорѣ буду наказанъ смертію. И такъ умоляю васъ —подите послѣ смерти моей на такое-то мѣсто; раскопавъ землю, вы найдете тамъ великое количество золота. Оно пограблено, но я не знаю у кого; если объявлю о немъ судіямъ, то останется у нихъ: возьмите его себѣ, какъ люди добродѣтельные, и помолите о мнѣ Бога». Разбойникъ чрезъ нѣсколько дней, въ самомъ дѣлѣ, лишился жизни.

Добродѣтельная женщина, съ позволенія своего суп-

руга, идетъ поздно въ вечеру на показанное разбойникомъ мѣсто, роетъ землю... и какъ удивилась, увидѣвъ несчетное сокровище! Это былъ ящикъ съ златницами; съ крайнею осторожностью она унесла ихъ домой; начала по временамъ выплачивать долгъ, и — вскорѣ освободила своего мужа изъ темницы.

Христіяне! здѣсь замѣтьте узника съ супругою и богача.... Одни были столько добродѣтельны, что беззаконіемъ не хотѣли купить себѣ вольности. Другой и хотѣлъ сдѣлать благодѣяніе страждущимъ; но побужденіемъ къ тому была не любовь къ Богу, не любовь къ человѣчеству, но одна безчестная страсть, которая его благодѣяніе дѣлала злодѣяніемъ. Дай Богъ намъ силу и крѣпость первыхъ! и избави Боже отъ благотворительности послѣдняго!

Неосмотрительность въ обвиненіи (*).

Въ одной изъ Египетскихъ пустынь жилъ благочестивый инокъ, именемъ Дула, честенъ, кротокъ, противъ клеветы безотвѣтенъ — истинный рабъ Христовъ. Въ семъ терпѣніи богобоязливый старецъ препроводилъ двадцать лѣтъ.

Но врагъ рода человѣческаго искони устрояетъ погибель тѣмъ, которые служатъ не ему, но единому Богу. Будучи не въ силахъ, низложить огражденное щитомъ небесной благодати сердце отшельника, онъ вооружился на него другимъ образомъ.

Одинъ старецъ, не имѣющій страха къ заповѣдямъ Господнимъ, руководимъ духомъ-искусителемъ, ночью татски вошелъ въ церковь, похитилъ святые сосуды и, сокрывъ ихъ въ тайномъ мѣстѣ, затворился въ келліи

(*) Іюня въ 15 день.

своей, изъ которой прежде того выходилъ весьма рѣдко. Когда пришло время утренняго пѣнія, инокъ, вошедшій въ церковь, чтобы разжечь кадило, примѣтилъ съ перваго взгляда, что въ храмѣ неблагополучно; онъ немедленно повѣдалъ о семъ настоятелю; настоятель объявилъ всей братіи.

Къ несчастію, праведный Дула въ то время, за болѣзнію, не пришелъ на утреннее славословіе. Воспользуясь симъ; нѣкоторые изъ его недоброжелателей, подали свой голосъ, что не другой кто укралъ Святыню, какъ только Дула: лучшее доказательство, что онъ, противъ обыкновенія своего, сегодня не пришелъ къ Утрени... Легкомысленные люди повѣрили—всѣ братія ужаснулись, возгнегодовали и велѣли невиннаго Дулу привесть на соборъ.

Удрученнаго болѣзнію, праведника насильно, безъ всякой благопристойности, привлекли въ церковь.—Сколько ни просилъ онъ, чтобы ему позволили итти самому, но тщетно! злоба жаждала истощить на него всѣ оскорбленія . . . Тамъ, въ присутствіи настоятеля и отцовъ, состарѣвшихся въ постничествѣ, не спрашивая, онъ ли точно святотатецъ? злые люди начали клеветать на него: иной говоритъ, что онъ тайно отъ всѣхъ ѣлъ; иной кричалъ, что онъ кралъ хлѣбъ и продавалъ за монастыремъ. — Слыша сіе, настоятель и старцы повѣрили клеветѣ, и съ угзрозами начали допрашивать невиннаго Дулу, гдѣ сокрылъ похищенное изъ церкви сокровище? Сначала рабъ Божій оправдывался и представлялъ убѣдительнѣйшія доказательства своей невинности; но видя, что ему не вѣрятъ, скрѣпилъ сердце свое и замолчалъ, говоря только изрѣдка: «простите, отцы святые, меня грѣшнаго!»

Послѣ сего настоятель повелѣлъ совлечь со него монашескій образъ и облечь въ мірскія одежды; невинный

Дула заключенъ въ тяжкія узы и отданъ въ допросъ эконому... Чего страдалецъ не вытерпѣлъ тутъ! но на всѣ угрозы, на всѣ мучительства отвѣчалъ только: «простите меня грѣшнаго!»

Наконецъ, раздраженный настоятель и братія отослали его къ градоначальнику — тамъ новыя пытки; но на каждый вопросъ: «гдѣ сокрылъ похищенное изъ церкви сокровище?» невинный Дула повторялъ одно и то же: «не имѣю у себя ни сребра, ни злата.» — Истощивъ весь ужасъ мученій, градоначальникъ повелѣлъ ввергнуть его въ глухую и смрадную темницу.

Въ слѣдующій день, судія призвалъ къ себѣ настоятеля и прочихъ иноковъ, и объявилъ имъ, что Дула ни въ чемъ не признается: но ожесточенные люди представили на него новыя лжедоказательства; и обманутый градоначальникъ подписалъ приговоръ, чтобъ у Дулы, какъ у святотатца, отсѣчь руки.

Уже невинный страдалецъ веденъ былъ на мѣсто казни... Въ то самое время настоящій хищникъ почувствовалъ въ душѣ своей угрызеніе совѣсти.—Онъ ужаснулся и сказалъ самъ себѣ: «увы! что будетъ мнѣ, если обнаружится злодѣйство мое? но положимъ, что тайна моя здѣсь — на свѣтѣ останется тайною: какой же дамъ отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ? О горе мнѣ, злочестивцу! я святотацецъ, я кровопійца!» Онъ немедленно идетъ къ настоятелю и говоритъ ему: «Отче, церковное сокровище нашлось; клянусь, что Дула невиненъ!» Немедленно настоятель послалъ съ симъ извѣстіемъ къ градоначальнику, и страстотерпецъ возвратился въ обитель свою.

Въ тотъ же часъ иноки узнали невинность его, узнали настоящаго хищника и припали къ стопамъ праведника, умоляя его, да проститъ имъ столь лютый грѣхъ. — Но будетъ ли искать удовольствія за обиды свои тотъ,

кто живетъ по примѣру Христа Спасителя, невинно пріемшаго оплеванія, заушенія, вѣнецъ терновый и смерть крестную?...

Смертный! никого не подозрѣвай въ преступленіи, пока не будешь имѣть несомнѣнныхъ на то доказательствъ. Неосмотрительность, въ семъ случаѣ, погубляетъ человѣка невиннаго; между тѣмъ преступникъ остается не наказанъ для большихъ злодѣяній.

Исправленный мститель (*).

Одинъ инокъ, будучи обиженъ другимъ инокомъ, пришелъ къ нѣкоторому старцу и, разсказавъ, что и какъ между ними произошло, съ гнѣвомъ воскликнулъ: «я не премину отмистить ему!» Сколько старецъ ни уговаривалъ его, сколько ни совѣтовалъ ему, чтобы онъ мстить за себя предоставилъ Богу, но огорченный инокъ не слушалъ его и безпрестанно повторялъ: «не могу быть спокоенъ, пока за оскорбленіе не воздамъ оскорбленіемъ».

Оплакивая заблужденіе инока, старецъ нѣсколько умолкъ — потомъ сказалъ ему: «время молитвы; принесемъ, любезный братъ, жертву Богу». — Инокъ возсталъ, и старецъ началъ читать слѣдующее: «Господи Боже нашъ! мы на тебя не уповаемъ; не пекися о насъ, не мсти за насъ; мы сами все начнемъ и кончимъ». — Услышавъ сіе, инокъ ужаснулся и палъ въ ноги старцу. — «Не хочу имѣть ссоры съ моимъ братомъ, сквозь слезы говорилъ онъ: не хочу мстить ему». — Потомъ, обратясь къ Боту, воскликнулъ: «Единъ мститель неправды! прости мое согрѣшеніе!» Старецъ, веселясь о покаяніи инока, сказалъ ему: «будь увѣренъ, сынъ мой, что претерпѣвый досаду безъ труда спасется; напротивъ того, кто

(*) Изъ Пролога. Іюня въ 20 день.

гнѣвается на брата своего, тотъ погубляетъ всю свою добродѣтель и рабствуетъ діаволу.»

Христіане! оставьте Господу Богу отмщевать за тѣ обиды, которыя нанесетъ вамъ ближній; онъ воздаетъ всякому по дѣламъ его; а ваше дѣло — простить оскорбителя.

Повиновеніе власти (*).

Греческій царь Валентъ, держась Аріевой ереси, осудилъ на изгнаніе за рѣку Истръ Евсевія, Епископа Самосатскаго. Чиновникъ, для исполненія сего приговора прибывшій въ Самосаты, не зналъ, какъ приступить къ дѣлу своему; ибо народъ любилъ Святителя и готовъ былъ лучше рѣшиться на общій бунтъ, нежели отдать его въ руки неправосудія. Узнавъ сіе, святый Евсевій, поздно въ вечеру, призываетъ къ себѣ царскаго посланника и, принявъ ласково, говоритъ ему: «молчи и никому не объявляй причины твоего сюда прибытія; въ противномъ случаѣ, народъ взбунтуется и убьетъ тебя; я не хочу быть виновникомъ твоей смерти.»

Послѣ того, Евсевій совершилъ вечернее славословіе Богу и, когда настала ночь, открылъ тайну и намѣреніе одному изъ слугъ. Въ первосоніе возсталъ съ ложа своего и вышелъ изъ дома архіерейскаго, сопровождаемый вырнымъ сопутникомъ, который несъ за нимъ возглавіе и книгу — все богатство, которое Святитель взялъ съ собою. Достигнувъ рѣки Евфрата, близь стѣнъ градскихъ текущей, онъ отдалъ себя въ руки царскаго чиновника и, сѣдши въ лодію, поплылъ къ городу Зевгмѣ.

Какъ ужаснулся народъ Самосатскій, узнавъ о судьбѣ Святителя своего! Всѣ пришли въ волненіе, всѣ рыдали, всѣ спрашивали, въ которую строну святый Евсевій на-

(*) Іюня въ 22 день.

равилъ путь свой, и когда узнали, что цѣлію его путешествія, на первый разъ, есть городъ Зевгма, возсѣли въ разныя лодіи и съ споспѣшностію устремились за архіереемъ Божіемъ. Они достигли его тамъ, гдѣ надѣялись; ихъ плачъ и рыданіе слышны были издалека.

Какихъ не истощили тутъ они просьбъ и моленій, чтобъ возвратить къ себѣ пастыря своего и учителя! какихъ не употребили убѣжденій! они припадали къ ногамъ его, омочали ихъ своими слезами, увѣряя, что паства его достанется какому нибудь хищному волку — Аріанину; но святый Евсевій на каждое новое убѣжденіе отвѣчалъ сими только словами: *всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ пріемлютъ* (*). Такъ, дѣти мои, каждый разъ присовокуплялъ онъ: не возможно мнѣ, подданному, противиться царскому повелѣнію; также и вы, какъ подданные, будете несчастны здѣсь и въ будущей жизни, если не будете послушны волѣ царской. Я первый, въ семъ случаѣ, готовъ обвинить васъ.»

Народъ, видя непреклонность своего пастыря, представлялъ ему на путь: иной злато и сребро, иной одежды, иной рабовъ; но святому человѣку, кромѣ книги и самой простой одежды, ничего было не нужно. Единственно въ угожденіе духовныхъ чадъ своихъ, онъ взялъ съ собою нѣсколько маловажныхъ вещей—напомнилъ всѣмъ, чтобы твердо держались догматовъ православной вѣры, помолился о нихъ, благословилъ и отправился въ предлежащій путь.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

(*) Къ Римл. XIII, 1, 2.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

КОЗМА И ДАМІАНЪ,

безмездные цѣлители (*).

Святые страстотерпцы, Козма и Даміанъ, были единокровные братья, родомъ Римляне, воспитанные въ Христіянскомъ благочестіи. Измлада научившись врачебному искусству, они съ невѣроятнымъ успѣхомъ исцѣляли болѣзни, самыя опасныя; ибо содѣйствовала имъ благодать Святаго Духа. Каждый день стекались къ нимъ страждущіе и тѣмъ въ большемъ количествѣ, что богобоязливые врачи ни отъ кого не требовали награды за трудъ свой; они объ одномъ только просили исцѣляемыхъ, чтобы вѣровали во Христа Спасителя. Всегда имѣя успѣхъ свыше, они трудились не въ одномъ Римѣ, но ходили по окрестнымъ странамъ, и исцѣляя недуги, обращали на путь истины.

Но благочестивымъ юношамъ казалось, что они, исцѣляя тѣло отъ болѣзни и душу отъ злобожія, дѣлали не все, и къ симъ великимъ благодѣяніямъ присовокупили третіе: благодѣтельствовали бѣднымъ. Получивъ богатое наслѣдство отъ родителей своихъ, они продавали сокровища и питали алчущихъ, одѣвали нагихъ, являли всяку милость страждущему человѣчеству.

(*) Іюля въ 1 день.

Образъ ихъ цѣленія былъ не менѣе боголюбезенъ: они говорили всякому больному: «мы только возлагаемъ на тебя руки: но сами собою сдѣлать ничего не можемъ; дѣйствуетъ всемогущая сила Христа, единаго истиннаго Бога. Если обѣщаешся въ Него вѣровать, здравъ будешь». Такимъ образомъ разслабленный язычникъ отходилъ отъ нихъ здравъ — Христіяниномъ.

О вы! которые готовитесь быть пастырями и учителями словеснаго стада Христова, дѣти священно-и-церковно-служителей! возьмите себѣ въ примѣръ Угодниковъ Божіихъ Козму и Даміана: будьте цѣлителями душъ и тѣлесъ.

Образъ подаянія милостыни (*).

Святая Меланія, истощевая ради Христа сокровища свои, достигла Александріи, и услышавъ о богоугодномъ житіи святаго Памвы, пришла въ его пустыню принять благословеніе и принесла съ собою триста литръ сребра, умоляя его, чтобы изъ сего сокровища взялъ, сколько восхощетъ. Но человѣкъ Божій, занимаясь своимъ обыкновеннымъ рукодѣліемъ, даже не воззрѣлъ на оное, и только сказалъ: «да воздастъ тебѣ Господь Богъ по усердію твоему». Когда же благодѣтельница бѣдныхъ не переставала умолять его, чтобъ принялъ отъ его усердія хотя немного, то святый Памва сказалъ къ служащему собрату: «возьми у праведницы, что дастъ тебя, и все раздай старцамъ, живущимъ въ Ливіи и на островахъ; ибо земля ихъ безплодна: но ничего не отдѣляй инокамъ Египетскимъ; живучи на землѣ плодоносной, они могутъ быть сыты отъ труда рукъ своихъ. . .»

Святая Меланія, отдавая сребро свое иноку, сказала пре-

(*) Изъ житія преподобнаго Памвы, котораго память празднуется Іюля въ 18 день.

подобному Памвѣ: «Отче! здѣсь сребра ровно триста литръ; посмотри его». — «Богъ, которому ты, дочь моя, принесла въ жертву твое сокровище, отвѣчалъ человѣкъ Божій, не имѣетъ нужды спрашивать у тебя, сколько онаго. Тотъ, который перстомъ измѣряетъ землю и взвѣшиваетъ горы, неужели не знаетъ количества сребра твоего? Если бы ты подавала мнѣ, я пересчиталъ бы оное; но ты даешь Богу, который не презрѣлъ и двѣ лепты отъ вдовицы, но принялъ ихъ лучше безчисленныхъ сокровищъ: и такъ молчи и не вострубн предъ тобою.»

Поистинѣ, что человѣкъ отдаетъ бѣдному, то отдаетъ самому Богу. — Коль великое побужденіе быть благодѣтельнымъ!

Слезы преподобнаго Памвы (*).

Преподобный Памва, съ нѣкоторыми изъ братій пришедъ въ Александрію, увидѣлъ на пути подозрительную женщину, которая одѣта была лучшимъ образомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе прельщать неопытность и страдострастіе. Святый старецъ горько заплакалъ. Братія изумились и спросили: «Отче! для чего такъ плачешь?» — «По двумъ причинамъ, отвѣчалъ человѣкъ Божій: я плачу о погибели души сей великолѣпно нарядившейся женщины, и вмѣстѣ о томъ, что я, грѣшный, не имѣю столь великаго попеченія о душѣ моей какое имѣетъ она о тѣлѣ своемъ. Сія женщина украшается для того, чтобъ понравиться людямъ: а я, увы! не хочу украсить себя и для того, чтобы угодить Богу.»

И у насъ платье за платьемъ, обнова за обновой — и

(*) Іюля въ 18 день.

все для того, чтобъ отличиться предъ другими. А чтобъ снискать какой нибудь хорошій навыкъ, сдѣлать какое нибудь доброе дѣло — это не приходитъ намъ и въ голову.

Пустыннолюбецъ и страннолюбецъ (*).

Въ Египтѣ были два единоутробные брата, Паисій и Исаія, дѣти богатѣйшаго въ той странѣ купца. По смерти родителей, раздѣливъ все наслѣдство на двѣ равныя части, они начали между собою разсуждать, какую жизнь избрать имъ: «если будемъ заниматься торговлею, говорили они, то по смерти нашей, кто знаетъ, кому достанутся труды наши? притомъ всегда должно будетъ бояться, чтобы не обнищать, чтобы не впасть въ разбойники, чтобы не потонуть въ морѣ.» И такъ, по нѣкоторомъ размышленіи, они рѣшились, положить богатство свое въ сокровищехранительницу небесную, на пользу душъ своихъ.

Въ семъ намѣреніи, одинъ изъ нихъ роздалъ имущество свое нищимъ, Божіимъ храмамъ, отшельническимъ обителямъ и, ничего для себя не оставивъ, ушелъ въ пустыню. Тамъ, питаясь трудами рукъ своихъ, молился Богу и умерщвлялъ страсти свои. Другой, построивъ для себя небольшой монастырь близь мірскихъ селеній, занимался страннопріимствомъ и питалъ нищихъ; онъ соорудилъ келліи для приходящихъ и больницу, гдѣ всѣхъ успокоивалъ, всѣмъ служилъ съ усердіемъ, а въ субботу и воскресенье учреждалъ для нищихъ двѣ, три и четыре трапезы. Такимъ образомъ оба брата жили до конца жизни.

По смерти ихъ, между иноками произошло разсужденіе

(*) Іюля въ 18 день.

и невинный споръ, кто болѣе угодилъ Богу, Паисій или Исаія? Одни величали того, кто въ одинъ разъ благорасточилъ имѣніе свое и отшелъ въ пустыню на безмолвіе; другіе ублажали того, кто сокровище свое употреблялъ чрезъ всю жизнь въ пользу странныхъ, нищихъ и больныхъ.

Будучи не въ состояніи рѣшить сами собою сей духовной распри, они прибѣгли къ преподобному Памвѣ и спросили, который изъ братьевъ, Паисій, или Исаія, получилъ большую награду отъ Бога? . . . «Они оба равно любезны Богу, отвѣчалъ святый старецъ: ибо страннопріимецъ уподобился праведному Аврааму, а пустынникъ—Пророку Иліи.» — «Но пустынникъ, возразили нѣкоторые изъ братій, исполнилъ заповѣдь Евангельскую: *продаждь имѣніе свое и раздаждь нищимъ, и вземъ крестъ послѣдуй Христу, во алчбѣ и жаждѣ пребывая по вся дни*; а страннопріимецъ хотя отъ своего имѣнія и награждалъ нищихъ, однако и самъ имѣлъ покой: ѣлъ и пилъ съ больными и странниками.» Напротивъ того; другая сторона утверждала, что и страннопріимецъ исполнилъ слово Христово: *не пріидохъ, да послужатъ ми, но да послужу имъ;* исходя по вся дни на распутіе, ища странныхъ, нищихъ и больныхъ, вводя ихъ въ домъ свой и тамъ упокоивая, Исаія служилъ безчисленному множеству людей; если и за едину чашу студеной воды, жаждущему данной, обѣщана мзда отъ Бога, то коль великую получилъ награду сей страннопріимецъ! — Видя толь великое разномысліе иноковъ, преподобный Памва сказалъ имъ: «Братія! подождите, доколѣ самъ Богъ разрѣшитъ вопросъ вашъ; я буду о семъ молиться».

Чрезъ нѣсколько дней вторично пришли къ нему братія и спрашивали о будущемъ жребіи двухъ благодѣтель-

ныхъ братьевъ. «Свидѣтелъ . Богъ сказалъ имъ преподобный Памва, что обоихъ братій, пустыннолюбца Паисія и страннолюбца Исаію, я видѣлъ вмѣстѣ въ Раю стоящихъ». — Услышавъ сіе, тѣ и другіе иноки между собою согласились, и хваля Бога, разошлись по своимъ келліямъ.

Добродѣтельный пустынникъ молится о грѣхахъ нашихъ и тѣмъ облегчаетъ намъ подвигъ на трудномъ пути спасенія. Добродѣтельный мирянинъ разливаетъ милость на бѣдныхъ и тѣмъ облегчаетъ судьбу страждущаго человѣчества. Не оба ли они достойны блаженства, которое уготовалъ Богъ любящимъ его?

Презрѣніе богатства (*).

Святая дѣвица Олимпіада, дщерь славныхъ и благородныхъ родителей и сродница Императору Ѳеодосію *Великому*, въ нѣжной юности обручена была Невредію, сыну знатнѣйшаго вельможи. Но какъ женихъ ея еще до брака умеръ, то Олимпіада, оставшись дѣвицею и вмѣстѣ вдовою, рѣшилась проводить жизнь свою въ дѣвствѣ. Вскорѣ послѣдовала смерть ея родителей, и Олимпіада, сдѣлавшись наслѣдницею безчисленныхъ богатствъ, всѣ посвятила въ жертву Богу: обогащала церкви, надѣляла пустынножителей; нищіе и больные, странники и разорившіеся, вдовы и сироты — всѣ называли ее матерью, и никогда не выходили съ пустыми руками изъ дома ея.

Между тѣмъ Ѳеодосій *Великій*, видя красоту ея и благонравіе, вздумалъ отдать ее въ супружество одному

(*) Іюля въ 25 день.

также изъ своихъ родственниковъ, именемъ Елпидію, но Олимпіада не хотѣла того. Царь неоднократно посылалъ къ ней бояръ своихъ, совѣтуя и увѣщевая, чтобы не отвергала счастія быть супругою человѣка знатнаго; но святая дѣвица всегда отвѣтствовала: «если бы Господь хотѣлъ, чтобъ я была супругою, то не взялъ бы у меня перваго жениха». — Наконецъ Ѳеодосій разгнѣвался и повелѣлъ градоначальнику взять въ опеку все ея имѣніе и держать дотолѣ, пока Олимпіадѣ исполнится тридцать лѣтъ. Къ сему побудило его, можетъ быть то, чтобы она чрезъ безпрестанныя милостыни сама наконецъ не была принуждена просить милостыни.

Градоначальникъ былъ слишкомъ ревностнымъ исполнителемъ воли царской. Желая угодить Елпидію, который чрезъ притѣснительные поступки ласкался принудить ее къ супружеству, сей опекунъ не только отнялъ у Олимпіады имѣніе, но даже лишилъ ее власти надъ самой собою: не позволялъ ей видѣться съ богоугодными пастырями душъ, запретилъ ходить въ церковь. — За все сіе святая дѣвица благодарила Бога, а къ царю написала слѣдующее: «Ты сдѣлалъ мнѣ поистинѣ царскую милость и честь, принадлежащую однимъ только Святителямъ, повелѣвъ другому хранить тяжкое бремя — мои сокровища: я прежде много заботилась; теперь спокойна. О Государь! еще болѣе облагодѣтельствуешь меня, если повелишь, все раздать церквамъ и нищимъ: я избѣгну чрезъ то суетной славы, прослыть благодѣтельницею; избѣгну непревидимыхъ случаевъ пренебречь *Сокровище* благихъ. — Чего не можетъ сдѣлать мятежъ міра сего?»

Царь, прочитавъ письмо ея, удивился сердцу и уму Олимпіады и возвратилъ ей право располагать своимъ богатствомъ. «Толь добродѣтельная и богоугодная дѣви-

ца, сказалъ онъ, лучше всѣхъ насъ знаетъ, какъ употреблять блага міра сего.

Вскорѣ святая Олимпіада посвящена была въ санъ діакониссы и, совершенно оставивъ суетный міръ, до смерти служила единому Богу.

Горе тѣмъ, которые стараются отклонить насъ отъ пути спасенія! Святая Олимпіада имѣла столько мужества, что могла устоять противу ласкъ и угрозъ царскихъ — ея любовь къ Богу была крѣпка, какъ смерть. Но не всякой человѣкъ имѣетъ сердце сей святой дѣвицы; не всякій можетъ отринуть искушеніе. Тогда Богъ взыщетъ на душѣ соблазнителя.

Истинная добродѣтель имѣетъ великую силу и надъ невѣрными (*).

Преподобный Макарій, обитая въ тѣсномъ вертепѣ у Желтыхъ водъ, молился Богу и благодѣтельствовалъ ближнимъ: не только единовѣрыхъ себѣ Христіанъ, но и приходящихъ, по какому нибудь случаю, Татаръ успокоивалъ и довольствовалъ пищею и питіемъ — за что имя его извѣстно было повсюду.

Въ то время Улу-Махметъ, царь Казанскій, устремился съ воинствомъ на Нижній Новгородъ, и все, что ни встрѣтилось, опустошалъ огнемъ и мечемъ. Наконецъ разъяренные Татары напали на пустыню преподобнаго Макарія, и всѣхъ, находящихся тамъ иноковъ и бѣльцевъ, иныхъ изрубили, иныхъ увели въ плѣнъ; обитель выжгли. Плачевное зрѣлище! четыреста мужей, кромѣ женъ и дѣтей, обремененные оковами, были ведены варварами въ страну дальнюю, въ рабы народу дикому. — Между ими находился и святый Макарій.

(*) Іюля въ 25 день.

Когда, между прочими плѣнниками, представили его предъ лице гордаго Улу-Махмета: сей вождь, увидѣвъ достопочтенный и кроткій взоръ его, украшенную сѣдинами главу, сверхъ того, узнавъ о его благочестіи и добродѣтеляхъ, умилился въ душѣ своей и съ гнѣвомъ сказалъ воинамъ: «Почто оскорбили столь добраго и святаго мужа, который не стоялъ противу васъ съ оружіемъ? почто разорили обитель его? или не знаете вы, что за сихъ кроткихъ людей гнѣвается Богъ, Единый надъ всѣми царствами и народами?» Умягченный самимъ Богомъ, вождь Агарянскій далъ свободу святому Макарію и прочимъ плѣнникамъ изъ одного съ нимъ мѣста, возвратилъ всѣмъ имущество и отпустилъ въ Россію, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ушли далѣе отъ Желтыхъ водъ, которыя по праву завоеванія, какъ говорилъ онъ, принадлежали Агарянамъ. Впрочемъ, по просьбѣ Праведника, позволилъ ему тамъ остаться на столько времени, сколько потребно для погребенія избіенной братіи.

Зрѣлище, столь же прекрасное, сколько прежде того было плачевное! Идетъ старецъ, какъ отецъ, радующійся о дѣтяхъ своихъ, какъ пастырь, обрѣтшій овча погибшее; за нимъ множество людей, которые одинъ предъ другимъ стараются облобызать воскрилія ризъ его... Въ древнія и нынѣшнія времена шелъ ли въ такомъ торжествѣ какой нибудь царь, побѣдитель народовъ?

Смертные! старайтесь заслужить любовь отъ каждаго. Человѣкъ, до котораго, кажется, мы никогда не можемъ имѣть нужды, можетъ быть, будетъ имѣть силу располагать судьбою нашею. Будущее никому неизвѣстно.

Какъ Святый Александръ сдѣлался Епископомъ Команскимъ (*).

Святый Александръ, урожденецъ Команскій, былъ человѣкъ сколько благочестивый, столько и просвѣщенный. Обладая въ высшей степени сими преимуществами, онъ могъ бы имѣть богатства и пріобрѣсть славу, но избралъ, напротивъ того, самовольную нищету: ругаясь развратному міру, святый Александръ упражнялся въ самой низкой работѣ: жегъ угли, привозя на торжище, продавалъ ихъ, и тѣмъ снискивалъ для себя кусокъ хлѣба. Имѣя всегда замаранное лице и худую одежду, онъ не имѣлъ другаго имени, какъ Александръ угольникъ. Но Господь, на высокихъ живый и на смиренныя призирай и возносяй ихъ, хотя прославить еще въ жизни сей смиреннаго раба своего, удивилъ на немъ милость свою слѣдующимъ образомъ.

Въ городѣ Команѣ умеръ бывшій предъ тѣмъ Епископъ. Граждане послали отъ себя повѣренныхъ въ Неокесарію къ Чудотворцу Григорію, умоляя его, чтобы пришелъ къ нимъ для избранія и посвященія Епископа. Святый Григорій исполнилъ ихъ желаніе немедленно.

На установленномъ для сего соборѣ начали разсуждать, кого избрать своимъ пастыремъ и учителемъ: иные представляли благородныхъ, иные богатыхъ, иные краснорѣчивыхъ, иные благообразныхъ; но святый Григорій, въ семъ случаѣ, не былъ скоръ: въ упованіи на Бога, что Онъ Самъ покажетъ человѣка, достойнаго получить санъ Святительскій, напоминалъ собору, какъ избралъ Богъ Давида, да пасетъ Израиля: ибо когда Іессей привелъ своего старшаго сына Еліава къ святому Самуилу Пророку, и онъ вопросилъ Господа: «сей ли предъ Господемъ

(*) Августа въ 12 день.

Помазанникъ его?» Тогда Господь сказалъ Самуилу: *не зри на лице его, ниже на возрастъ величества его* (*): «Должно и намъ, говорилъ святый Григорій, избрать пастыря граду сему, не на лице взирая; ибо наружность не есть достоинство; но истинное величіе человѣка — есть сердце его.»

Сей совѣтъ праведнаго мужа нѣкоторымъ изъ гражданъ показался непріятенъ. — Они начали роптать и, усмѣхаясь между собою, говорили: «если не должно уважать наружность, то пусть будетъ избранъ и посвященъ въ Епископа угольникъ Александръ.» Услышавъ имя человѣка, по ихъ мнѣнію, ничего незначущаго, едва не вслухъ захохотало все собраніе; а святый Григорій помыслилъ въ себѣ; «не безъ Божескаго промысла воспомянули человѣка сего, надъ которымъ всѣ смѣются . . .» Онъ немедленно спросилъ, кто такой Александръ и велѣлъ представить его на соборъ.

Въ то время Александръ внѣ храмины совѣта держалъ мсковъ. Какъ скоро вошелъ онъ въ собраніе, всѣ на него обратились и начали снова смѣятся; ибо отъ угля онъ былъ весь черенъ, въ раздранной, измаранной одеждѣ — настоящій Эѳіопъ; при всемъ томъ всеобщій смѣхъ не смутилъ его: ничему не внимая, онъ стоялъ предъ Святителемъ благопристойно. Тогда-то святый Григорій позналъ Духомъ живущую въ немъ благодать Божію и, возставъ съ мѣстѣ своего, отвелъ въ особливый покой. Тамъ наединѣ вопросилъ Александра: кто онъ? и заклиналъ именемъ Божіимъ сказать о себѣ истину. — Такимъ образомъ Александръ, хотя и желалъ остаться въ неизвѣстности, однако не смѣлъ солгать предъ толь великимъ Святителемъ, и открылъ все: кто

(*) I Царств. XVI. 6, 7.

былъ и для чего принялъ образъ нищеты и уничиженія. Бесѣдуя съ нимъ, святый Григорій открылъ въ немъ великое знаніе не только въ любомудріи свѣта, но и въ Божественномъ Писаніи. Наконецъ повелѣлъ служителямъ своимъ увести его въ домъ свой, тамъ омыть, облечь въ приличныя одежды и опять представить на Соборъ.

Между тѣмъ святый Григорій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, упражняясь въ богодухновенной бесѣдѣ. Вдругъ былъ введенъ Александръ въ одеждѣ свѣтлой, лицемъ благообразенъ. Увидя его, всѣ изумились, и святый Григорій началъ предлагать ему вопросы изъ Священнаго Писанія, на которые Александръ отвѣчалъ благоразумно, удовлетворительно. Тогда—всѣ познали заблужденіе свое о толь мудромъ мужѣ и устыдились тѣхъ насмѣшекъ и оскорбленій, которыя только предъ симъ ему сдѣлали; тогда-то увидѣли они исполненіе словесъ Господнихъ: *яко человѣкъ зритъ на лице, Богъ же зритъ на сердце* (*). Наконецъ всѣ, сколько ни было гражданъ на Соборѣ, съ единодушіемъ и радостію избрали угольника Александра своимъ Пастыремъ и учителемъ. И не обманулись они! ибо сей Святитель былъ богобоязливъ, благотворителенъ, кротокъ, великодушенъ, въ трудахъ неутомимъ; а когда говорилъ поученіе къ народу, *течаше, аки рѣка, отъ устенъ его благодать Духа Святаго, всѣхъ сердца въ умиленіе приводящая.*

О! когда бы для всѣхъ гражданскихъ сословій избираемы были чиновники не по красотѣ, не по богатству, не по знатности! коль счастливъ бы тогда былъ родъ человѣческій!

(*) I Царств. XVI 7.

Пустынникъ (*).

Нѣкоторый Египескій князь, удивляясь пустынному безмолвію преподобнаго Пимена, просилъ у него позволенія посѣтить его... Старецъ опечалился и сказалъ самъ къ себѣ: «Если вельможи начнутъ посѣщать меня, то и весь народъ будетъ ходить ко мнѣ; а это нарушитъ пустынную жизнь и, можетъ быть, ввергнетъ меня въ сѣть гордыни». Размысливъ такимъ образомъ, святый Пименъ отвѣчалъ рѣшительно: «Умоляю князя, чтобы не приходилъ ко мнѣ; ибо скорѣе изгонитъ меня отъ предѣловъ своихъ, нежели увидитъ.»

Князь опечалился и сказалъ: «Видно, грѣхи мои причиною, что Богъ не сподобилъ меня видѣть человѣка Божія». Но, желая, какимъ бы то ни было образомъ, получить толь великое счастіе, онъ взялъ подъ стражу и посадилъ въ темницу сына сестры его, въ той надеждѣ, что святый Пименъ будетъ ходатайствовать о юношѣ. «Если Угодникъ Божій придетъ ко мнѣ, сказалъ онъ, то молодаго человѣка освобожду; если жъ нѣтъ, предамъ его казни». — Несчастная мать, услышавъ сей отзывъ, безъ памяти побѣжала къ брату своему и съ рыданіемъ объявила ему бѣдственную участь своего сына и условіе, съ которымъ князь освобождаетъ его отъ смерти; но Праведникъ даже не отверзъ ей дверей, не далъ никакого отвѣта. Наконецъ растерзанная горестію, мать начала доносить и укорять его: «немилосердый, злонравный человѣкъ! вопіяла она, ужели не трогаетъ тебя слезное рыданіе единоутробной сестры? ужели не трогаетъ тебя неминуемая смерть племянника?» На всѣ укоризны старецъ чрезъ ученика своего сказалъ ей только сіе: «Пименъ чадъ не имѣетъ и потому не болѣзнуетъ». —

(*) Августа въ 27 день.

Съ горькимъ отвѣтомъ сестра возвратилась, рыдая и проклиная брата своего.

Наконецъ князь сказалъ: «по крайней мѣрѣ, пусть хотя напишетъ ко мнѣ что нибудь» — и старецъ написалъ къ нему слѣдующее: «Да повелитъ власть твоя лучше разсмотрѣть преступленіе юноши; и если оно достойно смерти, пусть умретъ онъ, чтобы чрезъ казнь временную избѣгъ вѣчныхъ мукъ; если же преступленіе ниже смерти, то, наказавъ его по закону, отпусти.»

Князь, прочитавъ письмо, удивился великодушію и разуму богобоязливаго и правосуднаго пустынника. Не получивъ счастія видѣть его въ лице, онъ радовался тому, что по крайней мѣрѣ получилъ письмо руки его и отпустилъ юношу.

Лже-чувствительные люди нынѣшняго свѣта почтутъ, можетъ быть, преподобнаго Пимена жестокосердымъ. Но какая нужда до ихъ сужденій — они суетны! Праведникъ сказалъ, что преступленіе, достойное смерти, должно наказать смертію, чтобъ преступникъ избѣгъ чрезъ то вѣчной смерти; а преступленіе, нестоющее смерти, также должно наказать по закону, для исправленія преступника и въ примѣръ другимъ. Рѣшившись на просьбу, онъ поступилъ бы противу правосудія.

Средство сдѣлать врага другомъ (*)

Въ Египтѣ былъ нѣкоторый старецъ, совершенный пустынножитель, котораго весь народъ почиталъ совершеннымъ въ вѣрѣ и благочестіи. Всѣ называли его своимъ богомольцемъ; всѣ приходили къ нему просить благословенія.

Когда слава о семъ инокѣ болѣе и болѣе распростра-

(*) Августа въ 27 день.

нялась и изъ разныхъ странъ привлекала къ нему посѣтителей, въ то самое время пришелъ въ Египетъ преподобный Пименъ и тамъ основалъ для себя пустынную обитель. Вругъ большая часть людей обратилась къ нему, и келлія святаго Пимена всегда наполнена была народомъ. — Общее обыкновеніе черни: новаго человѣка всегда предпочитать тому, который намъ извѣстенъ издавна.

Не смотря на то, старецъ разгнѣвался на пришельца; началъ завидовать и всѣ поступки его толковать въ худую сторону. Святый Пименъ вскорѣ узналъ сіе. «Братія мои! сказалъ онъ ученикамъ своимъ: что дѣлать намъ съ сими легкомысленными и досадными людьми, которые, оставивъ толь святаго мужа, приходятъ къ намъ, ничего незначущимъ? Чѣмъ уврачуемъ гнѣвъ великаго отца? Пойдемъ, будемъ умолять его; можетъ быть, умилостивимъ.»

Что сказалъ, то и сдѣлалъ человѣкъ Божій. Они пришли къ удрученному горестію старцу и постучались у двери его. «Кто тамъ? спросилъ ученикъ пустынника. «Скажи отцу твоему, отвѣчалъ Угодникъ Божій, что Пименъ пришелъ съ братіею принять отъ него благословеніе.» — Услышавъ толь несносное имя, старецъ воспылалъ гнѣвомъ. — «Скажите Пимену, съ досадою воскликнулъ онъ: что у меня нѣтъ времени видѣть его съ братіею. — «Не отойдемъ отсюда, отвѣчали на сіе въ одинъ голосъ Пименъ и братія: не отойдемъ отъ келліи, пока не сподобимся принять благословеніе у святаго мужа. . .» Палимы зноемъ, остались они у дверей келліи.

Наконецъ старецъ, видя смиреніе и терпѣніе пришельцевъ, умилился, отверзъ имъ двери, принялъ съ лобзаніемъ братнимъ и бесѣдовалъ съ любовію. «По исти-

нѣ не только справедливо все то, сказалъ пустынникъ своимъ посѣтителямъ, что я до сего времени слышалъ о васъ; но я вижу въ васъ добрыхъ дѣлъ стократъ болѣе. . .» И съ того времени, сей старецъ былъ другомъ и собесѣдникомъ преподобнаго Пимена.

Христіяне! Если примѣтите, что на васъ кто нибудь гнѣвается, всемѣрно старайтесь угождать ему и всѣ ваши поступки устройте такъ, будто ничего не знаете о его къ вамъ недоброжелательствѣ: тогда врагъ, безъ всякаго напоминанія съ вашей стороны, узнаетъ свою несправедливость и полюбитъ васъ. Если жъ за вражду будете воздавать ему также враждою, то сей недоброжелатель вскорѣ сдѣлается вашимъ врагомъ, а наконецъ, можетъ быть, и вашимъ злодѣемъ.

Предметъ разговоровъ (*).

Нѣкоторый инокъ, слыша о добродѣтеляхъ преподобнаго Пимена, пришелъ къ нему изъ дальныхъ странъ, чтобы воспользоваться поученіемъ его. Праведникъ принялъ его ласково и началась духовная бесѣда.

Посѣтитель началъ разсуждать отъ Божественнаго Писанія, о вещахъ таинственныхъ, о служеніи на небѣ Ангеловъ. Онъ говорилъ много и долго, а святый Пименъ, потупя взоръ свой, молчалъ и не далъ ему ни одного отвѣта. Такимъ образомъ пришелецъ распростился съ нимъ, и вышедъ изъ келліи, сказавъ ученику святаго Пимена: «Ахъ! я напрасно прешелъ столь дальній и трудный путь: я хотѣлъ чему нибудь научиться и не услышалъ ни одного слова.» Ученикъ объявилъ о семъ преподобному Пимену. — «Онъ говорилъ о такихъ вещахъ

(*) Августа въ 27 день.

которыя превышаютъ разумъ человѣка, сказалъ Праведникъ: чему тутъ могу я научить? Если бы онъ началъ разсуждать о слабостяхъ человѣческихъ, я бы съ удовольствіемъ отвѣчалъ ему». — Ученикъ опять вышелъ изъ келліи и все пересказалъ пришельцу.

Тогда-то высокоумствующій инокъ узналъ ошибку свою.. Онъ вторично вошелъ къ старцу и спросилъ у него: «Отче! что долженъ дѣлать я: страсти всего меня взяли въ плѣнъ свой?» Святый Пименъ взглянулъ на него веселымъ взоромъ. — «Теперь за добрымъ и полезнымъ дѣломъ пришелъ ты, любезный о Христѣ братъ, сказалъ онъ: теперь отверзу уста мои» Опять началась духовная бесѣда и продолжалась до вечера.

Старецъ, воспользовавшись богодухновенными словами Пимена, былъ внѣ себя отъ радости и возвратился въ пустыню свою, благодаря Бога, что удостоилъ его увидѣть толь великаго нравоучителя.

На что и намъ разсуждать о вещахъ таинственныхъ, превышающихъ разумъ человѣка? *Не испытуй, но вѣруй*, сказалъ самъ Господь. И такъ въ дружескихъ бесѣдахъ будемъ лучше разсуждать о добродѣтеляхъ, которыхъ наиболѣе требуетъ званіе наше.

Нравоучительныя правила преподобнаго Пимена.

Не обнаруживай чужіе грѣхи.

Вопросъ. Если вижу прегрѣшеніе брата моего, должно ли мнѣ покрыть его?

Отвѣтъ. Если покроемъ прегрѣшенія братнія, и Богъ покроетъ наши грѣхи.

Не вдругъ вѣрь, когда слышишь о комъ худое.

Старецъ. Отче! я смущаюсь и хочу уйти отсюду.

Св. Пименъ. Для чего такъ?

Старецъ. Слышу постыдныя слова объ одномъ изъ живущихъ здѣсь братій, и соблазняюсь.

Св. Пименъ. Ты слышалъ неправду.

Старецъ. Но мнѣ сказывалъ вѣрный человѣкъ.

Св. Пименъ. Вѣрный! нѣтъ; если бы онъ былъ таковъ, то бы не объявилъ тебѣ того, что видѣлъ; не вѣрь ему, пока самъ не увидишь: ибо и Богъ, слыша вопль Содомскій, не повѣрилъ, доколѣ самъ не увидѣлъ своими очами: *вопль*, сказалъ Господь, *Содомскій и Гоморскій умножился, и грѣхи ихъ велики зѣло: сошедъ убо да вижду, аще по воплю ихъ есть.*

Старецъ. Ахъ! я и самъ видѣлъ его прегрѣшеніе — самъ, моими очами.

Св. Пименъ (поднявъ съ пола сучокъ). Что это?

Старецъ. Это сучокъ.

Св. Пименъ (воззрѣвъ на потолокъ и указавъ на бревно). А это что?

Старецъ. Это бревно.

Св. Пименъ. Положи же въ сердцѣ твоемъ, что твои грѣхи — это бревно, а грѣхъ брата твоего — этотъ сучокъ.

О покаяніи.

Старецъ. Я сдѣлалъ тяжкій грѣхъ и хочу три года быть въ покаяніи. Сего времени довольно ли къ тому, чтобы очистить грѣхи мои?

Св. Пименъ. Много.

Старецъ. Такъ благослови, отче, на покаяніе одинъ годъ.

Св. Пименъ. Много.

Старецъ. И такъ довольно четыре-десяти дней для покаянія?

Св. Пименъ. Много. — Я думаю такъ: если человѣкъ покается отъ всего сердца и положитъ твердое намѣреніе, чтобы на грѣхъ не возращаться: то Богъ пріиметъ и тридневное покаяніе.

Объ удаленіи отъ худыхъ помысловъ.

Вопросъ. Какъ можно предохранить себя отъ вражескихъ навѣтовъ?

Отвѣтъ. Когда конобъ, снизу поджигаемый, кипитъ, тогда муха, или другое насѣкомое, не смѣетъ прикоснуться къ нему; когда же простынетъ, то и мухи и всѣ насѣкомыя садятся на него: равнымъ образомъ и къ человѣку, на духовныя дѣла умъ свой устремившему, не смѣетъ приступить врагъ рода человѣческаго. Кто жъ живетъ въ небреженіи и лѣности, того низлагаетъ онъ безъ всякаго труда.

О молитвѣ.

Мы подобны тому, кто по лѣвую сторону имѣетъ огонь, а по правую сторону воду; если загорится отъ огня, беретъ воду и потушаетъ огонь: огонь — злые помыслы, а вода — молитва.

О молчаніи.

Вопросъ. Молчать или говорить лучше?

Отвѣтъ. Кто говоритъ во славу Божію — дѣлаетъ хорошо, и кто молчитъ во славу Божію, — дѣлаетъ хорошо.

Нѣкогда святый Пименъ назвалъ юнаго брата Агаѳона отцемъ. Бывшіе тутъ иноки сказали: «Какъ можно назвать отцемъ того, кто столь молодъ?» — «Молчаливыя уста, отвѣчалъ Праведникъ, сдѣлали его старцемъ.»

Есть люди, которые, никогда не говоря, говорятъ безпрестанно; и есть люди, которые, говоря отъ утра до вечера, всегда молчатъ. Подъ первыми разумѣю

тѣхъ, которые молчатъ языкомъ, но въ сердцѣ своемъ осуждаютъ ближняго. Подъ другими разумѣю тѣхъ, которыхъ языкъ говоритъ безпрестанно, но сердце ни окомъ не помыслитъ худова.

О спокойствіи душевномъ.

Дымомъ отгоняютъ пчелъ и берутъ сладость трудовъ ихъ; равнымъ образомъ порочныя страсти отгоняютъ отъ души страхъ Божій. Тогда добрыя дѣла прощайте...

О назиданіи души.

Когда хочетъ кто строить домъ, то собираетъ разныя къ тому потребности: такъ и человѣкъ долженъ взять отъ всѣхъ добродѣтелей по нѣкоторой части, чтобы соорудить въ себѣ домъ духовный.

О жизни инока.

Въ Евангеліи написано: имѣяй ризу, да продастъ ее и купитъ ножъ — это значитъ: имѣяй покой плоти своей, пусть оставитъ его и пріиметъ жестокое житіе и путь тѣсный.

Истинный трудникъ (*).

Преподобный Моисей изъ разбойника сдѣлавшись возлюбленнымъ рабомъ Божіимъ, такъ по благочестію своему былъ славенъ, что не только молодые, но и состарѣвшіеся въ постничествѣ иноки приходили къ нему учиться совершенству пустынной жизни и подвигамъ иночества. — Вотъ одинъ изъ примѣровъ его трудничества.

Избравъ образъ самой жестокой жизни, сей мужественный подвижникъ ночью оставлялъ свое ложе, обходилъ всѣхъ своихъ собратій и, если находилъ при ихъ хижинахъ водоносы, приносилъ имъ воду: ибо отъ нѣ-

(*) Января въ 18 день.

которыхъ пустынь рѣка была далеко; а многіе изъ старцевъ были дряхлы и не могли подъять столь чрезмѣрнаго труда, чтобы къ себѣ носить воду.

Такимъ образомъ святый Моисей молился Богу, трудами снискивалъ себѣ пищу и помогалъ другимъ.

Христіяне! помогайте ближнимъ своимъ, по крайней мѣрѣ столько, сколько позволяютъ обстоятельства вашей жизни.

Словопреніе св. Александра Патріарха Цареградскаго (*).

Угодникъ Божій Александръ, достойно занимая престолъ патріаршескій, долженъ былъ бороться не только съ Аріанами, которые, какъ волки, устремлялись на стадо Христово, но и съ Еллинскими мудрецами.

Однажды нѣкоторые изъ нихъ отважились напомнить царю, что онъ, оставивъ древнюю отеческую вѣру и принявъ новую, какую-то неизвѣстную, чрезъ то ускоритъ паденіе царства. Они поступили еще далѣе: просили царя, чтобы позволилъ имъ имѣть преніе съ его Святителемъ Александромъ: которая вѣра лучше: древняя или новая? и царь далъ на то свое позволеніе.

Святитель Христовъ Александръ, хотя и не упражнялся въ Еллинскомъ любомудріи, но, уповая на благодать Духа Святаго, не отрекся отъ состязанія. Собрались Философы и всѣ тѣ, которые ненавидѣли вѣру Екангельскую. Святый Александръ, видя несметное множество противниковъ, уговорилъ ихъ, чтобы избрали между собою мудрѣйшаго и краснорѣчивѣйшаго, съ которымъ и будетъ состязаться; ибо не можно, говорилъ онъ, отвѣчать вдругъ на тысячи голосовъ. Послѣ чего представ-

---

(*) Августа въ 30 день.

ленъ былъ мудрецъ, славнѣйшій по всей Греціи; всѣ прочіе приготовились слушать ихъ и, въ случаѣ нужды, помогать Философу языческому.

Святѣйшій Патріархъ началъ — и чѣмъ же? . . Слѣдующими словами: «Именемъ Господа моего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ бозмолвствовать. . .» Мгновенно у мудреца отнялся языкъ, такъ что не могъ выговорить ни единаго слова. Увидѣвъ сіе, все собраніе Философовъ поражено было ужасомъ и стыдомъ: одни изъ нихъ бѣжали, другіе вѣровали во Христа; онѣмѣвшій мудрецъ припалъ къ ногамъ Святителя и знаками утверждалъ святость вѣры Евангельской: за что молитвами Угодника Божія исцѣленъ и крестился въ числѣ прочихъ. Всѣ Христіяне прославили имя Господне. — Симъ кончился споръ Христіянъ и язычниковъ.

Аще речете горѣ: двигнись, и двигнется, сказалъ Господь. Христіянину все возможно, только бы не вмѣшивалась въ его вѣру ни капля сомнѣнія: иначе Богъ отвергнетъ молитву нашу; ибо это будетъ молитва невѣрующаго.

Святый Анфимъ, Епископъ Никомидійскій, хочетъ лучше принять казнь, нежели сдѣлать лжецами воиновъ (*)

Когда, изъ одного подозрѣнія, будто Христіяне зажгли дворецъ Діоклитіана, жившаго тогда въ Никомидіи, возстало на нихъ столь ужасное гоненіе, что не только разсѣкали ихъ на части, сожигали въ пламени, потопляли въ морѣ, но и тѣла умершихъ Христіянъ исторгали изъ могилъ, чтобы съ ними поступить такъ же, какъ съ живыми: тогда Святитель ихъ, Анфимъ, жилъ

(*) Сентября въ 3 день.

въ неизвѣстной веси — Семанѣ, и не могши лично бесѣдовать съ заключенными въ темницахъ Христіянами, чрезъ письма укрѣплялъ ихъ въ подвигахъ вѣры. Не смерти убѣгалъ Угодникъ Божій, но страшился, чтобъ, принявъ прежде всѣхъ вѣнецъ мученическій не оставить безъ пастыря малое стадо свое; ибо тогда многіе бы, отъ страха наказаній, принесли жертву идоламъ. И такъ небесному Промыслу угодно было, чтобы Пастырь втай боролся съ хищными волками за духовную паству.

Наконецъ убѣжище его было открыто. Мучитель обрадовался и послалъ немедленно воиновъ, чтобы взять его и, какъ ужаснѣйшаго преступника, представить на судъ царскій.

Воины достигли веси. Встрѣтясь съ Угодникомъ Божіимъ, у него самого спрашиваютъ: «гдѣ Анфимъ, учитель Христіянскій?» — «Я отдамъ его въ ваши руки, отвѣчаетъ онъ, только отдохните у меня нѣсколько минутъ отъ пути.» Потомъ, взявъ старѣйшину ихъ за руку, всѣхъ повелъ въ келлію свою и предложилъ пищу и питіе. — «Богу угодно было, думалъ Праведникъ, открыть мое убѣжище; вижу, что угодно Его святѣйшему Промыслу, чтобы я, проводивъ мое стадо въ мѣсто злачное, въ мѣсто покойное, и самъ послѣдовалъ за нимъ... Пришло время мое... Благодарю тебя, Боже Вседержителю!» По окончаніи умѣреннаго стола, вдругъ встаетъ онъ и говоритъ: «Теперь дѣлайте, зачѣмъ пришли сюда; я тотъ, кого ищете: я Анфимъ; возьмите меня и ведите къ пославшему васъ.»

Услышавъ сіе, воины изумились; устыдясь, они не могли воззрѣть на сѣдую главу старца. — Такъ дружескій пріемъ и неустрашимость подѣйствовали на нихъ! Они душевно сокрушались на тотъ разъ, что имѣютъ т оль жестокую должность. «Мы совѣтуемъ тебѣ,—взгля-

нувъ другъ на друга, въ одинъ голосъ сказали они,—гдѣ нибудь укрыться; мы просимъ тебя... все прочее пріемлемъ на себя: мы можемъ донесть начальству, что нигдѣ не могли найти тебя.» — «Нѣтъ! отвѣчалъ Угодникъ Божій: великій предъ Богомъ грѣхъ обмануть всякаго человѣка, кольми паче ужаснѣйшій грѣхъ, обмануть царя своего. Исполняя волю его, вы невинны: виновенъ царь, дѣлая порученія беззаконныя.» Сказавъ сіе, Праведникъ пошелъ съ ними въ предлежащій путь.

Чѣмъ же занимался онъ, идучи на смерть?.. Проповѣдывалъ имъ Слово Божіе, поучалъ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа: и сѣмя ученія его пало на добрую землю, прозябло и принесло плодъ. Ибо, достигнувъ нѣкоторой рѣки, святый Анфимъ сотворилъ о нихъ молитву и крестилъ ихъ во имя Отца и сына и Святаго Духа.

Вотъ примѣръ великодушія, неустрашимости, любви къ истинѣ и усердія Христіянскаго! Не довольно было для святаго мужа отдать себя на мученіе и казнь: онъ угостилъ враговъ своихъ; наставилъ ихъ свято исполнять должность свою и ни въ чемъ не обманывать власть, сущую отъ Бога. Шествуя на смерть, онъ еще усыновилъ ихъ Господу Богу своему. Такова — замѣтимъ наконецъ — сила истиннаго благочестія, что она привлекаетъ къ себѣ и тѣхъ, кто придетъ единственно для погубленія благочестиваго.

Обращенный мучитель (*).

Святая мученица Василиса, будучи девяти лѣтъ отъ рожденія своего, столь неустрашимо предстала на судъ, что самые мучители, сколь звѣронеистовы ни были,

(*) Сентября въ 3 день.

пришли въ изумленіе. Сначала поступали съ нею какъ съ младенцемъ, котораго сердце, на все удобопреклонное, безъ труда сдается на лестныя обѣщанія; но увидѣвъ ея мужество и рѣшительность умереть за вѣру Христову, сбросили личину кротости и изъ агнцевъ сдѣлались тиграми. Однако ни пытка, ни огнь, ни лютые звѣри, впрочемъ, кротчайшіе сихъ мучителей, не могли поколебать въ сердцѣ ея любви къ Жениху небесному. Покровительствуемая небомъ, она прешла сквозь весь ужасъ мученій и осталась жива и невредима.

Военачальникъ Александръ, ея мучитель, ужаснулся и былъ долгое время какъ бы въ изступленіи ума... Потомъ воскликнулъ: «кто устоитъ противу Господа!» и повергся къ ногамъ святой дѣвицы. — «Помилуй меня, раба Бога и Царя небеснаго, продолжалъ онъ, и прости мнѣ свирѣпства, которыя, въ слѣпотѣ моей, я истощилъ на тебя; упроси Бога твоего, чтобы за тебя не погубилъ меня; отнынѣ вѣрую въ Него». Агница Христова велегласно прославила Бога, озарившаго лучомъ истины душу мучителя.

Вскорѣ Александръ отродился водою и Духомъ. — Церковь Христова возрадовалась о толь чудесномъ происшествіи, тѣмъ болѣе, что новообращенный къ Богу чиновникъ могъ даровать миръ чадамъ ея.

Такъ дѣйствуетъ небесный Промыслъ, избирая человѣка въ орудіе своей благости, своего могущества! Можетъ быть, нѣсколько мужей совершеннаго возраста, нѣсколько мудрецовъ, убоясь мученій, отреклись Бога, ими поклоняемаго; а девятилѣтня отроковица среди всѣхъ ужасовъ пребыла непоколебима и такъ безстрашна противу смерти, что тотъ, кто съ равнодушіемъ, или, лучше сказать, съ радостію пролилъ кровь нѣсколькихъ тысячъ Христіянъ, наконецъ палъ къ ногамъ юной дѣвицы.

Благочестивый художникъ (*).

Богатый вельможа заказалъ молодому золотыхъ дѣлъ мастеру сдѣлать крестъ и усыпать драгоцѣнными камнями, чтобы приложить его въ церковь Божію. Отвѣсивъ, сколько должно, золота, отпустилъ отъ себя.

Юноша былъ благочестивъ. — Занимаясь работою, онъ размышлялъ: «Коль великое средство спастися имѣетъ сей богатый человѣкъ! Сколь великую получитъ благодать отъ Бога, давъ ему столько золота! Для чего жъ и мнѣ, подумавъ, продолжалъ онъ, не прибавить своего золота въ этотъ крестъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ принять мзду на небѣ? . . .»

Что вздумалъ, то и сдѣлалъ: приложилъ въ крестъ свои послѣднія десять златницъ и, кончивъ работу, принесъ къ вельможѣ, чтобы свѣсить золото и потомъ вставлять камни.

Какъ удивился вельможа, увидѣвъ, что крестъ противъ даннаго золота тятенъ болѣе. — «Что значитъ это? съ гнѣвомъ сказалъ онъ: конечно, ты, утаивъ у меня нѣсколько золота, положилъ примѣси и ошибся въ вѣсѣ? Признайся, неопытный обманщикъ!» — «Сердцевѣдецъ Богъ свидѣтель, отвѣчалъ молодой человѣкъ, что ни зерна не взялъ я твоего золота, но еще приложилъ своего, чтобъ и мнѣ, вмѣстѣ съ тобою, сдѣлать нѣсколько добра; я надѣюсь, что и у меня Христосъ приметъ сіе маловажное приношеніе, какъ принялъ два лепта отъ вдовицы». — «Но точно ли съ симъ намѣреніемъ ты сдѣлалъ сіе?» возразилъ удивленный вельможа. — «Клянусь небомъ и землею!» сказалъ юноша.

Тогда богобоязливый вельможа обнялъ молодаго человѣка и сказалъ ему: «Когда было у тебя толь доброе на-

(*) Изъ Пролога. Сентября въ 5 день.

мѣреніе, чтобъ имѣть со мною часть не небеси, то отъ сего часа имѣй со мною часть и на земли: я усыновляю тебя и дѣлаю наслѣдникомъ всего моего имѣнія.—Вмѣстѣ прославимъ Бога, дающаго награду и здѣсь и въ будущей жизни тѣмъ, которые съ вѣрою приносятъ Ему дары свои.»

Послѣ сего вельможа и юноша жили неразлучно, какъ отецъ и сынъ. Такъ награждаетъ Богъ всѣхъ тѣхъ, которые съ усердіемъ приносятъ ему дары свои!

Чудо отъ Архистратига Михаила, бывшее въ Колоссаехъ, еже есть въ Хонѣхъ (*)

Въ Колоссаехъ Фригійскихъ, близь Іераполя (**) былъ храмъ во имя Архистратига Михаила, сооруженный надъ источникомъ, котораго чудотворная сила отвсюду призывала многочисленный народъ; ибо всѣ, піющіе и моющіеся въ струяхъ его, получали исцѣленіе отъ болѣзней, а невѣрные, испытавъ на себѣ всемогущество небесъ, принимали святое Крещеніе. Ожесточенные язычники отъ ярости скрежетали зубами.

Но, къ вящшему ихъ огорченію, нѣкто богобоязненный Архиппъ жилъ при сей церкви и при семъ источникѣ. Посвятивъ сердце и умъ единому Богу, онъ имѣлъ попеченіе не только о своемъ, но и объ общемъ спасеніи: наставлялъ на путь истинный невѣрныхъ и крестилъ ихъ въ струяхъ живоноснаго источника.

(*) Сентября въ 6 день.

(**) На семъ мѣстѣ нѣкогда было капище, въ которомъ язычники поклонялись какой-то ехиднѣ. Святый Іоаннъ Богословъ, будучи въ Іераполѣ, истребилъ оную и пророчествовалъ, что тутъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ присутствовать Архистратигъ Михаилъ. Чрезъ нѣсколько времени открылся чудотворный источникъ, и тѣмъ оправдалось пророчество: въ честь горняго Воеводы соорудили храмъ.

Кого бы не могли примирить съ небомъ Евангельское краснорѣчіе устъ его и сила водъ, посвященныхъ Воекодѣ небесныхъ Силъ? Но поклонники идоловъ чувствовали не лучше ихъ. Не старость у святаго Архиппа, а злоба исторгла почти всѣ власы; однако онъ, въ незлобіи сердца служа Богу, тиранства язычниковъ почиталъ наградою благочестивой ревности.

Между тѣмъ зловѣры не могли быть спокойны. Они безпрестанно изыскивали новыя средства истребить чудотворный источникъ, и—послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ покушеній, наконецъ діаволъ вложилъ въ сердца ихъ слѣдующій совѣтъ.

Недалеко отъ святаго мѣста текли двѣ рѣки, Ликопаперъ и Куфосъ и, достигнувъ нѣкоторой горы, совокупились въ едино. А какъ мѣстоположеніе сихъ рѣкъ было нѣсколько выше церковнаго: то злочестивымъ не трудно было потопить храмъ и залить источникъ. Собравшись въ великомъ числѣ, они начали копать ровъ—отъ одного весьма огромнаго, вросшаго глубоко въ землю камня, который лежалъ близь алтаря церковнаго. Между тѣмъ святый Архиппъ неусыпно молился Богу, да не допуститъ враговъ своихъ поругаться надъ святынею.

Уже въ ихъ злонамѣренномъ трудѣ минулъ десятый день; отъ трехъ стадій суши остался весьма узкій перешеекъ, который быстрота водъ могла промыть въ нѣсколько часовъ. Еллины стояли на высокомъ мѣстѣ, чтобы видѣть истребленіе храма и источника.

Въ третій часъ ночи вдругъ возшумѣли воды и устремились на храмъ... Святый Архиппъ палъ на колѣни и воскликнулъ: *Воздвигоша рѣки, Господи, воздвигоша рѣки гласы своя: возмутъ рѣки сотренія своя отъ гласовъ водъ многихъ. Дивны высоты морскія: дивенъ въ высокихъ Господь. Дому твоему подобаетъ святы-*

ня, господи, въ долготу дній (*). Въ сіе мгновеніе Праведникъ услышалъ гласъ, повелѣвающій ему выйти изъ храма: онъ повиновался и узрѣлъ Архистратига въ образѣ человѣческомъ, но въ славѣ небесной. Старецъ палъ отъ страха на землю. — «Возстань и узришь силу Божію въ водахъ сихъ» сказалъ Михаилъ. Мгновенно святый мужъ увидѣлъ столпъ огненный отъ земли до неба. Какъ скоро воды приблизились ко храму, Архистратигъ оградилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ: и воды, вознесшись на высоту, остановились. Михаилъ обратился къ камени, лежащему близь алтаря, и ударилъ крестообразно жезломъ своимъ.—Вдругъ загрохоталъ громъ, земля потряслась, камень разсѣлся и открылась бездна... «Внидите въ тѣсноту сію,» воскликнулъ Архистратигъ: и воды съ шумомъ устремились въ разщелину камня. Еллины, смотря на чудо, окаменѣли отъ ужаса; а Воевода безплотныхъ Силъ вознесся на небо.

Христіане, радуясь побѣдѣ надъ врагами вѣры, уставили праздновать день сей. Мѣсто, гдѣ совершилось чудо, нарекли *Хони*, то есть, *погруженіе*; ибо воды погрязли въ камень, а рѣки, Ликопаперъ и Куфосъ, съ того времени въ сію разщелину имѣютъ свое теченіе.

Богъ пріемлетъ молитвы, не смотря на лица (**).

Нѣкогда на островѣ Кипрѣ было столь долговременное бездождіе, что всѣ травы и плоды изсохли, и всей странѣ угрожалъ ужасный голодъ. Епископъ собралъ народъ и принесъ торжественное моленіе Господу Богу, чтобы даровалъ благорастворенiе воздуху. Посреди самаго пѣнія, онъ услышалъ гласъ небесный: «Иди къ та-

(*) Псал. 92. ст. 9.

(**) Изъ Прохога. Сентября въ 8 день.

кимъ-то вратамъ града и, кого прежде всѣхъ увидишь входящаго, того и проси, чтобъ помолился. Онъ будетъ услышанъ на небеси.»

Епископъ, послѣ утренняго славословія, вышелъ съ причтомъ церковнымъ и сѣлъ у вратъ градскихъ. Вдругъ входитъ нѣкоторый старецъ, родомъ Эѳіопъ, неся на плечахъ бремя дровъ, чтобы продать ихъ въ городѣ. Епископъ, возставъ съ мѣста, удержалъ его. Старецъ, сложивъ съ себя ношу и поклонясь до земли Святителю, просилъ у него благословенія; но Епископъ самъ поклонился ему и сказалъ: «Старче! прошу у тебя именемъ Божіимъ, помолися Господу, чтобы даровалъ милость людямъ своимъ и оросилъ дождемъ лице земли.» Удивленный дровосѣкъ не зналъ, что отвѣчать Епископу: но, слыша то же отъ всего причта, сказалъ: «я грѣшникъ; какъ молиться мнѣ за людей?» — Но Святитель настоялъ; и старецъ, принуждаемый къ тому именемъ Господнимъ, лишь только преклонилъ колѣни и воздѣлъ руки на небо, вдругъ стали находить облака и зашумѣлъ дождь.

По окончаніи молитвы, Епископъ сказалъ старцу: «По любви къ ближнимъ и для общей пользы, скажи намъ, какъ препровождаешь жизнь свою, чтобы и мы, взявъ тебя въ примѣръ, могли жить такъ же.» — «Прости меня, Господи! отвѣчалъ смиренный старецъ: я грѣшный человѣкъ; родился на то, чтобы жить въ суетахъ: каждый день выхожу ночью изъ города и, нарубивъ ношу дровъ, продаю — симъ только трудомъ снискиваю себѣ насущный хлѣбъ. Не имѣю сродниковъ, не имѣю дома и сплю у церкви. Когда случится холодъ или дождь, день или два не ѣмъ. Время, оставшееся отъ трудовъ моихъ, препровождаю въ молитвахъ.»

Епископъ и весь причетъ церковный, получивъ пользу для души своей, прославили Бога.—«Ты доказалъ на

себѣ истину Писанія, сказали они старцу, которое говоритъ: *Азъ пришелецъ есмь на земли.*» Потомъ Епископъ взялъ его къ себѣ и, давъ спокойную келлію, содержалъ, пока не отшелъ онъ въ жизнь вѣчную.

Сей старецъ да послужитъ для насъ урокомъ, чтобы не судить о добродѣтеляхъ человѣка по его безобразію, или по его платью.

Святая Пулхерія избираетъ невѣсту царю, своему брату (*).

Когда Греческому Императору Ѳеодосію второму исполнилось двадцать лѣтъ: то святая Пулхерія, какъ старшая сестра и соправительница, почла за первую должность избрать ему супругу, достойную царскаго сана. Но какъ богатство и знатность рода не поставляла она въ числѣ достоинствъ, то и не могла долгое время чрезъ супружество составить счастія царю, своему брату.

Наконецъ непредвидимый случай удовлетворилъ желаніе сердца ея. Въ Царьградъ пріѣхала дѣвица, именемъ Аѳинаида, дщерь Аѳинскаго философа Леонтія, прекрасная, разумная и кроткая. Причина ея пріѣзда въ столицу была довольно примѣчательна: отецъ Аѳинаиды, умирая, раздѣлилъ все наслѣдство сыновьямъ, ничего не отказавъ своей дочери, кромѣ нѣсколькихъ златницъ; и когда родственники спрашивали его: зачѣмъ безъ всего оставляетъ дочь свою? сказалъ только: «довольно для нея красоты и разума»—и съ симъ словомъ скончался. Аѳинаидины братья были столь жестокосерды, что ни въ чемъ не хотѣли нарушить *духовную* отца своего.

Растерзанная горестію, дѣвица уважала память родителя; но не могла простить столь непонятнаго равноду-

(*) Сентября въ 10 день.

шія братьямъ—она рѣшилась искать правосудія у престола и принесла жалобу святой Пульхеріи.

Невѣжда повсюду гоняется за счастіемъ и не можетъ достигнуть его; мудрый, не думая о томъ, съ помощію неба дѣлается благополученъ. Царевна, увидѣвъ красоту Аѳинаиды, ея разумъ и невинность сердца, вознамѣрилась сію сирую дѣвицу, лишенную части въ своемъ достояніи, сдѣлать участницею трона; и какъ Аѳинаида была язычница, то она просвѣтила ее Крещеніемъ, сама была матерію при купели и вскорѣ сочетала съ царемъ, своимъ братомъ.

Какъ заблуждаютъ люди въ важнѣйшемъ случаѣ жизни—при выборѣ супруги! Одинъ ищетъ богатствъ, другой — красоты, третій — благородства... Но коль рѣдкіе имѣютъ въ предметѣ разумъ и сердце! Возьмемъ въ примѣръ святую Пулхерію и не будемъ суетны въ выборѣ подруги, которая должна рѣшить счастіе или несчастіе наше на всю жизнь.

Святая Пулхерія уличаетъ въ безпечности царя, своего брата.

Ѳеодосій вторый былъ царь благочестивый, добродушный и кроткій, но—какъ видно изъ слѣдующей повѣсти—довольно нерадивый. Онъ имѣлъ дурное обыкновеніе, подписывать дѣла не читая и даже иногда не спрашивая, какого содержанія подносимый ему *докладъ*. Отъ чего происходило, что близкіе къ царю вельможи дѣлали все, что хотѣли: грабежъ въ казнѣ государственной, возвышеніе недостойныхъ, страданіе невинныхъ, ссылки, казни—все сіе было дѣломъ обыкновеннымъ. Злодѣйства наносили вредъ государству и стыдъ Государю; но Ѳеодосій ни о чемъ не думалъ.

Святая Пулхерія сокрушалась сердцемъ, видя, что царь, ея братъ и воспитанникъ, преданъ столь глубокому сну. Не однажды покушалась напомнить ему должность Самодержца, но совѣты не вдругъ могутъ имѣть свое дѣйствіе. Пулхерія вознамѣрилась вразумить его самымъ опытомъ, коль пагубна безпечность и довѣренность царская, и поднесла ему *бумагу*, въ которой всеподданнѣйше просила, чтобы супругу свою Евдокію отдалъ ей въ рабство. Царь не спросивъ о содержаніи *доклада*, подписываетъ его и возвращаетъ сестрѣ своей.

Послѣ сего она приглашаетъ къ себѣ Евдокію, принимаетъ, какъ сестру и царицу и, занимаясь разговорами о разныхъ предметахъ, удерживаетъ у себя весь день. Въ вечеру за Евдокіей приходятъ и зовутъ ее къ царю.—Пулхерія не отпустила ее. Приходятъ въ другой разъ — Пулхерія съ улыбкою сказала: «Царь не имѣетъ права надъ своею супругою; ибо отдалъ ее мнѣ въ услуженіе и сіе подписалъ своею царскою рукою.» Отозвавшись такимъ образомъ, она сама идетъ къ Ѳеодосію и, показывая ему грамоту за его подписаніемъ, съ кротостію выговариваетъ: «Видишь ли теперь, сколь пагубно не читая подписывать доклады, которые подносятъ тебѣ? Я не хочу думать, чтобы такъ поступалъ ты отъ безпечности и нерадѣнія. Нѣтъ; ты столь добродушенъ, что и другихъ почитаешь неспособными обманывать тебя и дѣлать зло.—Какъ бы то ни было, опомнись, Государь и будь осторожнѣе... Ты отецъ Отечества!»

Ѳеодосій, будучи пораженъ столь чувствительнымъ примѣромъ своей безпечности, устыдился самъ себя и съ того времени началъ разсматривать все, что предлагали ему.

Всего драгоцѣннѣе въ жизни другъ и вмѣстѣ совѣтникъ, котораго просвѣщенный разумъ и доброе сердце могутъ въ трогательномъ видѣ показывать проступки наши.

Обновленіе храма Воскресенія Христова, иже во Іерусалимѣ (*).

По разореніи Іерусалима, Римляне распространились по всему Царству Іудейскому; и поелику побѣдители были язычники, то, естественно, должны были умножаться капища идольскія.

Симъ лже-благочестіемъ, болѣе прочихъ Императоровъ, отличился Елій Адріанъ. Презирая Іудеевъ и ненавидя Христіянъ, онъ рѣшился изгладить изъ памяти человѣческой всѣ мѣста, которыя тѣ и другіе почитали святыми. Іерусалимъ, во имя его, названъ Еліей; въ Виѳлеемѣ, гдѣ родился Спаситель міра, поставленъ кумиръ Адониса; а на Голгоѳѣ, которую оросила кровь Сына Божія, сооруженъ храмъ въ честь Венеры.

Сіе оскорбленіе святымъ мѣстамъ продолжалось до Константина *Великаго*, который, стараясь распространить и утвердить вѣру Евангельскую, принялъ святое намѣреніе очистить отъ идолопоклонства страну богошественную.

Мать его, боговѣнчанная Елена, сама прибыла въ отечество Пророковъ, разорила капища, и столько была обрадована небомъ, что обрѣла Крестъ и Гробъ Господень. На семъ-то мѣстѣ она воздвигла храмъ *Воскресенія Господня*, который освященъ былъ уже послѣ ея смерти, Великимъ Константиномъ.

Сей праздникъ названъ *Обновленіемъ храма Воскресенія Господня* потому, что на томъ мѣстѣ былъ мысленный храмъ, который Іисусъ Христосъ, по словамъ Евангелія, создалъ въ три дня, и который, будучи оскверненъ жертвами идольскими, въ сіе время обновленъ Константиномъ и Еленою.

(*) Сентября въ 13 день.

Да обновляется сердце наше, яко нерукотворенный храмъ Бога живаго, толь часто оскверняемый грѣхопоклоненіемъ! Да обновляется, отлагая ветхаго человѣка и облекаясь въ новаго!

Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня (*).

Когда боговѣнчанная Елена разрушила храмъ, въ честь порока на лобномъ мѣстѣ сооруженный и, раскопавъ основаніе онаго, обрѣла три креста: тогда всѣ были въ недоумѣніи, на которомъ изъ нихъ распятъ былъ Спаситель міра, и на которыхъ разбойники, одесную и ошую Его повѣшенные.

Въ сіе время случилось нести мертвеца на погребеніе. — Патріархъ Макарій остановилъ шествіе и повелѣлъ каждый крестъ, одинъ послѣ другаго, прикладывать къ бездыханному тѣлу. Два креста не имѣли дѣйствія: но коль скоро животворящее древо Господне было поднесено—мертвецъ возсталъ отъ гроба.

Святая царица, въ небесномъ восторгѣ, поверглась на колѣни предъ Крестомъ Спасителя и стократъ облобызала его. То же сдѣлалъ весь государственный синклитъ. Но какъ, по причинѣ безчисленнаго стеченія и тѣсноты народа, большая часть Христіянъ не могли не только коснуться, но и видѣть толь драгоцѣннаго предмета, и всѣ громогласно просили, чтобы хотя издали воззрѣть на оный, то Святѣйшій Патріархъ, возшедъ на нѣкоторое возвышеніе, воздвигъ или поднялъ вверхъ Древо, произрастившее намъ жизнь, и показалъ народу, который, подобно грому, воскликнулъ: *Господи помилуй!*

Съ того времени установленъ праздникъ *Воздвиженія*

(*) Сентября въ 94 день.

животворящаго Креста Господня; и съ симъ дѣйствіемъ сообразуясь, Греко-Россійская Церковь священный обрядъ продолжаетъ доднесь.

О сомнѣніи въ дѣлахъ вѣры (*).

Одинъ десятилѣтній юноша, стоя у Обѣдни, услышалъ отъ старца, проповѣдующаго Слово Божіе, что милостыню, которую даемъ нищему, даемъ не ему, но самому Христу. Молодой человѣкъ усумнился въ истинѣ ученія старческаго и, возвращаясь домой, думалъ: «Я знаю, что Христосъ сѣдитъ на небесахъ, одесную Отца, какъ же можетъ принимать, напримѣръ, ломоть хлѣба, который даю нищему?» — Размышляя такимъ образомъ, онъ увидѣлъ нищаго, въ раздранной одеждѣ, просящаго что нибудь ради Христа подать ему; а надъ главою его увидѣлъ обличіе Христа Спасителя. Юноша испугался... Вдругъ изъ близстоящаго дома нѣкто вынесъ бѣдному старцу хлѣбъ, и какъ скоро протянулъ руку, чтобы подать оный, Спаситель простеръ десницу, чтобы принять его; послѣ того милостынодавца назнаменовалъ благословеніемъ.

Тогда-то безразсудный юноша повѣрилъ Слову Божію и съ того времени сдѣлался первымъ въ Царѣ-градѣ благодѣтелемъ нищихъ.

Не испытуй, но вѣруй, сказалъ Спаситель: каждое Евангельское слово столь свято, что скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели изгладится едина черта отъ небеснаго ученія.

(*) Изъ Пролога. Сентября въ 18 день.

Искушеніе свыше (*).

Плакида, славный Римскій полководецъ, жившій въ царствованіе Траяна, будучи призванъ Богомъ на путь истины, провождалъ дни свои въ подвигахъ богоугодныхъ. Но Промыслъ восхотѣлъ искусить его, какъ человѣка новопросвѣщеннаго, злосчастіемъ и страданіемъ: болѣзнь и смерть водворились въ домъ его, и въ короткое время не стало у него ни рабовъ, ни стадъ. Сверхъ того, злые люди расхитили сокровища его, и Евстафій *(Христіянское имя Плакиды)* изъ богача сдѣлался нищимъ.

Трудно, въ такомъ случаѣ, не поколебаться сердцу, недавно озаренному Евангеліемъ; но Евстафій пребылъ твердъ. Онъ утѣшалъ супругу свою, чтобы не скорбѣла; она, съ своей стороны, утѣшала Евстафія; оба говорили другъ другу: *Господь даде, Господь и отъя; буди имя Господне благословенно* (**).

Но, чтобы болѣе предъ Богомъ доказать вѣру свою, они вознамѣрились удалиться отъ вихрей свѣта. Для сего ночью, отъ всѣхъ тайно, облеклись въ рубища и, взявъ съ собою двухъ малолѣтныхъ сыновъ, нѣсколько времени сокрывались въ окрестныхъ селахъ; наконецъ, будучи близь Средиземнаго моря, положили на сердцѣ отплыть въ Египетъ, гдѣ наипаче процвѣтала тогда Церковь Христова. Они наняли корабль; но, къ несчастію, хозяинъ корабля былъ морской разбойникъ, который, увидѣвъ красоту супруги Евстафіевой, возъимѣлъ нечистыя мысли.

Какъ скоро пристали они къ берегамъ Африки, варваръ, высадивъ Евстафія съ дѣтьми изъ корабля своего

(*) Сентября въ 20 день.
(**) Іова I. 21.

объявилъ, что супруга его остается у него рабою. Супругъ обмеръ — дѣти зарыдали, Евстафій напомнилъ право свое; но его не хотѣли и слышать. Супругъ и дѣти бросились къ ногамъ варвара... но тщетно! Злодѣй обнажилъ мечъ свой и закричалъ страшнымъ голосомъ: «Избирай одно: или иди, куда хочешь съ дѣтьми своими; или море будетъ вамъ гробомъ.

Плачевное зрѣлище! Супругъ и дѣти, стоя на берегу, простирали къ ней свои объятія; она съ корабля простирала трепещущія руки къ супругу и дѣтямъ. Тамъ и здѣсь жалобы прерываемы были рыданіемъ. — Наконецъ хищникъ съ добычею сокрылся изъ глазъ... Для Евстафія и для юныхъ чадъ день перемѣнился на ночь... Но праведникъ всегда возлагаетъ надежду свою на Бога. Евстафій пошелъ далѣе.

Но Промыслъ хотѣлъ еще сдѣлать опытъ надъ душею праведника. Вскорѣ встрѣтилась рѣка, не такъ глубокая, но быстрая. Не имѣя челнока и нигдѣ не видя моста, Евстафій рѣшился перейти оную; а какъ обоихъ дѣтей вдругъ перенести было не можно, то онъ, посадивъ одного на берегу, другаго взялъ на руки, и пошелъ на ту сторону; перенеся его посадилъ на траву, и пошелъ за первымъ; но едва достигъ полу-рѣки; вдругъ услышалъ крикъ его, воззрѣлъ и увидѣлъ, что старшаго сына схватилъ левъ и побѣжалъ въ пустыню... Евстафій обмеръ, бросился за нимъ; но звѣрь въ окомгновеніе скрылся отъ глазъ его. Горько рыдая, Евстафій пошелъ назадъ къ младшему сыну; но вдругъ подбѣжалъ волкъ, схватилъ его и понесъ въ близлежащіе кустарники. Злосчастный отецъ почти ума лишился; стоя посредѣ рѣки, не зналъ что дѣлать? идти ли далѣе? или кончить бѣдственную жизнь свою во гробѣ сей же рѣки?... Но Богъ былъ подпорою его, и праведникъ не возропталъ

на Промыслъ небесный, но съ кротостью подвергся неисповѣдимымъ судьбамъ Его.

Изливая предъ Богомъ молитву сокрушеннаго сердца, онъ пошелъ далѣе; достигъ нѣкоторой веси, называемой Вадизисъ, и нанявшись у жителей стеречь ихъ житницы, питался отъ трудовъ своихъ, жилъ въ нищетѣ и упражнялся въ молитвахъ.

Всякое несчастіе, ниспосылаемое свыше, есть не что иное, какъ испытаніе въ подвигахъ добродѣтели, предохраняющее отъ преступленій, которыя сдѣлалъ бы человѣкъ, возгордясь въ счастіи своемъ — или наказаніе за зло, которое сдѣлалъ. Въ первомъ случаѣ мы должны благодарить Бога милосердаго; въ другомъ случаѣ мы должны благодарить Бога правосуднаго.

Христіянинъ-патріотъ.

Занимаясь трудами, о которыхъ прежде и вообразить не могъ, Евстафій—Плакида препроводилъ въ селѣ Вадизисѣ болѣе пятнадцати лѣтъ. Часто сокрушался о супругѣ своей, часто оплакивалъ дѣтей своихъ, но всегда въ минуту горести находилъ утѣшеніе въ Богѣ, содержащемъ жизнь и смерть въ десницѣ, и не поступалъ по образу неимѣющихъ упованія. Въ Римѣ удивлялись, что сдѣлалось съ Евстафіемъ? вездѣ искали его... наконецъ забыли.

Между тѣмъ иноплеменники напали на предѣлы государства. Траянъ послалъ противу ихъ многочисленное войско, искусныхъ военачальниковъ; но всѣ были разбиты, нѣсколько городовъ разорено, а граждане уведены въ плѣнъ. При толь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Императоръ вспомнилъ о Евстафіи и сказалъ при всѣхъ

вельможахъ: «Если бы въ живыхъ былъ Плакида—дѣла шли бы, безъ сомнѣнія, лучше».

Извѣстно, что всякое слово Государя берутъ на замѣчаніе. — Немедленно два чиновника, Антіохъ и Акакій, вызвались предъ Траяномъ, что они, можетъ быть, успѣютъ сыскать его, если на то будетъ воля царская. «Это лучшее желаніе моего сердца»—отвѣчалъ Императоръ и, наградивъ ихъ щедро, отпустилъ въ путь.

Сіи царедворцы прежде были друзья и сверстники Евстафію лѣтами и службою, и всегда принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ его. Руководимы, безъ сомнѣнія, небеснымъ Промысломъ, они направили путь свой къ той сторонѣ, гдѣ находился другъ ихъ; на дорогѣ вездѣ спрашивали: нѣтъ ли у нихъ странника, именемъ Плакиды? изображали его лице, возрастъ, поступь и проч. Наконецъ достигли селенія Вадизисъ—и хотѣли пройти мимо.

Въ то самое время Плакида былъ въ полѣ, занимаясь обыкновеннымъ трудомъ своимъ. Увидѣвъ Римскихъ воиновъ, онъ узналъ въ нихъ прежнихъ друзей и отъ радости заплакалъ. Желая ближе увидѣть ихъ, онъ сталъ при пути. Между тѣмъ Римляне, приближаясь къ нему, спросили: не знаетъ ли онъ Плакиды? — На что вамъ его? сказалъ Евстафій. — Мы друзья его, отвѣчали воины. — Нѣтъ, я не знаю его, сказалъ Евстафій, и даже никогда не слыхалъ о немъ... но, государи мои! прошу васъ зайти въ селеніе и отдохнуть у меня отъ толь труднаго пути; а сверхъ того, будемъ имѣть время развѣдать о томъ, кого ищете.—Они согласились на просьбу его; и Евстафій ввелъ ихъ къ одному зажиточному крестьянину, прося угостить ихъ, будто въ его домѣ, и обѣщаясь за всѣ издержки заплатить ему трудами рукъ своихъ.

Евстафій сердечно радовался, что могъ узнать отъ нихъ, что дѣлается въ Римѣ; ибо сердце его, возженное любовію къ Богу, не охладѣло къ пользѣ и славѣ Отечества. Евстафій служилъ имъ и угощалъ ихъ; часто вырывались изъ очей его слезы; но, не желая измѣнить тайнѣ, онъ выходилъ изъ храмины и, отерши глаза, опять возвращался къ нимъ.

Антіохъ и Акакій, смотря на лице его и примѣтивъ слезы, начали мало по малу узнавать его и говорить между собою тихо: «этотъ человѣкъ подобенъ Плакидѣ, или самъ Плакида». Они вспомнили, что у него на шеѣ была рана, полученная имъ нѣкогда въ сраженіи; начали примѣчать ее и увидѣли... Воспрянули изъ-за стола, бросились ему на выю, и зарыдали отъ радости. «Ты Плакида, воскликнули они, котораго столь долго ищемъ! Ты любимецъ Цезаревъ! Ты вождь Римскій, о которомъ царь и народъ такъ долго сѣтуютъ!» Тогда объявили ему причину своего путешествія, злосчастіе Рима и гордость враговъ. Ревность къ прежнимъ подвигамъ запылала въ сердцѣ Евстафія; сыновняя горячность къ родной странѣ въ немъ обновилась. «Такъ! я тотъ Плакида,» сквозь слезы сказалъ онъ, «съ которымъ вы столько разъ были побѣдителями; я тотъ, который нѣкогда былъ въ Римѣ славенъ; но, ахъ! я нынѣ слабъ и презрѣнъ... однако клянусь Богомъ—Искупителемъ, что всегда готовъ пролить кровь мою за отечество, если правда, что я для пользы его нуженъ». Съ обѣихъ сторонъ не доставало словъ все выспросить, на все отвѣчать.

Евстафій облекся въ одежды военачальническія, препоясалъ мечъ по бедрѣ своей. Всѣ жители были въ изумленіи, видя столь нечаянную перемѣну. Хозяинъ дома повергся къ стопамъ его и просилъ извиненія, что по незнанію держалъ его рабомъ въ дому своемъ.

Какъ заблуждаютъ тѣ, которые, ревнуя по благочестіи, столько предаются святому восхищенію, что вовсе отказываются отъ общества; когда, наслаждаясь удовольствіемъ, въ молитвахъ говорить съ Богомъ, столько симъ занимаются, что не слышатъ жалобы страждущаго отечества!... Они не знаютъ, что истинный Христіянинъ, наслѣдникъ неба, есть тотъ, кто воздаетъ *Божія Богови* и *Кесарева Кесареви*.

Награда благочестивому.

Окончивъ со славою брань противу враговъ Римскихъ, Евстафій — Плакида съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращался въ отечество. Въ одинъ жаркій день, проходя мимо нѣкотораго селенія, стоящаго надъ рѣкою и имѣющаго красивое мѣстоположеніе, Плакида остановился, и какъ воинство его отъ дальняго похода утомилось, то и рѣшился онъ остаться тутъ на три дня, и велѣлъ раскинуть шатры для себя и для воиновъ.

Между тѣмъ два молодые воина поставили для себя одну палатку подлѣ нѣкотораго сада. Возлегши на траву, подъ тѣнь навѣсившихся черезъ ограду деревъ, они разговорились другъ съ другомъ, и одинъ спросилъ другаго, кто у него отецъ?—«Не знаю,» отвѣчалъ онъ: «я помню только, что отецъ мой былъ славный человѣкъ въ Римѣ, и, Богъ знаетъ, для чего вдругъ взялъ мою мать и меня съ меньшимъ братомъ, пришелъ къ морю и пустился по водамъ. Потомъ, когда пристали къ берегу, отецъ мой пошелъ съ нами далѣе, а гдѣ дѣвалась мать моя—не знаю. Помню только, что отецъ мой и мы весьма плакали о ней» (здѣсь товарищъ его смутился и покатились у него слезы). «Потомъ,» продолжалъ онъ, «мы дошли до какой-то рѣки; меня посадилъ отецъ на

берегъ, а меньшаго брата понесъ чрезъ нее на плечахъ— вдругъ, откуда ни взялся левъ, и подхватилъ меня; но пастухи бросились на него, отняли меня и воспитали въ деревнѣ своей».—Ахъ! братъ мой! любезнѣйшій братъ!» воскликнулъ другой юноша, и бросился къ нему на шею; «я помню это! я видѣлъ, какъ звѣрь похитилъ тебя... увы! и меня тогда же похитилъ волкъ и унесъ въ лѣса; но также пастухи отняли, и у себя воспитали».—Они обнимали другъ друга, цѣловались, и отъ радости плакали.

Это были Агапій и Ѳеопистъ, дѣти Евстафія—Плакиды! Но Промыслъ небесный готовилъ имъ вящшую радость: мать ихъ находилась въ томъ самомъ саду, слышала ихъ разговоръ, возводила съ воздыханіемъ и слезами на небо очи свои. Она хотѣла бѣжать и заключить ихъ въ объятія; но видя себя въ рубищахъ, остановилась... Притомъ, зная вѣтренность и гордость вообще молодыхъ воиновъ, она опасалась, чтобы они не отреклись отъ нея и тѣмъ бы не причинили жесточайшаго удара сердцу ея.—И такъ рѣшилась пріуготовить ихъ къ сему свиданію мало по малу.

Въ семъ намѣреніи она пошла къ военачальнику, чтобы выпросить у него позволеніе отправиться въ войскѣ его въ Римъ. Но представъ предъ Евстафіемъ, какъ изумилась, познавъ въ немъ того, о комъ столько лѣтъ сокрушалась! Она стояла долго, какъ бы въ забвеніи, не могла вымолвить ни слова, хотѣла повергнуться предъ нимъ; но видя стоящихъ вкругъ его вождей и оруженосцевъ, усумнилась, точно ли это супругъ ея? и какъ онъ опять сдѣлался вельможею? Наконецъ объяснила ему просьбу свою, и получила желаемое.

Но сердце ея исполнилось нетерпѣнія узнать тайну сію... Итакъ, спустя нѣсколько часовъ, она вторично

пришла къ Евстафію, и заставши одного, сказала ему: «Не разгнѣвайся на меня, милостивый государь, если я спрошу тебя о нѣкоторой важной для меня вещи».—«Говори обо всемъ, добрая старушка», отвѣчалъ Плакида.— «Не ты ли Плакида, нареченный при святомъ крещеніи Евстафіемъ?» спросила она: «не у тебя ли варваръ отнялъ жену?»—Евстафій изумился.—«Что касается до меня», продолжала она, «я осмѣливаюсь назвать себя твоею супругою; я Божескимъ милосердіемъ сохранена отъ насилія, ибо варваръ въ тотъ же день погибъ, и мнѣ дана свобода». — Тогда Евстафій какъ бы отъ сна пробудился, и узнавъ супругу свою, воскликнулъ: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой!» — Оба радовались и плакали...

Потомъ, когда утолились ихъ рыданія и первые восторги, она спросила у Евстафія: «Гдѣ жъ дѣти наши?»— Военачальникъ вздохнулъ изъ глубины сердца, и опять слезы ручьемъ полились изъ глазъ его. «Увы!» уныло сказалъ онъ: «ихъ пожрали лютые звѣри».—«Не отчаявайся», отвѣчала она: «какъ нашелъ супругу твою, такъ же найдешь и дѣтей твоихъ». — Тогда разсказала ему, что слышала въ саду отъ двухъ юношей.

Немедленно Евстафій посылаетъ за молодыми воинами, идетъ туда самъ, чтобы скорѣе обнять дѣтей своихъ... Стократно лобызаетъ ихъ и потомъ уже спрашиваетъ, кто они?... Удивленные юноши разсказываютъ исторію своей жизни и узнаютъ, что они въ объятіяхъ отца своего... Идутъ съ нимъ въ шатеръ его и видятъ себя въ объятіяхъ матери... Кто можетъ описать восхищеніе отца и супруга, матери и супруги, дѣтей и братьевъ?...

Надежда на Промыслъ небесный никогда не обманетъ благочестиваго. Смертные! не ропщите на святую волю

Его, но съ кротостію подвергайтесь неисповѣдимымъ судьбамъ Его... Отчаяніе есть матерь злочестія.

Непоколебимость въ вѣрѣ (*).

Когда Татарскій Ханъ, кровожадный Батый, опустошилъ и выжегъ Россію, избѣжавшіе отъ убійства и плѣна Христіяне скитались по горамъ и въ непроходимыхъ пустыняхъ, тогда жилища человѣческія сдѣлались жилищами звѣрей, а вертепы звѣрей превратились въ жилища человѣческія.

Кіевскій и Черниговскій Князь Михаилъ, славный благочестіемъ и царскими добродѣтелями, въ сіе лютое время жилъ въ землѣ Угорской съ бояриномъ своимъ Ѳеодоромъ. Онъ сердечно сокрушался о страждущихъ единовѣрцахъ своихъ и соотечественникахъ; но дѣлать было нечего, какъ только ожидать, *дондеже мимоидетъ гнѣвъ Господень.*

Наконецъ Михаилъ услышалъ, что тиранъ, наложивъ на Россіянъ дани, впрочемъ, позволилъ имъ жить спокойно. Россійскіе Князья возвращались изъ бѣгства, и дѣлая колѣнопреклоненія предъ царемъ злочестивымъ, принимали отъ него княжества. На таковой же поступокъ рѣшился и Михаилъ, не по честолюбію своему; ибо какая честь быть княземъ и вмѣстѣ рабомъ? но единственно для того, чтобы своею мудростію сколько нибудь облегчить бремя всеобщаго рабства. Въ семъ намѣреніи, взявъ съ собою болярина Ѳеодора, онъ прибылъ въ Черниговъ. Сердце Князя-отца облилось кровію, когда увидѣлъ повсюду опустошеніе и плачъ народа.

Принявъ благословеніе отъ отца духовнаго и полу-

(*) Сентября въ 20 день.

чивъ отъ него благочестивое напутствіе, Михаилъ и боляринъ Ѳеодоръ отправились въ Золотую Орду; но тамъ готовился имъ вѣнецъ мученическій.

Едва явились они въ престольный улусъ Батыя, къ нимъ пришли жрецы и волхвы Татарскіе и объявили именемъ великаго царя, что они должны перейти сквозь священный огнь, близь дворца по обѣимъ сторонамъ пути раскладенный, и такимъ образомъ очистясь отъ скверны Христіянской, предстать царю Батыю. Князь и боляринъ ужаснулись и сказали рѣшительно, что они сего сдѣлать не могутъ. Услышавъ о ихъ отказѣ бывшіе на тотъ разъ въ Ордѣ Россійскіе Князья, и почитая оный необдуманнымъ, пришли съ поспѣшностію къ своему сроднику и слезно просили его не подвигать на гнѣвъ Хана и, по-крайней-мѣрѣ для вида, сдѣлать поклоненіе солнцу, въ ихъ огнѣ обожаемому: но они ушли отъ Князя съ тѣмъ же отвѣтомъ.

Батый, привыкши видѣть одно только повиновеніе, съ угрозами требовалъ, чтобы данникъ сдѣлалъ все, что ему приказано; онъ послалъ объявить волю свою одного изъ царедворцевъ, именемъ Елдега; но всѣ ласки и прещенія были напрасны. Михаилъ отвѣчалъ ему спокойно: «скажи Хану, что ему, какъ царю, я поклоняюся и воздаю достодолжную честь; ибо десница Всевышняго покорила меня власти его; но отнюдь не хочу оскорбить Бога исполненіемъ обрядовъ языческихъ». Батый возсвирѣпѣлъ, .какъ тигръ, и далъ повелѣніе мучительски умертвить Михаила.

Какъ волки на кроткую лань, устремились на Князя исполнители смертной казни; но святый Мученикъ пребылъ безстрашенъ. Стоя на одномъ мѣстѣ, онъ молился Спасителю, между тѣмъ всѣ члены его были раздробляемы отъ ударовъ; наконецъ глава отторгнута отъ выи. Свя-

тый Θеодоръ былъ зрителемъ смерти его, и въ тотъ же день, подобно ему, получилъ вѣнецъ мученическій.

Вѣра! дщерь Неба, залогъ благополучія человѣческаго! ты одна укрѣпляешь человѣка въ бѣдствіяхъ; ты одна ставишь его превыше самого себя противу ужасовъ смерти... Блаженъ, кто не промѣняетъ тебя на всѣ ласки, на всѣ отличія свѣта.

Кто не имѣетъ добрыхъ дѣлъ, для того и молитва другихъ за него безполезна (*).

Настоятель нѣкотораго монастыря, человѣкъ благочестивый, къ нищимъ милостивый и украшенный всѣми добродѣтелями, день и ночь изливалъ къ Богу слѣдующую молитву: — «Господи! я грѣшникъ, но надѣюсь на твои щедроты, надѣюсь спастися по милости твоей. Молюся тебѣ, Владыко! не разлучи меня отъ моей братіи и въ будущемъ вѣкѣ; удостой ихъ вмѣстѣ со мною жизни райской!»

Долго молился чадолюбивый отецъ старцевъ, и Господь открылъ ему волю свою слѣдующимъ образомъ: въ другой обители, неподалеку отъ нихъ, наступалъ праздникъ; святый Настоятель званъ былъ туда вмѣстѣ съ братіею. Онъ не хотѣлъ выходить изъ своего монастыря; но во снѣ услышалъ гласъ небесный: «Иди, только пошли прежде себя учениковъ твоихъ, самъ послѣдуй за ними».

Когда насталъ день праздника: братія пошли на обѣдъ и на пути увидѣли нищаго, израненнаго, едва переводящаго дыханіе. На вопросъ ихъ: чѣмъ боленъ онъ? несчастный едва могъ сказать голосомъ полумертвымъ: «я

(*) Изъ Пролога. Сентября въ 24 день.

шелъ по надобности; но здѣсь напалъ на меня звѣрь, всего истерзалъ и ушелъ—некому взять меня и отнести въ селеніе».—«Мы пѣши, отвѣчали старцы: не можемъ ничего сдѣлать для тебя» — И съ симъ словомъ пошли далѣе.

Вскорѣ на то же мѣсто пришелъ Настоятель и увидѣлъ стенающаго страдальца. Узнавъ, что случилось съ нимъ, спросилъ онъ: «не проходили ли мимо тебя, не задолго предъ симъ иноки? и видѣли ли тебя?»—«Они стояли надо мною, отвѣчалъ старецъ, узнали мое несчастіе и пошли далѣе, отозвавшись, что тяжело меня нести на себѣ».—«Можешь ли ты, спросилъ у него огорченный поступкомъ старцевъ Настоятель, тихонько идти за мною?»— «Не могу, отвѣчалъ нищій. — «Такъ садись же на мои плечи, сказалъ онъ: съ Божіею помощію я донесу тебя...» Сколько разслабленный старецъ ни отрицался отъ того, сколько ни говорилъ, что путь далекъ, а онъ тяжелъ, сколько ни просилъ, чтобы онъ изъ селенія кого нибудь послалъ за нимъ, но благочестивый Настоятель, не взирая ни на что, взялъ его на руки и понесъ. Онъ чувствовалъ сначала обыкновенную тяжесть человѣка; а потомъ легче — легче, и наконецъ какъ будто ничего не имѣлъ на себѣ. Настоятель не зналъ, что думать о семъ, какъ вдругъ не стало у него странника, и свыше услышалъ. гласъ: — «Ты всегда молишься о твоихъ ученикахъ, чтобы вошли, вмѣстѣ съ тобою, въ царство небесное; между тѣмъ ихъ дѣла другія, нежели твои.—Итакъ понудь ихъ, чтобы ходили по стопамъ твоимъ: иначе не достигнутъ Царствія Божія. — Я праведенъ, и воздаю каждому по дѣламъ его.»

Смиреніе Преподобнаго Сергія, Игумена Радонежскаго (*).

Одинъ сельскій житель, наслышавшись о добродѣтеляхъ и чудотвореніяхъ святаго Сергія, издалека пришелъ въ обитель его, чтобы увидѣть праведника и принять отъ него благословеніе. Въ то время человѣкъ Божій воздѣлывалъ землю въ саду своемъ. — Будучи извѣщенъ о пришельцѣ, онъ велѣлъ допустить его къ себѣ.

Крестьянинъ, видя человѣка, слишкомъ просто одѣтаго, копающаго гряды, не могъ вообразить, чтобы это былъ столь славный Сергій, и подумалъ, что въ, насмѣшку ему, вмѣсто Святаго, указали работника. Онъ возвратился въ монастырь и вторично спросилъ: «гдѣ преподобный Сергій?» Сколько ни увѣряли его, что, будучи въ саду, онъ видѣлъ его; но крестьянинъ не хотѣлъ и слушать.

Между тѣмъ Угодникъ Божій вышелъ изъ сада. Крестьянинъ, гнушаясь имъ, отворотился въ сторону и не хотѣлъ взглянуть на него. — «Ахъ! какой трудъ подъялъ я — и понапрасну! думалъ онъ: я пришелъ для великаго Пророка, надѣялся узрѣть славу его; но что жъ вижу? нищаго.» — Святый узналъ его мысли и возблагодарилъ Бога: ибо какъ горделивецъ восхищается хвалою и честію, такъ смиренномудрый радуется уничиженію. Онъ взялъ крестьянина за руку, увелъ въ свою келлію и поставилъ предъ нимъ пищу и питіе. — «Не печалься, добрый человѣкъ, сказалъ онъ: ты вскорѣ увидишь Сергія.»

Едва Святый выговорилъ сіе, вдругъ объявили ему, что въ монастырь прибылъ Великій Князь; Сергій вышелъ къ нему на встрѣчу. . . Какъ удивился крестья-

(*) Сентября въ 25 день.

нинъ, увидѣвъ, что Государь къ сему, какъ называлъ онъ, нищему приступилъ съ благоговѣніемъ и, поклонясь до земли, просилъ благословленія! Какъ удивился онъ, что сей старецъ сѣлъ вмѣстѣ съ Княземъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе, даже вельможи, стояли предъ ними.

Бѣднаго крестьянина гнушались и слуги ихъ... Едва выпросивъ для себя уголокъ въ сѣняхъ, онъ не спускалъ глазъ съ того, на кого прежде и взглянуть не хотѣлъ. — «Сдѣлайте милость, скажите мнѣ, тихонько спросилъ онъ: кто сей старецъ, подлѣ Князя сидящій?» — «Это Сергій,» отвѣчали ему. Обманутый самимъ собою, крестьянинъ заплакалъ и укорялъ себя въ невѣжествѣ. — «Конечно, слѣпъ я, говорилъ онъ, что не могъ узнать человѣка Божія и не отдалъ ему подобающій чести... Увы! какъ теперь предстану лицу его?» — Но Сергій вскорѣ утѣшилъ его.

Когда Князь простился съ праведникомъ, крестьянинъ припалъ къ ногамъ его и раскаявался въ безуміи своемъ... «Ты одинъ правъ, поднимая его, сказалъ святый мужъ, что почелъ меня старцемъ, ничего незначущимъ; всѣ прочіе обманываются.»

Уважай человѣка въ худомъ платьѣ такъ же, какъ богато одѣтаго, дабы не подумали, что отдаешь почтеніе не человѣку, но платью его. Сверхъ того, подъ златотканною одеждою часто скрывается невѣжество и злое сердце, а подъ рубищемъ—великій умъ и добродѣтель.

Ревность о спасеніи ближняго (*).

Святый Іоаннъ Богословъ, будучи въ Ефесѣ, взялъ въ себѣ на руки юношу, повидимому, добродушнаго и обѣ-

(*) Изъ Пролога. Сентября въ 25 день.

щающаго о себѣ великую надежду; возлюбивъ его душевно, онъ захотѣлъ сдѣлать его человѣкомъ Божіимъ.

Вскорѣ Іоанну должно было отлучится въ дальныя мѣста для проповѣди слова Господня; почему онъ, отходя изъ Ефеса, поручилъ молодаго человѣка Епископу съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ можно, сего отрока соблюдалъ отъ всякаго зла. Епископъ принялся охотно за все, хранилъ юность его и наставлялъ на путь добродѣтели. — Чрезъ нѣсколько времени онъ крестилъ его, и думая, что чрезъ сіе Таинство совершенно утвердилъ его въ вѣрѣ, прервалъ душеполезныя наставленія.

Но сколь пагубно молодому человѣку отдавать на волю поведеніе его! . . Бѣдный юноша познакомился съ нѣкоторыми сверстниками, не такъ благонравными, началъ съ ними ходить по ночнымъ бесѣдамъ, вскорѣ пристрастился къ пьянству, къ порочнымъ женщинамъ, къ разорительнымъ играмъ; а какъ на сіе нужны были деньги, то развратникъ сдѣлался хищникомъ и наконецъ дошелъ до такого жестокосердія, что одна разбойническая шайка избрала его надъ собою атаманомъ. Съ тѣхъ поръ не только грабежъ, но и убійство для него было шуткою. — Но святый Іоаннъ возвратился.

Увидясь съ Епископомъ, онъ въ присутствіи всѣхъ спросилъ у него: гдѣ юноша? приведи его сюда. . . Епископъ воздохнулъ изъ глубины сердца, облился слезами и едва могъ сказать ему: онъ умеръ. — «Какъ? возразилъ святый Іоаннъ: душевною смертію, или тѣлесною? — «Душевною, отвѣчалъ Епископъ: онъ теперь разбойникъ.» — «Двое несчастныхъ! воскликнулъ святый Іоаннъ: безпечный воспитатель и нерадивый питомецъ! Горе ему! Но что сдѣлалъ ты? не тебя ли я, отходя отсюда, поставилъ хранителемъ души отроческой? Ахъ! дай мнѣ коня.»

Святый Іоаннъ долго ѣздилъ по лѣсамъ и горамъ, ища блуднаго сына, и наконецъ былъ взятъ разъѣздомъ разбойническимъ. — Вмѣсто того, чтобы стараться избавить себя отъ злодѣевъ, онъ просилъ ихъ, чтобъ представили его къ своему атаману.

Затрепеталъ злочестивый юноша, увидѣвъ святаго Іоанна, и побѣжалъ отъ него; но Богословъ забылъ старость свою, и погнался за злодѣемъ. — «Почто бѣжишь отъ меня, о чадо мое? вопіялъ онъ; почто причиняешь мнѣ столь несносный трудъ, о сынъ мой? остановись, сжалься надъ дряхлымъ старцемъ; остановись и ничего не бойся: не исчезла надежда спасенія. . . Я отвѣчаю за тебя предъ Богомъ! пусть на мнѣ будетъ кровь, которую ты пролилъ.»—Наконецъ, противъ воли убѣжденный, юноша остановился, бросилъ свое оружіе, зарыдалъ и, закрывъ руками лице свое, устремился на выю его; несчастный трепеталъ весь, какъ подъ взмахомъ смертоноснаго желѣза.

Богословъ взялъ его съ собою въ городъ и привелъ въ церковь, дая всѣмъ образъ покаянія, чтобъ, низвергшись въ прегрѣшенія, никто не отчаявался получить спасеніе; ибо Господь хощетъ всѣмъ намъ *спастися и въ разумъ истины пріити.*

Родители! учите страху Божію дѣтей своихъ въ младенчествѣ, учите ихъ въ отрочествѣ, учите ихъ и въ мужескомъ возрастѣ; ибо человѣкъ слабъ и всегда подверженъ заблужденію.

Казнь богоотступнику (*).

Императоръ Юліанъ, изъ Христіянина сдѣлавшись идолопоклонникомъ, для православныхъ чадъ Церкви былъ

(*) См. страданіе св. мученика Артемія октября въ 20 день.

не менѣе жестокъ, какъ и языческіе мучители. — Господь наказалъ его слѣдующимъ образомъ.

Послѣ разныхъ тиранствъ за вѣру Христову, умертвивъ святаго Артемія, Юліанъ съ многочисленнымъ воинствомъ пошелъ въ Персію, чтобы завоевать или, по крайней мѣрѣ, обезсилить оную. Уже царь и воинство достигли города Ктезифона, какъ вдругъ предсталъ предъ нимъ нѣкоторый старецъ, съ виду благородный и весьма умный, и обѣщалъ Юліану показать ближайшую и лучшую дорогу къ самому сердцу Персіи — чему обрадовался онъ до безумія.

Сначала, подъ руководствомъ старца, шли они по пути хорошему, но скоро увидѣли себя въ ужаснѣйшей пустынѣ. При легкомъ вѣтрѣ песокъ поднимался и клубился на подобіе моря; солнце палило ихъ; гладъ и жажда каждый день похищали множество жертвъ; вскорѣ погибло болѣе половины воинства. . . Старецъ былъ доволенъ самъ собою и, будучи вопрошенъ Императоромъ: «для чего завелъ ихъ въ непроходимое мѣсто?» сказалъ съ неустрашимостію: «для того, чтобы не видѣть опустошеннымъ отъ врага мое любезное отечество.» — Послѣ сего съ радостію вытерпѣлъ ужаснѣйшую смерть.

Блуждая съ остаткомъ воинства, наконецъ Юліанъ встрѣтилъ Персидскія полчища, и по необходимости вступилъ въ сраженіе. Греки и Римляне были разсыпаны и стрѣла, неизвѣстно отколѣ пущенная, пронзила сердце богоотступника. Заскрежетавъ зубами, онъ захватилъ горсть крови своей вмѣстѣ съ пылью и, бросивъ вверхъ, воскликнулъ: «побѣдилъ, Галилеянинъ! Насытьcя...» и, какъ злодѣй, испустилъ духъ свой.

Христіяне! Здѣсь два человѣка представляютъ два примѣра различные, но разительные. . . Всевышній промыслъ долго терпѣлъ злочестіе Юліана, но Онъ право-

суденъ: смотрите, какъ наказалъ богоотступника! Ужасайтесь даже въ одной чертѣ нарушить святѣйшій Его законъ. Другой человѣкъ, Персіянинъ — онъ претерпѣлъ лютѣйшую смерть для того, чтобы спасти отечество. Подражайте примѣру его и жертвуйте всѣмъ — даже кровію — благосостоянію вашего отечества.

Разумъ младенца (*).

Когда Омиритскій Князь Дунаанъ, стараясь всѣхъ Христіянъ, своихъ подданныхъ, обратить въ вѣру Жидовскую, послѣ жесточайшихъ мученій, повелѣлъ умертвить святаго Арефу и съ нимъ множество другихъ: тогда нѣкоторая Христіянка, оплакивая смерть праведныхъ, исполнилась божественнаго дерзновенія и, держа на рукахъ сына своего, пятилѣтняго младенца, подошла къ исполнителямъ смертной казни и громко укоряла Князя — мучителя, моля Бога, чтобы безчеловѣчнаго Жида наказалъ Онъ, какъ древле Фараона.

Уличенная въ Христіянскомъ исповѣданіи и вмѣстѣ въ оскорбленіи Величества, она была схвачена, представлена къ Дунаану и, подтвердивъ предъ нимъ то же, осуждена на сожженіе. Младенецъ, облившись слезами, бросился къ ногамъ Князя и молилъ его освободить злосчастную мать; а какъ былъ онъ собою прекрасенъ и благоразуменъ, то Дунаанъ взялъ его къ себѣ на колѣни и спросилъ: «кого любишь болѣе: меня или мать?» — «Безъ сомнѣнія, матушку, отвѣчалъ младенецъ: я для нее пришелъ къ тебѣ и съ нею лучше хочу умереть, нежели безъ нея жить.»

Дунаанъ. Останься у меня, другъ мой! я дамъ тебѣ самыхъ лучшихъ плодовъ.

(*) Октября въ 24 день.

Младенецъ. Оборони меня, Боже! я лучше пойду на мученія вмѣстѣ съ матушкой, если не могу спасти ее.

Дунаанъ. Да знаешь ли ты, что есть мученіе?

Младенецъ. Умереть за Христа, чтобы жить съ Нимѣ въ будущемъ вѣкѣ.

Дунаанъ. А кто Христосъ твой?

Младенецъ. Поди за мною въ церковь, и я его покажу тебѣ. . . (*воззрѣвъ на мать свою, опять заплакалъ*). Отпусти меня; я пойду къ матушкѣ.

Князь удивился разуму младенца; но былъ столь жестокосердъ, что не хотѣлъ удовольствовать просьбы его. Между тѣмъ мать его связана и повержена въ огонь. . . Младенецъ, увидѣвъ сіе, крѣпко укусилъ Дунаана — одно оружіе, которымъ могъ отмстить мучителю!

Дунаанъ оттолкнулъ его отъ себя и велѣлъ одному изъ предстоящихъ вельможъ увезть его домой и воспитать въ законѣ Еврейскомъ. Но младенецъ успѣлъ вырвать у него руку и бросился прямо въ огонь. . . Тамъ, обнявъ мать свою, сгорѣлъ вмѣстѣ съ нею и оправдалъ пророчество Порфироносца: *Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и местника.*

Дѣти! Возьмите сего разумнаго младенца въ примѣръ любви къ родителямъ и будьте всегда ихъ утѣшеніемъ.

О томъ, сколь грѣшно осуждать другихъ (*).

Однажды Іоаннъ Савватійскій сидѣлъ въ пустынѣ и размышлялъ о дѣлахъ богоугодныхъ. Вдругъ приходитъ къ нему изъ нѣкоторой обители старецъ, чтобы посѣтить праведника и принять отъ него благословеніе. . . «Какъ

(*) Изъ Пролога. Октября въ 25 день.

живутъ твои собратія?» спросилъ у него Іоаннъ. — «Хорошо, молитвами твоими,» отвѣчалъ инокъ. «А какъ живетъ такой-то черноризецъ?» опять спросилъ его угодникъ Божій объ одномъ инокѣ, о которомъ носилась худая слава. «Онъ ни сколько не перемѣнился, сказалъ посѣтитель. — «Горе ему!» воскликнулъ Іоаннъ, и съ симъ словомъ объятъ былъ какимъ-то чудеснымъ сномъ: онъ видитъ себя стоящаго предъ Голгоѳою; видитъ Іисуса Христа между двумя разбойниками; Іоаннъ устремился поклониться Ходатаю міра, но едва успѣлъ приближиться, вдругъ Іисусъ обратился къ предстоящимъ Ангеламъ, и сказалъ имъ: «изриньте его вонъ! это Антихристъ; ибо осудилъ своего брата прежде моего суда.»

Будучи изгоняемъ, когда Іоаннъ бѣжалъ изъ дверей, задержалась его мантія такъ крѣпко, что принужденъ былъ ее оставить. — Съ симъ пробудился онъ и, объятъ будучи трепетомъ, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ посѣтителю: «ужасенъ для меня день сей!» — «Для чего такъ?» спросилъ старецъ. Тогда святый Іоаннъ, разсказавъ ему свой сонъ, присовокупилъ: «оставленная мантія значитъ то, что я, за осужденіе брата, лишился Божескаго покровительства и благодати.»

Съ того времени святый Іоаннъ седьмь лѣтъ молился Богу въ пустыни, не вкушалъ хлѣба, не входилъ въ келлію, не говорилъ съ людьми. Наконецъ опять въ чудотворномъ сновидѣніи узрѣлъ онъ, что Господь отдалъ ему мантію, и чрезъ сіе позналъ, что отпущенъ ему тяжкій грѣхъ осужденія.

Не осуждайте, да не осуждени будете, сказалъ Спаситель. Христіяне! важны слова сіи: ибо кто осуждаетъ ближняго, тотъ какъ бы хочетъ отнять право у Судіи небеснаго.

О послушаніи (*).

Однажды къ преподобному Исироду пришелъ ученикъ нѣкотораго великаго старца, чтобы спросить его о какомъ-то важномъ для иночества дѣлѣ. — Между тѣмъ, какъ они занимались разговоромъ, настала ночь и поднялась буря; молнія и громъ были ужасны. Не смотря на сіе, ученикъ собрался идти къ своему старцу. Святый Исидоръ и прочіе иноки приглашали его ночевать у нихъ; представляли, что ночь ненастна, а ему должно переходить чрезъ рѣку, которая хотя неглубока, но валы плещутъ весьма сильно; однако пришлецъ не согласился ни на что. Мнѣ велѣлъ настоятель мой, сказалъ онъ, непремѣнно возвратиться сегодня: какъ можно его ослушаться?» — и простился съ ними.

Преподобный Исидоръ и прочіе иноки пошли провожать его. Когда достигли рѣки, ученикъ скинулъ съ себя одежды, навязалъ ихъ на голову, и пошелъ на ту сторону. — Иноки, смотря на него, трепетали при каждой волнѣ, которая на него упадала. Но ученикъ перешелъ бурную рѣку благополучно и, облекшись въ одежды, поклонился имъ и пошелъ къ своему старцу. Преподобный Исидоръ и всѣ иноки, благословляя его, удивлялись, коль велика сила каждой добродѣтели!

Въ какомъ бы званіи человѣкъ ни служилъ, вездѣ главнѣйшая должность есть — повиноваться начальству. Никакая опасность, ни самая смерть не могутъ извинить нашей непокорности.

(*) Изъ Пролога. Октября въ 25 день.

Ревность къ проповѣди (*).

Хотя Греція озарена была свѣтомъ Евангелія отъ временъ Равноапостольнаго Царя Константина *Великаго*, не смотря на сіе, надъ нѣкоторыми мѣстами разстилалась тьма язычества, и народъ не могъ видѣть Бога, Искупителя міра.

Между прочими была одна весь, обширная и многолюдная, въ которой жители, всѣ до одного, были идолопоклонники, приверженные къ своему заблужденію столь крѣпко, что никто, до сего времени, не могъ обратить ихъ къ Богу. Сколько тамошніе Епископы ни посылали проповѣдниковъ слова Господня: не стерпѣвъ оскорбленій, всѣ возвращались отъ нихъ безъ успѣха. Наконецъ содѣйствіемъ Святаго Духа, палъ жребій на преподобнаго Авраамія Затворника.

Долго Праведникъ отрицался отъ возлагаемой на него должности, почитая себя недостойнымъ толь великаго служенія; но, убѣжденный истиною, что лучше спасти многихъ, нежели себя одного, вышелъ изъ своей келліи и, будучи рукоположенъ въ Священника, отправился въ въ путь свой.

Коль глубоко возстеналъ святый мужъ, увидѣвъ народъ, предъ идолами колѣна преклоняющій! — «Единый безъ хрѣха Боже! воздвигши очи на небо, воскликнулъ онъ: не презри дѣла рукъ твоихъ!» Потомъ, съ помощію оставшагося отъ родителей своихъ имѣнія, которымъ на пользу нищихъ распоряжался одинъ изъ сродниковъ, началъ онъ созидать храмъ Божій; вседневно ходилъ на мѣсто строенія и среди стоящихъ тамъ идоловъ молился Богу, не произнося ни единаго слова. Народъ на созидаемую

(*) Октября въ 13 день.

церковь и на святаго человѣка смотрѣлъ равнодушно и довольствовался насмѣшками — иногда ругательствами.

Когда Храмъ Господень былъ отстроенъ и освященъ, преподобный Авраамій принесъ въ немъ слезную молитву къ Богу. «Собери, Господи! люди расточенныя и введи ихъ въ церковь сію; просвѣти умныя очи ихъ, да познаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога.» Послѣ сего съ церковно-служителями вышелъ изъ храма, устремился на капище и сокрушилъ обожаемыхъ тамъ идоловъ.

Народъ пришелъ въ бѣшенство. . . Всѣ, мужи и жены, возстали на святаго человѣка, какъ лютые звѣри; били немилосердо и изгнали изъ селенія. Но Авраамій, при наступленіи ночи, туда возвратился, вошелъ въ церковь и съ плачемъ и рыданіемъ молился Богу — Искупителю, да спасетъ народъ погибшій.

Едва насталъ слѣдующій день, нѣкоторые изъ жителей пришли въ храмъ Господень — не для молитвы, но изъ любопытства — и увидѣли Авраамія. Святый чувствительнѣйшимъ образомъ умолялъ ихъ, чтобы обратились къ Богу. . . Но сердце ихъ было такъ ожесточенно, что не могли принять Духа Святаго — варвары устремились на него съ дреколіемъ; повергли замертво на землю и, вытащивъ на поле, закидали каменьями. Тамъ праведникъ, едва переводя дыханіе, ночью опомнился и возставъ, началъ плакать горько. — «Господи Боже мой! восклицалъ онъ, призри на раба Твоего и укрѣпи меня на подвигъ Твой.» Съ сими словами, опять возвратившись въ селеніе, вошелъ въ церковь, и опять назавтра былъ мучимъ и терзаемъ; потомъ, какъ мертвый, изверженъ въ близлежащій лѣсъ.

Сія ревность Праведника, сіи страданія его продолжались три года. Наконецъ мужество святаго человѣка преодолѣло препятствія; святая вѣра восторжествовала.

Въ одинъ день жители, собравшись вмѣстѣ, начали разговоръ о святомъ Авраамiѣ и удивлялись его великодушiю и терпѣнiю. «Видите ли его безпримѣрную къ вамъ любовь? сказали мудрѣйшiе изъ старцевъ: сколько мы оскорбляли его, сколько мучили, но онъ даже не сказалъ никому худаго слова; по истинѣ, онъ посланъ къ намъ отъ Бога.» — «Мы то же думаемъ, отвѣчали почти всѣ въ одинъ голосъ, но боялись обнаружить свои мысли.» — «Когда такъ, продолжали старцы, то зачѣмъ же медлить? Прiидемъ къ нему и объявимъ себя вѣрующими проповѣдываемому имъ Богу.» — Всѣ приняли совѣтъ старцевъ; единодушно вошли въ церковь и воскликнули: «Слава Царю небесному, пославшему къ намъ мужа святаго!»

Сердце праведника взыграло радостiю небесною. — «Отцы мои! братiя мои! чада мои! воскликнулъ онъ: прiидите, дадимъ славу Богу, просвѣтившему сердечныя очи въ познанiе истины. . . Вѣруйте въ Бога, Творца неба и земли; вѣруйте въ Его Единороднаго Сына, Агнца, вземшаго грѣхъ мiра; вѣруйте въ Пресвятаго Духа Его, все оживотворяющаго; вѣруйте — и получите жизнь небесную, вѣчную.»

Съ того времени святый мужъ неусыпно старался предуготовить ихъ къ отрожденiю водою и Духомъ: училъ ихъ всему, что касается до Царствiя небеснаго—что̀ есть вѣра, надежда и любовь... Наконецъ усыновилъ ихъ Богу.

Проповѣдники слова Господня! примѣръ святаго Авраамiя да будетъ вамъ зерцаломъ, какъ весть себя въ толь важномъ санѣ; будьте столь же ревностны и неутомимы; ибо, если порученные вамъ люди нечестивы, суевѣрны, безчеловѣчны, небесный Судiя взыщетъ на вашей душѣ.

Обращеніе къ Богу Маріи.

Марія была племянница святаго Авраамія. Лишившись въ нѣжной юности отца и матери, она жила у своего дяди, и подобно ему, въ богоугодныхъ занятіяхъ провождала дни и ночи.

Но врагъ рода человѣческаго неусыпно старается разставить сѣть и уловить невинность... Марія соблазнилась и содѣлала грѣхъ, который есть первымъ безславіемъ и злосчастіемъ для женскаго пола. Сего недовольно: стыдясь воззрѣть на лице праведника, она ушла тайно изъ келліи, въ которой прежде служила Богу, и водворилась въ гостинницѣ, чтобы служить — сластолюбію.

Въ сію злополучную ночь праведникъ видѣлъ ужасный сонъ: великій и злообразный змій приползъ къ его хижинѣ и, поглотивъ какую-то голубицу, скрылся... Авраамій, воспрянувъ отъ сна, смутился духомъ, и молясь Господу Богу, сказалъ: «Всевѣдецъ! Ты единъ знаешь, что предвѣщаетъ видѣніе сіе... На другую ночь праведникъ увидѣлъ другой сонъ: тотъ же змій вторично приползъ въ его келлію, протянулъ предъ нимъ голову свою и разсѣлся.—Авраамій увидѣлъ въ утробѣ его голубицу, вчера поглощенную, живу и чисту, и взялъ ее въ руки... Святый возрадовался, и отъ сей радости проснулся.

Почувствовавъ что-то необыкновенное, онъ кликнулъ Марію (*упражняясь въ молитвахъ, Авраамій видѣлся съ нею весьма рѣдко*)—кликнулъ вторично, но не получилъ отвѣта... Удивившись ея безмолвію, онъ отворилъ двери, и не нашелъ Маріи. Тогда-то праведникъ позналъ, что значило видѣніе сонное. «Увы мнѣ! рыдая воскликнулъ онъ: змій похитилъ голубицу! чадо мое погибло! Спаситель міра! возврати мнѣ и Тебѣ Марію, да

не снидетъ съ печалію во гробъ старость моя.—Боже! не презри моленія моего.»

Два года Авраамій молился о погибшей племянницѣ; два года оплакивалъ злую участь ея; два года ожидалъ, когда возвращена будетъ голубица его... Наконецъ услышалъ, гдѣ мѣстопребываніе ея, и рѣшился на поступокъ необыкновенный.

Онъ выпросилъ у одного изъ посѣтителей воинскую одежду и облекся какъ ратникъ; возложилъ на главу свою шлемъ, который закрывалъ почти все лице, и возсѣдши на коня, поѣхалъ въ путь свой. Достигши гостинницы и увидѣвъ содержателя оной, Святый сказалъ ему: «другъ мой! я слышалъ, что у тебя есть какая-то дѣвица, именемъ Марія.» Гостинникъ, примѣтивъ его сѣдины и почитая не иначе, какъ застарѣлымъ грѣшникомъ, посмѣялся въ сердце своемъ... и призвалъ Марію.

Едва не вслухъ зарыдалъ Авраамій, увидѣвъ свою спостницу въ одѣяніи любострастномъ; но боясь, чтобы, узнавъ его, она не сокрылась, удержалъ вздохъ въ груди своей и противу сердечныхъ чувствованій объяснился съ нею. Марія отвѣчала ласками; прельщала разговоромъ, взглядами—все дышало въ ней сладострастіемъ... Но вдругъ почувствовала въ себѣ какую-то перемѣну, и невольно испустила глубокій вздохъ.—«Что сдѣлалось съ тобою?» услышавъ сіе, сказалъ содержатель гостинницы.—«Счастлива была бы я, отвѣчала Марія, если бы умерла задолго прежде сего!»—«Теперь ли говорить объ этомъ? возразилъ Авраамій голосомъ, изъявляющимъ неудовольствіе: теперь ли вздыхать?» и давъ златницу гостиннику, сказалъ: «другъ мой! сдѣлай хорошій ужинъ, чтобъ небезполезно проводить вечеръ... я весьма издалека пришелъ для нея.»

Какая по нуждѣ рѣшительность! Инокъ, который пять-

десять лѣтъ не вкушалъ до-сыта хлѣба и воды, теперь ѣстъ мяса, съ лучшимъ вкусомъ приготовленныя, и пьетъ крѣпкія, услаждающія вина!.. Праведникъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы Марія не узнала его прежде времени, и чрезъ то бы не погибла на вѣки.

Какъ скоро ужинъ кончился и святый старецъ увидѣлъ себя наединѣ, безъ свидѣтелей, вдругъ обнялъ свою племянницу и, держа крѣпко, чтобъ не убѣжала, сбросилъ съ себя шлемъ и, облившись слезами, воскликнулъ: «чадо мое! знаешь ли меня? не я ли тотъ, который воспиталъ тебя? Что сдѣлалось съ тобою? кто погубилъ тебя? Гдѣ твой Ангельскій образъ, который носила на себѣ? О чадо мое! почто не сказала мнѣ, когда согрѣшила? я на свою душу принялъ бы за тебя покаяніе—ахъ! Марія! единъ только Богъ безгрѣшенъ.»

Какъ громомъ пораженная, дѣвица лишилась чувствъ... Страхъ и стыдъ сдѣлали ее неподвижною... «Что ничего не отвѣчаешь мнѣ, дочь моя? продолжалъ угодникъ Божій: я за тебя отвѣчаю въ день судный; я на себя беру покаяніе въ грѣхахъ твоихъ.»—До самой полуночи Авраамій плакалъ, молился и утѣшалъ ее... Едва наконецъ дождался отъ нея отвѣта.—«Не смѣю воззрѣть на тебя, сказала она, не смѣю принесть молитву Богу: такъ люты грѣхи мои!» Праведникъ увѣщевалъ ее, утѣшалъ, увѣрялъ, что пріемлетъ на себя отвѣчать за грѣхи ея—только бы послушалась его.

Не тщетенъ былъ подвигъ праведника: Марія оставила домъ соблазна.—Авраамій посадилъ ее на коня своего, а самъ велъ онаго, душевно радуясь, какъ Пастырь, обрѣтшій овча погибшее.

Одна истинная вѣра непоколебима въ злостраданіяхъ (*).

Когда Священникъ Іосифъ и Діаконъ Аифалъ непоколебимо стояли противу ужаснѣйшихъ мученій, которыя въ Персіи свирѣпствовали: тогда нѣкоторый Христіянинъ, Манихейскаго раскола, всенародно исповѣдалъ свою вѣру и укорилъ Персовъ о ихъ нечестіи.

Тотчасъ схватили его и, въ очахъ многострадательнаго Аифала, начали мучить... Сначала Манихей казался великодушнымъ и неустрашимымъ; но какъ мучители испытали надъ нимъ жесточайшія казни, онъ громко воскликнулъ: «отвергаю вѣру отцевъ моихъ; поклоняюсь богамъ царя моего».—И мгновенно миновались мученія лжестрадальца.

Видѣвъ сіе, святый Аифалъ исполнился радости духовной, что Богъ удивляетъ славу свою на православныхъ только чадахъ Церкви, и соболѣзнуя о злочестивомъ отступникѣ, началъ укорять его: «заблуждшій человѣкъ! ты едва почувствовалъ мученія, уже отвергся отъ Бога твоего... Вотъ доказательство, что вѣра ваша не православіе, но буйный, богопротивный расколъ!—Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, укрѣпляющій насъ въ лютѣйшихъ мученіяхъ и дающій непоколебимость въ благочестивой вѣрѣ нашей»!

Судія, услышавъ укоризны праведника, такъ возъярился на него, что повелѣлъ мучить его дотолѣ, пока не пресѣклось въ немъ дыханіе.

О пользѣ поминовенія усопшихъ (*).

Одинъ юноша, изъ острова Кипра, былъ плѣненъ, отведенъ въ Персію и тамъ заключенъ въ темницу. Ро-

(*) Ноября въ 9 день.

дители сначала не знали, гдѣ находится сынъ ихъ; потомъ услышали, что умеръ, и начали по душѣ его дѣлать поминовенія въ Рождество Христово, въ Святую Пасху и въ день Святыя Троицы. — Чрезъ четыре года, юноша убѣжалъ изъ плѣна и пришелъ къ родителямъ. Восхищенные отецъ и мать, послѣ первыхъ объятій и слезъ, сказали ему: «мы услышали, что ты, любезный сынъ, умеръ, и молились о упокоеніи души твоей».—«Въ какой мѣсяцъ и въ какой день сіе дѣлали вы?» спросилъ юноша — и когда услышалъ отъ нихъ время молитвъ, съ удивленіемъ воскликнулъ: «ахъ, любезные родители! вы не знали, сколько чрезъ то дѣлали мнѣ добра. . . Ибо въ каждый изъ сихъ дней приходилъ ко мнѣ нѣкто въ бѣлыхъ ризахъ, снималъ съ меня оковы и выпускалъ изъ темницы, такъ что сего никто видѣть не могъ; а на другой день, я опять обрѣтался въ темницѣ и въ оковахъ».

Христіяне! молитесь объ усопшихъ вашихъ сродникахъ—молитесь о каждомъ усопшемъ Христіянинѣ: ибо чрезъ сіе душа его получаетъ утѣшеніе.

Поступокъ Іоанна Милостиваго съ племянникомъ своимъ (*).

Георгій, племянникъ святаго Іоанна *Милостиваго*, будучи оскорбленъ и обруганъ нѣкоторымъ простолюдиномъ, пришелъ къ дядѣ своему и слезно жаловался на толь тяжкую обиду, Человѣкъ Божій, видя Георгія въ чувствительнѣйшей досадѣ и огорченіи, показался тронутымъ и разгнѣваннымъ... «Какъ дерзнулъ человѣкъ подлаго рода, воскликнулъ онъ, обезчестить племянника Па-

(*) Ноября въ 12 день.

тріаршаго! Богъ свидѣтель, что отомщу оскорбителю: я поступлю съ нимъ такъ, что дивиться будетъ вся Александрія.» Молодой человѣкъ принялъ слова дяди за истину и былъ чрезвычайно радъ.

Но вдругъ Іоаннъ перемѣнилъ голосъ свой, и съ нѣжностію соединяя выговоръ, сказалъ ему: «послушай, Георгій! если хочешь называться моимъ племянникомъ, то будь готовъ терпѣть не только досады, но и язвы; для Бога все прощай ближнему. Хочешь ли казаться благороднымъ: то ищи благородства отъ добродѣтели, а не отъ крови; ибо не предки, но жизнь богоугодная украшаетъ насъ; сынъ или сродникъ какого-нибудь знатнаго человѣка, не имѣя добродѣтелей, есть то же, что сынъ богача, сдѣлавшійся нищимъ». — Такимъ-образомъ увѣщевая Георгія, праведникъ тронулъ его до слезъ, которыя не значали уже, какъ прежде, гнѣвъ и мстительность, но были слѣдствіемъ стыда и раскаянія.

Но Іоаннъ тѣмъ не удовольствовался. Онъ призвалъ Строителя церковнаго и приказалъ съ простолюдина, который обезчестилъ Георгія, не брать церковной дани. Такимъ-то образомъ святый мужъ поступилъ съ оскорбителемъ по своему обѣщанію, и безъ сомнѣнія, удивилась вся Алекандрія.

Поступокъ рѣдкій! Найдется ли нынѣ отецъ, который бы такъ принималъ, обиды сдѣланныя сыну его? Теперь легкое оскорбленіе не только трогаетъ, но и потрясаетъ сердце каждаго родителя. Въ гнѣвѣ онъ почитаетъ обезславленнымъ и себя и даже всѣхъ потомковъ своихъ; почитаетъ такимъ пятномъ, которое можно истребить только злосчастіемъ оскорбителя. Но Іоаннъ думалъ не такъ: онъ всякое оскорбленіе почиталъ благодѣяніемъ; ибо оно смиряетъ душу, поползновенную къ гордости, и тѣмъ приближаетъ ее къ Богу.

Напоминаніе смерти (*).

Святый Іоаннъ былъ истинный сынъ, неба, непоколебимый поборникъ православія, примѣръ всѣхъ добродѣтелей; но онъ былъ человѣкъ... Страшась, чтобы какія-нибудь суетныя мысли иногда не коснулись его сердца, онъ всегда имѣлъ при себѣ твердый щитъ — память смертную, которая есть непререкаемое доказательство человѣку, что онъ... не болѣе, какъ горсть пыли.

На сей конецъ святый мужъ велѣлъ приготовить себѣ гробъ, до половины только устроенный, и художникамъ приказалъ, чтобы всякой праздникъ приходили къ нему и предъ собравшимися посѣтителями вслухъ сказывали: «гробъ твой, Владыко, еще не додѣланъ, прикажи окончить его; ибо смерть приходитъ, какъ тать—не знаешь въ который часъ.»

Такимъ-образомъ Іоаннъ *Милостивый* и самъ всегда имѣлъ смерть предъ очами и другимъ въ разительномъ видѣ показывалъ оную.

О! если бы мы какъ можно чаще мыслями своими ложились на одръ смерти! Если бы чаще воображеніемъ своимъ переносились въ оное ужасное мгновеніе, когда настоящее пріиметъ конецъ и наступитъ будущее! тогда бы мы смотрѣли на всѣ вещи другими глазами. Мы ужасались бы тѣхъ предпріятій, въ которыхъ теперь себя ни мало не укоряемъ; мы бы находили страшныя пропасти, свистящихъ змѣй на тѣхъ путяхъ, гдѣ теперь ничего не видимъ, кромѣ равнины и цвѣтовъ.

(*) Октября въ 24 день.

Благоупотребленіе подарка.

Однажды къ Іоанну *Милостивому* пришелъ принять благословеніе богатый вельможа и увидѣлъ его постель, покрытую худымъ и уже полуизношеннымъ одѣяломъ. Возвратясь домой, послалъ ему новое, которое стоило тридцати-шести златницъ.

Человѣкъ Божій не хотѣлъ оскорбить усердія вельможи и въ слѣдующую ночь успулъ подъ симъ драгоцѣннымъ покрываломъ;по, пробудившись, мгновенно раскаялся о томъ... «Горе тебѣ, грѣшному! воскликнулъ онъ: что спишь подъ нѣжною тканью, а братія Христовы, нищіе, цѣпенѣютъ отъ мраза. Ахъ! сколько есть убогихъ, которые не имѣютъ и лепта, прикрыть наготу свою! Сколько есть странниковъ и пришельцевъ, которые спятъ на стогнахъ, проницаемы буйнымъ вѣтромъ! а ты имѣешь пышныя храмины, толпу рабовъ, разную пищу, всякое питіе и—еще вздумалъ болѣе укрѣпить и разнѣжить сонъ твой подъ симъ мягкимъ шелкомъ... Бойся, чтобы, вкусивъ всѣ наслажденія въ жизни твоей, не получить одну горесть въ будущемъ вѣкѣ. Нѣтъ! не покройся симъ пышнымъ одѣяломъ въ другую ночь! пусть цѣною его покроются нѣсколько бѣдныхъ.»

Въ сихъ прискорбныхъ размышленіяхъ лишь только святый Іоаннъ дождался утра, немедленно послалъ подаренное ему одѣяло на торжище для продажи. Случай привелъ туда и вельможу... Онъ увидѣлъ свое покрывало, купилъ его и вторично отослалъ святому Іоанну, усердно прося его, чтобъ пользовался имъ самъ. Человѣкъ Божій принялъ, поблагодарилъ и опять велѣлъ продать оное. Вельможа опять купилъ и возвратилъ Іоанну. Святый въ третій разъ сдѣлалъ то же, и — вельможа сдѣлалъ то же въ третій разъ. Наконецъ праведникъ, удив-

ляясь его щедрости, послалъ къ нему слѣдующій отзывъ: «увидимъ, кто изъ насъ прежде наскучитъ: я ли, рѣшившись продавать? или ты, рѣшившись покупать и всегда мнѣ возвращать.»—Самъ, между тѣмъ, продолжалъ благочестивую торговлю.

Такимъ образомъ Іоаннъ приверженность къ себѣ вельможи обратилъ въ пользу страждущихъ, и противъ воли сдѣлалъ его благотворителемъ.

Не украшай тѣла твоего одеждою слишкомъ нѣжною и великолѣпною. Христіянское одѣяніе есть одѣяніе души; ее должно украшать, а не тѣло: ибо красота души есть образъ Божій, по которому человѣкъ созданъ; напротивъ того, чему научаетъ насъ роскошь тѣла?.. Похищать чужое и расточать свое, обижать ближняго и свою руку удерживать отъ милостыни. Она ненасытна: ей все надобно. Не хорошъ у нее домъ: надобно соорудить новый. Худо у нее платье: надобно сшить лучшее. Не по вкусу кушанье, не по вкусу вина: надобно купить усладительнѣйшія. Посудите же, есть ли время, есть ли возможность подумать о страждущемъ человѣчествѣ?..

Поступокъ Іоанна Златоустаго съ Евтропіемъ (*).

Въ Греціи былъ законъ, необходимо нужный для первыхъ временъ Христіянства, по которому всякой преступникъ почитаемъ былъ неприкосновеннымъ для правосудія, если успѣетъ сокрыться въ церкви. Сего узаконенія причина, безъ сомнѣнія, была та, чтобъ предъ народомъ тѣмъ болѣе проповѣдать и прославить благодать Бога—Искупителя: ибо злодѣй, въ смертный часъ, на-

(*) Ноября въ 13 день.

шедши защиту у подножія престола Господня, почти всегда выходилъ оттуда человѣкомъ добрымъ на всю жизнь. Такъ глубоко напечатлѣвалось въ душѣ его чувство всемогущества и милосердія Божія!.. Не смотря на сіе, нѣкоторые изъ сильныхъ свѣта имѣли намѣреніе сей законъ уничтожить. — Таковъ былъ Евтропій.

Сей гордый человѣкъ, будучи вельможею при царѣ Аркадіѣ, уговорилъ его издать указъ, чтобы никто не могъ имѣть убѣжища въ церкви, когда преслѣдуетъ его правосудіе; а если кто и успѣетъ скрыться, то будетъ извлеченъ оутуда и, какъ преступникъ царской воли, пріиметъ строжайшую казнь. Сколько Іоаннъ Златоустъ, бывшій тогда Патріархомъ цареградскимъ, ни старался отвратить сіе оскорбленіе отъ храма Господня, но чрезъ то возбудилъ на себя гнѣвъ и ненависть Евтропія и часто терпѣлъ отъ него обиды.

Но въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ, сказалъ Христосъ Спаситель. Народъ, не могши стерпѣть притѣсненія и жестокости отъ Евтропія, началъ роптать вслухъ: неотступно просилъ наказать, въ примѣръ всѣмъ, судію неправеднаго; и Аркадій, который часто возводилъ на степень величія людей недостойныхъ, и никогда не умѣлъ поддерживать своихъ любимцевъ, изрекъ на Евтропія смертный приговоръ.

Злосчастный бѣжитъ—въ церковь Господню и скрывается въ алтарѣ... Это случилось въ то самое время, какъ святый Златоустъ проповѣдывалъ тутъ слово Господне.

Какъ, думаете, поступилъ въ семъ случаѣ Угодникъ Божій? изгналъ ли злосчастнаго изъ церкви, какъ разорителя правилъ ея? нѣтъ; онъ только представилъ народу, раздраженному на Евтропія, сколь непостоянно человѣческое счастіе, и, изображая жалостную судьбу

любимца царскаго, тогда на смерть осужденнаго, старался проникнуть жалостію къ нему—сердце народа.

Вотъ примѣръ поучительный! Другой, на мѣстѣ Іоанна, возрадовался бы, увидѣвъ такъ глубоко низверженнымъ врага высоковыйнаго, и къ народному гласу присоединилъ бы свой гласъ... Но праведникъ первый далъ убѣжище и защиту жесточайшему своему гонителю. Онъ видѣлъ, что Евтропій довольно наказанъ и тѣмъ, когда могъ найти спасеніе своей жизни только тамъ, куда возбранялъ убѣжище отъ казни другимъ, столько же несчастнымъ, но, можетъ быть, менѣе преступнымъ.

Объ именахъ, означающихъ отличіе человѣка.

Іоаннъ, Архіепископъ Цареградскій, будучи пресвитеромъ, проповѣдывалъ предъ многочисленнымъ народомъ слово Божіе.—Вдругъ какая-мо женщина, не выразумѣвъ высокихъ мыслей и сильныхъ выраженій, воздвигла гласъ изъ за народа: «Учитель духовный! или лучше сказать, Іоаннъ Златоустый! глубокомысленно твое ученіе; а умъ нашъ безсиленъ и не можетъ постигнуть твоихъ спасительныхъ словъ.»—Услышавъ сіе, весь народъ обратился на ту сторону, откуда услышалъ голосъ, и наконецъ всѣ вообще воскликнули: «неизвѣстная женщина произнесла имя сіе: но, безъ сомнѣнія, самъ Богъ нарекъ тебя Златоустымъ!» Съ того времени начали называть святаго Іоанна Златоустымъ: что продолжается и донынѣ.

Между тѣмъ великій проповѣдникъ и самъ согласился что хитросоплетенное слово, будучи дѣйствительно для людей просвѣщенныхъ, не принесетъ пользы простому народу, и началъ учить людей Христовыхъ просто и вразумительно.

Хотя весь вообще народъ, хотя какое нибудь ученое

сословіе или собраніе особъ правительствующихъ назоветъ кого великимъ, или мудрымъ, или правосуднымъ, но не по заслугамъ, изъ одного только ласкательства: то вмѣстѣ съ жизнію исчезнетъ и сіе имя. Но дай названіе, какое бы ни было, истинно заслуживающему человѣку какой-нибудь простякъ, оно будетъ безсмертно.

О неосповѣдимости судебъ Господнихъ (*).

Нѣкоторый отшельникъ кроткій, благочестивый, добродѣтельный, день и ночь молился Богу, чтобы просвѣтилъ разумъ его, познать судьбы Промысла небеснаго; но Господь не внималъ его молитвѣ. Пустынникъ, почитая себя грѣшникомъ, недостойнымъ принять откровеніе свыше, рѣшился идти къ ветхому деньми старцу, который жилъ довольно далеко, и отъ него узнать то, что всечасно занимало разумъ... Взявъ съ собою пищу и питіе, онъ отправился въ путь.

Вдругъ встрѣтился съ нимъ черноризецъ и спросилъ: куда идешь, рабъ Христовъ?» — «Къ такому то старцу, отвѣчалъ пустынникъ — «я иду туда же,» сказалъ черноризецъ. Сопутники, обрадуясь другъ другу, пошли вмѣстѣ.

Когда насталъ вечеръ, странники остановились у одного богатаго человѣка, который принялъ ихъ съ сердечною радостію и угощалъ ужиномъ изъ сребряной посуды... Какъ скоро вышли они изъ за стола, черноризецъ взялъ одно блюдо, вышелъ изъ дома и бросилъ въ близтекущую рѣку. Хозяинъ не сказалъ ни слова, а пустынникъ не зналъ, что думать о томъ.

Поутру странники продолжали путь свой далѣе, и на

(*) Изъ Пролога. Ноября въ 23 день.

другой вечеръ пришли ночевать къ другому страннопріимцу, который оказалъ имъ всевозможное почтеніе... Что же сдѣлалъ черноризецъ? при наступленіи утра, когда должно было благодарить за гостепріимство, хозяинъ привелъ къ нимъ единороднаго сына и просилъ ему благословенія. — Вдругъ черноризецъ схватилъ его за гортань и задушилъ. Пустынникъ ужаснулся, хотѣлъ закричать, но гласъ его пресѣкся... А отецъ сказалъ только: «буди воля Господня!

Такимъ образомъ пѣшеходцы пошли далѣе, но на третій вечеръ не нашли никого, кто бы ихъ принялъ и упокоилъ: почему и вошли въ одинъ ветхой, опустѣвшій домъ, и тутъ препроводили ночь. Утромъ, когда должно было идти, черноризецъ началъ разрушать домъ, и, разломавъ до основанія, началъ созидать снова.—Пустынникъ вышелъ изъ терпѣнія и воскликнулъ: «заклинаю тебя; скажи мнѣ: Ангелъ ли ты? или діаволъ? дѣла твои для меня непостижны!» А что сдѣлалъ я?» возразилъ черноризецъ Третьягодня, отвѣчалъ ему пустынникъ, ты утопилъ сребряное блюдо у добродѣтельнаго страннопріимца; вчера задушилъ сына у того, кто такъ ласково угостилъ насъ; а сегодня, безъ всякой причины разломалъ домъ и началъ строить снова, не зная самъ для кого.» «Не дивись сему, добродушный старецъ! сказалъ ему сопутникъ, и не соблазняйся въ разсужденіи моихъ поступковъ; но послушай, что скажу тебѣ... Первый страннолюбецъ человѣкъ совершенно богоугодный, но блюдо, которое мною утоплено, онъ пріобрѣлъ неправдою: знай же, что я, не взирая на его ласковость, изъ благодарности за гостепріимство, истребилъ оное, чтобъ чрезъ сію ничтожную вещь добрый четовѣкъ не потерялъ награды на небесахъ. Другой страннопріимецъ такъ же богобоязливъ; но малолѣтный сынъ его, достигнувъ совершеннаго возраста,

сдѣлался бы злодѣемъ, посрамленіемъ человѣчества, и тѣмъ отцу своему нанесъ бы стыдъ и смертоносное сокрушеніе; сверхъ того, несчастный отецъ тогда бы долженъ былъ дать за сына своего отвѣтъ на судѣ страшномъ. И такъ знай, что я, благодаря за добродѣтель отца, умертвилъ сына.» — «Но здѣсь, въ пустомъ мѣстѣ, возразилъ старецъ, какую имѣешь причину, разрушать домъ и снова сооружать оный?» — Не соблазняйся и въ семъ случаѣ, отвѣчалъ сопутникъ: господинъ сего дома былъ хищникъ и человѣкоубійца; но онъ обнищалъ и оставилъ домъ свой—дѣдъ его, строя домъ, скрылъ въ стѣнѣ золото: знай же, что домъ разрытъ для того, чтобъ кто-нибудь, ища клада, не погубилъ души своей. — И такъ возвратись, добродушный старецъ! присовокупилъ онъ, въ твою келлію и впредь не принимай на себя безразсуднаго труда, испытывать судьбы Господни: Самъ Святый Духъ говоритъ, что они — *глубина непостижима и недовѣдома для человѣка.* Не старайся понапрасну узнать ихъ: ибо нѣтъ въ томъ никакой пользы.» — Сказавъ сіе, черноризецъ мгновенно сталъ невидимъ.

Старецъ ужаснулся. Онъ узналъ, что сей пустынникъ былъ Ангелъ, посланный къ нему отъ Бога для того, чтобъ дать ему спасительный урокъ; покаялся въ неразуміи своемъ и далъ обѣтъ Господу, никогда не испытывать судебъ Его.

О жизни и смерти человѣческой (*).

Въ нѣкоторомъ государствѣ граждане имѣли древнее обыкновеніе избирать царемъ чужестранца, незнающаго законовъ ихъ и нравовъ, и ему поручали полную надъ

(*) Изъ Пролога. Ноября въ 22 день.

собою власть, но только на одинъ годъ; а какъ скоро минуетъ сей срокъ, они внезапно схватывали и, снявъ царскую одежду, нагаго съ поруганіемъ водили по городу и наконецъ отсылали на пустой островъ, гдѣ безъ одежды, безъ пищи, царь умиралъ изгнанникомъ.

Однажды воцарился у нихъ чужестранецъ, разумный и пекущійся не столько о настоящемъ, сколько о будущемъ. Онъ не такъ поступилъ, какъ прежніе цари, которые только пили, ѣли и веселились: онъ всего болѣе старался найти себѣ мудраго совѣтника и вмѣстѣ вѣрнаго друга, который бы научилъ его всѣмъ законамъ, всѣмъ обыкновеніямъ страны, ему повинующейся.

Услышавъ о толь горестной участи, которая чрезъ годъ неминуемо его постигнетъ, онъ ужаснулся; но, пришедъ въ себя, началъ собирать изъ всѣхъ казнохранилищъ сребро, злато, драгоцѣнные камни, всякую пищу— и все сіе чрезъ вѣрныхъ рабовъ отправлялъ на островъ, который, послѣ царскаго дворца, будетъ его жилищемъ.

Быстро прошелъ годъ, и граждане возстали на него такъ, какъ и на прежнихъ царей; поступили съ нимъ такъ же, какъ и съ прежними царями. Но пустой и безплодный островъ былъ для него не мѣстомъ ужаса и казни, но мѣстомъ упокоенія и радости. Обитая тамъ, онъ смѣялся надъ злобою гражданъ . . .

Толкованіе.

Государство—суетный міръ сей; граждане—пагубныя страсти, которыя, услаждая чувства только настоящими, исторгаютъ изъ памяти нашей будущее и заставляютъ думать, будто мы, сдѣлавшись счастливы, всегда будемъ таковыми; прежніе цари—грѣшники, которые, живя безпечно и беззаконно, вдругъ постигнуты бываютъ смер-

тію и отходятъ на вѣчное мученіе; благоразумный царь—праведникъ, который къ нелицемѣрному судіи Богу посылаетъ предъ собою добрыя дѣла, которыя за него ходатайствуютъ, и тѣмъ заготовляетъ для себя на небеси сокровище некрадомое; мудрый совѣтникъ и вѣрный другъ—нашъ разумъ, который различаетъ злое отъ добраго, полезное отъ пагубнаго; вѣрные рабы—наша воля, которая отвергаетъ то, что охуждаетъ разумъ, и избираетъ то, что сей разумъ оправдываетъ.

Поступокъ Амфилохія, епископа иконійскаго, противу Ѳеодосія, царя Греческаго (*).

Святый Амфилохій, съ мужествомъ и неусыпностью подвизавшійся противъ богохульника Евномія и духоборца Македонія, не могъ ничѣмъ удержать раскола Аріева, который разливался, наподобіе стремительнаго потопа, по всей Греціи . . . Добропобѣдный воинъ Христовъ прибѣгнулъ къ помощи Императора и просилъ, чтобы онъ, царскою властію, изгналъ изъ всѣхъ городовъ Греціи скопища Аріанскія.—Но Императоръ, видя повсюду множество еретиковъ и, можетъ быть, опасаясь отъ нихъ бунта, просьбу Святаго оставилъ безъ вниманія.

Чрезъ нѣсколько времени, Амфилохій имѣлъ случай быть у царя. — Онъ поклонился Ѳеодосію, сѣдящему на престолѣ и, какъ вѣрноподданный, привѣтствовалъ его съ глубокимъ почтеніемъ. Между тѣмъ будто не видѣлъ сына его, Аркадія, не задолго предъ тѣмъ нареченнаго *Августомъ* и сидящаго близь царя, отца своего. Примѣтивъ сіе невниманіе къ соцарствующему сыну, Ѳеосій разгнѣвался и, не могши стерпѣть безчестія его,

(*) Ноября въ 13 день.

повелѣлъ святаго Амфилохія, какъ неучтивца, удалить отъ лица своего.—«О государь! воскликнулъ тогда праведникъ, теперь собственнымъ опытомъ ты узналъ, сколь трудно стерпѣть безчестіе сыновнее: ты гнѣваешься на меня; кольми паче Богъ Отецъ не можетъ стерпѣть безчестія Сына Своего. Онъ отвращается и ненавидитъ хулящихъ его, и жестокую готовитъ казнь тѣмъ, которые пріобщаются проклятой ереси Аріевой». — Тогда царь узналъ, что неуваженіе къ сыну его оказано святымъ Амфилохіемъ съ благонамѣреніемъ, и служитъ притчею, что Богу Сыну должно воздавать равную честь съ Богомъ Отцемъ. Удивляясь толь мудрому поступку, толь благочестивому уроку, онъ возсталъ съ престола своего, преклонился предъ нимъ и испросилъ прощеніе въ оскорбленіи праведника.

Немедленно повсюду разосланы царскія предписанія, чтобы гражданская власть неусыпно содѣйствовала къ истребленію ереси Аріанской . . . Такимъ образомъ, ходатайствомъ святаго Амфилохія, Церковь Христова получила покой и благоденствіе.

Клевета на Святаго Григорія, епископа Акрагантійскаго (*).

Добродѣтель есть солнце; зависть подобна тѣни: она слѣдуетъ за праведникомъ повсюду. Ни гражданская дѣятельность, ни воинская храбрость, ни кротость Евангельская не могутъ защитить того, кто служитъ примѣромъ въ благочестивой и общеполезной жизни. Причиною тому любочестіе душъ низкихъ.

Святый Григорій, какъ пастырь словеснаго стада, рев-

(*) Ноября въ 23 день.

ностный и благочестивый, какъ гражданинъ благотворительный и для всѣхъ состояній полезный, имѣлъ несчастіе, или лучше сказать, имѣлъ всѣ достоинства, чтобы возбудить на себя зависть и злобу. Лютѣйшіе изъ его непріятелей были два Священника, Савинъ и Крискентъ, изъ которыхъ первый святымъ мужемъ облагодѣтельствованъ былъ чувствительнѣйшимъ образомъ. Но зависть не знаетъ благодарности: стараясь только о томъ, чтобъ достигнуть сана епископскаго, сначала они разсѣвали о немъ безчестные слухи и возбуждали подозрѣніе и ненависть въ чиновникахъ и въ народѣ; но вскорѣ злобу свою простерли далѣе: они подкупили одну женщину красивую, ловкую и безстыдную, именемъ Евдокію, и въ одну ночь, когда святый Григорій былъ въ церкви на всенощномъ бдѣніи, злодѣи, подкупивъ вмѣстѣ и стражу, ввели ее въ спальню праведника.

Угодникъ Божій упражнялся въ молитвѣ до самаго утра, ничего не зная... Наконецъ вышелъ изъ церкви, окруженъ немалымъ числомъ народа, который обыкновенно провожалъ его до внутреннихъ палатъ. Тамъ праведникъ остановился и, обратясь къ народу, благословлялъ его... Вдругъ Савинъ и Крискентъ, заглянувъ на дверь, какъ будто нѣчто примѣтили, и вбѣжавъ туда, вывели Евдокію. Народъ изумился; праведникъ не зналъ, что дѣлается; а злодѣи воскликнули: «Смотрите, что дѣлаетъ пастырь и учитель! Мы всегда говорили: се мужъ равноангельный; а онъ—старой сластолюбецъ!» Народъ не зналъ, что отвѣчать; пораженный нечаянностію; Григорій молчалъ.

Опомнясь нѣсколько, всѣ въ одинъ голосъ спросили Евдокію: «былъ ли съ тобою наединѣ Епископъ?»—«Клянусь небомъ и землею, отвѣчала безстыдница, что Григорій пробылъ со мною дотолѣ, пока не ушелъ въ цер-

ковь, и обѣщался опять возвратиться въ мои объятія.» —«Неправду говоришь, злохитрая насмница!» воскликнули домашніе. — «*Нѣмы да будутъ уста льстивыя, глаголющія на праведнаго беззаконіе, гордынею и уничиженіемъ*» — присовокупилъ молодой Діяконъ, именемъ Филадельфъ. — «Вы ему свои и недостойны вѣры!» возразилъ Крискентъ, заушивъ Филадельфа, какъ дерзкаго ругателя.

Нѣкоторые изъ народа соблазнились и повѣрили клеветѣ; другіе ябедниковъ и слушать не хотѣли, зная столь долгое время святую жизнь Григорія. Но сторона лукавства и злобы превозмогла. —Злодѣи возложили руки на угодника Божія, извлекли его изъ храмины и, проводивъ съ ругательствами изъ архіерейскаго дома, заключили въ темницу.

Потомъ отправили просьбу къ Главноначальствующему въ области вельможѣ Папину, чтобы прибылъ къ нимъ судить Григорія . . . Но свѣтъ благочестія всегда просвѣтится предъ человѣками, да увидятъ добрыя дѣла праведника.

О Христіяне! не будьте завистники, не будьте клеветники. — Послушайте Христа Спасителя глаголющаго: *Отложите всякую злобу и всякую лесть и лицемѣріе, яко новорожденніи младенцы словесное и нелестное млеко возлюбимъ, яко да о немъ возрастемъ во спасеніе. Возлюбленніи! не уподобимся злому, но благому. Благотворяй отъ Бога есть, и злотворяй не видѣ Бога.*

Обращеніе Святыя Великомученицы Екатерины (*).

Святая Великомученица Екатерина была дщерь Консты, Римскаго Цесаря. По смерти отца ея, скипетръ царства перешелъ въ руки Максима. — Екатерина о семъ, кажется, и не думала, ибо совершенно посвятила себя любомудрію: читала Гомера, Платона, Демосѳена и восхищалась только своею ученостію. Но мать ея безпокоилась, какъ бы, чрезъ супружество дочери съ какимъ нибудь предпріимчивымъ вельможею, опять увидѣть родъ свой на престолѣ вселенныя; она безпрестанно совѣтовала ей избрать жениха изъ благороднѣйшихъ юношей; но Екатерина всегда старалась отклонить намѣреніе матери, и родительница ея, сердечно сокрушаясь о семъ, рѣшилась призвать къ себѣ въ помощь другихъ.

Въ безвѣстномъ мѣстѣ града жилъ богоугодный старецъ, духовный отецъ ея матери *(ибо она была Христіянка; но, или по какому-то непонятному равнодушію къ вѣрѣ, или боясь, чтобы дочь ея, сдѣлавшись Христіянкою, по юношеской ревности, не обнаружилась, и чрезъ то бы не пострадала, до времени скрывала отъ нея вѣру свою).* Къ сему-то Священнику пришла она съ Екатериною и, объявивъ ему дочернюю холодность къ супружеству, просила уговорить упрямую дѣвицу, чтобъ послушалась ея совѣта . . . но всѣ увѣщанія старца, всѣ убѣжденія матери для нея были напрасны. Екатерина, не могши болѣе доказательствамъ противуполагать доказательства, сказала рѣшительно: «Если хотите видѣть меня въ супружествѣ, то найдите мнѣ юношу, который бы не уступалъ мнѣ ни въ благородствѣ, ни въ учености, ни въ богатствѣ, ни въ красотѣ; если

(*) Ноября въ 24 день.

же изъ сихъ совершенствъ будетъ имѣть недостатокъ хотя въ одномъ, то вѣчно останусь дѣвицею.» — Услышавъ сіе, мать отчаялась исполнить желаніе своего сердца; а старецъ восхищенный ея благоразуміемъ и привязанностію къ дѣвству, подумалъ самъ въ себѣ: сколь пріятна будетъ жертва сія Христу Спасителю — и рѣшился обручить ее жениху небесному.

Вольнодумы, можетъ быть, скажутъ здѣсь: «старецъ во зло употребилъ довѣренность матери.» Бѣдные слѣпцы! они не видятъ различія между благополучіемъ земли и блаженствомъ неба. Одна искала Екатеринѣ царства, такъ сказать, мгновеннаго, котораго, однако жъ, достигнуть едва ли было можно; другой старался доставить ей Царство небесное, вѣчное . . . я презираю возраженіе ихъ и обращаюсь къ повѣствованію.

Старецъ, нѣсколько подумавъ, сказалъ Екатеринѣ: «я знаю чуднаго юношу, который безъ сравненія лучше тебя всѣми дарованіями: красота его превосходитъ сіяніе солнечное; мудрость его управляетъ все, чувственное и умное; сокровища его изливаются на весь міръ; благородство его выше всѣхъ Царей.» Вообразивъ, что старецъ говоритъ о какомъ нибудь Самодержцѣ, Екатерина смутилась, перемѣнилась въ лицѣ и спросила съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: «правда ли это?»

Старецъ. Представь себѣ глубокую тьму и лучезарное солнце — я клянусь Богомъ, что мое описаніе юности есть та глубокая тьма, а его совершенства суть то лучезарное солнце. Это такой женихъ, который на тебя и взглянуть не восхощетъ.

Екатерина. Чей же сынъ — сей столько прославляемый тобою юноша?

Старецъ. Онъ не имѣетъ отца на земли, но родился

сверхъ естества отъ Пречистыя и Пресвятыя Дѣвы, наитіемъ Духа Святаго.

Екатерина. Конечно, ты говоришь о какомъ нибудь богѣ или полубогѣ? Но ты вѣдь знаешь, что они всѣ имѣютъ по нѣскольку женъ.

Старецъ. О нѣтъ! Этотъ женихъ однимъ дуновеніемъ можетъ обратить въ прахъ всѣхъ вашихъ боговъ и полубоговъ.

Екатерина. Не понимаю . . . но можно ли мнѣ увидѣть столь чуднаго юношу?

Старецъ. Если сдѣлаешь все, что предпишу тебѣ, то удостоишься увидѣть лице его.

Екатерина. Божусь, я на все готова.

Тогда старецъ далъ ей образъ Пресвятыя Богородицы, держащей въ объятіяхъ Предвѣчнаго Младенца, и сказалъ: «се Дѣва и Матерь, и се ея Сынъ! Этотъ образъ унеси съ собою и, заключившись въ чертогѣ, съ благоговѣніемъ молись всю ночь, чтобы она показала тебѣ Сына своего. Если будешь просить съ истинною вѣрою, то надѣюсь, что увидишь того, къ кому страстно привержено сердце твое.»

Мудрая дѣвица пріемлетъ неоцѣненный даръ и спѣшитъ въ чертогъ свой. Тамъ, по наставленію старца, она молилась дотолѣ, пока, утрудившись отъ толь необыкновеннаго для нея подвига, заснула крѣпкимъ сномъ. Вдругъ явилась предъ нею Матерь Божія, точно въ такомъ видѣ, какъ изображена была на картинѣ: въ объятіяхъ Ея былъ Предвѣчный Младенецъ. Онъ отъ лица своего испускалъ лучи, свѣтлѣйшіе солнца но взоръ свой обращалъ всегда къ Матери, такъ, что Екатерина не могла видѣть онаго.—Она переходитъ на другую сторону, но Младенецъ паки отвращаетъ лице свое . . .

Между тѣмъ, какъ борьба съ обѣихъ сторонъ продолжалась нѣсколько разъ, Царица Ангеловъ сказала Сыну своему: «Воззри, Чадо мое! на рабу твою, сколь она разумна, сколь благородна, сколь богата и сколь прекрасна!» — «Она такъ безумна, отвѣчалъ Святѣйшій Младенецъ, такъ низка, такъ бѣдна, такъ безобразна, что не могу и воззрѣть на нее.» — «По крайней мѣрѣ, возразила Матерь Божія, научи ее, что должно сдѣлать, чтобы удостоиться видѣть лице твое?»— «Пусть идетъ къ старцу, сказалъ Іисусъ, и что повелитъ онъ, сдѣлаетъ въ ту же минуту; тогда увидитъ меня и обрящетъ благодать.»—Встревоженная видѣніемъ, Екатерина проснулась.

Сколь долгъ показался ей остатокъ ночи! Едва явилась на востокѣ заря утренняя, сія дѣвица, взявъ съ собою вѣрную рабыню, пошла къ благочестивому старцу и просила его, чтобы научилъ ее, какъ заслужить любовь жениха небеснаго. Тогда святый мужъ подробно растолковалъ ей таинства Христіянской вѣры, блаженство души, приверженной къ Богу, неизреченную славу райской жизни и ужасъ будущихъ мученій. Екатерина, какъ дѣвица мудрая и просвѣщенная, все поняла, все выразумѣла; вѣровала отъ всего сердца и приняла отъ него святое Крещеніе. Старецъ далъ ей наставленіе, съ какимъ умиленіемъ должно молиться къ Богородительницѣ, чтобы насладиться тѣмъ же видѣніемъ.

Совлекши съ себя ветхаго человѣка и облекшись въ новаго, мудрая отроковица молилась до глубокой ночи; вся душа ея, все сердце было углублено въ священныя думы; о единомъ помышляла, чтобы увидѣть жениха небеснаго. Утрудившись бдѣніемъ и молитвою, она опять заснула, и преждебывшее видѣніе открылось предъ нею . . . Уже небесный Младенецъ смотритъ на нее

веселыми очами. — Божія Матерь вопросила Сына своего: «благоугодна ли тебѣ дѣвица сія?» — «Теперь она для меня столь же благородна, славна, богата и прекрасна, отвѣчалъ Спаситель, сколько прежде была безумна, безславна, бѣдна и безобразна; и я столько ее возлюбилъ нынѣ, сколько прежде ненавидѣлъ. — Такъ, мудрая дѣвица, обратясь къ Екатеринѣ, сказалъ Сынъ Божій, я избираю тебя моею невѣстою, и въ залогъ моей къ тебѣ любви, вручаю сей перстень . . . Сохрани его и не пріемли другаго жениха.» — Спаситель обручился съ нею . . . Святая Екатерина, исполнясь радости и восхищенія, поверглась предъ Нимъ на колѣни . . . «я недостойна быть твоею невѣстою! пусть буду твоею рабою»! воскликнула она, и отъ сильнаго потрясенія проснулась . . . Безцѣнный перстень былъ на рукѣ ея.

Человѣческія намѣренія суетны — иногда гибельны; намѣренія Божескія всегда клонятся къ тому, чтобъ намъ обратиться къ Богу и въ разумъ истины пріити. Слѣдственно, мы при всякомъ предпріятіи должны слушаться не честолюбія своего или другой какой нибудь страсти, но единаго Бога, который толь ясно въ Священномъ писаніи открылъ намъ волю свою.

Святый Петръ, Архіепископъ Александрійскій предаетъ самъ себя на смерть, чтобъ предупредить бунтъ (*).

Когда Угодникъ Божій Петръ, за проповѣдь Господню заключенъ былъ въ темницу и приговоренъ къ смерти, тогда всѣ Христіяне, живущіе въ Александріи и окрестныхъ мѣстахъ, стеклись къ невинному страдальцу, и

(*) Ноября въ 25 день.

при вратахъ дома, гдѣ содержался Святитель, провождали дни и ночи. Воевода, долженствующій совершить казнь, сколько ни выжидалъ времени, сколько ни покушался разогнать силою или отвлечь хитростію народъ, стрегущій своего пастыря, но всегда видѣлъ намѣренія свои тщетными. Ибо каждый разъ, какъ скоро приближались воины, всѣ вопіяли, что скорѣе положатъ душу свою за пастыря и учителя, нежели оставятъ его. Воеводѣ должно было прибѣгнуть къ средствамъ насильственнымъ, а отъ сего могъ произойти ужасный бунтъ.

Святый Петръ видѣлъ въ царскомъ вождѣ рѣшительность умертвить его, а въ Христіянахъ рѣшительность защищать до послѣдней капли крови. Другой, на его мѣстѣ, всего бы легче могъ найти средство избѣгнуть смерти; но праведникъ думалъ не такъ: онъ съ одной стороны страшился всенароднаго смертоубійства, если останется долѣе подъ защитою усердныхъ чадъ Церкви; съ другой стороны и въ самомъ гонителѣ Христіянства уважалъ царя и свято повиновался волѣ его. Одушевляемый сими чувствованіями, онъ увѣщевалъ многократно народъ свой, чтобъ отдали его въ руки закона отечественнаго; но всегда слышалъ одинъ голосъ: «человѣкъ Божій! что будемъ безъ тебя мы, бѣдные, беззащитные Христіяне?» — Святитель Христовъ, поручивъ промыслу небесъ духовное стадо свое, принялъ твердое намѣреніе умереть одинъ, отвращая смерть отъ многихъ.

Онъ посылаетъ одного изъ стражей къ воеводѣ, тайно отъ народа, съ такимъ предложеніемъ, чтобы онъ, если хочетъ совершить волю цареву, пришелъ ночью съ другой стороны, и подкопавшись подъ стѣну, его взялъ бы и поступилъ, какъ будетъ угодно . . . Военачальникъ удивился столь невѣроятной неустрашимости праведника и вмѣстѣ обрадовался совѣту его: ибо на-

дѣялся чрезъ то пріятнѣйшимъ образомъ угодить царю своему.

Тогда было зимнее время. Ночь была темная; вѣтръ шумѣлъ ужасно . . . Никто изъ духовныхъ дѣтей его не могъ услышать, какъ сдѣлали подкопъ въ темницу, вывели угодника Божія и отсѣкли главу его. Уже на другой день Христіяне узнали, что пастырь ихъ и учитель принялъ вѣнецъ мученическій.

Такъ должно всегда жизнь общую предпочитать своей жизни. Хотя праведно дѣло твое: добровольно отдайся въ руки неправосудія, чтобы не навлечь пагубы на твоихъ защитниковъ. Имъ небесный Судія воздастъ мзду за усердіе къ тебѣ: а ты совершишь свое дѣло. Нѣтъ нужды, что неправедно осудилъ тебя царь твой. Онъ дастъ отвѣтъ Богу, а твоя должность повиноваться его велѣнію во всемъ, кромѣ злочестія и злодѣйства.

Покаяніе Святаго Іакова (*).

Святый Іаковъ былъ родомъ Персіянинъ. Рожденный отцемъ и матерью — Христіянами, воспитанъ былъ въ благочестіи и поступилъ въ супружество также съ Христіянкою. Но коловратный міръ столько лукавъ, что человѣку едва ли можно устоять противъ его ласки и ухищренія.

Іаковъ, облеченный въ санъ царедворца, долженъ былъ сопровождать царя своего въ нѣкоторый путь; и поелику встрѣтились обстоятельства, благопріятныя для государства, то Персидскій Самодержецъ Истигердъ принесъ богамъ своего отечества торжественную жертву. Іаковъ, какъ ближній къ царю вельможа, не могъ быть посторон-

(*) Ноября въ 17 день.

нимъ зрителемъ обряда безъ того, чтобы не обнаружить вѣры своей и — сдѣлалъ колѣнопреклоненіе идоламъ.

Мать и супруга его, услышавъ о толь безбожномъ поступкѣ, ужаснулись и немедленно отправили къ нему письмо, слѣдующаго содержанія: «Злосчастный! почто ты, въ угожденіе человѣку, оставилъ Бога, Царя небеснаго? ублажая временную жизнь, погубилъ жизнь безсмертную? истину премѣнилъ на ложь? Мы плачемъ и рыдаемъ, что ты, преклонивъ колѣна свои предъ идолами, уподобился убійцамъ Христа Спасителя, которые, издѣваясь надъ божественнымъ страдальцемъ, преклоняли предъ нимъ колѣна и били въ то же время по ланитамъ. Заклинаемъ тебя, обратись къ Ходатаю міра, и тѣмъ избѣгни гнѣва и ярости Бога — мстителя. . . . Но если ты, по упрямству или по робости, не престанешь сердце твое приносить въ жертву идоламъ: то знай, недостойный сынъ и супругъ! что мы не будемъ болѣе для тебя тѣмъ, чѣмъ были прежде: мы не можемъ даже видѣть тебя. Возстенаешь нѣкогда, но будетъ поздно.» — Прочитавъ письмо супруги и матери, Іаковъ смутился, повергся въ глубокую думу, и слезы изъ очей его покатились градомъ. «Увы! уныло сказалъ онъ, если мать моя, супруга моя такъ чуждаются меня, что жъ мнѣ будетъ въ будущій вѣкъ, когда пріидетъ Богъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его?»—Онъ вторично прочиталъ письмо ихъ, на тотъ разъ толь ужасное, и воскликнулъ: «заблуждшій! моли твоего Искупителя, чтобы простилъ страшный грѣхъ твой; моли. . . Онъ милосердъ и не хощетъ смерти грѣшника, но съ радостію пріемлетъ кающагося.»

Съ того времени святый Іаковъ день и ночь плакалъ и рыдалъ, повергшись предъ Распятіемъ Господнимъ; и сіе раскаяніе сокрушеннаго сердца продолжалось дотолѣ

пока нѣкоторые изъ нечестивцевъ увидѣли его. Они донесли о семъ царю, гонителю вѣры Христовой, и — праведникъ принялъ вѣнецъ страдальческій.

Вотъ примѣръ истиннаго покаянія! Святый Іаковъ, повинуясь матери и супругѣ, пренебрегъ всѣ ласки, всѣ угрозы свѣта, и лучше захотѣлъ умереть, нежели обратиться опять къ идоламъ. А мы ежедневно слышимъ гласъ Предтечи Господня: *покайтеся, приближибося Царствіе небесное* — и всегда пропускаемъ мимо ушей; иногда умиляемся, но, изшедъ изъ церкви, опять предаемся вихрямъ свѣта. Мы ежегодно исповѣдуемъ предъ Богомъ грѣхи свои; но, ахъ! для чего дѣлаемъ сіе? Едва ли, по большой части, не изъ одной привычки— а часто изъ одного только принужденія.

О богатыхъ и убогихъ (*).

Одинъ великій и славный царь шествовалъ на златозарной колесницѣ, окруженъ оруженосцами и вельможами, и встрѣтилъ двухъ человѣкъ въ измаранныхъ и раздранныхъ одеждахъ, весьма дряхлыхъ, лицемъ блѣдныхъ. Зная, что сіи старцы суть благочестивые постники, царь сошелъ съ колесницы, поклонился и, обнявъ, облобызалъ ихъ. — Удивленные вельможи вознегодовали и говорили другъ другу на ухо: «до какой низкости дошелъ царь нашъ!» но, не смѣя обнаружить мыслей своихъ, просили царскаго брата, сказать ему, что неприлично такъ безчестить вѣнецъ царскій. Братъ царскій согласенъ былъ съ мыслями вельможъ и объяснился предъ нимъ; но царь далъ ему отвѣтъ, котораго онъ, сколько ни старался, понять не могъ.

(*) Притча Преподобнаго Варлаама. Изъ Пролога. Ноября въ 28 день.

У сего царя было слѣдующее обыкновеніе: когда хотѣлъ кого нибудь наказать смертію, то посылалъ провозвѣстника, который предъ вратами преступника трубнымъ гласомъ объявлялъ ему гибель. Сообразно съ симъ обыкновеніемъ, въ слѣдующую ночь послалъ онъ трубу смертную предъ домъ брата своего. Несчастный царевичъ затрепеталъ, услышавъ гласъ смерти, и всю ночь употребилъ на то, чтобъ приготовиться къ оной.

Поутру облекся онъ въ печальныя одежды, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми пришелъ въ царскій дворецъ и, ставъ у дверей, плакалъ и рыдалъ. — Услышавъ сіе, царь призвалъ его къ себѣ и, видя смертное отчаяніе брата, сказалъ ему: «неразумный человѣкъ! ты устрашился провозвѣстника, котораго послалъ къ тебѣ братъ, тебѣ подоборожденный и невидѣвшій отъ тебя никакого оскорбленія: какъ же могъ ты зазирать меня, когда я, въ смиреніи сердца, цѣловалъ проповѣдниковъ Бога моего, которые предвозвѣщали мнѣ смерть, громогласнѣе трубы? я съ тобою такъ поступилъ только для того, чтобы научить тебя. Иди спокойно въ домъ свой; а тѣхъ, которые о моемъ униженіи предъ нищими были однихъ съ тобою мыслей, я научу другимъ образомъ.

Послѣ сего, царь повелѣлъ сдѣлать четыре ящика, и два изъ нихъ оковать золотомъ, а другіе два обмазать смолою и пепломъ. Когда все было готово, царь призвалъ тѣхъ вельможъ, которые ставили ему въ безчестіе униженіе предъ нищими, и поставя предъ ними четыре ящика, спросилъ, чего стоятъ два золотые и чего стоятъ два смолёные? . . . Вельможи, какъ и всѣ люди, обыкновенно судящіе по наружности, думая, что въ златокованныхъ ящикахъ лежитъ утварь царская, объявили имъ самую высокую цѣну; а взглянувъ на ящики, замазанные смолою и пепломъ, почли недостойными даже того, чтобы цѣнить ихъ. . . «Я

увѣренъ былъ, тогда сказалъ имъ царь, что вы будете судить по чувствамъ: но посмотримъ, не обманулись ли вы?»

Тогда повелѣлъ онъ раскрыть золотые ящики, и — коль ужасное кинулось изъ нихъ зловоніе . . . «Смотрите, что тамъ лежитъ!» сказалъ онъ. Вельможи взглянули и, увидѣвъ кости человѣческія, съ ужасомъ отступили назадъ. . . «Вотъ изображеніе тѣхъ, сказалъ имъ царь, которые, облекшись въ драгоцѣнныя, блестящія ризы, гордятся славою, а въ душѣ своей исполнены зловонныхъ пороковъ и беззаконій.» — Потомъ велѣлъ открыть другіе два ящика, замазанные смолою, и вдругъ повѣяло такое благоуханіе, что болѣе не чувствовали смрада отъ костей мертвеца. — «Посмотрите, что тамъ лежитъ?» опять сказалъ имъ царь. Вельможи увидѣли драгоцѣнные камни, пересыпанные разнаго рода благоуханіями. — «Вотъ изображеніе тѣхъ, сказалъ царь, которымъ я кланялся, которыхъ цѣловалъ и за которыхъ вы меня попосили только потому, что они были въ худыхъ рубищахъ; но вы не знали, что душа ихъ не потеряла ни одной черты отъ образа Божія.» — Давъ столь поучительный урокъ своимъ вельможамъ, царь отпустилъ ихъ.

Подъ драгоцѣннымъ платьемъ часто скрывается порочное сердце; столь же часто подъ рубищемъ обитаетъ душа, имѣющая образъ и подобіе Божіе·

О Божескомъ долготерпѣніи (*)

Одинъ богатый человѣкъ купилъ обширное поле по другую сторону рѣки, и призвавъ своихъ рабовъ, ска-

(*) Притча Святаго Ефрема. Изъ Пролога. Ноября въ 30 день.

залъ имъ: «я даю всѣмъ вамъ по равной части земли; идите и воздѣлайте оную, а я, чрезъ нѣкоторое время васъ навѣщу и посмотрю на труды ваши.» — Усердные рабы, выслушавъ приказаніе господина, въ тотъ же часъ переправились чрезъ рѣку и принялись за свое дѣло; а другіе изъ нихъ, непокорные, жестокосердые, начали представлять разныя причины, почему не могутъ идти туда, и наконецъ совершенно отказались.

Господинъ, вмѣсто того, чтобы наказать преступниковъ, сдѣлалъ для нихъ пиръ, упоилъ до пьяна, и въ семъ безпамятствѣ велѣлъ ихъ перевезти за рѣку и оставить каждаго на томъ мѣстѣ, которое должно ему воздѣлывать. . . Когда хмѣль вышелъ изъ головы ихъ, то, пробуждаясь отъ сна, нѣкоторые удивились великодушію и долготерпѣнію господина своего, и съ тѣхъ поръ всемѣрно старались загладить проступокъ свой неутомимыми трудами; а другіе, напротивъ, досадуя за насильный съ ними поступокъ, не хотѣли приняться ни за что, и только спали, отъ чего на ихъ землѣ выросло терніе и крапива.

Чрезъ нѣсколько времени пришелъ къ нимъ господинъ и, видѣвъ неусыпность рабовъ послушныхъ, благословилъ ихъ. Потомъ, осмотрѣвъ труды тѣхъ, которые, будучи перевезены чрезъ рѣку противъ воли, принялись за свое дѣло, также благословилъ и ихъ . . . Наконецъ дошелъ до рабовъ лѣнивыхъ, нераскаянныхъ, и увидѣвъ ихъ въ крѣпкомъ снѣ, а поле въ тернахъ и крапивѣ, съ гнѣвомъ воскликнулъ: «лукавые рабы! почто оставили въ пустотѣ часть винограда, которая назначена для вашихъ трудовъ? или не помните, какъ я, простивъ ваше непокорство, напоилъ васъ, спящихъ перевезъ чрезъ рѣку и — оставилъ здѣсь? за мое благодѣяніе, не должно ли было вамъ сравниться съ вашими сотрудника-

ми?» Злобные рабы трепетали и не знали, что отвѣчать ему.

Наконецъ господинъ, какъ праведный судія, воздалъ каждому по дѣламъ его: прилежныхъ рабовъ наградилъ, а рабовъ лѣнивыхъ предалъ смерти.

Толкованіе.

Господинъ — Владыка Христосъ; поле — вѣра; пьянство—молитва; рѣка—прелесть и богатство вѣка сего; послушные рабы — праведники; отъ пьянства воспрянувшіе и принявшіеся за свое дѣло—грѣшники, искусомъ и наказаніемъ исправившіеся и, послѣ раскаянія въ грѣхахъ своихъ, уже живущіе по заповѣдямъ Господнимъ; а рабы лѣнивые — люди, совершенно отвергшіе благодать Божію, никогда некающіеся и нерадящіе о своемъ спасеніи.

Христіянинъ! вспомни Павла, который, по приказанію Архіереевъ Іудейскихъ, шелъ въ Дамаскъ воздвигнуть гоненіе на Христіянъ, истребить вѣру ихъ — но что же вышло? . . Павелъ сдѣлался ревностнѣйшимъ проповѣдникомъ Слова Господня. И такъ, сколь бы согрѣшеніе твое велико ни было, не думай, будто не можно спастися! Богъ долготерпѣливъ и ожидаетъ только нашего покаянія.

Награда милостивому (*).

Святый Филаретъ былъ богатъ, благороденъ и отъ всѣхъ уважаемъ; а что болѣе возвышало его, былъ добродѣтеленъ и столько милостивъ, что ни однажды, чрезъ всю жизнь, не отказывалъ, если бѣдный что нибудь просилъ у него.

(*) Декабря въ 1 день.

Но Богъ, все на пользу нашу устрояющій, восхотѣлъ испытать его твердость. Агаряне напали на его отечество и опустошили все, что имъ ни встрѣтилось: людей и скотъ увели съ собою, нивы потоптали, сады выжгли. Сей ужасной участи болѣе всѣхъ подвергся праведный Филаретъ и сдѣлался бѣднѣйшій по всей Пафлагоніи.

Имѣя супругу, дѣтей и внучатъ, онъ началъ заниматься хлѣбопашествомъ, чтобъ пропитать себя и семейство. Къ несчастію, у одного бѣднаго крестьянина издохъ чужой волъ, и праведникъ для расплаты отдалъ ему послѣдняго вола: Ѳеозва, жена его, облившись слезами, горько укоряла его за расточительность... У одного воина издохъ конь, и праведникъ отдалъ ему послѣдняго коня: Ѳеозва осыпала его ругательствами... У одного бѣднаго человѣка, который имѣлъ груднаго младенца, пала корова; праведникъ отдалъ ему послѣднюю корову: Ѳеозва прогнала его съ глазъ своихъ и съ того времени ѣла съ дѣтьми своими, какъ будто не зная, что у нея есть мужъ.

Уже несчастное семейство питалось милостынею: но Филаретъ столько же былъ благодѣтеленъ. — Если кто нибудь изъ прежнихъ знакомцевъ посылалъ ему нѣсколько хлѣба, онъ раздѣлялъ на части женѣ, дѣтямъ, внучатамъ; а что доставалось ему, еще раздѣлялъ съ нищими... Жена и дѣти называли его безжалостнымъ, извергомъ, чадоубійцею; но святый мужъ всегда отвѣчалъ съ кротостію: «у меня есть въ нѣкоторомъ тайномъ мѣстѣ безчисленныя сокровища; ихъ будетъ на всю жизнь не только намъ, но и внучатамъ нашимъ.

Ѳеозва думала, что супругъ ея говоритъ внѣ ума; но время вскорѣ оправдало слова его... Христолюбивая Ирина, царствовавшая тогда въ Греціи съ сыномъ своимъ Константиномъ, вознамѣрилась сыскать ему достойную

невѣсту въ нѣдрахъ своего отечества. Посланные для сего, нѣсколько знаменитыхъ и благородныхъ мужей, наконецъ прибыли въ Пафлагонію... Увидѣвъ домъ праведнаго Филарета, огромностію и красотою отъ прочихъ отличающійся, они избрали его себѣ для пристанища; хотя нѣкоторые изъ гражданъ говорили имъ, что сей домъ сколько великолѣпенъ снаружи, столько внутри пустъ: но чрезъ сіе возбудили въ нихъ большее любопытство. Они отослали напередъ отъ себя все, что нужно было къ столу...

Святый Филаретъ съ сыновьями и внуками угощалъ ихъ; но какъ изъ всѣхъ его поступковъ обнаруживалось какое-то благородство, а молодые люди весьма благопристойно обходились съ вельможами: то сіи послѣдніе полюбопытствовали, имѣетъ ли онъ супругу и дочерей?.. Филаретъ вывелъ предъ нихъ Ѳеозву, которую увидѣвъ, они удивились, что она, будучи при старости, имѣетъ довольно красоты. Что жъ касается до дочерей его и внучекъ, они пришли въ восхищеніе, смотря на ихъ прелести... «Благодаримъ Бога, что нашли желаемое!» сказали они. — Потомъ объявили праведному Филарету намѣреніе, съ которымъ они прибыли въ его отечество, и Марію, старшую его внуку, поздравили невѣстою царя своего...

Праведный Филаретъ и все его семейство отправились въ Царьградъ. Тамъ Марія обручилась съ Константиномъ и сдѣлалась участницею престола; другая сестра ея вступила въ супружество съ однимъ изъ первыхъ вельможъ; третія сдѣлалась Королевою Лонгобардскою... Такимъ образомъ на праведномъ Филаретѣ сбылись слова Порфироноснаго Пророка: *Блаженъ человѣкъ разумѣваяй на нища и убога* (*).

(*)Псаломъ 40. 2.

Будь только добродѣтеленъ, все прочее оставь на попеченіе Богу; но при всемъ томъ, никогда не забывай и того, чтобы надежда твоя не была запятнана сомнѣніемъ.

Царскій обѣдъ.

Совершивъ торжество брачное, праведный Филаретъ сказалъ своей супругѣ: «сдѣлаемъ великолѣпный обѣдъ; я хочу угостить царя и знатнѣйшихъ вельможъ его».— Ѳеозва употребила все, чтобы сдѣлать пиршество какъ можно роскошнѣе.

Когда все было готово, Филаретъ приказалъ сыну своему, Іоанну, уже важнымъ чиновникомъ тогда бывшему, и прочимъ внукамъ, чтобы толь знаменитымъ гостямъ при столѣ служили сами, а о себѣ сказалъ, что идетъ звать царя и вельможъ.

Но какъ удивилось семейство его, увидѣвъ святаго человѣка, домой возвращающагося! Онъ былъ окруженъ нищими, слѣпыми, хромыми, дряхлыми, которыхъ число простиралось до двухъ сотъ человѣкъ.—«Се царь приближается съ вельможами, сказалъ онъ: все ли у васъ готово?»—Тогда-то домашніе его поняли, что праведникъ царемъ называлъ самого Іисуса Христа, а вельможами— нищихъ, которыхъ молитвы имѣютъ у него столь великую силу, и съ кротостію исполняли все, что ни повелѣвалъ онъ.

Святый Филаретъ, угостивъ царя своего и вельможъ, еще далъ каждому изъ нихъ по златницѣ.

Напитавъ жаждущаго, мы напитаемъ самого Христа; одѣвъ нагаго, мы одѣнемъ самого Христа; упокоивъ странника, мы упокоимъ самого Христа; посѣтивъ страж-

дущаго въ темницѣ, мы посѣтимъ самого Христа. Христіяне! коль великое утѣшеніе, быть благодѣтелемъ бѣдныхъ!

О дѣлахъ человѣческихъ (*).

Нѣкоторый инокъ, сидя въ келліи, услышалъ гласъ свыше: «пріиди: я покажу тебѣ дѣла человѣческія». — Инокъ вышелъ, и явившійся Ангелъ указалъ ему Мурина, который насѣкъ дровъ и, связавъ ихъ, покушался поднять на плечи, но былъ не въ силахъ. Вмѣсто того, чтобы убавить дровъ, онъ нарубилъ ихъ еще болѣе и, увеличивъ ношу, опять сталъ поднимать, и опять не могъ—сіе повторялъ многократно . . .

Прошедши нѣсколько поприщъ, опять Ангелъ указалъ ему на другаго человѣка, который, стоя у колодезя, черпалъ воду и лилъ въ утлую кадь, изъ которой вода опять бѣжала въ колодезь.

Удивляясь сему, инокъ пошелъ далѣе. — Вдругъ увидѣлъ церковь; и какіе-то два человѣка, сидя на коняхъ и держа бревно поперегъ дверей, силились внести его въ церковь; но сколько ни старались, трудъ ихъ былъ напрасенъ: ибо бревно было гораздо долѣе, нежели сколь широка дверь, а повернуть его вдоль по дверямъ они не хотѣли . . .

Толкованіе.

Сѣкущій дрова—есть человѣкъ, живущій въ грѣхахъ, который, вмѣсто покаянія, безпрестанно умножаетъ оные. Черплющій воду есть тотъ, который и много дѣлаетъ добра, но не оставляетъ грѣховъ своихъ, и для того не имѣетъ части съ избранными Божіими. А два человѣка, несущіе бревно, суть тѣ, которые добродѣтельны, но горды.

(*) Притча Преподобнаго Даніила. Изъ Пролога. Декабря въ 4 день.

Творецъ въ своемъ твореніи (*).

Должно быть или слишкомъ слабымъ въ разсудкѣ, или невнимательнымъ, или суевѣрнымъ, чтобы не видѣть Творца въ его твореніи. Каждый взглядъ на природу силенъ убѣдить умъ и сердце, что созданіе міра не зависѣло отъ слѣпаго случая. Такъ! *Живый на небеси созда вся обще* (**). *Небеса повѣдаютъ славу Божію; твореніе же рукъ его возвѣщаетъ твердь* (***). Разительный сему примѣръ представляетъ святая Великомученица Варвара.

Сія праведница, дщерь человѣка богатаго и славнаго, чиновника въ Иліополѣ, родилась идолопоклонницею. Діоскоръ, отецъ ея, будучи вдовъ, единственное утѣшеніе жизни находилъ въ Варварѣ: ибо она сколько была прекрасна, столько и благоразумна; но изъ недовѣрчивости ли къ женскому сердцу, или по обыкновенію отечества, онъ содержалъ ее подъ крѣпкимъ присмотромъ; въ отдѣленной части дома, которая, впрочемъ, возвышаясь наподобіе башни, имѣла въ виду прелестныя окрестности. Тамъ не занималась она нарядами, которыхъ одна цѣль, чтобы показаться свѣту; не занималась играми, которыя столь свойственны юношескому возрасту. Любимое ея занятіе было, любоваться природою. — Самый приступъ къ сему для нея былъ легокъ; ибо извѣстно, какое вліяніе могутъ имѣть явленія природы на душу, неразвлеченную суетностями . . . А мудрой Варварѣ нужно было только разъ открыть сердце свое сему дѣйствію; уединенная, единообразная жизнь всего способнѣе была питать и усиливать первыя впечатлѣнія.

(*) Декабря въ 4 день.
(**) Сирах. 18. 1. (***) Псал. 18. 2.

Можетъ быть, сначала утѣшали ее красота, благоуханіе и нѣжность цвѣтовъ. А кто знаетъ силу пристрастій, тотъ не удивится, если юная дѣвица отъ прелестной земли вознеслась до красоты неба и наконецъ начала размышлять о явленіяхъ воздушныхъ. Она видѣла великолѣпное солнце, тихій мѣсяцъ, безчисленныя звѣзды, и не могла понять, кто поселилъ ихъ въ необозримомъ пространствѣ неба? Слышала громъ и не знала, чьи уста глаголютъ съ толикою силою, которая всѣ творенія поражаетъ ужасомъ?.. Ей измлада натвердили, что все производятъ боги ея отечества; но Варвара знала и то, что ихъ изображали подобострастными слабому человѣчеству; знала, что они часто погружаются въ самые неистовые пороки, раздѣляются на разныя стороны, и въ шумѣ вѣчныхъ между собою ссоръ покровительствуютъ, по большей части, злодѣянія; изъ чего и заключила, что при толикомъ ихъ множествѣ, при толь великомъ безчиніи, скорѣе можетъ произойти безпорядокъ и самое нарушеніе міра, нежели стройность и красота онаго.—«Боги отца моего, часто говорила она, беззаконны въ поступкахъ своихъ: какъ же могли они основать, какъ могутъ поддерживать всеобщій законъ природы?» Разумъ ея переходилъ отъ мысли къ мысли, и между тѣмъ все оставался въ томъ же сомнѣніи. Она представляла Бога, Творца вселенныя, то въ томъ, то въ другомъ видѣ; но весь ея успѣхъ былъ только тотъ, что она изъ одного заблужденія всегда переходила въ другое; чувствовала безсиліе свое и не могда помочь оному. Побуждаема святымъ любопытствомъ, колькратно хотѣла она удовлетворить ему въ бесѣдѣ людей мудрыхъ! но жизнь уединенная поставляла тому преграду, которую праведница преодолѣть была не въ силахъ.

Но Богъ милосердъ!.. Духъ Святый разверзаетъ

сердце человѣка къ пріятію небесной истины, если оно съ пламеннымъ рвеніемъ старается постигнуть оную. Духъ Святый озарилъ душу юной дѣвицы, и она воскликнула: «должно быть Богу, который все устроилъ, и всѣмъ въ мірѣ управляетъ! но не хочу думать, чтобы сей Богъ былъ подобенъ богамъ отца моего.» — Сіи размышленія столько занимали мудрую Варвару, что она забыла все на свѣтѣ, кромѣ Творца и творенія, и какъ ужаснулась, когда отецъ представилъ ей на выборъ славныхъ жениховъ, которые давно искали ея руки и сердца! Невинная дѣвица облилась слезами и сказала ему рѣшительно, что она лучше готова умереть, нежели лишиться счастія жизни дѣвической.

Богъ, всегда споспѣшествующій нашему спасенію, всѣ обстоятельства располагаетъ намъ въ пользу. — Вскорѣ отцу ея должно было отлучиться на нѣсколько времени въ другое мѣсто. Діоскоръ, тронутый нечувствительностію ея къ супружеству, далъ ей, въ отсутствіи своемъ, полную свободу обходиться съ подругами, въ той надеждѣ, что она, видя тихую радость невѣстъ и счастіе супруговъ, перемѣнитъ свои мысли и отдастъ сердце свое достойнѣйшему изъ благородныхъ юношей. Но посмотримъ, на что святая Варвара употребила время свободы . . .

Между подругами ея было нѣсколько дѣвицъ, которыя, будучи Христіянками, скрывали вѣру свою, страшась гоненій, которыя тогда свирѣпствовали повсюду въ Римскомъ государствѣ. Отъ нихъ-то услышала она имя Христа Спасителя, и съ того времени препровождала съ ними дни и ночи: училась всему, чему онѣ могли научить ее . . . Но къ совершенному ея благополучію послужилъ случай особливый: въ Иліополь прибылъ одинъ Александрійскій Священникъ, подъ именемъ купца. Коль

несказанна была радость праведницы, когда она въ первый разъ воспользовалась бесѣдою его! Съ тѣхъ поръ благочестивыя наставленія старца были единственнымъ занятіемъ ея сердца. Тутъ познала она бытіе и существо Того, Кого прежде усматривала только издали — какъ бы въ нѣкоторомъ туманѣ; узнала воплощеніе, вольную страсть и возстаніе отъ гроба Христа Спасителя, Агнца, вземшаго грѣхъ міра; узнала добродѣтели, отличающія душу Христіянина, и — отродилась водою и Духомъ.

Ужасъ ея мученій иввѣстенъ всякому Христіянину. Но ни трогательныя убѣжденія и звѣрская ярость отца ея, ни огонь и сталь не могли поколебать въ ней любви къ жениху небесному; а смерть ея доказала истину словъ Евангельскихъ: *предастъ же братъ брата на смерть, и отецъ чадо.*

Примѣръ подаянія милостыни (*).

Милостыня есть добродѣтель боголюбезнѣйшая — но она теряетъ едва ли не всю цѣну, когда честолюбивый благотворецъ, для толь добраго дѣла выходитъ на торжище, съ гордостію простираетъ руку къ бѣднымъ и раздаетъ милостыню какъ можно медленнѣе, чтобы всѣ мимоходящіе успѣли увидѣть сострадательность его и щедролюбіе. Она не будетъ тогда общеполезна: ибо лишаются ея тѣ, которые, по какимъ нибудь обстоятельствамъ не могутъ принимать оную всенародно; не будетъ означать милосердія: ибо тогда оскорбляется чувствительность пріемлющихъ; не будетъ достойна награды небесной: ибо гордый милостынодатель тогда пріемлетъ мзду отъ свѣта. Она будетъ служить только съ пользу

(*) Декабря въ 6 день.

тунеядцамъ, къ поощренію ихъ праздности. — Это можно сказать въ слухъ. И такъ, если сердце наше благодѣтельно, то будемъ благотворить втайнѣ. Угодникъ Божій Николай въ семъ случаѣ нашъ наставникъ.

Въ Ликійскомъ городѣ Патарѣ, гдѣ Святитель Христовъ Николай приносилъ безкровную жертву Богу-Вседержителю, былъ нѣкоторый гражданинъ благороденъ, богатъ и славенъ; но что болѣе утѣшало его: имѣлъ у себя трехъ дочерей, прекрасныхъ и благовоспитанныхъ. Уже приближалось время ихъ супружества. Лучшіе изъ Патарскихъ юношей, одинъ предъ другимъ, старались понравиться имъ и заслужить сердце и руку дѣвицъ. Отеческое сердце радовалось, воображая будущую участь дочерей и спокойствіе своей старости; но жизнь вѣка сего непостоянна... Внезапное бѣдствіе постигло домъ счастливца, и — вдругъ богачъ дѣлается нищимъ, славный приходитъ въ презрѣніе.

Должно быть на мѣстѣ сего злосчастнаго отца, чтобъ почувствовать весь ужасъ его состоянія! Если человѣкъ одинокій, повергаясь въ нищету, унываетъ и отчаявается, онъ малодушенъ; но видя подлѣ себя истаевающее отъ глада семейство, трудно быть равнодушнымъ. Обезсиленъ не столько старостію, сколько печалію, онъ не могъ трудами снискивать семейству своему пропитаніе и одежду — того менѣе супруга и дѣтей: ибо, воспитаны будучи въ нѣдрахъ изобилія, учились искусствамъ, болѣе пріятнымъ нежели полезнымъ. И такъ, какихъ не имѣлъ на сердцѣ своемъ намѣреній отецъ, тѣмъ болѣе злополучный, что суетность еще не преставала кружить его голову! До какихъ покушеній не доводили его безпрестанныя думы! Часто хотѣлъ онъ пронзить сердце дочерей своихъ, чтобы не видѣть ихъ томленія и одному умереть спокойнѣе; часто хотѣлъ изъ красоты ихъ сдѣлать постыдную тор-

говлю, и чрезъ то поправить свою участь; но то и другое ужасало его, а всѣхъ предпріятій конецъ былъ тотъ, что бѣдный страдалецъ певергся въ отчаяніе, ужаснѣйшее прежняго.

Въ семъ-то горестномъ состояніи услышалъ о немъ Святитель Христовъ Николай и положилъ на сердцѣ, мгновенно помочь ему — помочь такъ, чтобы не вѣдала шуйца, что сотворитъ десница его. Праведникъ дожидается глухой полночи, беретъ кошелекъ золота, идетъ къ дому несчастливца и, приближась подъ окно, сквозь разбитую оконницу, потрясаемую вѣтромъ, бросаетъ даръ свой и уходитъ поспѣшно.

Какъ удивился бѣдный человѣкъ, когда, пробуждаясь отъ сна, увидѣлъ на полу кошелекъ, и въ немъ нашелъ деньги... Не мечтаніе ли это? думаетъ онъ; стократъ пересыпаетъ ихъ съ руки на руку; страшится, чтобы столь же внезапно не исчезли онѣ, сколь внезапно и пришли къ нему; потомъ, отъ радости, воскликнулъ «ахъ! почто не знаю, кому обязанъ я спасеніемъ моей чести и жизни?»

Святый слышитъ, что облагодѣтельствованный имъ несчастливецъ почелъ за первый долгъ выдать въ супружество старшую дочь, и въ душѣ своей похваливъ благоупотребленіе дара, повторяетъ его точно такимъ же образомъ. Бѣдный человѣкъ вторую милостыню посвящаетъ счастію второй дочери, и догадывается, что неизвѣстный благодѣтель, безъ сомнѣнія, подастъ руку помощи и третьей его дочери. Онъ чувствуетъ сердечную нетерпѣливость, узнать своего Ангела-Хранителя, не дремлетъ ночи —и вдругъ слышитъ, что на полъ его хижины упало что-то въ третій разъ.

Счастливецъ *(ибо ему тогда грѣшно было почитать себя несчастливцемъ)* выбѣгаетъ на стогну, стремится

въ намѣреніи кого нибудь достигнуть и—падаетъ въ ноги святому Николаю. «Человѣкъ Божій! восклицаетъ онъ: чѣмъ могу возблагодарить тебя?»—«Молчаніе, отвѣчаетъ Угодникъ Божій, глубокое молчаніе и благоупотребленіе посильнаго дара для меня будетъ пріятнѣйшею отъ тебя благодарностію.»—Потомъ, сдѣлавъ ему нѣсколько душеполезныхъ наставленій, оставляетъ въ недоумѣніи.

Вотъ трогательная картина истинной благотворительности!—Сколь мало таковыхъ добродѣтелей представляетъ свѣтъ сей! Тѣмъ болѣе немерцаемо ихъ сіяніе . . .

Святый Николай укрощаетъ бунтъ.

Для укрощенія нѣкотораго мятежа посланы были отъ царя Константина трое вождей съ немалымъ числомъ войска; но поелику возставшая на морѣ буря не поволяла имъ продолжать путь свой, то, въ ожиданіи благопоспѣшнаго вѣтра, они остановились въ одномъ приморскомъ городѣ, который принадлежалъ къ паствѣ святаго Николая.

Должно думать, что военачальники не такъ строго наблюдали порядокъ и благонравіе въ войскѣ: ибо граждане вскорѣ почувствовали, что сіи защитники отечества суть не что иное, какъ разбойники: въ домахъ показались обиды и оскорбленія, на торжищѣ—грабежъ. Отчего сначала произошелъ ропотъ, потомъ распри, далѣе драки, наконецъ показались искры всеобщаго мятежа.—Каждый часъ страшились увидѣть кровопролитное междоусобіе.

Едва услышалъ о толь плачевномъ происшествіи, Угодникъ Божій немедленно отправился въ путь, чтобы предупредить или утушить пламя бунта. Одно имя праведника имѣетъ такую силу, которая останавляетъ злодѣянія въ

стремительнѣйшемъ ихъ шествіи.—Точно такимъ образомъ случилось и здѣсь: весь народъ идетъ ему въ срѣтеніе; военачальники и воины слѣдуютъ за народомъ. Сердца, одно противъ другаго враждебныя, на тотъ разъ воспламенились единодушіемъ.

Кто можетъ сомнѣваться, благоуспѣшно ли было предпріятіе его? . . . «Воинство, Христу тезоименитое! сказалъ онъ: вы дѣти одного отечества, подданные одного Государя, братія одной Церкви, наслѣдники одного небеснаго Царствія; ахъ! почто вамъ оскорблять другъ друга? Сего мало еще: на васъ возложенъ отъ царя долгъ укротить мятежъ въ отечествѣ, а вы, не успѣвъ достигнуть своей цѣли, дѣлаете бунтъ ужаснѣйшій въ самомъ сѣрдцѣ онаго!» — Такъ говорилъ праведникъ, и— военачальники раскаялись въ послабленіи своемъ, воины—въ самовольствахъ своихъ; тѣ и другіе поклялись свято наблюдать обязанности своего званія . . . Миръ и дружелюбіе заступили мѣсто раздора и междоусобія.

Таковъ долженъ быть истинный пастырь и учитель словеснаго стада Христова!

Невинность освобождается отъ смертной казни.

Едва угодникъ Божій Николай укротилъ бунтъ между гражданами и войскомъ, явились предъ нимъ нѣсколько знатныхъ мужей изъ Мѵръ-Града, гдѣ Святитель Христовъ имѣлъ престолъ свой, и съ слезнымъ сѣтованіемъ представили ему, что градоначальникъ ихъ, привыкнувъ простирать руку свою къ беззаконной мздѣ, осудилъ на смерть трехъ гражданъ, которые ни въ чемъ невинны и только имѣли несчастіе возбудить на себя зависть и злобу въ нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ богачахъ; что весь го-

родъ о нихъ соболѣзнуетъ, но кромѣ его предстательства, не имѣетъ средства спасти ихъ; что, сверхъ того, сей злобный судія, пользуясь его отсутствіемъ, безпрестанно злоупотребляетъ власть свою . . . Облилось кровію сердце угодника Божія!

Онъ съ поспѣшностію возвращается въ престольный градъ свой и слышитъ, что несчастныхъ ведутъ на мѣсто казни . . . Гнѣвъ и соболѣзнованіе даютъ крылія старцу.— Народъ предъ нимъ раздвигается съ шумомъ.

Руки злосчастныхъ были связаны; поникшія къ землѣ главы ихъ закрыты; обнаженныя выи простерты.—Уже исполнитель смертнаго приговора съ суровымъ взоромъ поднялъ сѣкиру на ударъ . . . Въ сіе-то мгновеніе предстаетъ тутъ угодникъ Божій—съ гнѣвомъ и вкупѣ съ кротостію исторгаетъ мечъ неправды, повергаетъ на землю и съ дерзновеніемъ разрѣшаетъ узы невинныхъ. Никто не дерзнулъ противорѣчить ему: ибо слово его было властно; поступокъ его знаменовалъ силу божественную.

Спасенные имъ граждане падаютъ къ стопамъ его и, орошая слезами, съ благоговѣніемъ лобызаютъ ихъ. Весь народъ благословляетъ святаго человѣка, что толь славно небесный Судія удивилъ на немъ милость свою. Неправедный градоначальникъ старается предъ нимъ оправдать судъ свой, увѣряя, что судъ его есть судъ царя; но человѣкъ Божій не удостоилъ злодѣя и взгляда своего... Онъ сказалъ только: «я знаю сердце царя моего: онъ праведенъ и отмститъ неправду твою . . .»

Если имѣешь хотя малѣйшее средство избавить отъ погибели нивинность, или, по крайней мѣрѣ, облегчить горестную судьбу ея: не медли сдѣлать доброе дѣло. Если и не успѣешь въ томъ, Господь наградитъ твое доброе намѣреніе.

Избраніе святаго Амвросія на епископство медіоланское (*).

По смерти Аріанскаго Епископа Авксентія, Императоръ Валентиніанъ поручилъ духовенству, въ общемъ собраніи, назначить новаго архипастыря Медіолану. Онъ требовалъ человѣка безпорочной жизни и съ глубокими знаніями, чтобы—какъ говорилъ онъ—царствующій градъ святился его наставленіями и примѣрами; и чтобы Императоры, которые суть повелители свѣта, и при всемъ томъ не минуютъ быть великими грѣшниками, могли принимать совѣты его съ довѣренностію и увѣщанія съ почтеніемъ. Признаніе, сколько достойное народодержца, столько и рѣдкое! Умыселъ и заблужденіе безпрестанно твердятъ, что Государь превыше обличеній; но человѣкъ, отличный отъ другихъ только тѣмъ, что облеченъ въ порфиру, ежеминутно доказываетъ противное.

Епископы, по приказанію Императора, собрались. Но поелику на Соборѣ сколько было правовѣрующихъ, столько и Аріанъ, то, предвидя несогласіе, они просили Валентиніана, чтобы самъ нарекъ изъ нихъ того, котораго желаетъ. Но Императоръ отвѣчалъ имъ, что сіе дѣло сверхъ силъ его, что онъ не имѣетъ столько ни знанія въ церковныхъ правилахъ, ни благочестія, чтобы приступить къ оному.—«Сей выборъ, говорилъ онъ, принадлежитъ единственно пастырямъ Церкви, потому что они имѣютъ руководителемъ своимъ Духа Святаго.»—Вотъ истинное благочестіе просвѣщеннаго Государя! Архипастырь за порученное ему словесное стадо долженъ отвѣтствовать Богу: кто жъ можетъ безъ трепета принять на себя сей выборъ, который и его дѣлаетъ участникомъ того же осужденія?

(*) Декабря въ 7 день.

Наконецъ, въ слѣдствіе императорскаго отзыва, Епископы собрались въ назначеное мѣсто съ прочими духовными особами; народъ, котораго согласіе въ семъ случаѣ было необходимо, приглашенъ туда же. Аріане нарекли одного человѣка изъ своей секты; а Православные хотѣли избрать одного изъ своего общества. Обѣ стороны разгорячились, и сей споръ, по мятежническому духу Аріанъ, уже превращался въ открытую войну. Амвросій, начальникикъ области и города, чаловѣка разумный и честный, увѣдомился о семъ безпорядкѣ и пришелъ въ церковь, чтобы воспрепятствовать оному. Но едва началъ говорить къ народу, какъ нѣкоторый младенецъ, сидящій на рукахъ у матери, воскликнулъ: «Амвросій Епископъ!» Весь народъ изумился гласу отрочати и, почитая оный за вдохновеніе Божіе, объялся единодушіемъ. Православные и Аріане потребовали, чтобы Амвросій былъ ихъ архипастыремъ. Кто не видитъ изъ сего, что Божественное Провидѣніе начальствуетъ въ совѣтахъ! Хотя и сокрывается оно подъ дѣлами, которыя кажутся произведеніемъ одного случая, но тайно всѣмъ повелѣваетъ.

Между тѣмъ Амвросій сначала почиталъ сей общій гласъ вздорнымъ; но какъ народъ настоялъ въ своемъ требованіи, объявилъ собранію, что онъ еще не крестился (*) и знаетъ за собою такіе грѣхи, которые не позволяютъ ему быть пастыремъ; но общій гласъ отвѣчалъ ему: «грѣхъ твой на насъ да будетъ!» Амвросій принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы удалить отъ себя должность,

(*) Въ первыя времена Христіянства было обыкновеніе отстрочивать Крещеніе иногда до тридцатилѣтняго возраста; сія отстрочка могла имѣть два побужденія: одно, чтобы приготовится достойнымъ образомъ къ принятію Крещенія, другое, чтобы, въ надеждѣ бани пакибытія, жить безъ наказанія въ порочныхъ утѣхахъ. Церковь похваляла первое, а второе осуждала.

превышающую силы его, и употребилъ умышленную строгость на судѣ, которому подпали наиболѣе обличенные въ семъ мятежѣ, чтобы чрезъ то охладить къ себѣ сердце народа: но народъ проникъ въ его намѣреніе. Наконецъ Амвросій тайно бѣжалъ изъ города съ тѣмъ, чтобы удалиться въ неизвѣстное мѣсто; но, блуждая чрезъ всю ночь, зашелъ въ незнакомые пути, которые внезапно привели его опять къ вратамъ Медіолана. Къ нему приставили стражу, чтобы не ушелъ вторично, и подали *челобитную* Императору, дабы подтвердилъ избраніе ихъ. Столько-то надлежало въ первые времена Христіянства дѣлать насилія святымъ мужамъ, чтобы принудить ихъ къ принянію духовнаго пастырства! За то, уже не говоря объ Архіереяхъ Божіихъ, коль благочестиво жилъ тогда весь причетъ церковный!

Но сколько сему противился Амвросій, столь радостно согласился на то Валентиніанъ и приказалъ крестить его немедленно. Избранникъ Божій чрезъ семь дней прешелъ всѣ степени священства, и въ осмый рукоположенъ въ Епископа. Народъ радовался неизреченно; самъ Государь былъ при посвященіи, и сказываютъ, что, по окончаніи обряда, поднявъ глаза и руки къ небу, воскикнулъ: «Благодарю тебя, Господи, что подтвердилъ выборъ мой Твоимъ избраніемъ, поручивъ попеченіе о душахъ нашихъ тому, кому я поручилъ правленіе сей области.»

Богоизбранный Епископъ совершенно посвятилъ себя изученію Священнаго Писанія, и паче всего старался возстановить вѣру и благочестіе въ духовной паствѣ.

Нелицепріятіе святаго Амвросія противу грѣшниковъ.

Въ народномъ возмущеніи, случившемся въ Өессалоникѣ отъ весьма маловажной причины, былъ умерщвленъ Боверикъ, намѣстникъ Иллирійскій. Өеодосій Великій, услышавъ о семъ неустройствѣ, такъ разгнѣвался, что принялъ намѣреніе излить весь ужасъ казни на злосчастный городъ! . . . Хотя святый Амвросій и успѣлъ укротить первое движеніе царскаго сердца, вообще добраго, но вспыльчиваго, однако первые чиновники, а особливо Руффинъ, главный дворецкій, нашли время обратить Өеодосія на первую мысль; и—Государь преломивъ слово; данное человѣку Божію, повелѣлъ толь важное дѣло содержать отъ него втайнѣ.

Не можно безъ содроганія описать ужаса, который былъ слѣдствіемъ необдуманнаго суда. Чиновники, для сего опредѣленные, начали исполнять повелѣніе царское съ коварствомъ и жестокостію: они забавляли злополучный народъ нѣкоторыми пориготовленіями къ общенароднымъ играмъ и, собравъ множество гражданъ въ назначенное къ тому мѣсто, дали знакъ, о которомъ прежде условились.

Вдругъ воины устремились на убійство: на площадяхъ, въ домахъ, особливо въ циркѣ, куда собрался народъ, кровь лилась ручьями; невинные погибли съ виновными; не было пощады ни полу, ни состоянію—даже иностранцы подверглись той же участи. Городъ преданъ былъ кровопійному мечу на три часа; и въ сіе время погибло около седми тысячъ человѣкъ, а сколько поругано! . . .

Хотя и должно думать, что Өеодосій не имѣлъ въ сердцѣ своемъ столь лютаго мщенія: но горе боговѣнчанному чело-

вѣку, который предается обаянію злонамѣренныхъ царедворцевъ! Государь долженъ отвѣтствовать за все, что другіе дѣлаютъ его именемъ, слѣдственно и злодѣянія, учиненныя хотя нѣкоторымъ образомъ съ вѣдома его, люди на него единственно слагаютъ; а Богъ—исполняетъ имъ чашу своего гнѣва. Слухъ о семъ ужасномъ происшествіи разнесся повсюду, и святый Амвросій узналъ всѣ подробности онаго.

Между тѣмъ Ѳеодосій намѣревался посѣтить его. Человѣкъ Божій, узнавъ о томъ, написалъ къ нему слѣдующее: «Сколь ни сильно въ душѣ моей чувствованіе благодарности за любовь и благодѣянія Монарха; но я, послѣ происшествія Ѳессалоникскаго, уже не могу имѣть той радости, увидѣвъ васъ, которую ощущалъ прежде: и потому желаю лучше оставить васъ въ покоѣ, чтобы имѣли время подумать о вашемъ поведеніи.» Сверхъ сего святый Амвросій представилъ ему дѣло Ѳессалоникское въ видѣ неслыханнаго мщенія, тѣмъ болѣе, что важность онаго представлена ему была прежде—что Церковь воздыхаетъ о томъ и Первосвященники ея почитаютъ за необходимость, чтобы Государь покаялся; а безъ того не можетъ приступить къ Тайной Вечери; что сіе предлагаютъ ему не для того, чтобы посрамить его, но дабы возбудить его, познать въ царѣ человѣка и смириться предъ Богомъ. — «Я пишу къ тебѣ своеручно, продолжалъ онъ, чтобы ты, видя мое усердіе, разсудилъ самъ о себѣ втайнѣ.»

Императоръ, получивъ письмо отъ Святаго, очувствовался; мгла предразсужденій исчезла и мщеніе показалось сколько злобнымъ, столько и безразсуднымъ: ибо основаніемъ онаго — не была даже и ложная политика, но одно самокорыстное ласкательство придворныхъ. Ѳеодосій раскаялся и немедленно отправился въ Медіоланъ.

Чтобы истребить худое о себѣ мнѣніе въ народѣ, онъ хотѣлъ, прежде всего, оказать знаки благоговѣнія, и пошелъ въ Соборную церковь, чтобы причаститься Святыхъ Таинъ. Епископъ, услышавъ сіе, сошелъ съ своего мѣста и ожидалъ Государя внѣ притвора. Какъ скоро увидѣлъ его, подошелъ и началъ говорить съ тою важностію, каковую давали ему санъ и святость жизни: — «Должно думать, Государь! что ты не имѣешь еще понятія о важности преступленія твоего, когда дерзаешь здѣсь показаться. Можетъ быть, гордясь величествомъ царскаго сана, ты утаеваешь самъ предъ собою твои слабости; но помысли, что ты взятъ отъ земли, какъ и другіе люди, и опять возвратишься въ землю, какъ они. Не ослѣпляйся сіяніемъ порфиры, которая покрываетъ слабое и мертвенное тѣло. Подвластные тебѣ народы одного съ тобою естества и служатъ тому же Богу, который есть Господь и подданныхъ и Монарховъ. Ты умертвилъ тысячи подобныхъ тебѣ, какъ же дерзаешь внити во храмъ общаго Отца? Дерзнешь ли простерть невинною кровію обагренныя руки къ принятію святѣйшаго тѣла Христова? Дерзнешь ли святую Его кровь принять въ сіи уста, которыя повелѣли убить твоихъ собратій? Удались отсюда и не усугубляй новымъ преступленіемъ того, которое тобою содѣлано; но лучше пріими съ Христіянскимъ смиреніемъ приговоръ, который Церковь дѣлаетъ тебѣ на земли, и который подтверждаетъ Іисусъ Христосъ на небеси. Пріими его: ибо сіе дѣлается для твоего спасенія.»

Ѳеодосій, пораженный гласомъ Вѣры, стоялъ нѣсколько времени потупивъ очи и не говоря ни слова . . . потомъ сказалъ: «я признаю свое согрѣшеніе, но надѣюсь, что Богъ призритъ на мою слабость и проститъ меня, какъ Давида, содѣлавшаго прелюбодѣяніе и убійство.» — «Но ты, возразилъ святый Епископъ, подражалъ ему въ грѣхахъ

его; почему же не послѣдуешъ ему и въ покаяніи?» — Ѳеодосій, облившись слезами, возвратился въ свои чертоги и жилъ, какъ кающійся, почти не думая, что онъ— Императоръ.

Между тѣмъ наступилъ праздникъ Рождества Христова. Ѳеодосій, удручаемый печалію, всталъ, противу своего обыкновенія, весьма рано; и поелику, какъ отлученный, не могъ быть участникомъ торжествующихъ Христіянъ, готовился проводить сіе время въ глубокой печали. Руффинъ всемѣрно старался развлечь его . . . Таковы ласкатели! Сей коварный царедворецъ, побудивъ прежде своего Государя учинить толь великое прегрѣшеніе, теперь старяется отвлечь его отъ покаянія. Слава Монарху, что онъ, будучи другаго мнѣнія, пребылъ твердъ въ спасительномъ намѣреніи! . . . «Перестанъ издѣваться надъ моимъ сѣтованіемъ, вознегодовавъ, сказалъ онъ: я разсуждаю лучше о состояніе, въ которомъ нахожусь, нежели ты: не имѣю ли причины печалиться, когда и послѣдніе изъ моихъ подданныхъ будутъ сегодня отправлять молитву свою предъ алтаремъ; а мнѣ одному возбраненъ ходъ не только въ церковь, но и въ самыя небеса, по словамъ Евангелія: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси*.

Руффинъ, не надѣясь истребить изъ мыслей Государя священнаго страха, взялъ на себя идти къ святому Архіерею и усерднѣйшимъ прошеніемъ убѣдить его, дабы уничтожилъ приговоръ *отлученія*. Хотя Ѳеодосій увѣрялъ, что, въ разсужденіи его, какъ величайшаго грѣшника, сіе наказаніе справедливо, а въ разсужденіи непреклонности Архіерея Божія сей трудъ безполезенъ; но видя, что Руффинъ подаетъ несомнѣнную надежду, дозволилъ ему идти къ Епископу, и чрезъ нѣсколько минутъ самъ послѣдовалъ за нимъ. Хитрый вельможа какъ ни искустно испол-

нялъ свое дѣло, но святый Авмросій отвѣчалъ ему съ обыкновенною неустрашимостію: «тебѣ, какъ первому виновнику сего преступленія, не можно быть ходатаемъ *разрѣшенія;* и если имѣешь хотя нѣсколько стыда и страха Божія, то помышляй о дѣлѣ ѳессалоникскомъ не иначе, какъ оплакивая худые совѣты, которые подавалъ твоему Государю.» Руффинъ, видя безуспѣшность своего предпріятія, объявилъ, что самъ Императоръ скоро придетъ въ церковь; но Святитель отвѣтствовалъ: «я самъ буду ожидать его предъ дверьми, чтобы возбранить ему входъ. Если Ѳеодосій придетъ, какъ Государь Христіянскій, то не преступитъ законовъ вѣры своей; если же захочетъ сдѣлаться тираномъ, то къ смерти толикаго числа невинно убіенныхъ можетъ прибавить смерть Епископа.»

Руффинъ возвратился. Ѳеодосій, уже на пути бывшій, услышавъ толь горестное извѣстіе, остановился; но, подумавъ нѣсколько, пошелъ далѣе: онъ готовъ былъ претерпѣть всякое уничиженіе и, встрѣченный святительскими укоризнами, смиренно отвѣчалъ: «я пришелъ къ тебѣ исцѣлиться, врачъ души моея! Въ твоей власти состоитъ приказать, что мнѣ дѣлать должно.»

Тогда человѣкъ Божій описалъ ему несчастіе Государя, который не умѣетъ управлять своими страстями и, дѣлая необдуманные приговоры, проливаетъ кровь невинную. Въ заключеніе, онъ повелѣлъ ему издать законъ, чтобы Государи, когда принуждены будутъ употребить чрезвычайную противъ кого-либо строгость, по изреченіи смертнаго приговора, исполненіе отлагали на мѣсяцъ. Наставленіе, достойное мудраго благочестиваго священнослужителя Господня! Когда страсти успокоятся, судія лучше можетъ разсматривать свои приговоры и различать безъ лжеумствованія невинныхъ отъ виновныхъ.

Digitized by Google

Ѳеодосій тутъ же приказалъ изготовить сіе спасительное узаконеніе, подписалъ и далъ клятву, свято наблюдать оное; послѣ чего былъ разрѣшенъ и принятъ въ церковь. Богобоязненный Государь палъ на землю и началъ молиться: *прилпе земли душа моя; Господи, живи мя по словеси твоему* (*) Онъ билъ въ перси свои и, вознося гласъ молитвы къ небу, оплакивалъ грѣхи свои предъ всѣмъ народомъ, который чрезъ то пришелъ въ сокрушеніе и вмѣстѣ съ нимъ плакалъ. Святитель Господень проливалъ за него слезныя молитвы. . .

Блаженъ Государь! блаженъ каждый человѣкъ, который болѣе имѣетъ отвращенія отъ грѣховъ, по слабости имъ содѣянныхъ, нежели отъ покаянія, которое приносить долженъ! Таковъ былъ Ѳеодосій Великій, Единодержецъ извѣстнаго тогда свѣта. Вся Церковь и понынѣ назидается его вѣрою, благочестіемъ и послушаніемъ глаголу Евангельскому. Но да не оскорбится приснопамятное имя его, если скажемъ, что святый Амвросій неусыпно способствовалъ къ тому, что церковная Исторія жизнь его предала вѣчности, и симъ примѣромъ научаетъ Государей добродѣтелямъ Евангельскимъ, царственнымъ и гражданскимъ.

Архипастырь, воздающій Божія Богови, и кесарева кесареви.

Святый Амвросій, за непоколебимую твердость въ Православной вѣрѣ, не только терпѣлъ непрестанныя гоненія, но часто подверженъ былъ опасности и самой смерти — отъ Императрицы Іустины, глубоко зараженной Аріанскою ересію; но онъ, воздавая Божія Богови, всегда воздавалъ и Кесарева Кесареви.

(*) Псал. CXVIII. 25.

Максимъ, предводитель Римскихъ войскъ въ Англіи, по умерщвленіи Императора Граціана, овладѣлъ Галліею и, возгордясь успѣхомъ злодѣйствъ своихъ, готовился учинить нападеніе на Италію, гдѣ царствовалъ Валентиніанъ, младшій братъ Граціана. Соцарствующая ему мать, Іустина, для сопротивленія тирану, не имѣла войска и не надѣялась помощи отъ союзниковъ: почему и вознамѣрилась отправить къ нему посольство, чтобы смиреніемъ своимъ удержать его за Альпійскими горами; но при Дворѣ своемъ не нашла человѣка, который бы могъ или хотѣлъ принять на себя толь важное дѣло. Аріанка прибѣгла къ гонимому отъ нея Святителю, и будто отложивъ ненависть свою, просила его именемъ Императора, своего сына, итти къ Максиму, котораго одно имя ужасало всѣхъ вельможъ.

Угодникъ Божій принялъ съ удовольствіемъ предложеніе и отправился въ путь съ намѣреніемъ пожертвовать— даже своею жизнію за Государя и отечество. Онъ нашелъ Максима, готоваго бросить смерть на всю Италію . . . Но сила благочестивой мудрости и священнаго краснорѣчія непостижима! Святый Амвросій довелъ тирана до того, что оружіе пало изъ рукъ его, или для того, что почтеніе и благоговѣніе къ великому мужу вліяло въ сердце его нѣкоторую кротость, или самъ Богъ, Царь царей, утоляющій ярость мучителей, когда Ему угодно, предписалъ ему, на тотъ разъ, предѣлы. Съ того времени тиранъ всегда раскаявался, что опустилъ толь благопріятный случай для властолюбія и хищничества, и часто жаловался на мудраго Первосвященника, а болѣе на себя, что послушался его увѣщаній.

Толь великаго пастыря должно бы почитать отцемъ юнаго царя и спасителемъ царства; но Іустина думала только о возстановленіи утѣсненнаго имъ Аріанства и—

рѣшился погубить святаго Амвросія. Она издала именемъ сына своего указъ, которымъ объявила мятежникамъ, нарушителямъ церковнаго мира, оскорбителями царскаго величества и преступниками, достойными смертной казни всѣхъ, дерзающихъ прекословить всенародному отправленію Аріанскаго лжесвященнослуженія; избрала въ Епископы какого-то Авксентія, родомъ Скиѳа, за порочную жизнь изъ своей земли изгнаннаго, и наконецъ дошла до такой степени ожесточенія, что велѣла тайно схватить человѣка Божія и увезти въ заточеніе; но, къ счастію, предпріятіе злобы открылось!

Досадуя на безуспѣшность, Іустина приказала святому Епископу и всему Православному духовенству отдать свои церкви Аріанамъ. Но какъ они своего права уступить не хотѣли, то она приказала войску окружить священные храмы . . . Но небу угодно было, чтобы сіе войско приняло сторону Архіерея Божія. Между тѣмъ Максимъ, подъ видомъ защищенія вѣры, опять устремился на Италію, и жесточайшая гонительница святаго Амвросія опять прибѣгла къ нему и просила забыть прошедшее. Архипастырь, предпочитая пользу общую и службу царскую своему покою, немедленно отправился къ тирану . . . Но Господь, наказуя утѣснителей вѣры, не благоволилъ смягчить сердце ихъ утѣснителя.

Христіяне! изъ сей духовной повѣсти замѣтьте, какъ святый Амвросій, защищая Православную церковь, воздавалъ *Божія Богови*, а ходатайствуя за своихъ Государей, воздавалъ *Кесарева Кесареви*; и устрояйте поступки ваши по примѣру величайшаго изъ Святителей Господнихъ.

Digitized by Google

Истинная слава.

Святитель Христовъ Амвросій благочестіемъ и гражданскими добродѣтелями столько прославился по всему свѣту, что въ одно время мудрѣйшіе изъ Персидскихъ вельможъ приходили въ Медіоланъ нарочно, дабы видѣть его, какъ нѣкоторое чудо. Но сіе благоговѣніе къ угоднику Божію еще болѣе явствуетъ изъ отзыва Французскихъ и Нѣмецкихъ Королей. Будучи на пиршествѣ съ Арбогастомъ, славнымъ и почти самовластнымъ предводителемъ Римскихъ войскъ въ Галліи, они спросили: «знаетъ ли онъ Епископа Амвросія?» — Имѣю честь быть его другомъ, отвѣчалъ вельможа, и нерѣдко кушалъ за его столомъ.» — «И такъ не должно удивляться, воскликнули Цари, что ты одержалъ толь много знаменитыхъ побѣдъ, когда любилъ тебя тотъ, который можетъ удержать и самое теченіе солнца, если захочетъ.»

О слава! Кажется, нѣтъ изъ смертныхъ ни одного, который бы — если не гоняется за тобою — не желалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы ты, какъ мздовоздаятельница, за нимъ слѣдовала. Но если ты не есть призракъ, образуемый однимъ дымомъ, то Христіянинъ можетъ видѣть тебя — только въ жизнеописаніи людей, подобнихъ святому Амвросію.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Начало Литургіи святаго Василія Великаго (*).

Святитель Христовъ, Василій *Великій* просилъ у Господа, да снидетъ на него Духъ благодати, премудрости и разума; чтобы собственно — своими глаголами могъ совершать безкровную службу. Чрезъ нѣсколько времени явился ему Господь въ сновидѣніи съ Апостолами, совершая *предложеніе хлѣба и чаши* на святомъ жертвенникѣ и, возставивъ Василія, рекъ ему: «по твоему прошенію, да исполнятся уста твои хваленія.» — Архіерей Божій пробудился, съ благоговѣйнымъ трепетомъ пошелъ въ церковь и, приступивъ къ жертвеннику, началъ глаголать и вкупѣ писать всѣ тѣ молитвы, которыя находятся съ его Литургіи. Послѣ того воздвигъ хлѣбъ, молясь прилежно: *вонми, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ святаго жилища твоего*, и проч. Священнослужители и народъ видѣли небесный свѣтъ, осіяющій алтарь и Святителя, и нѣкоторыхъ мужей, въ бѣлыя ризы одѣянныхъ и великаго Архіерея окружающихъ; въ ужасѣ поверглись они лицомъ на земли и, проливая слезы, благословляли Господа.

(*) Память Святителя Христова Василія празднуется Января въ 1 день.

Смерть Василія Великаго.

Нѣкоторый Еврей, именемъ Іосифъ, былъ столь искусный врачъ, что по біенію пульса жилъ, за пять дней, предсказывалъ больному часъ кончины его. Богоносный Василій, предвидя духомъ, что Іосифъ нѣкогда обратится къ Спасителю міра, любилъ его, и часто, призывая къ себѣ, совѣтовалъ принять святое крещеніе: но Еврей всегда отзывался тѣмъ, что — въ которой вѣрѣ рожденъ, въ той и умереть хочетъ; на что угодникъ Божій отвѣчалъ ему: «Повѣрь мнѣ, что не умремъ ни я, ни ты, доколѣ не родишься отъ воды и Духа. Кромѣ сей благодати не можно внити въ царствіе Божіе. Не крестились ли и отцы твои въ облакѣ и морѣ? не пили ли отъ камени, который былъ прообразованіемъ духовнаго камени, Іисуса Христа?»

Наконецъ приспѣлю время отшествія его къ Богу. Святитель разболѣлся, и призвавъ Іосифа, будто для своего врачеванія, спросилъ у него: «что думаешь о мнѣ? Еврей, ощупавъ пульсъ у Святаго, сказалъ служителямъ, «уготовьте все, нужное къ погребенію; Святитель скоро умретъ.» — Самъ не вѣдаешь, что говоришь, возразилъ Василій *Великій*. — Но Іосифъ отвѣчалъ съ увѣренностію: «ей! ей! Владыко! ты скончаешься прежде, нежели зайдетъ солнце,» — «А что сдѣлаешь, если останусь живъ до шестаго часа утра?» спросилъ у него Василій. — «Пусть умру самъ, отвѣчалъ Іосифъ. — «Заклинаю тебя умереть грѣху, да оживешь Богу,» сказалъ Святитель.— «Знаю, о чемъ говоришь, Владыко! отвѣчалъ Еврей, и свидѣтельствуюсь Богомъ, что сотворю волю твою.» — Святый Василій отпустилъ Іосифа и помолился Богу, да продолжитъ жизнь его, для спасенія заблуждшаго.

Наутріе Святитель послалъ за нимъ. Врачъ, столько

на себя надѣющійся, не повѣрилъ служителю, что Василій живъ: однако, желая проститься съ преставльшимся, пошелъ немедленно. Но какъ изумился онъ, увидѣвъ человѣка Божія! Іосифъ палъ ему въ ноги и чистосердечно воскликнулъ: — «Великъ Богъ Христіянскій! и нѣтъ Бога, кромѣ его! Повели святый Отче, не отлагая, подать мнѣ и всему семейству моему святое крещеніе.» — «Я самъ, моими руками, отрожду тебя, отвѣчалъ Святитель Христовъ и, къ общему удивленію, возставъ съ одра болѣзни, пошелъ въ церковь, Тамъ, предъ всѣмъ народомъ крестилъ Іосифа и весь домъ его; самъ совершилъ Литургію и новопросвѣщенныхъ пріобщилъ животворящихъ Таинъ Христовыхъ; поучая ихъ, онъ пребылъ въ церкви до девятаго часа. Наконецъ, возсылая благодареніе Богу за неизреченныя Его благодѣянія, всенародно предалъ духъ свой въ руцѣ Господни.

Сила имени Іисусова.

Повѣсть преподобнаго Иліи, пустынника Египетскаго (*)

Нѣкоторый старецъ обиталъ въ опустѣвшемъ капищѣ. Въ одно время пришли къ нему нечистые духи и сказали: выйди изъ нашего мѣста. — Вы не имѣете мѣста, отвѣчалъ старецъ. — Тогда начали они повсюду разбрасывать пальмовыя вѣтви, приговленныя для плетенія корзинъ: но старецъ неутомимо собиралъ оныя. Послѣ чего враги человѣческаго рода, схвативъ его за одежду, повлекли вонъ; но старецъ уперся въ двери и возопилъ: Іисусе, помоги мнѣ! и безплотные злодѣи мгновенно разбѣжались. — О чемъ плачешь? тогда спросилъ у

(*) Его память Января въ 7 день.

него невидимый голосъ. — О томъ, что ненавистники вѣры и добродѣтели дерзаютъ издѣваться надъ рабомъ Господнимъ, отвѣчалъ старецъ. — Ты самъ виноватъ, возразилъ небесный голосъ, поелику забылъ о мнѣ; самъ видишь: когда призвалъ меня, я не укоснилъ придти на помощь къ тебѣ. — Старецъ, ощутивъ присутствіе Божіе, повергся на колѣни и приникъ лицемъ къ земли.

Коль разительное и необходимо нужное для каждаго человѣка тутъ заключается наставленіе! . . . Мы вопіемъ къ Господу, молимся ему, даже бываемъ иногда столь наглы, что ропщемъ на него, когда приключится намъ какое либо несчастіе. — Но для чего не просили у Него помощи тогда, когда страсти, такъ сказать, разсыпали по воздуху нашъ разумъ, нашу вѣру, наши добрыя дѣла? Видно, мы надѣялись тогда на самихъ себя . . . Но сколь безумно быть увѣрену, что можемъ выгнать сами собою враговъ, *воюющихъ на душу*.

Друзья по Вѣрѣ Христовой.

Въ царствованіе Децiя были два Римлянина, Неархъ и Поліевктъ (*), которые имѣли между собою такую дружбу, какую рѣдко можно видѣть и между родными братьями. Неархъ былъ Христіянинъ, ходящій по заповѣдямъ Господнимъ, а Поліевктъ язычникъ, впрочемъ, добродѣтельный. Часто Неархъ слезно уговаривалъ его присоединиться къ церкви Христовой, читалъ ему Божественное писаніе, объяснилъ таинства вѣры, показывалъ мерзость идолопоклонства; но Поліевктъ, ни въ чемъ не отказывая своему другу, въ семъ только случаѣ, повидимому, былъ равнодушнымъ слушателемъ его со-

(*) Ихъ память Января въ 9 день.

вѣтовъ. Между тѣмъ настало гоненіе; по стогнамъ града читали нечестивое повелѣніе Децiя, чтобы всѣ покланялись идоламъ, какъ богамъ, хранителямъ отечества. Тогда Христолюбивый Неархъ, приготовляясь къ смерти, началъ сокрушаться, что другъ его навсегда останется въ нечестіи и, безпрестанно сѣтуя о погибели души его, даже измѣнился въ лицѣ своемъ. — Это было сердечнымъ ударомъ для Поліевкта. При каждомъ свиданіи, онъ спрашивалъ его о причинѣ столь глубокой печали; но Неархъ, страшась услышать рѣшительный отказъ, не смѣлъ объясниться. Наконецъ, послѣ неотступныхъ просьбъ, Поліевктъ сказалъ ему: «другъ мой, конечно, чѣмъ нибудь я оскорбилъ тебя, оскорбилъ столь тяжко, что не хочешь и простить меня!» — Тогда Неархъ, облившись слезами, отвѣчалъ ему: «ахъ! я предвижу разрывъ нашего дружества и прихожу въ отчаяніе.» — Поліевктъ затрепеталъ. — «Сего быть не можетъ, сказалъ онъ: я клянусь, что и смерть разлучить меня съ тобою не сильна.» — «Но причиною разлуки нашей будетъ нѣчто ужаснѣйшее, нежели естественная смерть.» возразилъ Неархъ. Поліевктъ, не выразумѣвъ отвѣта, обнялъ его и, прижимая къ сердцу, сказалъ рѣшительно: «не могу болѣе переносить твоего молчанія и загадокъ: или объясни все, или сей же часъ увидишь смерть мою.» — «Царское повелѣніе, воскликнулъ Неархъ, должно разлучить насъ: я Христіянинъ, а ты поклонникъ идоловъ; итакъ, когда осудятъ меня на смерть, ты отречешься отъ меня.» — Услышавъ сіе, Поліевктъ узналъ, чего хочетъ Неархъ, и, ощутивъ наитіе Духа Святаго, сказалъ спокойно: «о! если такъ, то стѣсненное сердце мое пусть отдохнетъ; не бойся, любезный другъ! мы не разлучимся . . . Буди слава Христу Богу истинному, продолжалъ онъ: отъ сего часа

оставляю суетный міръ и исповѣдую въ себѣ раба Христова; пойду прочитаю повелѣнія Децiя, на Христіянъ обнародованное; послѣ сего знаю, что мнѣ дѣлать должно!»

Ни ласки и угрозы начальниковъ, ни слезы отца и матери, супруги и дѣтей не могли принудить его къ нарушенію обѣта неразрывной дружбы съ Неарохмъ. Поліевктъ крестился *кровію своею* (*) и былъ ему предшественникомъ въ жизнь вѣчную . . . Христіяне! въ сихъ друзьяхъ прославьте Христіянскаго Пиѳія, Христіянскаго Дамана. Здѣсь не Діонисій пожелалъ быть третьимъ другомъ. Ихъ приняли въ объятія свои Ангелы Господни.

Россійскій Амвросій (**)

Изъ Россійской исторіи извѣстно, что Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, по причинамъ отчасти справедливымъ, а отчасти и несправедливымъ, потерявъ къ приближеннымъ боярамъ всякое довѣріе, учредилъ особенную тѣлохранительную стражу, подъ именемъ Опричниковъ, и одѣлъ ихъ совершенно по-татарски. Онъ присвоилъ въ удѣльную себѣ собственность богатыя волости, для содержанія сихъ тѣлохранителей, и сквозь пальцы смотрѣлъ на ихъ наглости; а что всего хуже, принималъ отъ нихъ всякіе доносы.

(*) Въ 247 году по Р. Х.

(**) Если бы Святитель Христовъ Филиппъ дожилъ до жестокостей, оказанныхъ Іоанномъ Грознымъ въ Новгородѣ, то, безъ сомнѣнія, ничего бы не доставало въ сравненіи его съ Амвросіемъ, Архіепископомъ Медіоланскимъ. — Къ несчастію тогдашняго времени, Іоаннъ Грозный не былъ Ѳеодосіемъ Великимъ. Память страдальца Божія Филиппа празнуется Января въ 9 день.

Усердные сыны отечества и вѣры Христовой съ ужасомъ смотрѣли на поступки Государя но, опасаясь неумолимаго деспотизма, съ сердцемъ стѣсненнымъ удалялись отъ престола и молчали. Одинъ Святитель Христовъ Филиппъ, вызванный изъ Соловецкаго монастыря, гдѣ былъ Игуменомъ, на престолъ Россійской митрополіи, еще до посвященія своего осмѣлился грозному Царю сказать, что ему весьма не нравится *Опричина*, отдѣляющая Государство отъ Государя. Получивъ санъ верховнаго въ Россіи Святителя, уже торжественно предлагалъ онъ уничтожить сихъ тѣлохранителей и не называть всѣхъ другихъ бояръ *Земскими*.

Но грозный Царь имѣлъ сердце не Ѳеодосія *Великаго* (*), и на толь справедливые упреки святаго Филиппа отвѣчалъ съ яростію: «что за дѣло тебѣ, чернецу, до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Ужели не знаешь, что меня мои же присные хотять поглотить? *Друзи мои и искренніи мои прямо мене сташа и нуждахуся, ищущіи душу мою и ищущіи злая мнѣ.* — «Государь! возразилъ Митрополитъ, сіе внушаютъ тебѣ льстецы и лукавые люди. Пріемли благія отъ благихъ совѣты, а не отъ ласкателей, ищущихъ своей, а не твоей пользы. Почто единыхъ избралъ? ихъ единыхъ слушаешь, а другихъ всѣхъ, яко враждебныхъ, до себя не допускаешь? Государь! это есть причиною раздѣленія, а не соединенія.» — Царь на сіе отвѣчалъ: «Филиппъ! не прекословь нашей державѣ, да не постигнетъ тебя гнѣвъ мой, или добровольно оставь твой санъ.» — Благочестивый Царь! отвѣчалъ Филиппъ: я сего сана не искалъ, но еще умолялъ тебя, да избавить меня отъ онаго. Почто ли-

(*) Сей Государь съ примѣрною для Христіянъ кротостію подвергся эпитиміи, возложенной на него Св. Амвросіемъ Медіоланскимъ за убійства, учиненныя въ Ѳессалоникѣ.

шилъ меня пустыни и братій? Впрочемъ, если хочешь поступить противу правилъ святыя Церкви, твори еже хощеши.» — Послѣ сего начальникъ Опричниковъ, Маліотъ Скуратовъ, родомъ Татаринъ, началъ Государю еще болѣе наговаривать на святаго Митрополита, какъ на главнаго противника предержащей власти.

Но Первосвященникъ не устрашился гнѣва грознаго самовластителя. Въ одинъ празникъ Государь въ соборѣ подошедшій къ его мѣсту, трижды просилъ у него благословенія. Новый Амвросій, въ досадѣ, что царскіе приближенцы вошли въ церковь въ черномъ одѣяніи съ высокими остроконечными колпаками, стояли, будто не видя Іоанна. Когда жъ приближенные сказали ему: «Владыко святый! благочестивый Царь пришелъ къ твоей святынѣ и требуетъ у тебя благословенія, тогда Святый возгласилъ: «Царю благій! кому поревновавъ, ты измѣнилъ образъ царскаго своего благолѣпія и въ толь непристойное облекся одѣяніе? Убойся судя Божія! Неужели ты не отецъ народа? Неужели не знаешь, сколько страждутъ православные Христіяне! О Государь! мы здѣсь, въ священномъ храмѣ, приносимъ безкровную жертву Богу, а за алтаремъ неповинно ліется кровь Христіянская! Вспомни, что ты, хотя носишь подобіе Божіе на земли, яко человѣкъ, причастенъ персти земной.» — Государь на сіе сказалъ съ угрогами: «Филиппъ! моей ли державѣ противишься? Посмотримъ, какова крѣпость твоя.» — Онъ тотчасъ вышелъ изъ церкви; однако не тотъ разъ удержалъ неправедный гнѣвъ свой.

Спустя нѣсколько времени, Святитель Христовъ, отправляя *Обѣдню* въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, увидѣлъ многихъ, пришедшихъ съ Государемъ, въ татарскихъ тафьяхъ на головѣ, и немедленно обратилъ къ нему рѣчь свою: «по Евангельскому слову на молитвѣ должно

быть съ непокровенною главою. Почто же сіи, будучи единовѣрные, содѣлались Татарами и дерзаютъ стоять здѣсь, предъ Всемогущимъ Богомъ, съ покрытою главою?» — «А кто они таковы?» спросилъ Царъ. Но тафьи, еще при первыхъ словахъ Митрополита были сняты и приближенцы донесли Іоанну, что Митрополитъ лжетъ единственно для того, чтобы наругаться его царской державѣ. — Тогда-то обманутый Самодержецъ вышелъ самъ изъ себя, позволилъ на святаго человѣка говорить кому что угодно, и по нѣкоторымъ доносамъ, повелѣлъ въ соборѣ, при всемъ народѣ, снять съ него одѣяніе и санъ святительскій. Исполнителямъ злочестиваго приказанія были Опричники. — Сіи лютые враги, растерзавъ на Архіереѣ Божіемъ одежды, ругались ему ужаснымъ образомъ. Подвижникъ Церкви и Отечества, влачимый ими, сказалъ: «радуюсь, что для Церкви Господней терплю сіе; не близко время, въ которое она пріиметъ вдовство, и пастыри, яко наемники, презираемы будутъ.»

Святитель Христовъ сосланъ былъ въ Богоявленскій, а потомъ въ Отрочь-монастырь; но враги преслѣдовали его и въ самомъ уединеніи: приставленная къ нему сража обходилась съ нимъ по варварски: на ежедневное содержаніе выдавано было только — по двѣ деньги; а наконецъ подозрѣнія, безпрестанно Опричниками внушаемыя Іоанну, будто человѣкъ по сердцу Божію имѣетъ вредную для Царя переписку съ Новгородскими мятежниками, довершили его участь рукою Скуратова. Грозный Іоаннъ, на пути къ Новгороду, далъ ему безчеловѣчный приказъ умертвить невиннаго страдальца; и — сей варваръ удавилъ Филиппа (*).

(*) Сей великій Святитель происходилъ изъ дома Бояръ Колычевыхъ.

Нелицепріятіе, снисхожденіемъ растворяемое.

Греческій Царь Анастасій, заразившись ересію Евтихія, старался преклонить на свою сторону все православное духовенство то угрозами и заточеніемъ, то ласкою и дарами. — Въ число послѣднихъ лжемудрствующій Царь помѣстилъ и Ѳеодосія Великаго (**). Онъ послалъ къ нему тридцать литръ злата, будто для пропитанія и одѣянія нищихъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы уловить согласіе великаго Отца, на котораго Греки и Римляне взирали, какъ на Апостола. Поборникъ православія уразумѣлъ коварство Анастасія, и восхотѣлъ богоугоднымъ образомъ самъ уловить его: онъ не отвергъ даровъ, чтобы не показаться. будто имѣетъ подозрѣніе на вѣру царскую и тѣмъ не подать причины къ его гнѣву. Къ сему побуждало его и благочестивое, истинно пастырское жаланіе, чрезъ милостыню исходатайствовать у Бога Анастасію благодать, наставляющую насъ на путь истины.

Между тѣмъ Анастасій думалъ о Ѳеодосіи Великомъ какъ объ одномъ изъ тѣхъ лжепастырей, которые, подобно наемникамъ, не радять о стадѣ своемъ, и поелику дары были приняты, почитали его своимъ единомышленникомъ; но обманулся злобожный властелинъ. . . Ибо, когда чрезъ особливыхъ посланниковъ захотѣлъ испытать Ѳеодосіево исповѣданіе вѣры, великій Отецъ, собравъ всѣхъ пустынныхъ гражданъ, крѣпко сталъ противу злочестія, и Царю, между прочимъ, отвѣтствовалъ сими достопамятными въ устахъ отшельника словами: — «Какъ за отечество, такъ и за правовѣріе сладосно положить душу! Сладостно, хотя и святыя мѣста наши узримъ огнемъ истреб-

(*) Ѳеодосій Великій, родомъ Каппадокіянинъ, жилъ въ IV столѣтіи, скончался, 105 лѣтъ отъ рожденія своего. Память его Января 11 день.

ляемы!» — Чрезъ сіе угодникъ Божій отнялъ у Анастасія всю надежду когда либо преклонить его на свою сторону.

Кто послѣ сего скажетъ, что иноки, отказавшіеся отъ свѣта, занимаясь единымъ разглагольствіемъ съ Богомъ, не умѣютъ вѣрноподданнически поступать съ предержащею властію, и забываютъ отечество?

Новозавѣтный Елисей.

Преподобный Іаковъ Нивисійскій (*), увидѣвъ нѣкогда Персидскаго градоначальника, только что изрекшаго неправедный судъ на одного изъ невинныхъ гражданъ, горько вознегодовалъ. — Человѣкъ Божій свыше имѣлъ силу Пророковъ и Апостоловъ, и могъ бы жестоко наказать притѣснителя, но поступать сообразно съ Новымъ Завѣтомъ и благодатію Христовою было первымъ правиломъ всѣхъ его дѣяній. . . Святый старецъ воззрѣлъ на небо, и мгновенно камень, близь судіи лежащій, сокрушился и разсыпался въ персть, обличая тѣмъ судъ неправедный и знаменуя, что такъ потребятся нечестивые въ день гнѣва Господня. Всѣ ужаснулись; градоначальникъ вострепеталъ и, познавъ грѣхъ свой, отмѣнилъ приговоръ неправды.

Какой урокъ для тѣхъ, которые имѣютъ власть и силу другихъ наказывать!

(*) Преподобный Іаковъ, урожденецъ Персидскаго города Нивисіи, который тогда платилъ дань Римлянамъ, жилъ въ III столѣтіи. Память его Января въ 13 день.

Digitized by Google

Не должно мечтать высоко о своихъ добротеляхъ.

Преподобный Антоній, обитая въ путынѣ Египетской съ учениками своими, однажды помыслилъ, что нѣтъ инока столь совершеннаго, какъ онъ; поелику всѣхъ прежде поселился въ пустынѣ и избралъ мѣсто всѣхъ далѣе отъ суетъ міра.—Будучи погруженъ въ сихъ думахъ, великій старецъ вдругъ услышалъ: «Антоній! есть рабъ Божій, который совершеннѣе тебя; если хочешь, то можешь найти его посреди внутренней пустыни.»— Устрашенный старецъ едва пришелъ самъ въ себя, взялъ жезлъ свой и пошелъ въ путь.

Будучи руководствуемъ сверхъестественными и чудными встрѣчами, Антоній наконецъ узрѣлъ пещеру, въ которой обиталъ пустынникъ, свыше откровенный... Но онъ, узнавъ о приходѣ посѣтителя, затворилъ двери. Сколько Антоній ни стучался, отвѣта не было. Антоній стоялъ до шестаго часа и умолялъ, да будетъ ему позволено увидѣть того, кого самъ Богъ повелѣлъ обрѣсть ему.— «Если не отверзешь мнѣ, говорилъ онъ, то умру на прагѣ твоемъ, и здѣсь погребешь меня.» Но старецъ изъ хижины отвѣчалъ ему: «кто проситъ съ угрозою и, проливая слезы, укоряетъ? Ты жалуешься, что не отверзаю тебѣ: но для чего пришелъ сюда? развѣ хвалиться, что умрешь здѣсь?» Тогда отверзъ ему.

Сей великій старецъ былъ Павелъ Ѳивейскій (*), имѣвшій отъ рожденія своего сто тридцать лѣтъ и отъ самой юности въ пустыню поселившійся. Онъ разсказалъ преподобному Антонію исторію своей жизни и возвѣстилъ

(*) Святый Павелъ былъ первый пустынножитель, оставилъ міръ при Деціѣ въ 174 лѣто по Р. Х. Скончался при Констанціѣ, сынѣ Константина Великаго въ 335 лѣто по Р. Х. Память его Января въ 15 день.

смерть свою, которая на другой же день и послѣдовала. Тогда — коль торжественна, коль прекрасна кончина праведника! — тогда Антоній узрѣлъ на воздухѣ лики Ангеловъ, Пророковъ и Апостоловъ, а посреди ихъ узрѣлъ душу святого Павла, чистѣйшую солнца.... она восходила на небо. Отъ страха и радости Антоній палъ на землю. — «Душа праведная! вопіялъ онъ, пріими меня въ сопутники твои;» — но воздушный путникъ отвѣчалъ ему: «не должно наблюдать тебѣ свою только пользу; твоя обязанность пещись о ближнихъ; будетъ время, что предстанешь Агнцу небесному: но прежде научи другихъ непреткновенно шествовать по стези, которая ведетъ къ престолу Его.»

Преподобный Антоній погребъ святые останки великаго старца и, возвратившись въ пустыню свою, едва узрѣвъ братію, воскликнулъ: «горе мнѣ грѣшнику, имя только инока носящему!» И когда у него спрашивали, гдѣ такъ долго замедлилъ, отвѣчалъ въ восхищеніи духа: «я видѣлъ Илію, видѣлъ Іоанна въ пустыны: ей! ей! видѣлъ Павла въ раю Господнемъ.»

Христіяне! воспомяните, сколь великъ вѣрою и добродѣтелями былъ Антоній, и не забудьте, какъ Господь уличилъ его въ минутномъ, непроизвольномъ высокоуміи. Не мечтайте высоко о своихъ совершенствахъ. Добродѣтельный человѣкъ — часто говаривалъ Исидоръ Пилусіотскій — безъ сомнѣнія, получитъ вѣнецъ свѣтлый; но кто, будучи добродѣтеленъ, думаетъ, что сдѣлалъ весьма мало, тотъ за смиренномудрое о себѣ мнѣніе пріиметъ вѣнецъ свѣтлѣйшій. Хощете ли быть истинно добродѣтельными? то не вѣрьте, что вы — добродѣтельны и чрезъ то добродѣтель ваша будетъ возрастать болѣе и болѣе.

Трудъ и молитва.

Антоній Великій (*) однажды предался унынію и какимъ-то мрачнымъ помышленіямъ, но вскорѣ, испугавшись самъ себя, воскликнулъ къ Богу: «Господи! я хощу спасенъ быти: но и самъ не знаю, что развлекаетъ меня . . . . Покажи мнѣ средство избѣгнуть противуборствующихъ помысловъ; научи меня спастися.» — Чрезъ нѣсколько времени святый Антоній вышелъ изъ келліи и увидѣлъ незнакомаго человѣка, который сначала сидѣлъ за рукодѣліемъ, потомъ всталъ и молился; опять садился и вязалъ кошницу, послѣ того опять всталъ на молитву . . . Это бытъ Ангелъ, въ образѣ инока ниспосланный отъ Бога, чтобы исправить и предостеречь Антонія. Между тѣмъ, какъ святый пустынножитель смотрѣль на него, безплотный Хранитель сказалъ ему: «такъ поступай и спасенъ будешь.» — Услышавъ сіе, преподобный Антоній исполнился радости и надежды, и съ того времени никогда не нарушалъ правила Ангельскаго.

Смертный! какое бы званіе Господь ни возложилъ на тебя, какія бы обстоятельства ни окружали тебя, молись для спасенія души твоей и трудись для пользы общества. Молитва и трудъ другъ друга подкрѣпляютъ взаимно: молитва даруетъ силы къ понесенію труда, на который каждый человѣкъ родится; а трудъ, разгоняя зловредные помыслы, сихъ изчадій праздности, предуготовляетъ уму и сердцу благоговѣйное спокойствіе и глубокое вниманіе для часовъ молитвенныхъ. Они служатъ другъ для друга какъ бы отдохновеніемъ, и блаженъ человѣкъ, въ чьемъ сердцѣ сія чреда не нарушается.

(*) Антоній Великій удалился въ пустыню при Константинѣ Великомъ въ 310. Преставился въ 358 лѣто по Р. Х. въ глубокой старости. Память его Января въ 17 день.

Пустынникъ и языческіе мудрецы.

Къ преподобному Антонію, безмолвствующему въ нагорной пещерѣ, пришли два языческіе философа съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поговорить о таинствахъ Христіянской вѣры и посмѣяться надъ жизнію пустынниковъ. Мудрый старецъ, при первомъ взглядѣ познавъ, кто они, чрезъ переводчика сказалъ: «для чего вы, люди мудрые, приняли на себя столь дальній трудный путь и пришли къ человѣку безумному?» — «Ты не безумный, отвѣчали они, но совершенный мудрецъ.» — «Если такъ, возразилъ старецъ, то обязанность и польза ваша требуетъ принять отъ меня наставленіе, какъ отъ мудреца, къ которому пришли научиться, и я даю вамъ оное: *будьте Христіянами*. . .» Пораженные столь нечаяннымъ привѣтствіемъ, философы пошли назадъ, наиболѣе удивляясь остротѣ и разуму Пустынножителя.

Общее правило для начальниковъ и отцевъ семейства.

Когда Антоній Великій, послѣ уединенныхъ подвиговъ отшельничества, противъ воли своей поставленъ былъ пастыремъ и наставникомъ другихъ, тогда братія, старцы и юноши, собравшись къ нему, начали просить, чтобы предписалъ имъ уставы иночества; и — великій Отецъ сказалъ имъ: — «Чтобы исполнять въ точности всѣ заповѣди Господни, на сіе довольно Божественнаго писанія; но помните, что всѣ добродѣтели могутъ поколебаться въ основаніи своемъ, если братія не будутъ взаимно утѣшать другъ друга; и такъ вы, какъ отцу, исповѣдуйте мнѣ все, что знаете; а я, наученный временемъ и опытами, какъ дѣтей, буду наставлять васъ. Не ослабѣвайте

въ предпріятомъ подвигѣ — се первое общее для всѣхъ сословій преданіе!» Потомъ, поучивъ ихъ всѣмъ добродѣтелямъ гражданства небеснаго, отпустилъ съ миромъ.

Уроки преподобнаго Отца имѣли спасительное дѣйствіе; ибо чрезъ нѣсколько времени общество пустыннолюбцевъ такъ умножилось, что не было числа братіи; повсюду были монастыри, какъ сѣни разставленныя. Поющіе, молящіеся, упованіе на *Сокровище благихъ*, сверхъ того, занимались трудами рукъ своихъ, чтобы могли быть не только ходатаями за грѣшниковъ, но и милостынодавцами для бѣдныхъ. Не было между ними ни вражды, ни клеветы, ни ропота; любовь и согласіе содѣлывали селенія ихъ какъ бы градъ, отъ мірскаго мятежа далече отстоящій, правдою и благочестіемъ населенный. Взирая на нихъ, можно было воскликнуть: *Коль добри доми твои, Іакове! и кущи твоя, Израилю! Яко дуброви осѣняющія, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущи, яже водрузи Господь* (*).

Облеченные свыше чиноначаліемъ и вы, отцы семейства! наставляйте порученныхъ вамъ людей тому, чему наставлялъ Антоній Великій: тогда — *яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія, будетъ надъ вами благословеніе и животъ до вѣка* (**).

Любочестіе величайшаго въ инокахъ.

Антоній Великій, яко истинный рабъ Христовъ, всегда готовъ былъ понесть на себѣ всѣ уничиженія; но если клевета касалась до чистоты его вѣроисповѣданія, тогда поборникъ православія не оставался въ предѣлахъ смиренія — что можно видѣть изъ слѣдующаго поступка.

(*) Числа XXIV. 5. 6.
(**) Псал. 132. 3.

Нѣкогда Аріане оболгали его, будто дружески съ ними обращается... Удивленный ихъ дерзновеніемъ, святый Антоній воспылалъ праведнымъ гнѣвомъ и немедленно пошелъ въ Александрію. Тамъ предъ Епископомъ и всѣмъ народомъ предалъ ихъ проклятію, нарицая предтечами Антихриста. — Но такова сила правды и святости! Хотя начальники и учители Аріанства скрежетали на Антонія Великаго, однако народъ, не только еретики, но и служители идоловъ повсюду тѣснились вкругъ него, стараясь принять благословеніе или, по крайней мѣрѣ, прикоснуться къ одеждамъ его.

Христіяне! не подумайте, чтобы Антоній чрезъ сей поступокъ нарушилъ урокъ Христіянскаго терпѣнія... Не обличивъ буйную клевету, онъ подалъ бы случай другимъ о себѣ соблазняться: а что ужаснѣе, невѣжды, которые не могутъ проникать намѣреній великаго человѣка, тогда могли бы предаться злобожному расколу. Хотя молчаніе почитается по всей справедливости въ числѣ добродѣтелей; но свѣтъ почитаетъ оное не иначе, какъ согласіемъ на то, что клеветники намъ приписываютъ.

Сострадательность къ заблуждающимъ.

Нѣкоторый инокъ былъ соблазненъ духомъ-искусителемъ. Будучи выгнанъ изъ обители, несчастный пришелъ къ преподобному Антонію и пребылъ съ нимъ нѣсколько времени. Но когда, по приказанію святаго Отца, возвратился на прежнее мѣсто, иноки не хотѣли принять его. Изгнанникъ вторично прибѣгъ къ Антонію. Святый старецъ опять послалъ его къ братіи и велѣлъ отъ своего имени сказать имъ слѣдующее: «корабль отъ бури повредился, растерялъ товары и едва достигъ берега:

неужели хощете погребсти въ волнахъ и то, что не погибло?» Иноки, услышавъ сіе, немедленно приняли изгнанника опять въ число братіи.

Наказуя подчиненнаго, должно наблюдать мѣру, чтобы не довести его до отчаянія.

Благоразумное послабленіе къ подчиненнымъ есть добродѣтель въ начальникѣ.

Нѣкоторый охотникъ, будучи въ пустынѣ за ловлею сернъ, примѣтилъ, что Авва Антоній не по-начальнически, но весьма ласково обращался съ братіею. Старецъ позналъ невыгодныя мысли о строгости иноческаго житія, и желая вывесть изъ заблужденія, сказалъ ему: «наставь стрѣлу и напряги лукъ.» Охотникъ сдѣлалъ сіе. — Еще напряги, продолжалъ старецъ. — И охотникъ напрягъ туже. — «Еще напряги, сказалъ старецъ въ третій разъ. — Но охотникъ возразилъ: «если натяну чрезмѣрно, переломится лукъ.» — Тогда святый Антоній сказалъ ему: «того же должно опасаться и въ дѣлахъ вѣры: если съ братіею будемъ поступать съ чрезвычайною строгостію, они почувствуютъ переломъ; вездѣ нужна снисходительность и нѣкоторое послабленіе, а иноки также люди.» — Тогда охотникъ раскаялся и пошелъ отъ святаго Антонія съ пользою для души своей; а братія чрезъ то укрѣпились на большіе подвиги.

Слава милостынноподаянія.

Преподобный Маркіанъ(*), пресвитеръ великой Константинопольской церкви, идучи на службу Божію и уви-

(*) Преподобный Маркіанъ жилъ въ V столѣтіи. Память его Января въ 10 день.

дѣвъ нищаго, нагого, отъ хлада трясущагося, снялъ съ себя одежду и прикрылъ наготу его; а самъ остался только въ нижнемъ платьѣ. — Но посмотрите, какъ Господь за сіе прославилъ его! Когда святый Маркіанъ священнодѣйствовалъ, то весь народъ, причетъ и самъ Патріархъ подъ церковными ризами примѣтили блистающую порфиру царскую.

Не видимъ ли изъ сего, что мы, отъ имѣнія своего снабжая убогихъ, не теряемъ оное, но мѣняемъ на драгоцѣннѣйшія сокровища тому, кто и за чашу студеныя воды обѣщалъ наградить насъ — вѣчнымъ блаженствомъ. Царская одежда, преподобному Маркіану данная, не есть ли доказательство, что каждый милостынодавецъ наслѣдуетъ царствія небеснаго.

Посрамленная клевета.

Аѳанасій Великій (*), Архіепископъ Александрійскій, какъ неусыпный и мудрый защитникъ православія, паче всѣхъ былъ угнетаемъ и гонимъ Аріанами. Изступленные и неистовые богоборцы, желая погубить человѣка Божія, вымышляли на него самыя безсовѣстныя и безумныя преступленія и, между прочимъ, донесли царю Констанцію, что Аѳанасій дѣлалъ чары и чудеса рукою, которую будто отсѣкъ у клирика, именемъ Арсенія.

Дѣло началось, повидимому, весьма выгодно для Аріанъ. Указомъ царскимъ предписано въ Тирѣ быть Собору, куда призванъ и Аѳанасій; Дворъ и почти всѣ чиновники держали сторону ереси; лжесвидѣтелей нашлось довольно; для злодѣевъ не трудно было представить и

(*) Сей Святитель жилъ въ царствованіе Константина Великаго и его преемниковъ; за православіе страдалъ въ изгнаніи 46 лѣтъ. Память его Января въ 18 день.

мертвую руку и выдать за Арсеніеву: ибо его за нѣсколько предъ тѣмъ времени, въ самомъ дѣлѣ нечаянно въ Александріи не стало.

Но Богъ *не оставляетъ жезла грѣшнича на жребіи праведныхъ*. Арсеній, который скрывался единственно отъ страха, чтобы не понесть наказанія за нѣкоторое преступленіе, втайнѣ имъ учиненное, услышавъ о клеветѣ, его рукою подкрѣпляемой, возчувствовалъ глубокое сокрушеніе объ участи отца и благодѣтеля, и пришедши тайно въ Тиръ, явился къ Аѳанасію съ сердечнымъ раскаяніемъ о грѣхѣ своемъ. Святитель возблагодарилъ Промыслъ, его спасающій, и приказалъ Арсенію до времени жить скрытно.

Между тѣмъ Архелай, одинъ изъ царедворцевъ Констанціевыхъ, и Нонъ, князь Финикійскій открыли судъ. Тогда — о зрѣлище ужасное и богомерзкое! и чье сердце не обольется кровію, видя буйство нечестивыхъ? — тогда внесли посредѣ судилища мертвую руку и, показывая оную святому Аѳанасію, въ одинъ голосъ воскликнули: «вотъ безмолвная на тебя свидѣтельница! она обличаетъ тебя; она держитъ тебя: ни велерѣчіемъ, ни хитростію не вырвешься отъ нея. . . Всѣ знаютъ Арсенія, у котораго ты, лицемѣрный святотатецъ, отсѣкъ ее; скажи, для чего она тебѣ потребна?» — На всѣ вопли человѣкъ Божій отвѣчалъ кротко: «кто изъ васъ лично знаетъ Арсенія? и всѣ ли увѣрены, что эта рука именно ему принадлежитъ?» Но когда богоборцы начали ложь свою утверждать клятвою, Аѳанасій подалъ знакъ. . . вдругъ изъ среды его защитниковъ вышелъ Арсеній и снялъ съ лица своего покрывало. Тогда Святитель съ гнѣвомъ воззрѣлъ на клеветниковъ и, помавая главою, сказалъ: «не Арсеній ли это? Не тотъ ли церковнослужитель, у котораго, какъ утверждаете, я отсѣкъ руку?» — Онъ

повелѣлъ Арсенію простерть и показать судіямъ десницу, потомъ шуйцу, и продолжалъ къ непріятелямъ своимъ укоризненно: «здѣсь обѣ руки! покажите же мнѣ вашего Арсенія и скажите, чью руку здѣсь показываете? Она обвиняетъ васъ въ томъ злодѣйствѣ, въ которомъ, единственно по ненависти, меня обвиняете.»

Аріанскіе Епископы и клеветники, сколько безсовѣстны ни были, не могли перенесть стыда своего и, закрывая руками лица, въ безмолвіи начали выходить изъ судилища.

Ревность сберечь доброе имя ближняго.

Хотя Тирскій Соборъ, къ стыду Аріанъ и чести Аѳанасія Великаго, былъ распущенъ; но лже-епископы не могли быть спокойны. По ихъ проискамъ приказано вторично быть Собору въ Медіоланѣ.

Православные Епископы съ трепетомъ взирали на слѣдствія и всемѣрно уклонялись отъ сонмища подобнаго Христоубійцамъ; почему Аріанское духовенство, въ числѣ тридцати особъ, совершило судъ надъ Архіереемъ Божіимъ; и когда начали подписывать имена свои, то Діонисій, православный Епископъ Медіоланскій, лѣтами всѣхъ младшій и недавно возведенный на престолъ архипастырства, былъ убѣжденъ къ общему рукоприкладству. Не страсть, не зловѣріе водили перомъ его, къ несчастію, долго отрицаясь отъ сего, онъ устыдился толикаго числа престарѣлыхъ и уважаемыхъ Епископовъ. Коль иногда вредны и добродѣтели, неруководствуемыя благоразуміемъ!

Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Медіоланъ Евсевій, Епископъ Виркеллинскій, котораго по лѣтамъ и благочестію Діонисій почиталъ не иначе, какъ отцемъ; и когда

спросилъ онъ, что дѣлается на Соборѣ? Діонисій, разсказывая всѣ обстоятельства, съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ исповѣдалъ предъ нимъ и свой грѣхъ противу праведника. Блаженный Евсевій сдѣлалъ ему строгій выговоръ: но, увидѣвъ слезы сокрушенія, началъ утѣшать.— «Я знаю, сказалъ онъ, чѣмъ поправить дѣло; можетъ быть, изъ среды злочестивыхъ именъ изглажу твое рукописаніе.»

Между тѣмъ Аріанскіе Епископы, узнавъ о прибытіи Евсевія, пригласили его въ общее собраніе и, показавъ судопроизводство, просили, чтобы и своею рукою подтвердилъ оное: поелику имя столь великаго Святителя обѣщало всемозможный успѣхъ въ ихъ предпріятіи. Евсевій притворился, будто пріемлетъ ихъ сторону и, читая имена подписавшихся Епископовъ, вдругъ сказалъ съ досадою: «а гдѣ жъ приложитъ свою руку? неужели ниже Діонисія? Вы сами говорите, что Сынъ Божій не можетъ быть равенъ Богу Отцу (*); почто же моего сына (я не иначе почитаю Діонисія) мнѣ предпочитаете?» Сколько Аріане ни старались уговорить его, но Евсевій не хотѣлъ подписаться, пока не будетъ изглажено имя Діонисіево. Аріане съ удовольствіемъ согласились; и Діонисій своею рукою выскоблилъ оное, будто бы уступая мѣсто старшему, а самъ желая подписаться ниже всѣхъ.

Тогда Евсевій вдругъ перемѣнилъ голосъ и, воззрѣвъ на небо, сказалъ: — «Благодарю тебя, Господи, что отъ беззаконнаго сонмища избавилъ Діонисія! Благодарю тебя, Господи, что возложилъ въ сердце мое благочестивый умыселъ отъ вѣчнаго проклятія спасти имя его? Такъ, обратясь къ Аріанамъ, продолжалъ онъ: я вашими беззаконіями не оскверняюся, и сыну моему, Діонисію, не

(*) Это былъ злочестивый догматъ Аріанства.

попущу быть участникомъ злобы вашей.» — Услышавъ сіе, посрамленные лже-епископы воспылали бѣшенствомъ и, осыпавъ ругательствами Архіерея Божія, возложили на него руки свои. Вмѣстѣ съ Діонисіемъ, онъ посланъ былъ въ заточеніе, гдѣ отъ чрезвычайныхъ утѣсненій скончался страдальчески.

Христіяне! Святый Евсевій, возсѣдя въ беззаконномъ сонмищѣ, употребилъ хитрость, но сія хитрость, безъ сомнѣнія, въ книгѣ животной будетъ вписана рукою Ангела въ число богопріятнѣйшихъ добродѣтелей.

О томъ, что дарованія должно употреблять единственно въ пользу ближнихъ.

Преподобный Макарій Египетскій (*) получилъ толикую благодать отъ Бога, что на гласъ его отвѣтствовали и мертвые, если требовала сего — польза вѣры или счастіе невинно страждующихъ. Вотъ примѣръ.

Въ одномъ селеніи случилось убійство, которое по ложнымъ подозрѣніямъ возложили на человѣка совершенно невиннаго. Бѣдный, будучи преслѣдуемъ гонителями, въ ужасѣ прибѣжалъ къ келліи преподобнаго Макарія и тутъ былъ схваченъ. Ни слезы, ни клятвы не могли увѣрить служителей правосудія о его невинности: сбѣжавшійся народъ единогласно называлъ его убійцею. Святый Макарій вышелъ на сей шумъ и узнавъ, въ чемъ состоитъ дѣло, спросилъ, гдѣ погребенъ убіенный? и когда объявили мѣсто, онъ посреди народа пошелъ къ его гробу. — Тамъ преклонивъ колѣна и проливъ къ небесамъ теплую молитву, праведникъ сказалъ къ пред-

(*) Преподобный Макарій жилъ въ царствованіе Ѳеодосія Великаго, былъ собесѣдникъ Антонія Великаго; преставился 97 лѣтъ отъ рожденія. Память его Января въ 19 день.

стоящимъ: «нынѣ явитъ Господь, сей ли человѣкъ содѣлалъ убійство. . .» Потомъ велегласно воззвалъ убіеннаго по имени, и мертвецъ отозвался изъ гроба. — «Вѣрою Іисусъ Христовою повелѣваю тебѣ, сказалъ Макарій, открой намъ, сей ли, народомъ обвиняемый, умертвилъ тебя?» — «Не сей убійца мой, отвѣчалъ громогластно мертвецъ изъ подъ земли, не сей, котораго осуждаютъ.» — Народъ изумился и отъ ужаса палъ на землю. Потомъ, повергшись къ стопамъ праведника, всѣ начали умолять его, чтобы спросилъ у мертвеца кто убилъ его; но святый Макарій отвѣчалъ: «сего принять на себя не могу; довольно для меня избавить отъ напасти невиннаго; а предавать суду виновника не мое дѣло.»

Христіяне! мы не имѣемъ дара творить чудеса, и это намъ не нужно; но имѣемъ разумъ, способный дѣлать зло и добро; имѣемъ разныя дарованія, отъ которыхъ ближніе наши могутъ получить пользу и вредъ, смотря по тому, на что будемъ употреблять ихъ.—Возьмите же въ примѣръ святаго Макарія, который благодать Божію употребилъ на избавленіе невиннаго человѣка отъ погибели, но не хотѣлъ употребить оную на погубленіе даже преступника.

О томъ, сколь любезны Богу добродѣтели семейственныя.

Однажды преподобный Макарій, углубясь всѣмъ сердцемъ въ молитву, услышалъ гласъ небесный: «Макарій! ты по сіе время еще не уподобился двумъ женщинамъ, которыя живутъ въ близлежащемъ градѣ.» Старецъ взялъ жезлъ и пошелъ въ городъ; отыскавъ домъ, постучался въ двери, и немедленно вышла женщина, съ великою

радостію приняла праведника и ввела въ комнаты, гдѣ встрѣтила его другая женщина.

Тогда святый старецъ слазалъ имъ: «единственно для васъ я принялъ на себя толикій трудъ: я пришелъ изъ дальней пустыни, чтобы узнать дѣла ваши; не таясь, откройтесь предо мною.» — «Человѣкъ Божій, отвѣчали на сіе съ дѣвическою стыдливостію женщины, можно ли чего нибудь богоугоднаго требовать отъ тѣхъ, каторыя безпрестанно заняты домашними попеченіями и должны исполнять обязанности супружества.» — Но святый Макарій настоялъ, чтобы объявили ему, какъ онѣ провождаютъ жизнь свою. Тогда добродѣтельныя хозяйки смиренно сказали ему: «Мы двѣ снохи, супруги родныхъ братьевъ; пятнадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ и въ это время ни одного досаднаго слова другъ отъ друга не слыхали, не имѣемъ дѣтей; а если Господь дастъ ихъ, то первое наше попеченіе будетъ молить его, чтобы помогъ намъ воспитать ихъ въ вѣрѣ и благочестіи; съ рабами поступаемъ ласково. Неоднократно совѣтовались между собою вступать въ ликъ Святыхъ дѣвъ; но не могли испросить на то позволенія у супруговъ. Чувствуя ихъ къ намъ любовь, мы рѣшились остаться съ ними и служить имъ утѣшеніемъ. А чтобы жизнь наша хотя нѣсколько походила на жизнь святыхъ пустынницъ, мы положили на сердцѣ своемъ убѣгать шумныхъ бесѣдъ, чаще быть дома и заниматся хозяйствомъ.»

Выслушавъ сіе, святый Макарій сказалъ: «поистинѣ Богъ не смотритъ, дѣва ли кто, или супруга, инокъ или мірянинъ, но ищетъ только сердечнаго произволенія на добрыя дѣла: сіе произволеніе Господь пріемлетъ, и взирая на оное, всякому ниспосылаетъ Святаго Духа, дѣйствующаго и управляющаго житіемъ каждаго, желающаго спастися.»

Супруги! матери семейства! возьмите въ примѣръ двухъ благочестивыхъ женъ—и тогда жребіемъ вашимъ будетъ благоденствіе въ сей жизни и блаженство въ будущемъ вѣкѣ.

Сила дружескаго привѣтствія.

Однажды преподобный Макарій, съ учиникомъ своимъ идучи на гору Нитрійскую, велѣлъ ему нѣсколько предупредить себя. Инокъ, исполняя волю его, встрѣтился съ языческимъ жрецомъ, который казался весьма утомленнымъ, и отъ излишней ревности сказалъ ему: «куда идешь, демонъ? — «Жрецъ разсердился и, ударивъ его жезломъ своимъ столь сильно, что оставилъ полумертваго, пошелъ далѣе. Чрезъ нѣсколько минутъ сошелся съ нимъ и святый Макарій и сказалъ: «будь здравъ, любезный трудникъ, будь здравъ!» — Удивленный привѣтствіемъ Святаго, жрецъ спросилъ у него: за какое доброе дѣло желаешь мнѣ здравія?» — «Я вижу отвѣчалъ· Макарій, что ты утомился». — «Твое привѣтствіе меня поразило, сказалъ тогда жрецъ, и я познаю въ тебѣ человѣка Божія; напротивъ, другой, злобный инокъ, встрѣтясь со мною, жестоко оскорбилъ меня, за это я поразилъ его до смерти. Преподобный Макарій догадался, что рѣчь идетъ о его ученикѣ; а жрецъ, обнявъ колѣна старческія, сказалъ: «не отпущу тебя, доколѣ не сдѣлаешь меня подобнымъ тебѣ инокомъ.» — Они пошли далѣе на гору и, взявъ полумертваго ученика, отнесли въ церковь. Нитрійскіе старцы, увидѣвъ съ преподобнымъ Макаріемъ жреца идольскаго, изумились. — Вскорѣ служитель діавола сдѣлался служителемъ Іисуса и множество язычниковъ по сему случаю приняли Христіянство. Послѣ сего святый Макарій часто говорилъ братіи, что злословіе

иногда и добрыхъ людей дѣаетъ злыми, а благословеніе и злыхъ дѣлаетъ добрыми.

Дѣти! сверхъ того, что сдѣлалъ и сказалъ святый Макарій, сколько дружеское привѣтствіе и обхожденіе имѣетъ и другихъ выгодъ! Спросите у своего сердца, не чувствуетъ ли оно сладчайшаго удовольствія, обласкавъ ближняго? и не чувствуетъ ли какого-то несноснаго разстройства, оскорбивъ другаго? Замѣтьте также, что грубость есть свойство человѣка неблаговоспитаннаго и злобнаго и, подавая невыгодныя о насъ мысли, подвергаетъ большимъ потерямъ — даже въ счастіи свѣта.

Любовь къ предметамъ ненавистнымъ и ненависть къ предметамъ достолюбезнымъ.

Въ одно время преподобный Макарій, идучи съ братіею, услышалъ мальчика, который такъ говорилъ своей матери: «Одинъ богачъ любитъ меня, но я, не знаю почему, ненавижу его; а бѣдный человѣкъ ненавидитъ меня, однако я люблю его».—Услышавъ сіе, Макарій изумился, потомъ задумался. — «Что сдѣлалось съ тобою, Авва?» спросили у него братія. — «Поистинѣ Господь нашъ богатъ, отвѣчалъ Макарій, и любитъ насъ, а мы, безумные люди, не хочемъ любить Его; напротивъ того, врагъ нашъ, духъ соблазна, и бѣденъ и ненавидитъ насъ, а мы, къ несчастью нашему, любимъ его!»

Цѣломудріе св. мученицы Евфрасіи (*).

Непорочность есть такое сокровище дѣвицы, которое она должна предпочитать всему на свѣтѣ. Лучше ей по-

(*) Святая мученица Евфрасія жила въ III вѣкѣ по Р. Х. Память ея Января въ 19 день.

терять все—даже самую жизнь, чѣмъ лишиться сего драгоцѣннѣйшаго цвѣта въ вѣнцѣ женскаго пола. Такъ поступила святая Евфрасія!

Уже Максиміанъ, великій гонитель Христіянства, наскучилъ подписывать смертные приговоры поборникамъ Евангельской вѣры: ибо, истощивъ на нихъ всѣ ужасы мученій, не могъ поколебать Христіянской твердости. Тиранъ умыслилъ другой родъ казни.

Дѣвицу Евфрасію взяли подъ стражу за исповѣданіе имени Христова и начали принуждать, чтобы принесла жертву богамъ ея отечества; но какъ всѣ усилія были тщетны, то она была отдана дерзновеннѣйшему и развратнѣйшему изъ воиновъ въ беззаконное супружество. Варваръ увелъ ее въ домъ свой.

Отроковица, помолившись въ сердцѣ своемъ къ Богу, хранителю невинности, да соблюдетъ ее отъ всякаго зла, приняла на себя веселый видъ и беззаконному жениху сказала: «какъ супруга, я должна теперь открыть тебѣ все, что у меня на сердце: я волшебница; знаю силу всѣхъ травъ, всѣхъ растеній. Ты, какъ воинъ, всегда подверженъ смерти; выслушай же отъ меня важнѣйшую для тебя тайну: у меня есть на примѣтѣ трава, которую, имѣя при себѣ, ты будешь невредимъ противу стрѣлъ и копій—но та же волшебная наука открыла мнѣ, что сія трава имѣетъ дѣйствіе только тогда, когда вручена будетъ отъ дѣвицы».

Варваръ радуется столь полезному для него открытію, идетъ вмѣстѣ съ нею въ садъ; Евфрасія срываетъ какую-то траву и, отдавая ему, говоритъ съ притворною ласковостью: «вотъ тебѣ лучшее отъ меня приданое!» — «Чѣмъ же увѣришь меня въ истинѣ твоихъ словъ?» спрашиваетъ ее воинъ.—«Опытомъ надъ моею головою, если тебѣ угодно, отвѣчаетъ Евфрасія — и вдругъ, обнаживъ

выю, мнимо-таинственную прикладываетъ къ ней и говоритъ: «взмахни, какъ можно сильнѣе, мечъ твой и ударь меня; ты увидишь, что скорѣе сокрушится острая сталь, нежели сдѣлаешь мнѣ малѣйшій вредъ».

Варваръ повѣрилъ и — глава Евфрасіи отлетѣла отъ выи. Мученица пала бездыханна. Идолопоклонникъ, поруганный невинностью, заскрежеталъ зубами; а цѣломудренная дѣвица отошла къ жениху небесному.

О томъ, коль горекъ плодъ непослушанія.

Когда пустынная и безмолвная келлія преподобнаго Евѳимія (*), по изволенію Божескому, обратилась въ многолюдную лавру; тогда экономъ, закупивъ для потребы монастырской нѣсколько рабочаго скота, предложилъ брату Авксентію, родомъ изъ кочующихъ Азіатцевъ, чтобы принялъ на себя должность пастырскую; но инокъ отказался. Къ просьбѣ эконома присовокупили свою просьбу пресвитеръ обители и другіе, уважаемые по благочестію, старцы; но Авксентій и тогда не послушался. Преподобный Евѳимій, извѣстясь о томъ, призвалъ непокорнаго инока и всемѣрно увѣщевалъ его, чтобы онъ, какъ человѣкъ способный къ скотоводству, послужилъ братіи; но Авксентій отвѣчалъ: «не могу исполнить желанія братіи, никакъ не могу, поелику, будучи грѣшникомъ, страшусь внѣ святой обители еще болѣе согрѣшить». — «Мы будемъ за тебя молиться Богу, сказалъ преподобный Евѳимій, чтобы послалъ Ангела своего для сохраненія тебя. Всевышній знаетъ, что ты, изъ любви къ Нему, будешь работать братіи. Вспомни, что и самъ Христосъ сказалъ о себѣ: *не ищу воли*

(*) Преподобный Евѳимій родился въ 360, оставилъ міръ въ 398, скончался въ 457 лѣто по Р. Х. Память его Января въ 20 день.

моея, но воли пославшаго мя Отца (*)».—Но Авксентій ожесточился и, сколько ни убѣждалъ его святый Евѳимій, не хотѣлъ ему покориться. Тогда великій старецъ разгнѣвался и сказалъ ему: «чадо! мы совѣтуемъ тебѣ то, что послужило бы тебѣ же на пользу, а ты не слушаешься; я душевно жалѣю о тебѣ, и хотѣлъ бы простить тебя, но Богъ . . . Въ сіе мгновеніе Авксентій затрепеталъ, какъ бѣснующійся, и повергся на землю. Предстоящіе отцы ужаснулись и начали умолять Евѳимія, чтобы испросилъ ему отъ Бога прощеніе.

Долго святый старецъ не соглашался на просьбы ихъ, не по жестокости сердца, но чтобы показать имъ, коль неудобопрощаемъ грѣхъ преслушанія; наконецъ, какъ-бы смягчившись, оградилъ его крестнымъ знаменіемъ и исцѣлилъ отъ болѣзни. Авксентій палъ предъ нимъ на колѣни.—«Послушаніе есть великая добродѣтель, сказалъ ему преподобный Евѳимій: послушанія Богъ требуетъ паче, нежели жертвы; напротивъ того, преслушаніе есть источникъ смерти; *се здравъ былъ еси, къ тому не согрѣшай*, да не случится съ тобою что либо горшее.»—Тогда Авксентій началъ уже самъ умолять великаго Отца и братію, чтобы никому, кромѣ его, не поручали должности пастушеской.

Дѣти! слушайтесь отца и матери, слушайтесь учителей вашихъ, слушайтесь старыхъ людей, подающихъ вамъ добрые совѣты. А когда возложена будетъ на васъ должность общественная, безъ прекословія повинуйтесь начальству: безъ послушанія къ высшимъ не можетъ благостоять ни одно семейство, ни одно государственное сословіе.

(*) Іоан. V. 30.

О томъ, сколь грѣшно съ легкомысліемъ принимать слово Господне.

Два инока, Маро и Климатій, наскучивъ строгостію монастырской жизни, сговорились въ слѣдующую ночь убѣжать; но богопротивное намѣреніе было открыто. Преподобный Евѳимій, призвавъ ихъ, совѣтовалъ оставить пагубныя мысли.—«Вездѣ должно хранить себя отъ искушеній, сказалъ онъ: Адамъ преступилъ заповѣдь Господню въ раю; Іовъ и на гноищѣ сохранилъ ее; дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы не принимать въ сердце свое злыхъ помышленій: они-то причиняютъ уныніе и печаль или ненависть къ сему мѣсту и къ жителямъ онаго; и такъ будьте трезвы и остерегайтесь отъ козней соблазна, который внушаетъ вамъ прейти на другое мѣсто. Древо, часто пересаждаемое, плода не приноситъ; такъ и человѣкъ, который часто перемѣняетъ мѣсто или состояніе, безполезенъ для себя и для общества. Хочетъ ли кто быть добродѣтельнымъ, но чувствуетъ въ себѣ къ тому слабость, да не мыслитъ, чтобы сдѣлался онъ способнѣе къ тому на другомъ мѣстѣ. Добродѣтель усовершается не мѣстомъ, но изволеніемъ дѣлать добро. Сіе подтверждается опытомъ. Одинъ Египетскій инокъ, имѣя сварливый нравъ, не могъ ужиться на одномъ мѣстѣ; хотя самъ былъ виновенъ, но по общему обыкновенію, всегда обвинялъ другихъ. Наконецъ вышелъ изъ монастыря и въ нѣкоторой пустынѣ поселился одинъ, въ тѣхъ мысляхъ, что некому будетъ раздражать его. Что̀ жь вышло? Въ одно время у него опрокинулся кувшинъ съ водою; старецъ разсердился и въ другой разъ наполнилъ оный; но, какъ нарочно, сей кувшинъ опрокинулся и въ другой разъ. Инокъ вышелъ изъ терпѣнія и, схвативъ кувшинъ, ударилъ о землю.»—Ус-

лышавъ послѣднія слова, Климатій разсмѣялся... Тогда преподобный Евѳимій, бросивъ на него значительный взглядъ, сказалъ: «сынъ мой! смѣхъ твой доказываетъ, что духъ-соблазнитель совершенно овладѣлъ тобою; неужели не слышалъ ты, что Господь безъ ума смѣющихся называетъ окаянными, а плачущихъ ублажаетъ?»—и, оставивъ Климатія, удалился въ другую келлію. Тогда на кощунствующаго инока напалъ непостижимый ужасъ... Только молитва преподобнаго Евѳимія и знаменіе креста могли исцѣлить его.—«Съ сего времени будь остороженъ, сказалъ святый отецъ, и внимателенъ къ словамъ отеческимъ, а еще болѣе къ словамъ Господнимъ; будь, такъ сказать, весь око, какъ описываютъ намъ Херувимовъ: ибо ходишь посреди сѣтей.»

Какой Маро? Какой Климатій, послѣ толь видимаго наказанія Господня, не исправится? Христіяне! Мы слышимъ каждодневно Слово Божіе, въ храмахъ проповѣдуемое, и — ахъ! съ какимъ чувствованіемъ принимаемъ оное?... Иногда хвалимъ только краснорѣчіе проповѣдника; чаще того—желаемъ, чтобы скорѣе кончилась проповѣдь; а иногда кощунствуемъ надъ строгостію мыслей Евангельскихъ. Устрашимся, да мечъ гнѣва Господня *не поястъ ны*... Мы часто слышимъ опытныхъ и добродѣтельныхъ старцевъ, бесѣдующихъ между собою о дѣлахъ вѣры и общежитія, наставляющихъ юность любви къ отечеству, приверженности къ благочтстивымъ обыкновеніямъ предковъ—и зѣваемъ отъ скуки, или съ насмѣшкою отъ нихъ удаляемся. Убоимся, да не будемъ нѣкогда сожалѣть, что, имѣя уши, не слышали.

Благодарность новопросвѣщенныхъ къ Евѳимію Великому.

Нѣкоторый Князь, происходившій отъ древняго и знаменитаго рода, вѣрою Огнепоклонникъ, именемъ Аспеветъ (*), поставленный старѣйшиною надъ Срацинскими племенами, которыя жили подъ греческою державою, имѣлъ юнаго сына, котораго духъ - губитель поразилъ неисцѣльнымъ недугомъ, такъ что Тревонъ (имя Аспеветова сына) имѣлъ половину тѣла, отъ головы до ногъ, изсохшую и совершенно обмертвѣлую. Сколько отецъ ни старался подать помощь сыну, но всѣ средства врачей, всѣ чары Персидскихъ мудрецовъ были тщетны (**).

Въ одну ночь юный Тревонъ, лежа на одрѣ болѣзни и разсуждая о бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находился, отъ чрезмѣрной горести воскликнулъ: «вотъ что значитъ Еллинская и Персидская врачебная хитрость Вотъ что значатъ волшебства и заклинанія волхвовъ! Сколько принесъ отецъ мой жертвъ въ капища боговъ! сколько совѣтовался съ звѣздочетами! но все оканчивалось обманомъ, достойнымъ посмѣянія . . . Кромѣ истиннаго Бога, никто исцѣлить не можетъ.» — Такимъ образомъ размышляя, юноша началъ молиться, призывая имя Іисуса Христа, о Которомъ часто имѣлъ случай слышать отъ тамошнихъ Христіянъ, и обѣщаясь немедленно креститься, когда Господь даруетъ ему здравіе.

Послѣ сего Тревонъ непримѣтно погрузился въ сонъ и увидѣлъ инока, съ длинною брадою и сѣдыми власа-

---

(*) Сей Аспеветъ прежде былъ военачальникомъ въ Персіи, но, не исполнивъ повелѣній Царя Издигера, воздвигшаго гоненіе на Христіянъ, волхвами былъ предъ нимъ оклеветанъ; убоясь казни, онъ бѣжалъ въ Грецію.

(**) Сей недугъ Тревонъ получилъ еще будучи въ Персіи.

ми, который спросилъ: чѣмъ страждетъ онъ? Тревонъ объявилъ все; и старецъ опять спросилъ у него: «исполнишь ли обѣтъ, данный тобою Богу?» — Юноша немедленно поклялся. Тогда старецъ сказалъ ему: «я Евѳимій, живу въ пустынѣ, недалеко отъ пути, ведущаго къ Іерихону; если хощешь быть здравъ, приди—и Богъ чрезъ меня исцѣлитъ тебя.» — Отъ сильнаго движенія, которое произвелъ толь радостный сонъ, юноша проснулся и, что видѣлъ, разсказалъ отцу своему.

Аспеветъ, съ нетерпѣніемъ дождавшись утра, взялъ отрока и, сопровождаемый сродниками, слугами и всѣмъ домомъ, отправился въ путь. Увидѣвъ толикое множество варваровъ, сначала иноки ужаснулись; но Аспеветъ воскликнулъ къ нимъ: «слезно просимъ васъ, покажите намъ чуднаго и божественнаго врача вашего, котораго самъ Богъ открылъ сыну моему въ сновидѣніи.»—Когда приближились къ келліямъ, и Тревонъ разсказалъ всѣ обстоятельства небеснаго откровенія; тогда старецъ вышелъ изъ уединенной и безмолвной келліи; видя дѣйствующій тутъ перстъ Божій, онъ излилъ предъ Богомъ теплую молитву за отрока и, оградивъ его крестнымъ знаменіемъ, даровалъ совершенное здравіе.

Пораженные симъ чудомъ, варвары припали къ стопамъ Евѳимія; ихъ души столь же скоро исцѣлились отъ заблужденія, какъ тѣло Тревоново отъ болѣзни.—«Сочетай насъ Христу, человѣкъ Божій, вопіяли они, да сподобимся получить имя и часть избранныхъ.» — Святый Евѳимій внялъ моленію ихъ и, немедленно огласивъ, вскорѣ просвѣтилъ ихъ крещеніемъ. Въ одно время нѣсколько душъ умножили стадо Христово; а Маринъ, по матери дядя Тревоновъ, такъ проникнутъ былъ благодатію небесною, что не захотѣлъ возвратиться въ домъ свой и, принявъ иночество, при святомъ Евѳиміи остал-

ся навсегда. Онъ жилъ столь примѣрно, что, наконецъ, былъ сдѣланъ настоятелемъ.

Но ревность новопросвѣщенныхъ симъ не ограничилась. Аспеветъ, при святой купели нареченный Петромъ, чрезъ нѣсколько времени собравъ множество Агарянъ съ ихъ женами, дѣтьми и рабами, привелъ къ преподобному Евѳимію, чтобы онъ наставилъ ихъ на путь спасенія: сей истинный Христіянинъ хотѣлъ, чтобы и всѣ наслаждались тѣмъ благомъ, котораго онъ самъ сдѣлался причастникомъ. Святый Евѳимій былъ восхищенъ ихъ небеснымъ желаніемъ. Петръ, видя, что старецъ Божій не имѣетъ келліи и обитаетъ въ тѣсной хижинѣ, призвалъ каменоздателей и соорудилъ для него церковь и домъ для жительства. Такъ новопросвѣщенные чувствовали величіе дара Духа Святаго! Ихъ благодарность, хотя несоразмѣрная благодѣянію, по крайней мѣрѣ, показываетъ признательность ихъ и благоговѣніе къ угоднику Божію.

Между тѣмъ чада Агари, содѣлавшіеся сынами Сарры, желая всегда слышать душеспасительныя поученія изъ устъ Евѳимія, просили у него позволенія жить близь него. Человѣкъ Божій, любя безмолвіе, хотя не согласился на ихъ желаніе, однако назначилъ имъ другое мѣсто, къ населенію удобное, велѣлъ построить домы и церковь, далъ священнослужителей и самъ часто посѣщалъ духовную паству. Вскорѣ отъ приходящихъ туда и пріемлющихъ святое крещеніе Агарянъ малое селеніе содѣлалось толь великимъ городомъ, что преподобный Евѳимій почелъ за нужное быть тутъ Епископу; и — Ювеналій, Патріархъ Іерусалимскій, по его предложенію, вручилъ жезлъ пастырскій Петру, называвшемуся нѣкогда Аспеветомъ. Сколько потребно благодати Божі-

ей, чтобы изъ новопросвѣщенныхъ—идолопоклонниковъ содѣлать великихъ поборниковъ православія!

Читатели! святый Евѳимій, обративъ Агарянъ и язычниковъ въ Христіянство, не содѣлалъ ли ихъ и ревностными сынами отечества? поелику подвластные какой либо державѣ народы ничто такъ не соединяетъ, какъ вѣра.—А вы, безбожники и вольнодумцы! не дерзайте говорить, что святые люди для государства не нужны, или, по крайне мѣрѣ, не столько нужны, какъ искусные градоправители и храбрые воины.

Отеческое наслѣдство.

Преподобный Евѳимій, предузнавъ отшествіе свое къ Богу, призвалъ къ себѣ всѣхъ иноковъ и, вмѣсто наслѣдства, оставилъ имъ слѣдующее завѣщаніе:—«Отцы, братія и чада мои о Господѣ! я отхожу отъ васъ въ жизнь вѣчную. Умоляю васъ—сохраните заповѣди мои, а особливо любовь: ибо что соль для пищи, то любовь для всѣхъ добродѣтелей; даже смиреніе, сколь ни свято и боголюбезно, безъ любви быть не можетъ. Вы знаете, что и самъ Господь, единственно изъ любви къ намъ, смирился и *бысть человѣкъ;* смиреніе возноситъ насъ на верхъ всѣхъ добродѣтелей, а любовь поддерживаетъ и не допускаетъ упасть съ онаго. Въ чистотѣ соблюдайте не только душу, но и тѣло: ибо какъ человѣкъ не можетъ жить опрятно въ домѣ смрадномъ и темномъ, такъ и въ оскверненномъ тѣлѣ не можетъ быть душа чистая. Всѣ уставы и законы обители храните: отъ сего зависитъ благосостояніе каждаго общества, духовнаго и гражданскаго. Несчастнымъ по силѣ помогайте; если кто изъ братіи борется съ нечистыми помыслами, того наставляйте, утѣшайте, укрѣпляйте. Но вотъ послѣдняя и

Богу пріятнѣйшая добродѣтель: врата монастырскія для странниковъ никогда не заключайте; пусть они будутъ отверзты для каждаго пришельца; пусть будетъ у васъ все съ ними общее: тогда изобильно проліется на васъ благословеніе отъ Бога; и—если я обрѣту дерзновеніе у моего Искупителя, то паче всего буду просить у Него той благодати, да всегда духомъ буду съ вами».—Послѣ сего, три дня пробывъ въ церкви въ молитвахъ и бдѣніи, человѣкъ Божій уснулъ съ миромъ.

Родители! живите единственно для того, чтобы юную душу чадъ вашихъ обогатить примѣрами разныхъ добродѣтелей; а если Господь воззоветъ васъ къ себѣ, то завѣщаніе преподобнаго Евѳимія да будетъ вашимъ завѣщаніемъ. Живите всегда такъ, чтобы дѣти ваши, и въ юности и на *сѣдалищи старцевъ*, при каждомъ добромъ дѣлѣ, могли сказать: «отецъ мой, мать моя такъ поступали, и ихъ духъ носится надо мною и внушаетъ мнѣ дѣлать сіе.

Видѣніе Григорія Богослова, еще въ юности его.

Святый Григорій (*), по глубокимъ свѣдѣніямъ въ наукѣ Божественной нареченный *Богословомъ*, имѣя благочестивыхъ родителей, съ юныхъ лѣтъ успѣвалъ въ добродѣтеляхъ. Но не одинъ примѣръ имѣлъ вліяніе на душу Григорія; слѣдующее чудотворное сновидѣніе еще болѣе укрѣпило его на подвиги Вѣры.

Однажды заснувъ, благочестивый юноша увидѣлъ близь себя двухъ дѣвицъ, облеченныхъ въ бѣлыя одежды, лицемъ прекрасныхъ, ростомъ и лѣтами равныхъ. Не злато, не жемчугъ, не шелкъ блистали на нихъ; не распу-

(*) Его память празднуется Января въ 25 день.

щенные власы, не пламень въ очахъ составляли ихъ прелесть: полотно было ихъ одеждою; сквозь тонкія покрывала видимы были потупленныя очи, ланиты дѣвическою стыдливостію украшенныя, уста розовыя, которымъ молчаніе придавало что-то святоподобное. Григорій почувствовалъ въ сердцѣ своемъ Ангельскую радость. Дѣвицы также возлюбили его, и на вопросъ, кто онѣ и откуда пришли? первая назвала себя *невинностію*, другая *кротостію*. — «Мы предстоимъ престолу Царя славы, Іисуса Христа, продолжали онѣ: будь намъ единомысленъ; уподобь умъ твой нашему уму, очи твои нашимъ очамъ: тогда вознесемъ тебя на небеса и поставимъ близь Троичнаго Свѣта». — Сказавъ сіе, онѣ понеслись по воздуху на небеса. Святый юноша провождалъ ихъ очами, пока не скрылись отъ него, и тогда же проснулся, ощущая въ сердцѣ своемъ неизреченную радость и веселіе. Съ того времени святый Григорій ужасался паче смерти нарушить добродѣтели, имъ соименитыя.

Невидимая десница, отвратившая смертный ударъ отъ Григорія Богослова.

Аріане, которыхъ расколъ господствовалъ на Востокѣ и Западѣ почти восемьдесятъ лѣтъ, въ царствованіе Ѳеодосія Великаго не только лишились всѣхъ преимуществъ, но и почитались не иначе, какъ заразою Государства. Принужденные оставить всѣ церкви въ Царѣградѣ, они потеряли средоточіе, съ котораго толь удачно распространяли заблужденіе. Ихъ лже-епископъ жилъ за городомъ; проповѣдь Аріанская умолкла; даже не позволено имъ сооружать зданій, которыя бы имѣли подобіе храма. Сіе-то и было причиною, что нѣкоторые изъ

Аріанъ, приписуя всѣ несчастія свои Григорію, Архіепископу Цареградскому, какъ первому поборнику православія, вознамѣрились погубить его.

Они подкупили одного возмутительнаго, предпріимчиваго и дерзкаго молодаго человѣка, который взялъ на себя Архіерея Божія убить въ Епископскомъ домѣ. Быть близь него не трудно было въ то время, когда множество народа стекалось къ нему для поздравленія съ благополучнымъ успѣхомъ въ дѣлахъ, касающихся до Вѣры. Злодѣй съ прочими посѣтителями вошелъ въ комнаты Архіерея, который, будучи тогда боленъ, сидѣлъ на постели, и между тѣмъ, какъ другіе, засвидѣтельствовавъ усердіе и почтеніе, выходили, остался одинъ.

Не было удобнѣйшаго времени для злодѣйства; но молодой человѣкъ вдругъ задрожалъ и повергся къ ногамъ святаго Григорія, рыдая и какъ будто испрашивая у него милости. Страхъ овладѣлъ имъ такъ, что онъ въ семъ положеніи пребылъ нѣсколько минутъ, не въ силахъ промолвить ни одного слова. Святитель, испугавшись толь нечаяннаго явленія, наклонился, чтобы поднять его, и долго спрашивалъ, кто онъ, и чего требуетъ? но услышавъ только непорядочныя слова, воплемъ и рыданіемъ прерываемыя, пришелъ о немъ въ сожалѣніе, и самъ началъ плакать.

Люди сбѣжались на шумъ, и не могши уговорить молодаго человѣка, чтобы вышелъ вонъ, насильно вынесли въ переднюю. Тамъ, пришедъ нѣсколько въ себя, воздѣлъ онъ руки на небо и, исповѣдуя зловредный свой умыселъ, оказывалъ знаки величайшей болѣзни и сокрушенія. Послѣ чего повели его опять къ Епископу, и одинъ изъ келейниковъ, въ страхѣ и ужасѣ, сказалъ: «сей незнакомецъ есть убійца, хотѣвшій погубить тебя, Владыко святый! Одинъ Господь могъ привесть его въ чувст-

во».—Григорій велѣлъ ему къ себѣ приблизиться и, обнимая его, съ кротостію сказалъ:—«Богъ да помилуетъ тебя, сынъ мой! и какъ онъ сегодня спасъ мою жизнь, такъ должно и мнѣ спасти твою жизнь. Все мздовоздаяніе, котораго отъ тебя требую, состоитъ въ томъ, да оставишь ересь и попечешься о своемъ спасеніи».—Сей поступокъ, примѣръ кротости и милосердія, привелъ въ удивленіе даже непріятелей Григорьевыхъ.

Испытаніе самого себя.

Преподобный Зинонъ (*), путешествуя чрезъ Палестину, утомился и сѣлъ подлѣ овощной гряды, чтобы съѣсть кусокъ хлѣба. Вдругъ пришло ему на мысль сорвать одинъ огурецъ.—«Это дѣло не важное!» думалъ онъ, но въ то же мгновеніе, убоясь самъ себя, сказалъ: «хищники осуждаются къ наказанію; и такъ, Зинонъ, испытай самъ себя, можешь ли перенести мученіе?»—Послѣ сего старецъ сталъ противу зноя солнечнаго, и въ семъ положеніи пребылъ пять дней. Наконецъ, когда почувствовалъ, что силы его отъ жары совершенно, такъ сказать, изсохли, сдѣлалъ самъ себѣ приговоръ: «Зинонъ не можетъ сносить казни, слѣдственно для насыщенія своего не долженъ похищать чужаго.

Скромность и самохвальство.

Египетскій инокъ пришелъ посѣтить преподобнаго Зинона, подвизавшагося въ Сиріи, и осуждалъ предъ нимъ свои помыслы. — Старецъ удивился, и сказалъ: «Египтяне утаеваютъ добродѣтели, которыя имѣютъ, и безпре-

(*) Сей преподобный Отецъ жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его Января въ 30 день.

станно обличаютъ недостатки, которыхъ не имѣютъ; а Сирійцы и Греки выставляютъ добродѣтели, которыхъ не имѣютъ, и сокрываютъ пороки, которые имѣютъ.

Отъ чего установленъ праздникъ трехъ Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста.

Въ царствованіе Алексѣя Комнина о сихъ трехъ Святителяхъ возникла распря: который изъ нихъ былъ общеполезнѣе и боголюбезнѣе? Иные превозносили Василія Великаго, называя его по уму и дѣламъ совершеннымъ геніемъ, человѣкомъ ангелоправнымъ; иные возвышали Іоанна Златоуста, нарицая его пастыремъ человѣколюбивымъ, къ слабости естества человѣческаго снисходительнымъ и въ словѣ сильнѣйшимъ, когда должно тронуть ожесточеннаго грѣшника; иные держали сторону Григорія Богослова, какъ пастыря, въ наукѣ Божественной всѣхъ превосходящаго. Отъ чего произошло раздѣніе: одни назывались Василіанами, другіе Іоаннистами, третьи Григоріанами; и — симъ заблужденіемъ былъ зараженъ, къ удивленію, не столько простой народъ, сколько ученые. Легко заключить о просвѣщеніи Грековъ тогдашняго времени, когда слабый, грѣшный человѣкъ дерзалъ опредѣлять достоинство Святыхъ, у престола Господня стоящихъ и за насъ молящихся (*).

Но Господь восхотѣлъ, чтобы великіе Святители сами утолили раздоръ, о нихъ возставшій; и — они сначала каждый по единому, а потомъ вкупѣ явившись Іоанну, Епископу Ехваитскому, мужу въ то время по учености и

(*) Къ несчастію, тогда и цари Греческіе занимались только богословскими спорами, не заботясь, что государство отвсюду терзаютъ непріятели.

благочестію знаменитѣйшему, единогласно сказали: — «Мы имѣемъ одно достоинство предъ Богомъ; нѣтъ въ насъ противуположностей; каждый изъ насъ, въ свое время, подвизаемый Духомъ Святымъ, проповѣдывалъ спасеніе; нѣтъ изъ насъ ни перваго, ни втораго, ни третьяго; и такъ скажи, чтобы православные люди раздоръ оставили; скажи имъ, что мы, какъ въ жизни, такъ и по кончинѣ, болѣе всего стараемся о томъ, чтобы всѣхъ привесть въ единомысліе. Совокупи насъ въ одинъ день и составь одинъ праздникъ; а мы — всѣмъ, насъ поминающимъ, будемъ споспѣшествовать ко спасенію».— Сказавъ сіе, они, свѣтомъ небеснымъ осіяваемы, вознеслись на небо.

Преподобный Іоаннъ всенародно объявилъ чудотворное видѣніе и, поелику память трехъ великихъ Святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, празднуется въ Январѣ, установилъ торжествовать оную вмѣстѣ тридесятаго дня Января, и тѣмъ примирилъ неблагоразумное разногласіе Христіянъ.

Неусыпный стражъ вѣры Христовой,

Преподобный Исидоръ Пилусіотскій (*), высочайшимъ и таинственнымъ ученіемъ согрѣвая душу свою, старался просвѣтить прочихъ. Священнонастоятель въ добродѣтеляхъ совершенный, мудростію славный и всѣми уважаемый, какую ревность имѣлъ онъ къ вѣрѣ Христовой, явствуетъ изъ слѣдующаго письма:

«Я спрашиваю у тебя самого, пишетъ святый Исидоръ къ Аріанину Ѳерасію, у тебя, который надъ нами ру-

(*) Преподобный Исидоръ, нареченный Пилусіотскимъ, потому что иноческое житіе воспріялъ и подвизался на горѣ Пилусіотской, жилъ въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго. Память его Февраля въ 4 день,

гаешься и хочешь показаться проницательнымъ и тяжкимъ судіею, скажи — что бы ты сдѣлалъ, если бы Государь, отдавъ подъ твое охраненіе городъ, поставилъ тебя на стѣнахъ онаго? Неужели бы ты, видя сопостата, устрояющаго подкопы, чтобы взорвать твердыню и войти въ городъ, не напрягъ всѣхъ усилій, не употребилъ всѣхъ орудій для отвращенія погибели? Нѣтъ! ты бы испыталъ всѣ средства защитить крѣпость и чрезъ то доказать свою вѣрность и усердіе къ Государю... Не должно ли и намъ, которыхъ Богъ поставилъ пастырями и воинами царства благодати, крѣпко стоять противу Арія, не только брань на церковь Христову воздвигшаго, но и побудившаго множество душъ? Для сей-то причины я презираю всѣ бѣдствія и ничего болѣе не желаю, какъ пострадать даже до смерти за православіе».

Но при толь необоримой ревности, великій Пилусіотъ не былъ гонителемъ иновѣрцевъ. «Богъ одарилъ человѣка совершенною волею, говоритъ онъ въ письмѣ къ Епископу Аполлонію: слѣдственно противно закону употреблять насиліе, привлекая людей къ православію; и такъ, если хочешь просвѣтить сущихъ во тмѣ, то единственное, въ семь случаѣ, средство — благіе совѣты, непорочная жизнь, добрыя дѣла и терпѣніе».

Сей мудрый старецъ, чему ни училъ, все подтверждалъ примѣромъ своихъ дѣяній. — «Жизнь безъ слова, говоритъ онъ, болѣе приноситъ пользы, нежели слово безъ жизни; ибо кто живетъ праведно, тотъ и безмолвствуя споспѣшествуетъ счастію другихъ — своимъ примѣромъ; а кто говоритъ и болѣе ничего, тотъ подаетъ только соблазнъ; нѣкоторые будутъ о немъ сожалѣть, а большая часть смѣяться. Но если слово и жизнь помогаютъ другъ другу, тогда видимъ образъ истинной Философіи».

Одинъ приходскій Священникъ жаловался на худое по-

веденіе духовныхъ дѣтей. Святый Исидоръ сказалъ ему:— «Нѣкоторые изъ людей ищутъ добродѣтели, но лѣниво идутъ по пути, ведущему къ оной; другіе не вѣрятъ и тому, что есть добродѣтель. И такъ должно, первыхъ убѣдить, чтобы оставили безпечность и нерадѣніе, а другимъ доказать, что добродѣтель не есть вымыселъ».

Неусыпный поборникъ вѣры, образъ житія добродѣтельнаго, святый Исидоръ нетрепетно защищалъ Іоанна Златоуста предъ Аркадіемъ и, по страдальческой его кончинѣ, просилъ святаго Кирилла Александрійскаго, чтобы причислилъ его лику святыхъ исповѣдниковъ; подалъ совѣтъ Ѳеодосію второму, собрать третій вселенскій Соборъ въ Ефесѣ. Наконецъ, исполнивъ вселенную богомудрыми правилами, угодникъ Божій уснулъ съ миромъ.

Чувствованія святыя Агафіи въ темницѣ.

Когда святая Агафія (*), претерпѣвъ мученія, какія только могли изобрѣсть тиранство и ненависть противу Христіянъ, была повержена въ глубокую и смрадную темницу: въ полночь внезапно отверзлись сами собою двери, возблисталъ неизреченный свѣтъ и явился предъ нею старецъ, который предложилъ ей цѣлебныя травы. Святая дѣвица, думая, что это какой нибудь врачъ, рѣшительно сказала ему: «отъ всего сердца благодарю тебя, добрый человѣкъ, за милосердіе; но не могу воспользоваться твоимъ благодѣяніемъ: я уповаю на единаго Господа моего Іисуса Христа, Который, если восхощетъ, въ одно мгновеніе можетъ исцѣлить меня».—Обрадованный толь великою вѣрою, старецъ улыбнулся и ска-

(*) Святая мученица Агафія пострадала въ 242 лѣто по Р. Х. Память ея Февраля въ 5 день.

Digitized by Google

залъ ей: *азъ есмь Апостолъ Петръ; вижду убо тебя исцѣленною* — и послѣ сего сталъ невидимъ. . . Святая мученица повергласъ на колѣна. — «Благодарю тебя, Господи Боже мой, воскликнула она, что помянулъ меня, рабу твою» — и воззрѣвъ на свое тѣло, увидѣла себя совершенно здравою. Между тѣмъ небесный свѣтъ и безъ Апостола чрезъ всю ночь озарялъ темницу ея. Устрашенные стражи разбѣжались; темница осталась незаключенна. Тогда прочіе узники, обрадуясь столь неожиданному случаю, одинъ по одному начали выходить, и святой Агафіи говорили: двери отверзты; стрегущихъ нѣтъ: бѣги отъ мученій». — «Не дай мнѣ, Господи, учинить это, отвѣчала имъ страдалица, не дай Господи, чтобы за меня претерпѣли что нибудь стражи темничные! Имѣя помощникомъ моимъ Господа, исцѣлившаго рабу свою, пребуду до конца въ его исповѣданіи». — Послѣ чего съ Ангельскимъ спокойствіемъ осталась въ темницѣ, не страшась уготовляемыхъ ей назавтра мученій и смерти.

Необоримая заступница.

Преподобный Палладій Александрійскій однажды разсказалъ посѣтителямъ своимъ слѣдующую повѣсть. Нѣкоторый благочестивый и страннопріимный человѣкъ имѣлъ супругу, кроткую и богобоязненную, и шестилѣтнюю дочь, которую воспитывалъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Въ одно время, по купеческимъ дѣламъ должно было ему изъ Александріи отправиться въ Царьградъ... Супруга, провожая его на корабль, между прочимъ спросила: «кому на руки оставляешь меня и дочь твою»? — Госпожѣ нашей Богородицѣ», отвѣчалъ истинный отецъ семейства и пустился по водамъ.

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ того, когда добродѣтельная мать, сидя съ дочерью, занималась домашнимъ рукодѣліемъ, ненавистникъ рода человѣческаго научилъ слугу ихъ убить госпожъ и, похитивъ лучшія вещи, бѣжать. Злодѣй взялъ изъ поварни ножъ и пошелъ въ горницу; но едва коснулся порога, вдругъ пораженъ былъ слѣпотою и такъ обуялъ, что не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Долго сражаясь самъ съ собою и силясь войти, наконецъ началъ онъ кликать госпожу свою; но она, удивясь столь необыкновенному поступку и, впрочемъ, неподозрѣвая тутъ никакого зла, сказала ему, чтобы подошелъ къ ней самъ. Слуга просилъ, умолялъ ее, чтобы приблизилась къ нему, или по крайней мѣрѣ, послала дочь свою; но она, назвавъ его безумцемъ, замолчала. Тогда злодѣй, не въ силахъ будучи услужить діаволу, въ отчаяніи выхватилъ изъ пазухи ножъ и поразилъ самъ себя... На крикъ госпожи немедленно сбѣжались сосѣди, пришла стража и, заставъ злодѣя еще въ живыхъ, узнали, что и какъ случилось? Всѣ прославили Бога, творящаго непостижимыя чудеса, и заступницу вѣрныхъ, Приснодѣву Марію.

Молитва о счастіи враговъ.

Святая дѣвица Фавста (*), дщерь вѣрныхъ и благородныхъ родителей, урожденка Кизическая, на тринадцатомъ году возраста своего, за вѣру Христову, отдана была въ мучительскія руки жрецу Евиласію; но ея невинность, терпѣніе и кротость такъ подѣйствовали надъ звѣрскимъ сердцемъ идолослужителя, что онъ, познавъ силу Божію и умилившись надъ Фавстою, даровалъ ей свободу; за что самъ воспріялъ вѣнецъ мученическій.

(*) Святая мученица Фавста жила въ III столѣтіи по Р. Х. Память ея Февраля въ 6 день.

Digitized by Google

Послѣ того Императоръ Максиміанъ повелѣлъ другому чиновнику истощить надъ Фавстою весь ужасъ мученій. — Что же и тогда сдѣлала Богомъ укрѣпляемая дѣвица? Просила ли на своего тирана гнѣва небеснаго? Нѣтъ; она восклицала только «благодарю тебя, Сладчайшій Іисусе, свидѣтелю сердецъ, что сподобилъ меня исповѣдать святое имя Твое... Еще молюся Тебѣ, возлюби Максима (имя ея мучителя), просвѣти его вѣрою и утверди въ страхѣ твоемъ». — Сколько тиранъ ни глухъ былъ ко гласу невинности и къ чудесамъ, которыми Богъ прославлялъ страдальцевъ, но Ангельское желаніе святыя Фавсты поразило каменное сердце его. — «Помощникъ и Покровитель невинной дѣвицы! наконецъ воскликнулъ онъ, яви Твою благодать и на мнѣ недостойномъ; пріими въ раба твоего; воистину ты единъ Господь и Богъ силъ»! — Въ сіе мгновеніе отверзлись небеса, и явился на облакахъ посреди Ангеловъ и всѣхъ Святыхъ Сынъ Божій, новообратившагося Максима благословляющій.

Восхищенный небеснымъ видѣніемъ, чиновникъ послѣдовалъ Евпласію и Фавстѣ, и вмѣстѣ съ ними крестился *своею кровію*... А вы, Христіяне, познайте изъ сего, какую силу и надъ злодѣями нашими имѣетъ молитва о ихъ счастіи.

О томъ, коль спасительно не слушать клеветы(*).

Преподобный Марко Египетскій, подвизаясь въ молитвѣ и постничествѣ тридцать лѣтъ, не выходилъ изъ келлій. Братія уважали его, а Пресвитеръ въ извѣстные дни пріобщалъ его Святыхъ Таинъ на дому. Но діаволъ,

(*) См. въ Прологѣ Марта подъ 10 числомъ.

Digitized by Google

завидуя добродѣтелямъ старческимъ, употреблялъ всевозможную хитрость, чтобы соблазнить его на грѣхъ осужденія. . . Онъ вселился въ одного грѣшника и привелъ его къ старцу, подъ видомъ будто просить благословенія. Недугующій только переступилъ порогъ келліи, вдругъ закричалъ: «твой Пресвитеръ великой грѣшникъ! не позволяй ему приступать къ тебѣ». — Но Богомъ вдохновенный мужъ сказалъ на то: «чадо, *не суди, да не судимъ будеши* (*); если онъ и грѣникъ, Господь исцѣлитъ его; написано бо есть: *молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (**)». Послѣ чего, сотворивъ молитву, старецъ изгналъ нечистаго духа и пришельцу даровалъ здравіе.

Въ слѣдующій день пришелъ къ нему Пресвитеръ, и старецъ принялъ его съ радостію. — Тогда милосердый Богъ, благословляя непорочность его, показалъ знаменіе: ибо, когда священникъ началъ подавать ему *Святое Причащеніе*, преподобный Марко увидѣлъ Ангела, сходящаго съ небесъ и возлагающаго десницу на главу Пресвитера. Марко ужаснулся, а Ангелъ Господень сказалъ ему: и земный царь не терпитъ, чтобы вельможи предстояли ему въ нечистотѣ; кольми паче могущество пренебесное». — Такимъ образомъ великій подвижникъ Христовъ, Марко, удостоенъ былъ благодати Божій за то, что не послушалъ клеветы и не осудилъ священнослужителя.

Сила истинной вѣры.

Когда святая мученица Дороѳея (***), за исповѣданіе Христіянской вѣры, представлена была на судъ къ Са-

(*) Матѳ. VII. 1. (**) Іак. V. 16.
(***) Память ея Февраля въ 6 день.

Digitized by Google

прикію, градоначальнику Кесарійскому: то мучитель, видя юность ея, сначала не хотѣлъ употребить орудій казни, но отдалъ ее, для искушенія и соблазна, двумъ сестрамъ, Каллистѣ и Христинѣ, которыя прежде были Христіянками, но, устрашась мученій, предались идолопоклонству и, поелику такіе люди почти всегда бываютъ отчаянны, жили развратно.

Сіи-то женщины, взявъ святую Дороѳею въ домъ свой, начали уговаривать ее, чтобы поклонилась идоламъ. — «Покорись волѣ правительства, говорили онѣ, и тѣмъ избавь себя отъ погибели; мы сдѣлали разумно, что отъ Христіянскаго изступленія наконецъ опомнились: разсуди и ты, какая польза умереть посреди мученій.» Но святая дѣвица отвѣчала имъ: «О! если бы и вы покорились волѣ Іисуса Христа и опять обратились къ Нему, вы бы тогда спасли себя отъ мукъ геенскихъ». — «Мы разъ навсегда рѣшились служить грѣху, отвѣчали ей пораженныя гласомъ вѣры и Христіянскаго усердія соблазнительницы, то можемъ ли возвратиться на путь истины и обрѣсть благодать Божію»? — «Напрасно такъ думаете, сказала имъ святая Дороѳея: отчаяться въ милосердіи Господнемъ есть грѣхъ ужаснѣйшій, нежели поклониться идоламъ: небесный Врачъ всегда можетъ исцѣлить раны нашего сердца; онъ для того и Спасителемъ нарицается, что спасаетъ; покайтеся, и Господь проститъ васъ». — Тогда обѣ сестры припали къ стопамъ юной мученицы, и, рыдая просили ее, чтобы помолилась о нихъ къ Ходатаю міра.

Когда, чрезъ нѣсколько времени, Саприкій спросилъ у нихъ объ успѣхѣ своего препорученія, то Христина и Каллиста въ одинъ голосъ сказали ему: «великое преступленіе сдѣлали и мы, что не имѣли твердости Дороѳеиной и убоялись угрозъ твоихъ! Теперь Господь про-

Digitized by Google

стилъ грѣхи наши; жизнь наша въ твоихъ рукахъ; но не предадимъ никому, кромѣ Христа, душъ нашихъ». — Изумленный тиранъ долго стоялъ безмолвенъ; потомъ, воспылавъ яростію, осудилъ ихъ на одну смерть съ Дороѳеею.

И мы изъ святой купели выходимъ Христіянами, но, къ несчастію нашему, поступаемъ хуже Каллисты и Христины; ибо онѣ, убоясь ужаснѣйшихъ мукъ, поклонились идоламъ; мы часто изъ одного суетнаго благоприличія, а чаще того, нарушая и самое благоприличіе свѣта, идолопоклонствуемъ страстямъ, *на душу воюющимъ*. . . О, если бы послушались гласа, вопіющаго въ пустыни: *покайтеся, приближибося царствіе небесное!* — тогда бы, съ тремя мученицами, днесь воспоминаемыми, мы умерли грѣху, да оживемъ Богови.

Болѣзнь и исцѣленіе сребролюбца.

Нѣкогда Святитель Христовъ Пароѳеній (*) посѣтилъ Ираклійскаго Архіепископа Ипатіана, который тогда былъ весьма боленъ. Проводивъ вечеръ въ разговорахъ о естественныхъ причинахъ болѣзни и о средствахъ исцѣлить оную, когда угодникъ Божій легъ спать, Господь въ сонномъ видѣніи открылъ ему, что Ипатіанъ наказанъ за сребролюбіе и насиліе къ бѣднымъ.

Удивленный Пароѳеній, поутру опять пришелъ къ Архіепископу, и сказалъ ему: «Владыко! ты страждешь душевною болѣзнію; отряси ее и здравъ будешь». — Ипатіанъ ужаснулся и, видя въ Пароѳеніѣ пророка Божія, сквозь слезы отвѣчалъ: «исповѣдую грѣхи мои; помилися о мнѣ, человѣкъ по сердцу Божію, да Господь поможетъ

(*) Св. Пароѳеній жилъ въ царствованіе Константина Великаго. Память его Февраля въ 7 день.

мнѣ очиститься отъ беззаконій моихъ. — Тогда святый Парѳеній сказалъ ему: «есть грѣхи, которые могутъ очиститься одною молитвою; но твои грѣхи другаго рода: ты въ лицѣ нищихъ отнималъ у Бога имущество. Возврати ему также въ лицѣ нищихъ, и — будешь здравъ душею и тѣломъ».

Тогда Архіепископъ совершенно очувствовался. — «Господи! согрѣшилъ предъ тобою, воскликнулъ онъ: но Ты сколько праведенъ, столько и милосердъ». —Потомъ, призвавъ домоуправителя, велѣлъ къ себѣ принесть все, неправедно собранное, и усердно просилъ святаго Парѳенія, чтобы принялъ на себя трудъ расточить его имѣніе бѣднымъ; но человѣкъ Божій отозвался: — Ты долженъ раздать самъ, сказалъ онъ: если помнишь, у кого отнялъ, тому и возврати съ лихвою; если не помнишь, отдай наиболѣе нуждающимся».

Ипатіанъ послѣдовалъ совѣту праведника. — Вскорѣ получилъ здравіе, и съ того времени не прилѣплялъ къ сокровищамъ сердца своего.

Сила родительскихъ молитвъ.

Преподобный Лука (*), урожденецъ Елладскій, отъ юныхъ лѣтъ возлюбивъ иноческіе подвиги, ушелъ тайно отъ своей матери, и въ одномъ изъ Аѳинскихъ монастырей постригся *въ новоначаліе*.

Евфросинія (имя его матери), зная благонравіе сына, хотя и догадывалась о святомъ его поступкѣ, но, будучи вдовою, не могла переносить разлуки и безпрестанно жаловалась Богу: «Господи! ты свидѣтель вдовства моего и всѣхъ огорченій, съ нимъ соединенныхъ: не забудь меня до конца; не отними у меня единственную отраду

(*) Память его Февраля въ 7 день.

Digitized by Google

жизни, любезнаго сына. Ахъ! я не подала иму ни малѣйшей причины оставить меня... Господи! ты вѣдаешь мое съ нимъ обхожденіе: я не запрещала ему жить по закону Твоему; я была ему матерію не только по плоти, но и по душѣ; хотѣла видѣть его совершеннымъ въ добродѣтеляхъ. Господи! не презри слезъ моихъ; возврати мнѣ сына, да прославлю имя Твое святое». — Такъ молилась осиротѣвшая мать, и Господь услышалъ молитву ея.

Въ одно время Игуменъ обители, въ которой подвизался святый Лука, узрѣлъ въ сонномъ видѣніи плачущую мать. — «Почто меня, бѣдную вдову, такъ жестоко обижаешь, вопіяла она къ Настоятелю? Почто отнялъ у меня единороднаго сына, утѣху моей старости? Это единый *свѣтъ очію моею, и той нѣсть со мною!* Возврати мнѣ сына; или не престану жаловаться на тебя къ Богу». — Устрашенный Игуменъ пробудился, долго размышлялъ о сновидѣніи и наконецъ почелъ за пустое мечтаніе. — Но въ слѣдующую ночь увидѣлъ то же; въ третью ночь услышалъ тотъ же вопль сѣтующей матери. Тогда позналъ онъ, что это не есть дѣйствіе духа искусителя, но явленіе, Богомъ устрояемое; долго разсуждалъ о каждомъ инокѣ порознь и, поелику святый Лука всегда скрывалъ отъ него и отъ всей братіи свой родъ и отечество, наконецъ увѣрился, что сновидѣніе относится къ нему.

Назавтра, — когда, совершивъ Божественную службу, братія отобѣдали, онъ призываетъ къ себѣ Луку и говоритъ съ гнѣвомъ: «какъ осмѣлился ты обмануть насъ, увѣривъ, что не имѣешь родителей? какъ дерзнулъ жить съ нами, имѣя лесть на сердцѣ твоемъ? Знаешь ли, кто начальникъ лжи?.. Уйди отъ насъ; уйди даже изъ предѣловъ Аѳинскихъ и возвратись къ твоей родительницѣ.

Уже третью ночь она укоряетъ и смущаетъ меня.—Горе тебѣ, если меня ослушаешься»! — Пораженный Лука стоялъ неподвижно; потупивъ глаза свои, не смѣлъ выговорить ни единаго слова: онъ плакалъ, не желая оставить святую дружину. Тогда Настоятель сжалился надъ нимъ и сказалъ съ кротостію: «сынъ мой! теперь непремѣнно возвратись къ твоей матери; а послѣ самъ Господь поможетъ тебѣ въ добромъ намѣреніи. Послушайся: я вижу, что ея молитва имѣетъ великую силу у Бога и можетъ уничтожить всѣ твои молитвы. Иди съ миромъ и помни, что безъ благословенія родительскаго ничего предпринимать не должно». — Выслушавъ сіе, святый Лука въ молчаніи поклонился Настоятелю, простился съ братіею и отправился въ путь свой.

Кто можетъ описать удивленіе и радость Евфросиніи? Она бросилась обнять его; но вдругъ остановилась, возвела очи и руки на небо и воздала благодареніе Богу. — «Благословляю тебя, Господи, сказала она, что не оставилъ молитвы моея. — Потомъ облобызала сына своего.

Святый Лука пребылъ у матери четыре мѣсяца, но, стремясь сердцемъ и душею къ Богу и къ житію безмолвному, началъ у нее просить позволенія удалиться въ пустыню. Богобоязненная Евфросинія благословила его: ибо знала она, что Бога должно почитать и любить болѣе, нежели родителей; и — ея молитвы для праведнаго Луки были *вторымъ* вождемъ на пути спасенія.

Мученикъ, защищающій мучителя.

Когда злочестивый Лициній, истощивъ всѣ мученія на святаго Θеодора Стратилата (*), изрекъ приговоръ смер-

(*) Святый великомученникъ Θеодоръ Стратилатъ, родомъ Ехваитъ, былъ воинскій чиновникъ. Память его Февраля въ 8 день.

Digitized by Google

ти, тогда для предупрежденія мятежа отъ Христіянъ, которые — какъ думалъ онъ — будутъ защищать страдальца, отряженъ былъ воинскій начальникъ, именемъ Сикстъ, съ тремя стами воиновъ; но всѣ они, увидѣвъ чудеса, совершаемыя Ѳеодоромъ, вѣровали въ Господа нашего, Іисуса Христа. Къ нимъ присоединилось множество народа; повсюду гремѣли восклицанія:—«Единъ есть Богъ, Богъ Христіянскій, и нѣтъ Бога кромѣ его! Не хочемъ повиноваться тому, кто не повинуется Іисусу Христу». — Смятеніе ежеминутно усиливалось; одинъ изъ язычниковъ бросился съ кинжаломъ на Стратилата, но Сикстъ отразилъ ударъ и повергъ его безъ головы; другой идолопоклонникъ поразилъ Сикста: должно было ожидать величайшаго кровопролитія. Но кто изъ святыхъ мучениковъ употреблялъ преступленія другихъ въ свою пользу?... и Ѳеодоръ воззвалъ велегласно: «возлюбленные о Христѣ братія! престаньте защищать меня; когда распинали Господа моего Іисуса Христа, Онъ не восхотѣлъ, чтобы Ангелы творили отмщеніе убійцамъ его. Не воздвигайте брани на Лициніа: хотя онъ, по своему жестокосердію, восхотѣлъ быть слугою геенскаго могущества, но вамъ, какъ Христіянамъ, должно внимать гласу Господню, возвѣстившему, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога;* вамъ должно въ царѣ своемъ почитать слугу Божія». — Симъ и тому подобнымъ образомъ уговаривая народъ, святый великомученикъ преклонилъ подъ мечъ главу свою, а мятущійся народъ, почитая совѣтъ праведника не иначе, какъ заповѣдію Господнею, облегчилъ горесть свою торжественнымъ погребеніемъ тѣла его, чему не дерзнулъ воспрепятствовать и мучитель Лициній.

Digitized by Google

Духъ клеветы.

Когда Святитель Христовъ Харлампій (*) изъ Магнезіи веденъ былъ подъ стражею въ Антіохію къ Императору Северу, который лично хотѣлъ допросить его, тогда духъ злобы, преобразившись въ старца, предсталъ тирану и, сѣтуя о своемъ несчастіи, сказалъ: — «Повелитель вселенныя! я царь Скифскій, но теперь скитаюсь, какъ послѣдній изъ рабовъ; горестна участь моя, но всего тягостнѣе для меня, что человѣкъ, подлый и ничтожный, былъ причиною моего злосчастія. . . Нѣкто Харлампій, великій волшебникъ, взбунтовалъ мое воинство и возмутилъ противъ меня весь народъ. Отъ всѣхъ оставленный, я прошу твоего покровительства; и если благоволишь принять совѣты изгнанника, берегись опаснѣйшаго изъ чародѣевъ: имя какого-то Іисуса въ устахъ его имѣетъ такую силу, которая всѣхъ привязываетъ къ нему до безумія». — Еще духъ клеветы не кончилъ рѣчи, какъ святаго Харлампія представили къ Императору... Демонъ, будто внезапнымъ ужасомъ пораженный, отступилъ далѣе; а Северъ затрепеталъ отъ ярости.—Нельзя исчислить мученій, которыя человѣкъ Божій долженъ былъ вытерпѣть!

Христіяне! Такова сила и хитрость каждой порочной страсти! Онѣ предзаемлютъ наше сердце; захватываютъ надъ нимъ всю власть, такъ что буйный ревъ ихъ заглушаетъ не только совѣсть, разумъ и вѣру, но и гласъ собственныхъ нашихъ пользъ, хотя впрочемъ люди всего болѣе привязаны къ онымъ. Вспомните: не властолюбіе ли Ирода было причиною убіенія Виѳлеемскихъ младенцевъ? Не мщеніе ли Іезавели истребило столько

(*) Святый мученикъ Харлампій пострадалъ въ 190 по Р. Х. Память его Февраля въ 10 день.

Digitized by Google

Пророковъ? Не зависть ли Каина содѣлала первое братоубійство?.. Всякая буйная страсть есть не что иное, какъ тотъ самый демонъ, который предъ Северомъ оклеветалъ невиннаго Харлампія.

Любовь къ отечеству посреди лютыхъ тиранствъ.

Святый Харлампій, послѣ разныхъ продолжительныхъ страданій осужденный на отсѣченіе главы, пришедъ на мѣсто казни, началъ молиться: *помяни мя, Господи! во царствіи Твоемъ!* и посреди молитвы своей узрѣлъ на облакахъ въ неизреченной славѣ Сына Божія, и услышалъ гласъ его: «*пріиди, друже мой, столько имени моего ради претерпѣвый; проси у меня, чего хощеши, и дамъ тебѣ*». — Тогда мученикъ Христовъ, въ небесномъ восхищеніи, воскликнулъ: — «Господи! неизглаголанно и сіе благодѣяніе твое, что сподобилъ меня узрѣть славу твою; но, Боже мой! если угодно будетъ святой волѣ Твоей, даждь славу имени твоему, да въ отечествѣ моемъ, гдѣ я родился и гдѣ почіютъ кости мои, не будетъ ни глада, ни тлетворнаго вѣтра; да цвѣтетъ вѣчный міръ и всѣхъ плодовъ изобиліе; да царствуетъ въ душѣ моихъ соотечественниковъ любовь къ порядку и благонравіе; да водворится ревность о спасеніи! Господи, ты вѣдаешь слабость человѣческую: остави имъ грѣхи ихъ, излей на всѣхъ благодать твою, да прославятъ тебя, единаго истиннаго Бога, всѣхъ благъ Подателя».—Сказавъ сіе, святый старецъ услышалъ гласъ Господень: *буди по твоему прошенію*, и, не дождавшись взмаха смертной сѣкиры, испустилъ въ руцѣ Христовы духъ свой.

Юноши, образуемые по твореніямъ мудрецовъ свѣта

Digitized by Google

и по примѣрамъ великихъ людей древности! Вы превозносите Аристида, который, выходя и Аѳинъ, простеръ руки свои къ небу и молился, чтобы отечество не возъимѣло въ немъ, для избавленія своего отъ опасности, когда либо нужды. — И я похваляю желаніе Аристида... Но, какъ скоро слышу молитву святаго Харлампія, забываю всѣхъ страдальцевъ языческихъ. Сколько Евангеліе чище и возвышеннѣе умствованій свѣта, столько гласъ Святителя Христова чище и возвышеннѣе гласа Аристидова.

Вражда и дружество великаго князя съ инокомъ.

Преподобный Прохоръ (*), урожденецъ Смоленскій, пришелъ въ Кіевъ, при Великомъ Князѣ Святополкѣ Изяславичѣ, и принялъ образъ Ангельскій въ Кіевопечерской Лаврѣ отъ Игумена Іоанна. Онъ столько угодилъ Богу, что удостоился дара чудодѣйствовать.

Вскорѣ послѣ сего настало голодное время сколько отъ неурожая, а болѣе отъ того, что неустройство и грабежи препятствовали привозить въ Кіевъ хлѣбъ и соль изъ Галича и Перемышля. Жители отчаявались въ жизни; повсюду былъ слышанъ плачъ и рыданіе: бѣдные умирали на распутіяхъ; къ несчастію, если и было сколько нибудь хлѣба и соли, то и сіе небольшое количество находилось у жестокосердыхъ откупщиковъ, которые не могли насытиться золотомъ... Тогда-то блаженный Прохоръ доказалъ, сколь человѣколюбиво сердце его и сколько любитъ его Господь, всея твари Питатель. . . Чудотворецъ, молитвами своими претворяя горькую ле-

(*) Память его Февраля въ 10 день.

беду въ здоровый и вкусный хлѣбъ (что и прежде дѣлалъ, только самъ для себя) и пепелъ превращая въ соль, раздавалъ бѣднымъ гражданамъ: келлія его, отъ утра до ночи, окружаема была множествомъ народа.

Вотъ благодѣяніе, которое верховная власть должна бы увѣнчать славою и благословеніемъ! Но съ преподобнымъ Прохоромъ случилось противное; соляные откупщики, видя подрывъ слоему лихомству, такъ жестоко оклеветали его предъ Святополкомъ, что онъ вмѣстѣ съ чудотворцемъ возненавидѣлъ и всю Печерскую Лавру: не вѣрилъ чудесамъ блаженнаго Прохора, началъ гнать Игумена Іоанна, какъ начальника ненавистной ему братіи, и о всей Лаврѣ думалъ не иначе, какъ о такомъ мѣстѣ, которое старается сдѣлать подрывъ казнѣ государственной... Но истинная добродѣтель, рано или поздно, всегда восторжествуетъ: ибо если Святополкъ и слушалъ навѣты откупщиковъ, то кажется только потому, что на военныя издержки имѣлъ нужду въ ихъ деньгахъ —слабость постыдная, но достойна похвалы, что Великій Князь наконецъ очувствовался и такъ возлюбилъ святаго инока, что поклялся ему торжественно впредь не дѣлать обиды ни одному изъ ближнихъ. Сего мало еще: Самодержецъ и отшельникъ дали другъ другу обѣщаніе, чтобы тотъ, кто прежде умретъ, непремѣнно былъ несенъ къ мѣсту погребенія на раменахъ другаго.

Чрезъ нѣсколько времени Великій Князь отправился на брань противу Половцевъ. Между тѣмъ святый Прохоръ разболѣлся и, когда почувствовалъ конецъ жизни, къ Святополку написалъ: — Государь! если хочешь исполнить твое обѣщаніе, то пріиди въ Кіевъ... Не чести и славы желая, о семъ напоминаю тебѣ: я страшусь, что, нарушивъ клятву, ты не такъ благополучно кончишь брань противу невѣрныхъ». Прочитавъ сіе, Святополкъ

Digitized by Google

немедленно оставилъ поле брани. Столько-то крѣпко держались своего слова наши предки! Хотя Великій Князь зналъ, что его присутствіе нужно для воинства; но съ другой стороны увѣренъ былъ, что молитвы праведника воодушевятъ оное, паче его присутствія.

Святый Прохоръ, поучивъ Святополка вѣрѣ и всѣмъ добродѣтелямъ, простился съ нимъ и, возведъ на небеса очи свои, предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. — Великій князь съ иноками положилъ во гробъ тѣло его и внесъ къ пещеру; потомъ, въ надеждѣ на помощь Божію, пошелъ на брань и получилъ славную побѣду надъ невѣрными.

Послѣ сего великій Князь, когда отправлялся противу непріятелей отечества, всегда приходилъ въ Печерскую обитель и, помолившись Пресвятой Богородительцѣ и усопшимъ Отцамъ, предпринималъ дѣло свое...

Исповѣдникъ Святыя Троицы.

Святый Мелетій (*), Епископъ Севастійскій, возведенъ былъ на престолъ Антіохійскаго архіепископства съ общаго согласія правовѣрныхъ и Аріанъ. Трудно угадать, почему тѣ и другіе почитали его сообщникомъ. Можетъ быть, православные Епископы знали его сердечныя чувствованія, а Епископы аріанскіе были обмануты терпимостію и даже снисхожденіемъ къ Аріанству, которыя человѣкъ Божій оказывалъ съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ какимъ защитники отечества иногда завлекаютъ непріятеля въ самое сердце онаго.

Но поелику Архіерей Божій былъ не наемникъ, а истинный пастырь стада Христова, то чрезъ тридцать дней не только опять сверженъ былъ съ престола, но и за-

(*) Память его Февраля в 12 день.

точенъ въ Арменію — что происходило слѣдующимъ образомъ. Принявъ жезлъ архипастырства Антіохійскаго, Святый Мелетій прежде всего старался научить порученный ему народъ добродѣтельному житію, благонравію и миролюбію, углаждая чрезъ то въ сердцахъ ихъ путь къ правовѣрію. Святый мужъ былъ увѣренъ, что, не исторгнувъ тернія пороковъ, не можно ожидать плода отъ сѣмени Евангельскаго, и до времени не обнаруживалъ своего вѣроисповѣданія.

Между тѣмъ граждане Антіохійскіе, по большей части Аріане, нетерпѣливо желали узнать мысли Архіепископа: поелику неправда всегда подозрительна. Иногда чрезъ искусные и хитрые вопросы, иногда, обнаруживая свое безпокойство, искушали его столь часто, что Святый Мелетій наконецъ рѣшился сказать правду. Въ одинъ великій праздникъ, въ Соборной церкви, при многочисленномъ народѣ, онъ выходитъ на каѳедру и начинаетъ проповѣдь Слова Господня. . . Но какъ изумились Аріане, когда Архипастырь вдругъ началъ прославлять вѣру, на первомъ Никейскомъ соборѣ утвержденную, всенародно исповѣдуя, что Сынъ Отцу соприсносущенъ, соестественъ, равенъ, несозданъ и Творецъ всѣхъ тварей, видимыхъ и невидимыхъ! Православные возрадовались неизреченно, Аріане уныли; но ихъ уныніе тогда же обратилось въ толь необузданное бѣшенство, что Архидіаконъ церковнаго причта, ересію зараженнаго, подошелъ къ Архіепископу и своею рукою дерзнулъ зажать уста его. Тогда Святый простеръ къ народу руку свою и, потрясая оною, громогласнѣе языка проповѣдывалъ Святую Троицу. Онъ показывалъ три перста, изображая три божественныя лица; потомъ, пригнувъ два перста, однимъ показывалъ въ трехъ лицахъ единое Божество.— Наглый Архидіаконъ, оставивъ уста, схватилъ Архіепис-

копа за руку, и Святый Мелетій началъ прославлять языкомъ и гласомъ Троицу въ Единицѣ и Единицу въ Троицѣ... Сія борьба между святымъ проповѣдникомъ и злочестивымъ служителемъ продолжалась нѣсколько времени... Наконецъ Аріане вышли изъ терпѣнія, изъ благопристойности, и человѣка Божія съ ругательствами выгнали изъ церкви.

Замѣтимъ изъ сего, что истинный Христіянинъ лучше согласится потерять все на свѣтѣ—даже самую жизнь, нежели поступить противу совѣсти и вѣры.

Уступчивость святаго Мелетія.

По изгнаніи Святаго Мелетія, нѣкоторые изъ православныхъ уступили насилію господствующей стороны и предались Аріанству; а другіе, пребывъ непоколебимы въ вѣрѣ, остались подъ духовнымъ начальствомъ Священника Павлина, который вскорѣ былъ рукоположенъ и въ Епископа.

Послѣ нѣсколькихъ переворотовъ въ государствѣ и въ Церкви — послѣ того, какъ Императоръ Іуліанъ, желая оказать философскую терпимость, возвратилъ изъ ссылки Святаго Мелетія и вскорѣ, огорченный безмолвіемъ Аполлона (*), опять изгналъ его — послѣ того, какъ благочестивый Іовіанъ возвеличилъ его, а Валентъ, научаемый Аріанами, въ третій разъ изгналъ угодника Божія — послѣ всѣхъ происшествій духовныхъ и свѣт-

(*) Іуліанъ, на походѣ въ Персію, будучи въ Антіохіи, вопрошалъ лжебога Аполлона объ успѣхахъ будущей брани, но не получилъ никакого отвѣта. Сіе безмолвіе приписывая мощамъ Св. Вавилы, которыя покоились близъ капища Аполлонова, огорченный Іуліанъ приказалъ перенесть ихъ въ другое мѣсто. Но когда Святыя мощи были взяты, въ слѣдующую ночь съ неба низпалъ огнь и истребилъ капище. Чудо Господне назвали злоумышленіемъ Христіянъ и Св. Мелетія, какъ главу ихъ, изгнали.

Digitized by Google

скихъ, исповѣдникъ Святыя Троицы восторжествовалъ уже въ царствованіе Граціана. Тогда Святый Мелетій признанъ былъ истиннымъ пастыремъ Антіохіи отъ Царя православнаго, и кажется, должно было исполниться общее желаніе исповѣдающихъ славу Тріипостаснаго Божества: но, къ несчастію, случилось противное. Хотя православные въ вѣроисповѣданіи были согласны, но сообщаться другъ съ другомъ не хотѣли. Послѣдователи Павлина хвалили ревность Святаго Мелетія, но обвиняли за то, что Архіепископство получилъ онъ съ согласія Аріанъ, а паству его, по большей части изъ Аріанства же обратившуюся, отвергали потому, что они крещены были по-аріянски. Напротивъ того, послѣдователи Святаго Мелетія почитали за совершенную несправедливость, что Павлинъ, безъ ихъ согласія, избранъ Архипастыремъ, и называли его не иначе, какъ самозванцемъ. Обѣ стороны не преставали почитать лично Павлина и Мелетія, но находили погрѣшность въ ихъ избраніи на престолъ Антіохійскій.

Въ такомъ состояніи находились дѣла Церкви, когда Святый Мелетій прибылъ въ Антіохію. Ничего болѣе не желая, кромѣ спокойствія, онъ довольствовался тѣмъ, что могъ войти въ свою церковь, стоящую въ предмѣстіи. Хотя большая часть православныхъ утверждали, что его послѣдователи, будучи многочисленнѣе, чрезъ то самое составляютъ тѣло Церкви: почему другія общества не могутъ быть почитаемы иначе, какъ за члены и части оныя и должны соединиться съ тѣломъ, несмотря на сіе, Святый Мелетій посѣтилъ Павлина и просилъ его, чтобы согласился вмѣстѣ пасти *овцы*, которыя ввѣрилъ имъ *небесный Господинъ* стада, и всѣхъ ихъ собрать и привести въ одну ограду. Для прекращенія между собою всѣхъ случаевъ къ несогласію, онъ пред-

ставилъ—чтобы святое Евангеліе положить на Епископкомъ престолѣ, а самимъ сидѣть по обѣимъ сторонамъ онаго; и кто переживетъ своего соправителя, тотъ остался бы единственнымъ наслѣдникомъ престола Антіохійскаго. Но, сколь ни кротко, сколь ни убѣдительно было представленіе Святаго Мелетія, Павлинъ сего договора не принялъ и не хотѣлъ имѣть сообщенія съ Архіереемъ Божіимъ.

Христіяне! Удивляясь смиренію Святаго Мелетія, подивитесь и упорству Павлина — тѣмъ болѣе подивитесь, что въ духовной паствѣ его не видно людей, по благочестію и добродѣтелямъ отличныхъ, между тѣмъ какъ подъ руководствомъ Мелетія, притѣсняемаго и гонимаго, воспитаны были великіе пастыри и учители Церкви. Флавіанъ, избавившій Антіохію отъ всеобщаго истребленія, Епископъ Акакій, учитель преподобнаго Евѳимія Великаго, Іоаннъ Златоустъ, поставленный отъ него Діакономъ, и множество другихъ Святителей были священнослужителями при Святомъ Мелетіи. Послѣ сего не должно ли признаться, что великіе люди думаютъ о себѣ гораздо смиреннѣе, нежели люди обыкновенные. Христіяне! оплакивая заблужденіе Павлина — впрочемъ, добродушнаго и православнаго Павлина — да подражаемъ въ кротости Святому Мелетію.

Слава святаго Мелетія.

Между тѣмъ, какъ Римское Государство и святая Церковь приходили въ разстройство, воцарился Ѳеодосій Великій, кажется, для того и рожденный, чтобы все возставить и привести въ порядокъ. Онъ былъ сынъ Ѳеодосія же, военачальника Валентиніанова, воспитанникъ Анатолія, одного изъ славнѣйшихъ ученыхъ мужей тог-

Digitized by Google

дашняго времени, и по отцѣ своемъ происходилъ отъ Императора Траяна; предводительствовалъ войсками Граціановыми и оказалъ великія услуги государству. — Сего-то Ѳеодосія Господь назначилъ скиптродержцемъ стараго и новаго Рима, а Святаго Мелетія, какъ славнѣйшаго между толь многими Епископами, избралъ къ тому, чтобы извѣстилъ храбраго военачальника о чести, ему предназначенной: ибо, какъ Ѳеодосій однажды спалъ, явился ему Епископъ, возложилъ на главу его діадиму и облекъ къ порфиру. Проснувшійся Ѳеодосій открылъ сновидѣніе свое одному изъ искреннихъ друзей, который и увѣрялъ его, что это есть неложное предзнаменованіе величества, къ которому Богъ призываетъ его; а по описанію явившагося Святителя, указалъ именно на Святаго Мелетія.

Сіе предвѣщаніе Господне, котораго святый Архіепископъ былъ орудіемъ, можетъ быть, и самъ не зная того — вскорѣ исполнилось: ибо Императоръ Граціанъ, видя государство свое окружаемо безчисленнымъ множествомъ варваровъ, принялъ Ѳеодосія къ соцарствованію; а по смерти Граціана и брата его, младшаго Валентиніана, сдѣлался онъ полнымъ обладателемъ вселенныя.

Когда же Ѳеодосій Великій указомъ повелѣлъ отнять у Аріанъ всѣ церкви, тогда, изъ благодарности и благоговѣнія къ Святому Мелетію, отдалъ ему преимущество предъ Епископомъ Павлиномъ. Съ сего времени Святитель Христовъ спокойно занимался распространеніемъ Христіянства.

Сей мудрый и благочестивый Императоръ любилъ Святаго Мелетія, какъ своего отца, и почиталъ не иначе, какъ будто отъ него получилъ государство. Но великій Святитель жилъ не долго и скончалъ многотрудную жизнь

свою въ Царѣ-градѣ, куда прибылъ на второй вселенскій Соборъ. Къ несчастію Церкви, и онъ умеръ тогда, когда православіе только начало воскресать и когда еще не совершенно были кончены дѣла Собора, котораго былъ онъ предсѣдателемъ и душею. Вся восточная Церковь о немъ восплакала; сѣтующій Ѳеодосій приказалъ сдѣлать ему погребеніе, которое можно назвать торжествомъ. Тѣло святаго мужа перенесли въ храмъ Святыхъ Апостоловъ, гдѣ воспѣваемы были псалмы отъ нѣсколькихъ ликовъ на разныхъ языкахъ; множество народа, стекаясь туда, приносили свѣчи, и, прикладывая къ лицу его полотенца, уносили ихъ въ домъ, какъ безцѣнныя сокровища. Краснорѣчивѣйшіе витіи Архіереевъ, бывшихъ въ Соборѣ, говорили въ честь ему похвальныя рѣчи, описывая добродѣтели его и гоненія, претерпѣнныя за вѣру. По окончаніи всѣхъ почестей, которыя оказать ему надлежало, Ѳеодосій велѣлъ сіи славныя и драгоцѣнныя мощи перенести въ Антіохію и показывать ихъ повсюду, хотя сего въ обыкновеніи у Римлянъ и не было. Отъ всѣхъ сторонъ стекались народы, чтобы исповѣдника Господня провождать съ пѣніемъ псалмовъ.— Наконецъ онъ погребенъ въ престольномъ градѣ своемъ, подлѣ гроба святаго мучника Вавилы, славнѣйшаго Епископа Антіохійскаго.

О происхожденіи обряда готовить коливо, въ память святаго великомученика Ѳеодора Тирона (*)

Императоръ Юліанъ всемѣрно старался истребить Христіянскую вѣру. Но поелику имя Философа, всего болѣе ласкало его самолюбію, то богоотступникъ, по большей части, употреблялъ не суровыя и безчеловѣчныя,

(*) Февраля въ 17 день.

Digitized by Google

а тайныя и хитрыя къ тому средства. Сверхъ того, онъ зналъ изъ опытовъ, что тирапства не уменьшали, но умножали число мучениковъ и Христіянъ.

Такимъ образомъ, издѣваясь надъ вѣрными, Юліанъ умыслилъ осквернить ихъ въ первую седмицу великаго поста, когда Христіяне наиболѣе очищаются и благоговѣютъ, онъ приказалъ Цареградскому губернатору всѣ съѣстные и питейные припасы, которые продаются на торжищѣ, смѣсить съ кровію отъ жертвъ идольскихъ, или по крайней мѣрѣ, окропить оною. Нечестивое повелѣніе готовились исполнить; но всевидящій Промыслъ, препинающій мудрыхъ въ коварствѣ и руководствующій рабовъ своихъ, разрушилъ злонамѣреніе отступника.

Ночью, на чистый понедѣльникъ, Цареградскому Архіепископу, не въ сонномъ видѣніи, но въявѣ, велѣніемъ Господнимъ является воинъ въ полномъ облаченіи, котораго требуетъ поле брани, и говоритъ ему: «Возстань, и, немедленно собравъ стадо Христово, строго заповѣдай, чтобы никто не покупалъ продающихся на торжищѣ брашенъ: всѣ онѣ осквернены кровію отъ жертвъ идольскихъ.» — Архипастырь усумнился, и явившагося чудотворца спросилъ: «ты кто еси?» — «Я Ѳеодоръ Тиронъ, отвѣчалъ воинъ, и посланъ къ тебѣ отъ Іисуса Христа.»— «Чѣмъ же пропитаются люди бѣдные, никакихъ запасовъ въ домѣ неимѣющіе?» съ кротостію и благоговѣніемъ возразилъ Архіепископъ. — «Изготовь коливо (кутію или пшеницу, съ медомъ приготовленную), сказалъ Ѳеодоръ, и тѣмъ отврати недостатокъ убогихъ.» — Съ симъ словомъ заступникъ Христіянъ сталъ невидимъ.

Архіепископъ въ точности исполнилъ повелѣніе Святаго Великомученика. Богоотступникъ, подозрѣвая придворныхъ въ открытіи своего намѣренія, отмѣнилъ приказаніе. — Съ того времени и донынѣ люди Христовы

въ первую пятницу великаго поста обновляютъ память бывшаго тогда чуда *коливами*, да не забвенъ будетъ столь милосердый Божій о насъ промыселъ и помощь Святаго Великомученика Ѳеодора Тирона.

Покаяніе грѣшницы.

Святая Преподобномученица Евдокія (*), родомъ и вѣрою Самарянитянка, обитала въ Иліополѣ, въ царствованіе Траяна, и была сколько прекрасна, столько обезславлена своимъ поведеніемъ: она собрала безчисленныя богатства, имѣла большое знакомство и жила весьма роскошно. Но Богъ, *не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися ему и живу быти*, воззрѣлъ на погибающую дѣвицу и исхитилъ ее отъ соблазновъ слѣдующимъ образомъ.

Инокъ, именемъ Германъ, изъ путешествія возвращался въ обитель свою и, поелику въ Иліополѣ застигнутъ былъ ночью, рѣшился тутъ остановиться до утра. Безъ сомнѣнія, руководимъ небеснымъ промысломъ, онъ избралъ для ночлега тотъ же домъ, гдѣ жила Евдокія, и съ дозволенія дворецкаго занялъ небольшую каморку, которую отъ ея спальни отдѣляла только деревянная стѣна. Отдохнувъ нѣсколько времени, старецъ возсталъ на молитву и началъ пѣть (*) обыкновенное *правило;* по окончаніи онаго, сѣлъ и, вынувъ изъ пазухи книжку, которую носилъ всегда съ собою, читалъ почти до разсвѣта. . . Къ счастію грѣшницы, тутъ описывалось, какая слава ожидаетъ праведныхъ на страшномъ судѣ Христовомъ, и какія мученія предуготовлены для без-

---

(*) Святая Преподобномученица Евдокія крестилась 95, а пострадала 152 лѣта по Р. Х. Память ея Марта въ 1 день.

(**) То есть, читать съ напѣвомъ, что было тогда въ употребленіи.

Digitized by Google

законниковъ. Богобоязненный инокъ читалъ съ чувствомъ, и чтеніе часто прерывалъ глубокимъ воздыханіемъ.

На тотъ разъ (и здѣсь дѣйствовала благодать Господня) Евдокія проснулась. Не подозрѣвая, чтобы кто нибудь такъ близко подлѣ нея находился, и вдругъ услышавъ чтеніе старца, она изумилась, и какъ все *Божественное* для нея было совершенною новостію, старалась, единственно изъ любопытства, не проронить ни одного слова. Выраженія: *грѣхъ*, *строгій Судія*, *адъ*, *вѣчное мученіе*, а съ другой стороны: *праведникъ*, *любовь Господня*, *Рай*, *вѣчнаго блаженство*, глубоко потрясли душу ея; въ первый разъ, какъ начала помнить себя, почувствовала она ужасъ своего положенія, невольнымъ образомъ воздохнула, умилилась въ душѣ своей и, приводя на память всѣ дѣла свои, не могла уснуть чрезъ всю ночь.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Евдокія призвала къ себѣ инока и, скрывая сердечное смущеніе, спросила: «скажи мнѣ, добрый старецъ, кто ты? для чего здѣсь ночевалъ? и что читалъ въ прошедшую ночь? Ты меня удивилъ и напугалъ до крайности... Неужели правда, что грѣшники осуждены на огонь вѣчный? и если такъ, скажи мнѣ, кто можетъ спастися?» — Мудрый пустынножитель на все отвѣчалъ ей удовлетворительно; не оскорбляя самолюбія, заставилъ признаться въ слабостяхъ; описалъ гибельные плоды богатствъ, злѣ пріобрѣтаемыхъ и такъ же расточаемыхъ, и наконецъ довелъ Евдокію до того, что она пала къ его ногамъ и слезно просила, чтобы научилъ ее — какъ угодить Богу.

Сколь великая на небеси бываетъ радость и о единомъ кающемся грѣшникѣ, Господь показалъ на Евдокіи... Обратившаяся на путь истинный дѣвица въ молитвахъ и постѣ, по наставленію святаго Германа, пребыла

Digitized by Google

седмь дней; въ послѣднюю ночь, когда, простершись на земли, она оплакивала грѣхи свои, вдругъ осіялъ ее свѣтъ небесный. Евдокія, думая, что взошло солнце, возстала; но какъ ужаснулась, увидѣвъ предъ собою юношу прекраснаго и вкупѣ грознаго, въ бѣлую одежду облеченнаго, который, взявъ ее за руку, восхитилъ на облака. . . Мгновенно очутились они посреди Райскаго жилища. — Безчисленное множество святыхъ душъ, радуясь и осклабляясь другъ къ другу, встрѣчали Евдокію и привѣтствовали съ неизреченнымъ счастіемъ быть невѣстою жениха предвѣчнаго. . . Въ сіе время на воздухѣ показалось страшилище: зракъ его былъ мраченъ, какъ ночь; глаза горѣли, какъ угліе; онъ скрежеталъ зубами, рыкалъ какъ левъ, и съ наглостію порываясь на Евдокію, силился истрогнуть ее отъ рукъ безплотнаго Вождя — укорялъ его, какъ похитителя рабы, единственно ему принадлежащей. Но услышавъ гласъ, исходящій отъ свѣта, на который и воззрѣть было не можно: *Азъ съ нею буду во вся дни живота ея*, злобный духъ исчезъ; а Ангелъ-Хранитель въ ту же минуту поставилъ Евдокію въ ея домѣ и, оградивъ крестнымъ знаменіемъ, вознесся на небо.

Послѣ сего видѣнія Евдокія какъ бы разрѣшилась отъ узъ плоти: все богатство, чрезъ благочестиваго Епископа, раздала нищимъ, просвѣтилась крещеніемъ и вскорѣ удалилась въ одинъ изъ дѣвическихъ монастырей, гдѣ столько успѣла въ добродѣтеляхъ, что чрезъ одиннадцать мѣсяцовъ поставлена была Игуменіею. Избранница Божія — сколько чудесъ содѣлала! Она смягчала сердца звѣроподобныхъ тирановъ; воскрешала мертвыхъ, ею же, въ предупрежденіе злодѣйствъ, единымъ дуновеніемъ убіенныхъ; внезапно поражала молніею мучителей Христіянства; крестнымъ знаменіемъ умерщ-

Digitized by Google

вляла ядовитыхъ зміевъ, и наконецъ скончалась страдальчески, какъ смиренная агница Христова, въ царствованіе Антонина, для всѣхъ благодѣтельнаго, но, къ несчастію его, для Христовыхъ людей злотворнаго.

Чада церкви! благословимъ память святыя Преподобномученицы Евдокіи и научимся отъ нея истинному покаянію. . . И мы грѣшники, и на насъ скрежещетъ злообразный духъ. Опомнимся, хотя въ единонадесятый часъ.

Разность преступленій.

Однажды къ Преподобному Агаѳону (*) пришли иноки съ тѣмъ, чтобы узнать его разумъ въ дѣлахъ вѣры и незлобіе сердца. — «Ты ли отецъ Агаѳонъ?» спросили они, какъ незнакомцы, издалека прибывшіе. — «Видите предъ собою грѣшнаго раба Господня, отвѣчалъ старецъ. — «Носится слухъ, сказали иноки, будто ты человѣкъ гордый и невоздержный.» — «Совершенная правда!» отвѣчалъ праведникъ. — Мы слышали также, продолжали иноки, будто ты лжецъ и любишь пересуживать другихъ.» — «И это правда!» сказалъ Святый Агаѳонъ. — «Сверхъ того, говорятъ, присовокупили иноки, будто ты еретикъ.» — «Напрасно! возразилъ старецъ, я не еретикъ.» — Тогда пришельцы спросили у него: «для чего же прочіе пороки на себя принимаешь, а отъ послѣдняго отрицаешься?» — «Оныхъ пороковъ нельзя и не приписывать себѣ, отвѣчалъ старецъ, поелику они естественны человѣку; а ересь есть богоотступничество, чего я, хотя и грѣшный человѣкъ, никакъ на себя принять не могу и не хочу.» — Услышавъ сіе, иноки удивились

(*) Преподобный Отецъ жилъ въ IV столѣтіи по Р. Х. Память его рта во 2 день.

разуму и незлобію Святаго Агаѳона и, нарицая его учителемъ, а себя учениками, пошли обратно.

Христіяне! всякой человѣкъ есть грѣшникъ; всякой можетъ подвергнуться самовольству страстей, противу насъ воюющихъ... Но, сохрани Боже, думать о святой вѣрѣ такъ, какъ лжеумствовалъ Вольтеръ и другіе ученые безумцы! Слабости сердца исцѣляетъ признаніе; а суемудріе, какъ дщерь гордости, дитя, возлелѣянное тщеславнымъ Денницею, умираетъ не опомнившись, и съ нимъ низвергается — до ада.

Тѣлесное и душевное занятіе.

Братія, собравшись къ Преподобному Агаѳону, спросили: «что важнѣе: тѣлесные подвиги или душевные?»— «Человѣкъ подобенъ древу, отвѣчалъ старецъ: тѣлесное занятіе приноситъ листвія, а душевное произращаетъ плодъ; и поелику Священное Писаніе увѣряетъ, что *всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огнь вметаемо* (*); то и видно изъ сего, что болѣе вниманія должно устремлять на плодъ, то есть, на занятіе души. Но древо также имѣетъ нужду и въ листвіяхъ, чтобы тѣнь ихъ подавала защиту плодамъ отъ чрезмѣрнаго зноя. Сего мало еще: листвія умножаютъ красоту древа и доставляютъ прохладу путешественникамъ.

Святый старецъ сказалъ сущую правду. Сколь совершенъ, сколь любезенъ Богу и людямъ, сколь спокоенъ и доволенъ самъ собою тотъ человѣкъ, который, чрезъ занятіе душевное познавъ истину, можетъ подавать спасительные совѣты и другимъ; а чрезъ занятіе тѣлесное снискивая житейскія потребности, можетъ благодѣтель-

(*) Матѳ. III. 11.

Digitized by Google

ствовать страждущему человѣчеству. Сверхъ того, и стремительныя, пламенныя страсти едва ли могутъ овладѣть сердцемъ того, кто любитъ труды? . . Любезныя дѣти! для васъ необходимо украсить себя листвіями и плодомъ! Въ противномъ случаѣ, вы будете имѣть великой недостатокъ.

Человѣколюбіе отшельника.

Нѣкогда Преподобный Агаѳонъ, пришедши въ городъ для продажи сосудовъ своего рукодѣлія, увидѣлъ больнаго странника, на площади лежащаго и всѣми оставленнаго. Почувствовавъ глубокое состраданіе, онъ остановился надъ нимъ и, распросивъ о случившемся, нанялъ для него хижину; потомъ, продавъ свое рукодѣліе, расплатился съ хозяиномъ дома, а остальное, употребляя для пищи и врачеванія больнаго прожилъ тутъ три мѣсяца, пока незнакомецъ выздоровѣлъ, и радуясь содѣланному добру, возвратился въ пустыню.

Состраданіе къ несчастнымъ! ты уподобляешь человѣка Ангелу-Хранителю.

Умирающій Праведникъ.

Преподобный Агаѳонъ, видя приближающуюся смерть, трои сутки смотрѣлъ неподвижными очами на небо. Сидящія вкругъ одра его братія, удивляясь тому, спросили у него: «что такъ смотришь, Авва?» — «Стою предъ судилищемъ Христовымъ,» отвѣчалъ Агаѳонъ. — «Неужели и ты, человѣкъ Божій, страшишься суда?» опять спросили иноки. — «Сколько могъ, я соблюдалъ заповѣди Господни, сказалъ имъ старецъ: но, какъ человѣкъ, могу ли

Digitized by Google

знать, что совершенно угодилъ Богу?» — «Авва, возразили иноки, тебѣ можно надѣяться на добрыя дѣла твои.» — «Не надѣюсь, доколѣ не увижу самого Господа, воздохнувъ, отвѣчалъ имъ святый Агаѳонъ: ибо судъ Божій не таковъ, какъ судъ человѣческій.»

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь наша подвержена столь многимъ искушеніямъ, разумъ столько иногда слабъ, а сердце столь поползновенно, что и праведникъ едва спасется. — Тѣмъ болѣе мы, грѣшные люди, должны помнить судъ Божій. . .

Трудолюбивые постники.

Преподобный Герасимъ (*) былъ настоятелемъ монастыря, стоящаго близь Іордана. Но, по уставу его, въ немъ обитали только тѣ, которые недавно приняли иноческій образъ; а старцы, въ подвигахъ совершенные, имѣли каждый особую келлію въ пустынѣ.

Законъ, который имъ отъ святаго Герасима былъ предписанъ, достоинъ примѣчанія: пять дней въ седмицѣ отшельники пребывали уединенно, занимаясь рукодѣліемъ и не приготовляя вареной пищи, вкушали чрезъ каждыя сутки токмо по нѣсколько хлѣба съ водою и финиками; даже запрещено было имѣть въ келліяхъ огонь. . . Но въ Субботу и Воскресенье приходили они въ монастырь, собирались на Божественную службу, пріобщались Святыхъ Таинъ и вкушали вино и варенія; потомъ каждый изъ старцевъ показывалъ Настоятелю свое рукодѣліе, которымъ занимался чрезъ пять дней. Ввечеру на понедѣльникъ, взявъ съ собою нѣсколько пищи, опять удалялись они въ безмолвныя келліи.

(*) Преподобный Герасимъ жилъ въ царствованіе Маркіана и Пульхеріи. Память его Марта въ 4 день.

Digitized by Google

Христіянское братолюбіе.

Святый Павелъ и святая Іуліянія (*), родные братъ и сестра, жили въ Финикійскомъ городѣ Птоломаидѣ, и будучи ревностными Христіянами, хотя не скрывали отъ гражданъ своего исповѣданія, но, благодѣтельствуя вѣрнымъ и невѣрнымъ, долго скрывались отъ бдительныхъ очей Христоненавистнаго правительства. . . Наконецъ предуготовилъ имъ всѣ ужасы страданій такой поступокъ, который нынѣ почитается знаменіемъ истинной любви народа къ благодѣтельному Монарху.

Императоръ Авреліанъ, обозрѣвъ Ассирію, прибылъ въ Птоломаиду; весь народъ вышелъ ему на встрѣчу, возглашая *многая лѣта*; въ томъ числѣ находился и святый Павелъ. Вѣруя ученію Іисусову, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога*, онъ перекрестился, умоляя Господа, да прибытіе Царево будетъ всѣмъ во благое.— Сіе-то Авреліанъ примѣтилъ, и тутъ же приказалъ святаго Павла, какъ Христіянина, взять подъ стражу. Какое буйство обладало тогда умомъ даже мудрыхъ Государей! Поклонники солнца, варвары, незнающіе никакого богопочитанія, и даже Іудеи могли свободно наблюдать свои обряды: одни Христіяне за все были мучимы и убиваемы! . .

Въ слѣдующій день Авреліанъ потребовалъ къ себѣ святаго Павла, и прежде всего грозно спросилъ: какъ смѣлъ онъ, встрѣчая Государя, оградится Христіянскимъ знаменіемъ?» — «Почитая въ особѣ твоей власть и силу Царя царей, Господа моего Іисуса Христа, отвѣчалъ святый юноша, я не зналъ, чѣмъ болѣе засвидѣтельствовать радость мою согражданамъ, всякихъ благъ отъ

(*) Святые мученики Павелъ и Іуліянія жили въ III столѣтіи по Р. Х. Ихъ память Марта въ 4 день.

Digitized by Google

тебя, о Государь! ожидающимъ.» — «А развѣ не обнародованы противу Галилеянъ мои указы?» съ гнѣвомъ воскликнулъ Авреліанъ. — «Я читаю всѣ повелѣнія Вашего Величества, отвѣчалъ Павелъ, но исполняю только тѣ, которыя не дѣлаютъ насилія моей совѣсти въ дѣлахъ вѣры; въ противномъ случаѣ, я готовъ вытерпѣть всѣ мученія, но Христа не оставлю.» — Тогда раздраженный Авреліанъ повелѣлъ приступить исполнителямъ казни; святый юноша былъ повѣшенъ на древѣ; ударамъ не было числа. — Но вдругъ поражаетъ тирана зрѣлище другаго рода; весь народъ удивляется, недоумѣваетъ. . . Посреди мучителей является юная дѣвица, объемлетъ окровавленнаго Павла, лобызаетъ раны его (это была Іуліянія, сестра его). — «Ахъ! за что такъ люто терзаешь брата моего, обратясь къ Авреліану, воскликнула она: оскорбилъ ли онъ, хотя разъ въ жизни, величество царя? обидѣлъ ли своихъ согражданъ? Мое сердце ручается за его поступки; весь народъ ручается за его добродѣтели. Государь! пощади невиннаго.» Какое бы сердце не тронулось моленіемъ невинности! но Авреліанъ былъ тверже камня. . . Мы видимъ язычниковъ чувствительныхъ, по крайней мѣрѣ, наружно человѣколюбивыхъ, но когда дѣло касалось Христіанъ, они были глухи, какъ аспиды. Такъ для идолопоклонствующаго свѣта противна была небесная истина! Такъ противна истина и для насъ, когда раболѣпствуемъ пороку! . .

Таковъ былъ и Авреліанъ. . . «Сбросьте покрывало съ дерзкой женщины, воскликнулъ онъ, и бейте по лицу немилосердо, чтобы умѣла наблюдать предъ царемъ своимъ скромность, а надъ молодымъ изувѣромъ усугубьте удары, чтобы какого-то Христа не предпочиталъ Императору.» — Святая Іуліянія улыбнулась надъ безуміемъ Авреліана, и сія Ангельская улыбка проникла въ

Digitized by Google

сердце его. Тиранъ смягчился, и съ кротостію сказалъ ей: «для твоей юности, для твоей красоты щажу тебя и погубить не желаю; но поклонись богамъ, хранителямъ отечества: тогда и ты увидишь всѣ отъ меня милости, и братъ твой будетъ славенъ.» — «Молю Іисуса, да сохранитъ отъ всякихъ золъ мое отечество, отвѣчала Іуліянія: но идоламъ жертвы не принесу.» — Послѣ сего она возвела очи свои на небо и оградилась крестнымъ знаменіемъ. . . Тогда весь адъ, казалось, овладѣлъ душею мучителя. — «Испытайте надъ нею всѣ казни вмѣстѣ съ братомъ ея, воскликнулъ онъ и подтвердилъ, что малѣйшая имъ пощада будетъ стоить жизни исполнителямъ воли его.

Три дни продолжались страданія святыхъ мучениковъ, и всегда болѣе и болѣе Господь укрѣплялъ ихъ. Угліе и кипящая смола, зміи и гады, желѣзо и всѣ орудія казни были для нихъ изысканы; но братъ укрѣплялъ сестру свою, сестра укрѣпляла брата своего. . . Наконецъ святые страстотерпцы преклонили подъ сѣкиру главы свои, и предали духъ свой въ руцѣ Господни.

Отецъ и сынъ посреди страданій.

Святый Преподобномученикъ Кононъ (*), урожденецъ Иконійскій, оплакавъ смерть супруги своей, съ седмилѣтнымъ сыномъ удалился въ монастырь. Тамъ, подвизаясь въ молитвахъ и постничествѣ, онъ удостоился принять отъ Бога даръ чудотворенія, и въ одно время, по просьбѣ Иконійскихъ жителей, именемъ Христовымъ повелѣлъ возвратиться и течь въ берегахъ своихъ рѣкѣ, которая, при разлитіи водъ, потопила пашни ихъ и пажити.

(*) Святый Кононъ и сынъ его, Кононъ же, жили въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память ихъ Марта въ 6 день.

Вскорѣ настояло время гоненія. Нѣкоторый Князь, именемъ Домиціанъ, прибылъ въ Иконію, чтобы истребить поколеніе Іисусу Христу. Но поелику имя Конона вездѣ было славно, то человѣкъ Божій взятъ былъ первый на истязаніе. — «Я простой человѣкъ, отвѣчалъ Кононъ: ибо недостоинъ, по грѣхамъ моимъ, Ангельскаго сана, однако и я, наравнѣ съ прочими, поклоняюсь Іисусу и живу въ Немъ.» — «Имѣешь ли дѣтей?» опять спросилъ Домиціанъ. — «У меня одинъ только сынъ, и остался въ келліи; если угодно, я представлю его сюда же». — «Вѣрно, и онъ кланяется тому же Іисусу?» съ насмѣшкою сказалъ Домиціанъ. — «Каково древо, таковы и вѣтви его, отвѣчалъ Кононъ: благодатію Господней, онъ въ числѣ слугъ Его и уже діаконъ.» — Тогда за юнымъ Конономъ посланы были воины, которые и представили его на судилище.

«Любезный юноша, сказалъ Домиціанъ, отецъ твой старъ, довольно жилъ на свѣтѣ и пресытился всѣми удовольствіями, то и неудивительно, что самъ себѣ желаетъ смерти; а ты еще молодъ, только жить начинаешь; доселѣ видѣлъ одну какую-то монастырскую строгость, а впереди ожидаетъ тебя свобода: такъ неужели хочешь послѣдовать отцу твоему?» — «Родитель мой научилъ меня знать единаго истиннаго Бога, отвѣчалъ Кононъ, и жить для прославленія имени его; онъ наставилъ меня, что сія жизнь есть только поприще трудовъ и болѣзней, а истинная жизнь по ту страну гроба, въ царствѣ Іисуса Христа; онъ научилъ меня, что идолослужителямъ предуготована вѣчная мука, а рабамъ Христовымъ вѣчное блаженство: какъ же мнѣ не идти по стопамъ его? Самъ Господь мой, Іисусъ Христосъ сказалъ: *Еже отецъ мой дѣлаетъ и азъ дѣлаю: и не можетъ сынъ творити о себѣ ничесоже, аще не еже видитъ отца творяща;*

яже бо онъ творитъ, сія и сынъ такожде творитъ (*)». — «А что, если ужаснѣйшими мученіями погублю отца твоего, возразилъ тиранъ: захочешь ли и ты погибнуть съ нимъ?»—«Я рѣшился умереть съ отцемъ моимъ, да съ нимъ и живъ буду, отвѣчалъ юноша: ибо умереть за Христа есть то же, что жить вѣчно».

Услышавъ отвѣтъ юноши, Домиціанъ обратился къ старцу и сказалъ: «сынъ твой разуменъ—даже разумнѣе тебя; жаль только, что суевѣрное воспитаніе не позволяетъ ему познать истины и воздать поклоненіе богамъ нашимъ!» — «Онъ знаетъ истину, отвѣчалъ Кононъ, и покланяется глаголющему: *Азъ есмь истина*». — «Нечестивый старикъ! тогда воскликнулъ раздраженный Домиціанъ: тебѣ бы надлежало обращать на добрыя дѣла молодыхъ людей; а ты, безумецъ, еще болѣе развращаешь сына твоего . . . Обнажите ихъ, обратясь къ служителямъ, продолжалъ онъ, и пытайте, доколѣ не откажутся отъ ихъ распятаго Бога».

Много страданій вытерпѣли святый родитель и святый сынъ. . . . Наконецъ, когда готовили для нихъ новыя орудія казни, старецъ проліялъ теплую молитву къ небесамъ: «Боже всесильный! благодарю Тебя, что сподобилъ насъ пострадать за имя Твое святое и укрѣпилъ посреди мученій; не попусти врагамъ твоимъ посмѣяться надъ нами и надъ всѣмъ Христіянствомъ; не страшусь о себѣ, страшусь о юности сына моего: пріими убо въ мирѣ духъ нашъ.» — Юноша отвѣчалъ: «аминь!» и въ тоже мгновеніе оба заснули сномъ блаженной кончины.

(*) Іоанна гл. 5 ст. 17 и 19.

Digitized by Google

Страданіе четыредесяти воиновъ въ Севастійскомъ озерѣ, за Христа умершихъ.

Агриколай, военачальникъ Севастійскій, извѣстившись, что въ полкахъ, подъ его вѣдѣніемъ находящихся, есть офицеры, тайно исповѣдающіе вѣру Христову, нарядилъ слѣдствіе, и вскорѣ нашелъ четыредесять Христіянъ (*), изъ которыхъ Киріонъ, Кандидъ и Домнъ были сколько неустрашимы на полѣ брани, столько благочестивы и свѣдущи въ Божественномъ писаніи.

Сначала Агриколай почелъ за лучшее средство, употребить ласковость и обѣщаніе царской милости; но видя непреклонность воиновъ Христовыхъ, повелѣлъ приготовлять орудія казни... Тогда святый Киріонъ, приступивъ къ нему, сказалъ: «не забывай свое должности: ты не имѣешь власти наказывать насъ тѣлесно; донеси Государю и жди повелѣнія».—Агриколай отъ ярости заскрежеталъ зубами; но должно было повиноваться законамъ.

Долго воины Царя небеснаго и царя земнаго сидѣли въ темницѣ... Наконецъ прибылъ въ Севастію Князь Лисія, уполномоченный Императоромъ, и потребовалъ ихъ къ отвѣту. Святыхъ мучениковъ повели за стражею въ военный судъ. Чѣмъ же дорогою занимался святый Киріонъ?—«Братія мои, говорилъ онъ къ прочимъ сподвижникамъ, не убоимся тирановъ; вы помните, какъ Господь помогалъ намъ посреди кровавой брани, когда призывали имя его; помните, какъ мы, оградившись крестнымъ знаменіемъ, одолѣвали тысячи враговъ; помните, какъ все воинство обратилось въ бѣгство: а мы, изліявъ теплую молитву къ Господу, остались неподвиж-

(*) Сія святая дружина пострадала въ 312 лѣто по Р. Х. Память ихъ Марта въ 9 день.

Digitized by Google

ны и не только удержали неукротимое стремленіе враговъ, но совершенно поразили ихъ, сами не получивъ ни одной раны.—А теперь кто возстаетъ на насъ? Тотъ, кто прежде созданія міра съ неба низверженъ въ геену... Коль безсиленъ онъ противу Іисуса, подвигоположника нашего! Онъ безсиленъ и противъ одной души Христіянской, а насъ четыредесять воиновъ Христовыхъ. И такъ воспоемъ: *Боже, во имя твое спаси мя, и въ силѣ твоей суди ми! Боже, услыши молитву мою, внуши глаголы устъ моихъ* (*)».

Когда святые страстотерпцы предстали на судъ, Лисія, ласково воззрѣвъ на нихъ, сказалъ: «О! сіи воины стоютъ того, чтобъ получили важнѣйшіе чины въ сословіи военномъ! и Императоръ сдѣлаетъ для васъ все, обратясь къ мученикамъ, продолжалъ онъ, если, покорясь волѣ его, обратитесь къ богамъ отцевъ вашихъ; въ противномъ случаѣ, вы должны лишиться всего.—«Не только чинъ воинскій, но тѣла наши возьми отъ насъ, возразилъ святый Кандидъ».—Услышавъ сіе, Князь обуялъ бѣшенствомъ, и повелѣлъ ихъ бить каменіемъ; сего мало еще: обвиняя въ безсиліи и нерадѣніи служителей, самъ схватилъ камень, бросилъ на одного изъ мучениковъ: но рука Господня дала ему другое направленіе, и—камень разбилъ лице Агриколая; а святый Киріонъ воскликнулъ: *борящіися съ нами врази наши изнемогоша и падоша; воистину мечъ ихъ внидетъ въ сердца ихъ и луцы ихъ сокрушатся* (**)».

Смущенный Лисія повелѣлъ исповѣдниковъ Христовыхъ поставить въ озеро посреди льда, отвсюду напирающаго (тогда была глубокая осень); но изъ четыредесяти му-

(*) Псал. 54, ст. 3.
(**) Псал. 36, ст. 41.

Digitized by Google

жей поколебался только одинъ. Между тѣмъ, какъ прочіе въ лютый мразъ, стояли въ водѣ, такъ что раздроблялись члены ихъ, вошелъ онъ въ теплую баню, поставленную на берегу для искушенія ихъ.—Малодушный былъ наказанъ вѣчною смертію. Но его мѣсто въ то же мгновеніе заступилъ стражъ: ибо узрѣлъ онъ, что тридесять девять вѣнцевъ свыше нисходятъ на Праведниковъ, и возжелалъ четыредесятаго.

Неустрашимый воинъ Христовъ.

Императоръ Максиміанъ, жесточайшій изъ гонителей Христіянства, не могъ терпѣть исповѣдниковъ Іисуса ни при Дворѣ, ни въ воинствѣ. Однажды, будучи въ Никомидіи, онъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, и грозно сказалъ: «если кто изъ васъ зараженъ зловѣрнымъ Христіянствомъ и не хочетъ обратиться къ богамъ царя и отечества, пусть сниметъ съ себя всѣ знаки чиноначалія и отличія и изыдетъ не только отъ палаты, но и отъ града нашего! Крѣпко содержа вѣру предковъ моихъ, я не хочу имѣть при себѣ иновѣрныхъ». Тогда—коль разнообразное открылось зрѣлище! Страхъ и трепетъ былъ всеобщій: иные старались оправдаться совѣстію и чувствованіями, которыя внушены имъ отъ родителей; иные увѣряли, что они не вѣдаютъ Христа Спасителя и, проклинали вѣру, доселѣ ими обожаемую; иные въ безмолвіи снимали съ себя знаки отличія и спокойно выходили изъ комнатъ царскихъ . . . Но мудрый и твердый душею Урпасіанъ (*), оказавшій отечеству великія услуги, поступилъ всѣхъ не-

---

(*) Святый мученикъ Урпасіанъ жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его Марта въ 9 день.

боязненнѣе: онъ подошелъ къ трону, на которомъ сидѣлъ Максиміанъ, и, сбросивъ съ себя одежду чиноначальническую, сказалъ: «Государь! если мои услуги не нужны тебѣ (какъ горестно, что на сей разъ, преставъ служить тебѣ, престану служить и отечеству!), если Урпасіанъ не нуженъ для тебя; то воинствую Царю небесному и безсмертному, Господу моему Іисусу Христу: пріими обратно отличія, тобою мнѣ дарованныя; видно, служитель Христовъ не можетъ быть служителемъ Максиміана».—Услышавъ сіе, Императоръ измѣнился въ лицѣ и нѣсколько времени пребылъ безгласенъ; потомъ, потирая чело свое и сурово взглядывая на воина Христова, зарыкалъ, какъ левъ: «возьмите сего грубіяна, сего мятежника, и замучьте до смерти».

Тиранъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на всѣ страданія святаго Урпасіана. Наконецъ внезапно разлилось благоуханіе, и духъ его, въ образѣ блистающей звѣзды, вознесся на небо. Всѣ Христіяне видѣли торжество мученика и благословляли Господа.

Младенецъ, небесною рукою воспитанный.

Святый мученикъ Кодратъ (*) родился и воспитанъ слѣдующимъ образомъ. Когда, по приказанію Царей и Князей злочестивыхъ, свирѣпствовали ужасныя гоненія противу Христіянъ и чада Церкви, боясь нестерпимыхъ мукъ, оставляли города и всѣ имущества, и кроясь въ пустыняхъ и городахъ, лучше хотѣли жить посреди звѣрей, нежели съ нечестивыми, подвергаясь безпрестанно опасности умереть въ мученіяхъ, или принесть жертву идоламъ: въ то время одна благовѣрная женщина, име-

(*) Святый мученикъ Кодратъ пострадалъ въ 248 лѣто по Р. Х. Память его Марта въ 10 день.

немъ Руфина, будучи преслѣдуема тиранствомъ, ушла изъ Коринѳа и скиталась по непроходимымъ мѣстамъ... Не своей смерти боялась истинная Христіянка: нѣжная мать хотѣла спасти младенца, въ утробѣ ея зачатаго. Наконецъ приспѣло время разрѣшенія, и она родила сына; но, къ несчастію, чрезъ нѣсколько дней скончалась.

Всего естественнѣе подумать, что безпомощный сирота умретъ отъ глада, или содѣлается пищею звѣрей... Но *отверзаяй руку свою и насыщаяй всяко животное благоволенія*, не презрѣлъ пеленами повитаго Кодрата и нарекся отцемъ его и матерью. Богъ заповѣдалъ облакамъ, и они, на гласъ младенца, спускаясь съ высоты и преклоняясь долу, источали на уста его сладкую росу и питали млекомъ и медомъ, доколѣ не подросъ и самъ не могъ снискивать для себя пустынные плоды. Такимъ образомъ отрокъ жилъ въ лѣсахъ, подобно Іоанну Крестителю, Богомъ хранимый, Святымъ Духомъ наставляемый и вразумляемый къ Боговѣдѣнію, и уже достигнувъ юношескаго возраста, былъ найденъ Христіянами.

Скоро святый Кодратъ научился грамотѣ—еще скорѣе врачебному искусству и, сколько съ помощію травъ, извѣстныхъ ему, какъ воспитаннику лѣсовъ и пустыни, по собственному опыту и употребленію, а болѣе благодатію Господнею исцѣлялъ всякіе недуги. Но, съ младенчества привыкнувъ къ пустынному безмолвію, человѣкъ Божій не можетъ навсегда остаться въ городѣ и, по большей части, жилъ въ горахъ, упражняясь въ богомысліи. Если недуги страждущаго человѣчества и призывали его иногда въ сообщество людей; то развратъ идолопоклонниковъ опять изгонялъ его въ пустыню. Но и уединеніе его было общею врачебницею и храмомъ проповѣди

Digitized by Google

Господней.—Безпрестанно стекалось къ нему множество народа, требующаго то совѣтовъ, то исцѣленія.

Сей вторый Предтеча жилъ спокойно до глубокой старости. Но къ несчастію Христіянъ, воцарился злочестивый Децій; и святый Кодратъ, какъ мужъ по ревности ко Іисусу извѣстный, первый принялъ вѣнецъ мученическій съ друзьями своими, Кипріаномъ, Діонисіемъ, Анектомъ, Павломъ и Крискентомъ.

Благодать за посѣщеніе святыхъ мѣстъ.

Преподобный Ѳеофанъ (*) былъ родственникъ Греческаго Царя, Льва Исавра, и съ юныхъ лѣтъ при Дворѣ и въ правительствѣ исправлялъ важныя должности. Вступивъ въ супружество съ одною изъ благороднѣйшихъ дѣвицъ, Ѳеофанъ былъ столько счастливъ, что обрѣлъ въ ней не только добродѣтельную помощницу, но и совершеннаго друга въ дѣлѣ спасенія.

Вскорѣ послѣ того, Ѳеофанъ, по указу царскому, долженъ былъ отправиться въ страны Кизическія для общественнаго благоустройства: благочестивая супруга слѣдовала за нимъ же. Хотя въ Кизику можно было ѣхать и сухимъ путемъ; но Ѳеофанъ, по вдохновенію Господню, отправился водою и плылъ между страною Олимпійскою и Сигріанскою, гдѣ было множество монастырей и отшельническихъ келлій. Тогда единственнымъ занятіемъ Ѳеофана было: половину дня размышлять, какъ бы съ лучшимъ успѣхомъ исполнить порученное ему дѣло, а другую половину времени употреблять на посѣщеніе пустынниковъ, чтобы въ ихъ бесѣдахъ усовершенствовать себя въ вѣрѣ и благочестіи.

(*) Сей Преподобный отецъ жилъ въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка по Р. Х. и уморенъ гладомъ въ изгнаніи, по приказанію иконоборца Льва Армянина. Память его Марта въ 12 день.

Толь мудрому и святому чиновнику не трудно было устроить благоденствіе народа Кизическаго: онъ исправилъ судилища, открылъ новые источники народнаго довольства, именемъ Государя предписалъ законы благонравія и заслужилъ общее благоволеніе отъ всѣхъ государственныхъ сословій.

Замѣтимъ поступки преподобнаго Ѳеофана. Пока жилъ онъ въ Кизикѣ, всѣ дѣла, до общественнаго благоустройства касающіяся, предпринималъ не прежде, какъ посѣтивъ безпристрастныхъ пустынниковъ; по ихъ равноангельному совѣту, располагалъ онъ свое поведеніе въ дѣлахъ общихъ и частныхъ. — За то не только угодилъ Государю и отъ всѣхъ почитаемъ былъ *какъ мужъ силенъ, Бога боящійся и праведенъ, да судитъ на всякъ часъ*, но и удостоился сверхъестественной благодати отъ Господа.

Въ одно время, посѣщая святую и богомудрую братію, обитающую въ горахъ Сигріанскихъ, Ѳеофанъ опоздалъ, такъ что на обратномъ пути должно было ночевать въ пустынѣ. Зной былъ чрезвычайны, мѣсто безводное, слуги и скотъ изнемогли отъ жажды; святый Ѳеофанъ, почти полумертвый, по обыкновенію своему, помолившись Богу, сѣлъ подъ холмомъ, чтобы нѣсколько отдохнуть и, по крайней мѣрѣ, сномъ прохладить жажду свою. Но Богъ, неблагодарному народу Еврейскому источившій воду изъ камени, неужели оставитъ вѣрнаго раба своего? Едва воздремалъ онъ, внезапно надъ главою его зажурчалъ источникъ и окропилъ Ѳеофана. Человѣкъ Божій, почувствовавъ журчаніе и росу ключа, воспрянулъ съ мѣста и, воздавъ благодареніе Богу, созвалъ своихъ сопутниковъ. — Всѣ, удивляясь внезапному чуду, прославили Бога и, напившись отъ источника, остались тутъ на всю ночь.

Digitized by Google

Исполнивъ въ точности царскую волю, святый Ѳеофанъ съ честію возвратился въ Царь-градъ и вскорѣ, принявъ на себя образъ Ангельскій, удалился въ пустыню. Супруга его вступила въ ликъ преподобныхъ дѣвъ, и тамъ въ молитвѣ и постничествѣ пребыла до блаженной кончины.

Милость Господня за милость къ нищимъ.

Святый Григорій Двоесловъ (*) былъ столько милостивъ, что не щадилъ и послѣдняго, только бы удовлетворить просьбу нищаго, или какимъ нибудь случаемъ разореннаго. Слѣдующее происшествіе представляетъ разительный примѣръ его милосердія и къ нему милосердія небеснаго.

Однажды, когда Григорій, сидя въ келліи, по обыкновенію своему, читалъ книгу, пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ и жалобно сказалъ: «помилуй меня, рабъ Бога Вышняго, и пособи моему несчастію: я былъ хозяиномъ корабля; но Богу за грѣхи мои угодно было, чтобы море поглотило все мое имѣніе; оставшись почти нагъ, я имѣю сверхъ того не мало на себѣ долгу». — Святый

(*) Святый Григорій, нареченный Двоесловомъ или собесѣдникомъ, по причинѣ душеспасительныхъ его разговоровъ, есть боговдохновенный сочинитель Преждеосвященной Литургіи. Онъ родился въ Римѣ отъ Сенатора Гордіана, былъ славный витія и философъ, и—уже имѣлъ чинъ Претора; но всѣмъ отличіямъ свѣта предпочелъ иночество. Послѣ Папы Пелагія, противъ воли своей, возведенъ на престолъ Римской церкви, при Царѣ Маврикіѣ. Пасъ стадо Христово тринадцать лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и десять дней. Преставился въ царствованіе Фоки мучителя. Его благочестіе и добродѣтели были, такъ сказать, наслѣдственны. Феликсъ третій, святый Папа Римскій, былъ ему дѣдъ; святая Тарсилла, при кончинѣ своей видѣвшая Господа, къ нея грядущаго, и Емиліана, ея сподвижница, были тетки. Мать его Сильвія также причтена къ лику Святыхъ. Память его празднуется Марта въ 12 день.

Digitized by Google

Григорій, проливъ о немъ слезы соболѣзнованія, призвалъ служащаго инока и велѣлъ дать несчастному шесть златницъ. Нищій, поклонившись ему, ушелъ; но чрезъ часъ возвратился и опять сказалъ: «сжалься надо мною, Святитель Господень! ты далъ мнѣ мало, а я потерялъ весьма много». — Святый Григорій приказалъ келейнику дать ему другія шесть златницъ. Но ввечеру нищій пришелъ въ третій разъ и, проливая слезы, говорилъ: — «Человѣкъ Божій! не почти за наглость, что опять прибѣгаю къ тебѣ: ахъ! я погубилъ весьма много чужаго богатства, и хозяева грозятъ мнѣ темницею; умилосердись надъ несчастнымъ!» — Святый Григорій, кликнувъ инока, велѣлъ ему дать еще шесть златницъ; но инокъ отвѣчалъ, что у нихъ не осталось ничего.—«Дай же что нибудь другое, возразилъ Григорій, или изъ одежды, или изъ посуды!» — «Божусь, что нѣтъ у насъ ничего, сказалъ инокъ, кромѣ серебрянаго блюда, которое твоя мать прислала съ *сочивомъ*». — «Отдай же его, сказалъ Григорій, чтобы бѣдный человѣкъ не ушелъ отъ насъ печаленъ».—Незнакомецъ, взявъ блюдо, пошелъ съ радостью и болѣе не возвращался.

Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда святый Григорій былъ уже Первосвященникомъ Римской церкви, сей нищій явился ему въ другомъ образѣ. По обыкновенію своему, всегда пріуготовляя столъ для странниковъ, въ одно время приказалъ онъ казначею угостить двѣнадцать человѣкъ. Когда странники сѣли за столъ, святый Папа, смотря на нихъ, увидѣлъ тринадцать; почему и спросилъ у казначея на ухо: «для чего, противъ моего приказанія здѣсь находится лишній человѣкъ? Клянусь Богомъ, я бы съ сердечною радостію угостилъ и вдвое больше: но грѣхъ тебѣ, преступать волю начальника».—Устрашенный казначей божился, что за столомъ сидитъ только

Digitized by Google

двѣнадцать нищихъ. Удивленный Папа, безпрестанно смотря на обѣдающихъ странниковъ, а наипаче на тринадцатаго, сидящаго при концѣ стола, увидѣлъ, что лице его, измѣняясь, представляетъ то старца, то юношу.

Когда обѣдъ кончился, святый Григорій, отпустивъ всѣхъ, лишняго странника оставилъ у себя и, взявъ за руку, увелъ въ спальню. Тамъ, посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ: «заклинаю тебя силою Бога Вседержителя, скажи мнѣ, кто ты?»—«Я тотъ бѣдный мореплаватель, отвѣчалъ незнакомецъ, который нѣкогда принялъ отъ тебя двѣнадцать златницъ и сребряное блюдо; познай, что отъ того дня Господь нарекъ тебя Архипастыремъ своего стада и Первопрестольникомъ святыя Церкви. Я Ангелъ Господень, къ тебѣ посланный, чтобы узнать твои чувствованія, не для тщеславія ли подаешь милостыню?» — Святый Григорій ужаснулся и повергся лицемъ на землю. — «Прости меня, служитель Іисусовъ, что я, грѣшный человѣкъ, бесѣдовалъ съ тобою, какъ съ однимъ изъ смертныхъ!» — «Не бойся. отвѣчалъ Ангелъ: Господь повелѣлъ мнѣ, да всегда съ тобой пребываю и приношу къ нему молитвы твои; все, что съ упованіемъ просишь, отъ Него пріимешь».—Сказавъ сіе, небесный гость *бысть* невидимъ; а святый Григорій, воздая благодареніе Богу, воскликнулъ: «Господи! вѣрую, что милость твоя къ милостивымъ неизреченна, когда и за малое подаяніе столько возлюбилъ меня, что приставилъ ко мнѣ Ангела-Хранителя».

О томъ, коль трудно и мудрому начальнику угодить своенравію подчиненныхъ.

Преподобный Венедиктъ (*) въ юности своей обучал-

(*) Сей преподобный отецъ жилъ въ V столѣтіи по Р. Х. Память его Марта въ 14 день.

ся въ Римѣ — въ одномъ изъ общественныхъ училищъ; но, видя развратъ своихъ товарищей, лучше захотѣлъ быть мудрымъ невѣждою, нежели ученымъ грѣшникомъ, и удалился въ пустыню.

Какъ святый Венедиктъ, для прославленія имени Божія, тамъ подвизался, довлѣетъ описать развѣ перо Ангела. — Но не можетъ градъ, стоящій на верху горы, укрыться; и сего праведника Господь восхотѣлъ поставить во спасеніе прочимъ... Въ одномъ изъ монастырей умеръ настоятель. Осиротѣвшіе иноки, по слуху зная о благочестіи святаго Венедикта, единодушно пришли къ его келліи и умоляли, да будетъ ихъ настоятелемъ. Долго отрицался святый Венедиктъ, называя себя грѣшникомъ, недостойнымъ пастырства, но видя ихъ неотступность, наконецъ сказалъ: «Братія мои! будьте увѣрены, что мои нравы не будутъ согласны съ вашими»— и, предавъ себя волѣ Господней, согласился быть ихъ настоятелемъ.

Что сказалъ угодникъ Божій, то и сдѣлалось.—Неупустительно наблюдая уставы постничества, уединенія и молитвы, святый Венедиктъ скоро пришелъ въ ненависть у братіи... Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ иноковъ ублажали своего начальника и старались сообразоваться съ его поведеніемъ: но большая часть желали, чтобы и слѣдовъ Венедикта не было въ ихъ обители. Сія злоба простерлась до того, что развращеннѣйшіе изъ иноковъ рѣшились умертвить его ядомъ: но смертоносная чаша, огражденная знаменіемъ креста, вдругъ разсѣлась и сокрушилась, какъ отъ ударенія камнемъ.—Тогда угодникъ Божій позналъ, что отъ братіи ему готовится. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ иноковъ и, улыбнувшись дружески, сказалъ имъ: «да помилуетъ васъ милосердый Богъ, чада мои, и отпуститъ грѣхи ваши... Я прежде сказалъ

Digitized by Google

вамъ, что мои нравы но согласны съ вашимъ поведеніемъ: и такъ сыщите начальника по вашему обычаю; а я не могу жить съ вами».—Послѣ сего, благословивъ ихъ, возвратился въ пустыню и тамъ началъ подвизаться предъ очами единаго Всевидца Бога.

Сила повиновенія.

Недолго преподобный Венедиктъ наслаждался уединеніемъ. — Господь, вмѣсто малаго стада, поручилъ ему большее, и вмѣсто одного монастыря, оставленнаго имъ, далъ двѣнадцать: ибо слава его равно-ангельной жизни привлекла къ нему нѣсколько пустыннолюбцевъ, что должно было ихъ раздѣлить на нѣсколько обителей. Въ числѣ сихъ пришельцевъ, былъ отрокъ Мавръ и юный Плакида, дѣти Римскихъ Сенаторовъ, порученные родителями духовному воспитанію святаго Венедикта.

Однажды юный Плакида, взявъ водоносъ, пошелъ на рѣку, и почерпая воду, нечаянно упалъ въ самую быстрину: ибо мальчикъ хотѣлъ угодить духовному отцу и принести самой чистой воды — волны подхватили его и понесли внизъ по рѣкѣ. Преподобный Венедиктъ, сидя въ келліи, увидѣлъ душевными очами несчастіе Плакиды и, кликнувъ къ себѣ Мавра, торопливо сказалъ: «бѣги, бѣги! Плакида упалъ въ рѣку».—Не отвѣчая ни слова, отрокъ побѣжалъ и, увидѣвъ Плакиду, посреди рѣки утопающаго, устремился по водамъ, какъ по суху и, схвативъ его за власы, извлекъ на берегъ—Тогда уже, оглянувшись взадъ, узналъ, что бѣжалъ онъ по волнамъ, а не по суху.

Возвратившись съ Плакидою въ келлію, Мавръ разсказалъ святому Венедикту все, что случилось, и, припадая къ стопамъ старца, приписывалъ чудо немокреннаго

Digitized by Google

по водамъ шествія его молитвамъ; но Венедиктъ отвѣчалъ на сіе: «не забудь, любезный юноша, какова сила безпрекословнаго послушанія начальству».

Недостойно пріемшій священство.

Нѣкоторый церковнослужитель, за грѣхи свои преданный нечистому духу, сошелъ съ ума и сдѣлался бѣснующимся. Ни врачеваніе, ни молитвы Аквилейскаго Епископа Констанція не могли исцѣлить несчастнаго. Наконецъ сей грѣшникъ приведенъ былъ къ человѣку Божію, Венедикту.

Святый Венедиктъ, сотворивъ надъ нимъ знаменіе креста, мгновенно изгналъ духа—губителя, и церковнослужителю крѣпко заповѣдалъ, чтобы не домогался и, если будутъ давать, не принималъ Священства. Долго исцѣлившійся клирикъ исполнялъ повелѣніе святаго Венедикта: но видя умирающихъ пресвитеровъ—видя, что на ихъ мѣста поступали нѣкоторые, лѣтами его моложе и дарованіями слабѣе, почелъ себѣ за обиду и, какъ бы забывъ заповѣдь святаго Венедикта, началъ требовать Священства. Но коль ужасенъ грѣхъ недостойно принять санъ пастырскій! Едва церковнослужитель узрѣлъ себя рукоположеннымъ, мгновенно духъ бѣшенства напалъ на него, и — несчастный въ ужаснѣйшихъ страданіяхъ испустилъ послѣднее дыханіе.

Изобличенный хищникъ.

Одинъ благочестивый помѣщикъ послалъ къ преподобному Венедикту два небольшіе боченка вина; но слуга, утаивъ одинъ сосудъ, спряталъ подъ кустомъ на половинѣ дороги, а другой принесъ Венедикту. Прозорливый

Digitized by Google

старецъ узналъ все и, принимая даръ усердія, издалека началъ рѣчь о вѣрности рабовъ къ господамъ, и довольно поучивъ его, наконецъ сказалъ: «иди съ миромъ, чадо, и скажи своему господину, что я, молясь о грѣхахъ моихъ, буду молиться и о его здравіи и оставленіи грѣховъ; но смотри — не пей изъ сосуда, оставшагося на дорогѣ; все вино вылей на полъ; ты увидишь, что въ немъ находится». — Изобличенный рабъ отъ стыда не могъ отвѣчать ни слова, поклонился и ушелъ . . . Когда жъ приближился къ мѣсту, гдѣ оставлено было украденное вино, хотя разсмѣялся надъ приказаніемъ человѣка Божія, но изъ любопытства наклонилъ сосудъ, и началъ лить вино. Что же? вдругъ съ виномъ изліялся змій . . . Устрашенный рабъ палъ на колѣна и, обливаясь слезами, благодарилъ Бога и Угодника Божія за избавленіе себя отъ смерти.

Польза поминать на проскомидіи усопшихъ.

Двѣ благородныя дѣвицы дали клятвенный обѣтъ Богу жить въ постничествѣ и молитвахъ. Къ несчастію, сколь чисто было ихъ житіе, столь необузданъ языкъ: осудить оболгать, укорить было обыкновеннымъ дѣломъ для постницъ. Преподобный Венедиктъ, узнавъ о семъ, нарочно послалъ къ нимъ ученика своего и отечески совѣтовалъ удержать языкъ свой и, въ случаѣ непослушанія, грозилъ отлучить ихъ отъ Божественнаго причащенія . . . Но безумныя дѣвицы начали издѣваться и надъ святымъ Венедиктомъ.

Вскорѣ послѣ сего, онѣ умерли и, какъ великія постницы, погребены въ церкви. Но поелику *языкъ* клеветника, по выраженію Апостола, *есть огнь, лѣпота не-*

правды, неудержимо зло, исполнъ яда смертоносна (*), то можно ли ему быть тамъ, гдѣ истина и правота невидимо возсѣдятъ на престолѣ своемъ? Когда совершалась Божественная служба, и Діаконъ возглашалъ: *елицы оглашенніи изыдите!* нѣкоторые изъ Христіянъ видѣли двухъ дѣвицъ, выходящихъ изъ гроба и изъ церкви.—Сіе чудное явленіе продолжалось нѣсколько времени . . . Наконецъ извѣстился о семъ и преподобный Венедиктъ: онъ пролилъ о нихъ слезы сердечнаго сокрушенія и, пославъ просфиру въ оную церковь, велѣлъ вынуть части въ жертву Богу о успокоеніи душъ ихъ. Съ того времени никто уже не видѣлъ ихъ вонъ исходящихъ, и Христіяне вѣровали, что злоязычныя постницы жертвою и молитвами преподобнаго Венедикта получили отъ Бога прощеніе.

Добродѣтельный пустынникъ.

Святый Анинъ (**), инокъ и чудотворецъ, обитая въ уединеніи на границѣ Сиріи съ Персіею, имѣлъ обыкновеніе часто уходить внутрь пустыни и тамъ по нѣскольку дней безмолвствовать. А поелику Анинъ имѣлъ сугубый даръ утѣшать печальныхъ и врачевать недужныхъ; то къ его келліи изъ разныхъ странъ стекалось всегда множество народа, но не улучивъ человѣка Божія дома, претерпѣвали зной и жажду, пока дождутся его, а другіе съ прискорбіемъ возвращались.—Видя сіе, святый Анинъ сколь ни великое находилъ удовольствіе въ пустынномъ безмолвіи, немедленно для пользы общей перемѣнилъ свой образъ жизни и съ того времени, безпрестанно ожидая посѣтителей, никуда не отлучался изъ келліи.

(*) Іаков. III. 6. 8.

(**) Сей великій старецъ былъ родомъ изъ Халкидона, умеръ ста десяти лѣтъ; а въ которомъ вѣкѣ жилъ, неизвѣстно. Память его Мартавъ 18 день.

Но не въ однихъ совѣтахъ и врачеваніи состояла благодѣтельность праведника... Обитая далеко отъ Евфрата, каждый день ходилъ онъ по нѣскольку разъ за водою, для напоенія странниковъ; — о чемъ узнавъ, Епископъ Неокесарійскій послалъ ему осла для водоношенія. Но вскорѣ пришелъ къ нему бѣдный человѣкъ, неимѣющій чѣмъ удовлетворить заимодавца; и святый Анинъ отдалъ ему своего водоносца... Епископъ прислалъ къ нему другаго осла, уже не въ даръ, а только съ тѣмъ, чтобы до времени работалъ на него; но преподобный Анинъ не могъ удержаться, чтобы не отдать и его одному разоренному семейству. Наконецъ Епископъ увидѣлъ, что щедролюбивый пустынникъ не перестанетъ ходить за водою, и самъ поступилъ иначе: онъ приказалъ подлѣ келліи преподобнаго Анина выкопать колодезь, и отъ времени до времени наполнять его свѣжею водою, чтобы онъ и посѣщающіе его Боголюбцы имѣли питіе всегда готовое.

Иноки, полагающіе душу свою за церковь Божію и за братію (*).

Въ царствованіе Константина и Ирины, когда Іерусалимъ, уже отторгнутый отъ Греческой Державы, находился подъ властію Агарянъ, Палестина наполнена была разбойниками, которые, собираясь тысячами, грабили все, что оставалось беззащитнымъ. Земледѣльцы убѣгали съ полей, ихъ потомъ орошаемыхъ, иноки оставляли обители, гдѣ давали обѣтъ Богу жить до смерти; всѣ собирались въ Іерусалимъ, какъ въ единое убѣжище, которое могло спасти ихъ отъ мученій и смерти. Толь-

(*) Изъ житія преподобныхъ отцевъ, въ обители святаго Саввы, въ VIII столѣтіи по Р. Х. убіенныхъ. Ихъ память Марта въ 20 день.

ко Ангелонравные граждане обители святаго Саввы не хотѣли оставить святилища, и среди всеобщаго мятежа и шума оружій говорили другъ другу: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити* (*); мы не имѣемъ оружія: *но ополчится Ангелъ окрестъ боящихся Господа и избавитъ насъ* (**).

Долго святая обитель, посреди всемѣстнаго опустошенія и кровопролитія, пребывала невредимою. Варвары часто приходили къ ней, но истребовавъ на дорогу съѣстные припасы, оскорбляли иноковъ однѣми угрозами. Наконецъ пришло время искушенія и на сихъ рабовъ Господнихъ... На шестой недѣлѣ великаго поста Еѳіопскіе разбойники, въ числѣ шестидесяти человѣкъ, напали на святое жилище и нѣсколькое старцевъ умертвили; но показавшійся вблизи многолюдный караванъ заставилъ злодѣевъ разбѣжаться... Наступила седмица страданій Господа нашего Іисуса Христа и вмѣстѣ наступило время пострадать невиннымъ рабамъ его! Въ великій четвертокъ варвары рѣшительно напали на святую Лавру, и— не можно вычислить тиранствъ, которыя они тутъ истощили. Иныхъ разстрѣливали, иныхъ поднимали на копьяхъ, инымъ отсѣкали руки и ноги, иныхъ побивали каменіемъ—нигдѣ не было для страдальцевъ убѣжища: ибо варвары окружили обитель и поставили стражу по горамъ и ущеліямъ. Кто убѣгалъ изъ ограды монастырской, тотъ убиваемъ былъ на открытомъ мѣстѣ. Но сколь ужасны были тиранства злодѣевъ, столь велико и непреклонно было терпѣніе святыхъ пустынножителей.

Юный Іоаннъ, начальникъ страннопріимства, бѣжалъ въ горы, но будучи захваченъ злодѣями, вытерпѣлъ всѣ ужасы мученій. Еѳіопы хотѣли у него выпытать злато и

(*) Матѳ. X. 28.
(**) Псал. XXXIII. 8.

сребро; но Іоаннъ предлагалъ имъ одну пищу, для странниковъ опредѣленную, и злочестивцы въ бѣшенствѣ перерѣзали у него жилы у рукъ и у ногъ.

Преподобный Сергій, церковный сосудохранитель, опасаясь посреди мученій открыть, гдѣ хранится утварь церковная, также бѣжалъ изъ обители и также былъ захваченъ. Варвары повели его въ Лавру, требуя чтобы сказалъ, гдѣ сокрыто сребро и злато; но святый отецъ не хотѣлъ идти, боясь слабости человѣческой. Варвары отсѣкли ему голову.

Нѣсколько иноковъ убѣжали отъ убійственныхъ рукъ и скрылись въ вертепѣ; но были примѣчены и окружены злодѣями. Здѣсь-то исполнились слова Спасителя: *больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (*). Когда въ темной пещерѣ всѣ трепетали и другъ за друга прятались, преподобный Патрикій на ухо сказалъ имъ: «не бойтесь, братія; я одинъ выйду; а вы сидите, какъ можно тише». —и вышелъ человѣкъ по истинѣ великій, и увѣрилъ, что въ пещерѣ никого болѣе не было.

Наконецъ Варвары, еще не насытясь кровію невинныхъ старцевъ, всѣхъ, кого удержали въ Лаврѣ и кого захватили въ бѣгствѣ, собрали въ Соборную церковь и начинали вымучивать, который изъ нихъ начальникъ обители, чтобы чрезъ него, какъ главу братіи, все узнать; но иноки подъ смертными ударами отвѣчали единодушно: «мы всѣ равны; всѣ увѣряемъ, что нѣтъ у насъ ни злата, ни сребра; а начальникъ нашъ для общихъ потребностей находится въ Іерусалимѣ». — Послѣ сего ни огнь, ни желѣзо, ни разныя пытки не могли принудить ихъ, чтобы изъ среды себя выставили настоятеля... Варвары заключили ихъ въ пещеру, гдѣ прежде подвизался

(*) Іоанн. XV. 13.

святый Савва, начали морить дымомъ: но восемьдесятъ старцевъ геройски тамъ скончались, не объявивъ утвари, Богу принадлежащей, не обнаруживъ игумена, съ ними же пострадавшаго. — Только слышимы были молитвы къ Богу: «Господи! пріими въ мирѣ духъ мой... *Помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ*».

Варвары разграбили святую обитель... Но правосудный Богъ наказалъ ихъ на возвратномъ пути. Поссорившись между собою (такова дружба злодѣевъ и вообще порочныхъ людей!), они истребили другъ друга и пали на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ; а окаянныя души ихъ низверглись въ геенну.

Необоримое оружіе противу враговъ видимыхъ и невидимыхъ.

Святый Никонъ (*), сынъ идолопоклонника и Христіянки, служилъ офицеромъ въ одномъ изъ Римскихъ полковъ, расположенныхъ въ Неаполѣ. Отличаясь ростомъ и красотою, онъ не менѣе отличался и на полѣ брани. Не было сраженія, въ которомъ бы Никонъ не получилъ новыхъ ранъ и новыхъ почестей.

Между тѣмъ отецъ его умеръ. Никонъ, стараясь поддержать славу своего дома, продолжалъ проливать кровь свою за отечество. Материнское сердце непрестанно страшилось смерти его, но еще болѣе страшилось того, что сынъ ея умретъ поклонникомъ идоловъ; ибо воспитанный въ правилахъ отца своего, въ младенчествѣ не имѣлъ онъ позволенія, а въ юности времени—быть уче-

---

(*) Святый Никонъ подвизался за отечество въ званіи воинскомъ, и принялъ за вѣру Христову вѣнецъ мученическій, будучи Епископомъ, въ половинѣ третьяго столѣтія, въ царствованіе Децiя. Память его Марта въ 23 день.

никомъ Христолюбивой матери. Мудрено ли, что изувѣріе язычества глубоко укоренилось въ его сердцѣ? Сколько нѣжная мать ни старалась обратить его на путь истины, шумъ брани и слава воинскихъ подвиговъ всегда заглушали гласъ вѣры... Наконецъ чадолюбивая мать, совершенно положась на Бога, хотящаго всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити, сказала ему:—«Не могу внушить тебѣ любви къ жизни вѣчной; по-крайней-мѣрѣ, любезный сынъ, пощади для меня жизнь временную и, если на брани случится тебѣ быть въ опасности, оградись крестнымъ знаменіемъ—тогда увидишь, кто есть Богъ истинный, ему же подобаетъ кланятися.

Спасительное дѣйствіе матернихъ наставленій оправдалось вскорѣ. Римскія войска выступили противу варваровъ; произошла кровопролитная битва; побѣда начала клониться въ пользу непріятелей; уже Римскія войска поражаемы были съ тылу.—Никонъ, имѣя въ виду одну славу отечества, вдругъ очутился одинъ посреди сопостатовъ... Готовясь упасть подъ тучею стрѣлъ вражескихъ, безтрепетный воинъ вспомнилъ увѣщаніе матери и, устремивъ очи на небо, вооружился знаменіемъ креста.—«Іисусе всесильный! воскликнулъ онъ, яви въ сей часъ силу твою, да буду и я рабъ твой». — Сей гласъ вѣры какъ громомъ поразилъ сонмы сопротивныхъ: восемьдесятъ воиновъ отъ страны вражеской пали подъ его ударами; и Никонъ не только вышелъ безвреденъ, но и далъ время ободриться своимъ соотечественникамъ:

Побѣда осталась на сторонѣ Римлянъ; все воинство прославляло неустрашимость святаго Никона; а онъ, возвратясь въ объятія матери, воскликнулъ: «Великъ Богъ Христіянскій! я отнынѣ рабъ его, и вмѣстѣ съ тобою, возлюбленная родительница, проклинаю вѣру язычества.

Христу соименитые Русскіе воины! *Аще ополчится*

Digitized by Google

на васъ *полкъ*, оградитесь оружіемъ креста и воззовите *къ Богу вышнему, къ Богу благодѣявшему вамъ*: и Господь съ небесе пошлетъ помощь свою, спасетъ васъ и дастъ *въ поношеніе попирающія* васъ.

Божіе мщеніе за гонимую невинность.

Преподобный Малхъ (*), на пути захваченный Срацинскими разбойниками, отведенъ былъ въ Аравію, и по жребію достался нѣкоторому Мурину. Долго тамъ святый отецъ смотрѣлъ за чистотою дома и пасъ стада господина: но, будучи не въ силахъ болѣе сносить разлуки съ Христолюбивою братіею, по внушенію Божію, рѣшился бѣжать. Ему послѣдовала нѣкоторая благочестивая старица, имѣвшая равную съ преподобнымъ участь.

Опаляемы зноемъ, томимы гладомъ, шли они трои сутки, безпрестанно оглядывались, нѣтъ ли за ними погони, и наконецъ увидѣли двухъ Срацинъ, на верблюдахъ за ними ѣдущихъ. Несчастные обмерли отъ страха; но Господь милуетъ праведниковъ! Внезапно близь себя узрѣли они глубокой вертепъ... Должно было выбирать одно: или опасность, быть пожрану зміемъ или звѣремъ, которые обыкновенно гнѣздятся въ вертепахъ, или неминуемую смерть отъ варваровъ.—Малхъ и старица перекрестились и бросились въ глубину логовища и, притаившись къ сторонѣ близь входа, стояли какъ мертвые, едва имѣя силы произносить только имя Христово. Немедленно варвары, примѣтившіе ихъ, остановились у вертепа и закричали страшнымъ голосомъ: «выходите вонъ, злодѣи!» но не получивъ отвѣта, излили всѣ угрозы и ругательства; потомъ господинъ съ обнаженною саблею сталъ у входа, а рабъ кинулся въ пещеру и ми-

(*) Память его Марта въ 26 день.

Digitized by Google

новалъ ихъ: поелику отъ свѣта солнечнаго вошедшему въ темноту вдругъ видѣть не можно.—Но, о! преблагій Господи, коль великъ промыслъ твой о рабахъ твоихъ и скорая въ неизбѣжной гибели помощь! Внезапно изъ глубины вертепа выбѣжала львица и, схвативъ раба за гортань, умертвила и увлекла въ логовище. Малхъ и старица едва смѣли креститься... Господинъ, не слыша голоса раба, подумалъ, что онъ умерщвленъ бѣглецами, и съ скрежетомъ устремился въ пещеру; но едва ступилъ нѣсколько шаговъ, та же участь постигла, и львица растерзала его. Потомъ, взявъ своего дѣтища въ зубы, спокойно вышла изъ логовища.

Долго въ глубокомъ молчаніи трепетали Малхъ и старица, но увѣрившись, что львица удалилась, вышли на свѣтъ.—Верблюды убіенныхъ варваровъ были навьючены пищею и питіемъ, и будто именно ихъ дожидаясь, преклонили колѣна. Праведники возблагодарили Бога и, укрѣпившись явствами, сѣли на нихъ и отправились въ путь. Чрезъ десять дней прешли они пустыню и, встрѣтивъ греческое войско, явились къ полковнику, который принялъ ихъ ласково.

Тогда старица постриглась въ одномъ изъ Дѣвическихъ монастырей; а преподобный Малхъ возвратился къ своей братіи, о которой столь долго сокрушался, и—оба столь чудеснымъ съ ними происшествіемъ доказываютъ намъ, какъ Господь милуетъ всѣхъ, изъ духовнаго Египта убѣгающихъ въ землю, Христомъ обѣтованную. Смертные! съ путей порока дерзновенно возвращайтесь на путь добродѣтели... Тогда Господь будетъ вамъ помощникъ и покровитель *во спасеніе*.

Digitized by Google

Инокъ, пророчески изобличившій мятежнаго вельможу.

Преподобный Василій, такъ нарицаемый *Новый* (*), имѣлъ свыше даръ проникать сокровеннѣйшія мысли человѣческія; и если онѣ имѣли цѣлію вредъ ближняго, не взирая на лице, съ неустрашимостью изобличалъ преступника—что видно изъ слѣдующей повѣсти. Романъ, тесть и соправитель Греческаго Царя, Константина Багрянороднаго, имѣлъ другаго у себя зятя, именемъ Саронита, который, какъ родственникъ Императора, занималъ важныя въ государствѣ должности. Но страсть властолюбія ненасытна!... Сей гордый вельможа, надѣясь на свое богатство и силу, съ жадностію взиралъ на корону и только ждалъ случая, чтобы съ Константина сорвать ее для себя. Прозорливый старецъ съ перваго взгляда узналъ намѣреніе Саронитово и сказалъ самъ себѣ: — «Богъ взыщетъ съ души моей, если вижу злой умыселъ и не покушусь уничтожить его. Пойду, изобличу злодѣя; можетъ быть, престанетъ отъ безумныхъ своихъ начинаній... Пойду! самъ Богъ хощетъ сего; иначе не открылъ бы предо мною сердца Саронитова».

Рѣшившись такимъ образомъ, преподобный Василій вышелъ на распутіе въ то самое время, когда надменный чиновникъ, по обыкновенію своему, ѣхалъ во дворецъ; Василій зашелъ впередъ, и велегласно воскликнулъ: Почто сердце твое помышляетъ лукавство на Христово наслѣдіе? Нѣтъ тебѣ части въ жребіи Царскомъ!

(*) Преподобный Василій, отъ самой юности поселившись въ пустынѣ, жилъ въ ней уединенно пятьдесятъ лѣтъ, другія пятьдесятъ лѣтъ препроводилъ въ Царѣградѣ. Часто терпѣлъ гоненіе и муки; иногда уважаемъ былъ не только чиновниками, но и Государями. Скончался въ 744 году по Р. Х. и погребенъ торжественно. Память его Марта въ 26 день.

престань, и всуе не мучь себя; опомнись, да не прогнѣвается на тебя Господь за злоумышленіе противу Христа его...» Изумленный Саронитъ сначала затрепеталъ; но ободрившись, съ яростію наскакалъ прямо на святаго старца и, давъ ему множество ударовъ бичемъ, плюнулъ и поѣхалъ далѣе.

Но безтрепетный защитникъ престола, сдѣлавъ первый шагъ, не хотѣлъ остановиться. Въ слѣдующее утро опять вышелъ онъ туда же, дождался предателя и тѣми же словами изобличилъ его... Тогда приказано было вооруженнымъ служителямъ взять старца и отвести въ домъ его.—«Безумный бродяга! закричалъ Саронитъ, возвратившись изъ дворца, какой діаволъ научилъ тебя такъ злобно нападать на меня? развѣ не знаешь, кто я? и что съ тобою сдѣлать могу?» — Старецъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, и отвѣчалъ спокойно: «Неужели думаешь ты, что твое злонамѣреніе есть такая тайна, которую никто знать не можетъ? Самъ Господь открылъ мнѣ дерзость твою... Заклинаю тебя, оставь пагубное желаніе, чтобы вскорѣ не истребилась и память твоя отъ среды живыхъ».—Безумный Саронитъ, вмѣсто того, чтобы убояться и послушать человѣка Божія, воспылалъ яростію и грозно закричалъ служителямъ: «пытайте, мучьте его дотолѣ, пока не изжденется отъ него духъ лжепророчества.

Три дня слабый старецъ біенъ былъ немилосердно, и три ночи лежалъ еле живъ въ холодной ямѣ. — Въ четвертую ночь Господь восхотѣлъ оправдать пророчество праведника: спящій Саронитъ узрѣлъ въ сонномъ видѣніи и вѣтвистый дубъ, на которомъ хищный вранъ имѣлъ гнѣздо и, сидя на немъ, крыламъ покрывалъ птенцевъ своихъ: вдругъ пришли два человѣка съ сѣкирами, и одинъ сказалъ: «этотъ вранъ, непрестанно каркая, не

даетъ Государю уснуть спокойно.» — «Да онъ совершенно измучилъ и угодника Божія, который ему же хотѣлъ сдѣлать добро,» сказалъ другой. — «Должно срубить дерево!» — повторили они оба въ одинъ голосъ, и огромный дубъ подсѣкли въ одну минуту; потомъ возгнѣли огонь и сожгли оный.

Устрашенный Саронинъ отъ сильнаго трепета пробудился и почувствовалъ себя въ нестерпимой горячкѣ... Разсуждая о пророчествѣ святаго Василія и о своемъ сновидѣніи, онъ приказалъ немедленно выпустить его и, повергшись въ толь же великое отчаяніе, сколь велико прежде было его надменіе, вскорѣ умеръ.

Разборчивость Іоанна пустынника въ пріемѣ посѣтителей.

Преподобный Палладій, однажды навѣстивъ пустынника Іоанна (*), съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ наставленіе святаго старца. — На то время пришелъ нѣкоторый воевода; и дружелюбный Іоаннъ, принявъ его съ радостію, оставилъ Палладія. Но какъ ихъ разговоръ продолжался весьма долго, то Палладій, сидя въ отдаленіи, наконецъ началъ досадовать и приписывать суетности Іоанновой, что, презрѣвъ инока, уважаетъ чиновника. — «Заплачу ему такимъ же презрѣніемъ, думалъ онъ, и не простившись уйду отселѣ.» — Прозорливый старецъ узналъ мысли посѣтителя, кликнулъ ученика своего и велѣлъ сказать Палладію, чтобы не малодушествовалъ. . . Когда вельможа ушелъ, Іоаннъ, обратившись къ Палладію, сказалъ ему: — «Почто ты разгнѣвал-

(*) Сей Іоаннъ тотъ самый пустынникъ, котораго Грекоримскій Императоръ, Ѳеодосій Великій, всегда вопрошалъ о успѣхѣ важнѣйшихъ, на пользу государства, своихъ предпріятій. Память его Марта въ 30 день.

ся на меня? развѣ нашелъ въ поступкѣ моемъ что нибудь для тебя оскорбительное? Любезный о Христѣ братъ! ты думалъ о томъ, чего нѣтъ въ сердцѣ моемъ и что не прилично твоему сердцу. — Ужели не знаешь, что *не требуютъ здравіи врача, но болящіи?* Я съ тобою увижусь, когда хочу; и ты когда хочешь, также можешь меня увидѣть. А сей воевода, связанный мірскими попечаніями, которыхъ требуетъ отъ него самая должность по занятію, можетъ быть, едва нашелъ время придти сюда и принять нѣкоторую пользу для души своей. И такъ справедливо ли, оставить его и бесѣдовать съ тобою, который занимаешься единственно твоими спасеніемъ?»

Удивленный Палладій позналъ, что сей старецъ вдохновенъ Богомъ, и съ восхищеніемъ разсказывалъ о поступкѣ его всѣмъ пустынножителямъ, дабы научить ихъ, что не должно отказывать пришельцамъ, *сущимъ отъ міра.*

Непоколебимость исповѣдника Христова.

Преподобный Марко, Епископъ Ареѳусійскій (*), былъ одинъ изъ тѣхъ человѣколюбивыхъ и сострадательныхъ людей, которые спасли Іуліана въ его юности тогда, какъ по повелѣнію Константія, сына Константина Великаго, истребляемъ былъ родъ его (**), нечестивый и царствующему колѣну враждебный.

Будучи ревностнымъ проповѣдникомъ Слова Господня, еще при языческихъ тиранахъ, по крещеніи Равноапостольнаго Константина, святый Марко разорилъ нѣкоторое идольское капище, обратилъ множество народа отъ заблужденія на путь истины и, не взирая на лица,

(*) Его память Марта въ 29 день.

(**) См. въ житіи Св. мученика Артемія, Октября въ 20 день.

обличалъ язычниковъ: почему и возбудилъ на себя общую ихъ ненависть. Но вѣра Христова и ея поборники были тогда подъ покровительствомъ величайшаго въ царяхъ земныхъ.

Наконецъ настало время искушенія: воцарился богоотступникъ Іуліанъ, и Ареѳусійскіе жители возстали на святаго Марка. Нельзя исчислить тиранствъ, которыя претерпѣлъ праведникъ. Іуліану должно бы спасти своего спасителя; но кто пренебрегъ благодѣянія Іисуса, тотъ можетъ ли помнить благодѣяніе человѣческое? Богоотступникъ, въ уничиженіе Христіянства, повелѣлъ ему непремѣнно заплатить ущербъ, разореніемъ *требища* нанесенный. Если бы святый Марко сдѣлалъ послабленіе, то вскорѣ бы и всѣ храмы Господни обратились въ идольскія капища; а Христіянъ, можетъ быть, употребили бы на работы, каковыми удручалъ ихъ злочестивый Діоклитіанъ.

Святитель Господенъ предвидѣлъ сіе и рѣшительно отказался взнесть убытки, на всѣ муки отвѣчалъ терпѣніемъ: идолопоклонники день отъ дня сбавляли цѣну; но праведникъ былъ тѣмъ непоколебимѣе. Посреди всѣхъ ужасовъ смерти, онъ только вопіялъ на небо: — «Господи! я стражду не за сребро и злато, котораго у меня нѣтъ, я стражду за благочестіе. . . но да будетъ воля твоя! Я достоинъ и болѣе пострадать за то, что, по невѣдѣнію моему, не далъ истребить толь великое для всего свѣта зло.» — Многіе изъ Христіянъ предлагали свои сокровища, чтобы удовольствовать бѣшенство невѣрныхъ; но святый Марко не хотѣлъ благословить ихъ даянія и даже грозилъ имъ за то *отлученіемъ*.

Наконецъ, какъ повѣствуетъ Ѳеодоритъ, идолопоклонники такъ поражены были его терпѣніемъ и непреклонностію, что не только согласились оставить его въ покоѣ,

но нѣкоторые и крестились. Даже градоначальникъ Ареѳусійскій, хотя быть также язычникъ, совершенно преданный Іуліану, просить его пощадить Марка, и представляль, сколь срамно для нихъ истощать всѣ средства къ преодолѣнію единаго старца.

О томъ, коль спасительно жить въ незлобіи сердца и не осуждать другихъ (*).

Нѣкоторый инокъ не имѣлъ всѣхъ добродѣтелей, предписанныхъ уставами святыхъ обителей, и былъ довольно нерадивъ на пути спасенія, въ постничествѣ и молитвахъ. Наконецъ пришло время разстаться ему съ жизнію; и собравшіеся вкругъ одра его братія чрезвычайно удивились, видя, что сей, по мнѣнію ихъ, безпечный инокъ оставляетъ міръ не только безъ трепета, но благодаря Бога и даже улыбаясь. — «Отъ чего ты въ грозный часъ суда Божія, такъ безпечаленъ? спросили они: мы знаемъ твою жизнь и не понимаемъ твоего равнодушія; укрѣпись силою Христа, Бога нашего, и сакажи намъ, да прославимъ Его милосердіе.» — Тогда умирающій инокъ, нѣсколько поднявшись съ одра, сказалъ имъ: — «Такъ, отцы и братія! я жилъ нерадиво, и нынѣ всѣ мои дѣла представлены мнѣ и прочтены Ангелами Божіими; я съ сокрушеніемъ признался въ нихъ, и ожидалъ всей строгости суда Господня. . . Но вдругъ Ангели сказали мнѣ: «при всемъ небреженіи, ты не осуждалъ и былъ незлобивъ», и съ симъ словомъ раздрали рукописаніе грѣховъ моихъ. Вотъ источникъ моей радости!» — Сказавъ сіе, инокъ предалъ съ миромъ душу свою Господу.

(*) Повѣсть преподобнаго Анастасія Синайскаго, котораго память Апрѣля въ 20 день.

Digitized by Google

Не осуждайте, да не осуждены будете; оставьте, и оставится вамъ, сказалъ Господь. Кто не можетъ быть совершеннымъ постникомъ, говоритъ святый Анастасій Синайскій (*), не можетъ оставить суетности міра, пусть не осуждаетъ ближняго. Другой, по своей бѣдности, не можетъ подавать милостыни, или по своимъ занятіямъ, часто ходить въ церковь; пусть оставитъ ближнему, и ему оставится. Единъ Христосъ есть общій Судія: да не будемъ убо Антихристами! Мы видимъ грѣхи брата, но видимъ ли его добродѣтели? его покаяніе? Многіе согрѣшили явно: но втайнѣ покаялись. . . Разбойникъ, одесную Христа распятый, былъ человѣкоубійца; Іуда былъ Апостолъ: но разбойникъ въ раю, а сопутникъ Христовъ въ гееннѣ. И такъ не правда ли, что осуждать можетъ одинъ только Сердцевѣдецъ?

Казнь немилосердому.

У святаго Іоны, Всероссійскаго Митрополита (**), былъ экономъ, именемъ Пименъ, который, смотря надъ погребомъ, имѣлъ повелѣніе поить всѣхъ пришельцевъ. Въ одно время бѣдная и нездоровая женщина просила у него нѣсколько меду, чтобы укрѣпиться отъ болѣзни; но Пименъ сердито закричалъ на нее: «поди прочь! еще не пришло время угощать васъ.» — Бѣдная старица удалилась съ горестію на сердцѣ: но Святитель узналъ о томъ. Онъ призываетъ экопома, и съ кротостію выговариваетъ: — «Ты не знаешь кого оскорбилъ; вдовица, тобою отвергнутая, лучше всѣхъ насъ угодила Богу: мнѣ жаль тебя: но Господь послалъ на тебя ударъ

(*) См. въ Прологѣ Марта подъ 22 днемъ.
(**) Его память въ 31 день Марта.

Digitized by Google

смертный: и такъ поди съ миромъ и немедленно покайся въ грѣхахъ твоихъ.» — Назавтра святый Іона повелѣлъ Духовнику своему постричь его въ схиму, и Пименъ въ тотъ же день умеръ.

Предосторожность въ разсужденіи молодыхъ людей (*).

Преподобный Іоаннъ *(такъ нарицаемый на студенцѣ)* столь угодилъ Богу, что насущную пищу ежедневно приносилъ ему Ангелъ-Хранитель. Но поелику Іоаннъ былъ молодъ: а юность, видя себя отличаему, по большей части бываетъ поползновенна къ самомнѣнію и гордости; то безплотный питатель употребилъ орудіемъ Господнихъ благодѣяній одного, деньми ветхаго, пустынника: приносилъ къ нему небесную пищу; а сей старецъ, какъ бы самъ отъ себя, уже доставлялъ оную Іоанну. Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ, доколѣ плоть, старостію удрученная, не престала *воевать на душу*.

Іуліанова злоба на Христіянъ и мщеніе, Богомъ на него изліянное.

Святый Григорій Богословъ еще въ юности своей предвидѣлъ, коль пагубленъ для Христіянской вѣры Іуліанъ, послѣ нареченный Отступникомъ, и обучаясь съ нимъ вмѣстѣ въ Аѳинахъ, часто говаривалъ съ глубокимъ воздыханіемъ: «ахъ! величайшее изъ всѣхъ золъ питаетъ въ себѣ земля Римская и Греческая (**)!» — Сіе пророчество совершенно оправдалось тогда, какъ

(*) См. въ Прологѣ Марта подъ 29 числомъ.

(**) См. въ Четь-Минеи житіе святаго Григорія Богослова Января въ 25 день.

Іуліанъ сдѣлался Императоромъ. Благоволеніе къ Христоубійственному народу и упорное желаніе построить храмъ Іерусалимскій, уваженіе къ языческимъ жрецамъ и презрѣніе къ Христіянскимъ Епископамъ, непрестанныя кощунства надъ Евангельскою вѣрою и казни, если кто скажетъ хотя что нибудь предосудительное о идолопоклонствѣ — все предвѣщало паденіе Христіянства.

Но богоотступникъ особенно ненавидѣлъ Кесарію Каппадокійскую. Причиною толь лютаго ожесточенія было не что иное, какъ ревность по Іисусѣ тамошнихъ Христіянъ, бывшихъ подъ Архипастырствомъ Василія Великаго: а разореніе одного изъ идольскихъ капищъ, въ которомъ онъ, пріѣзжая въ Кесарію, обыкновенно приносилъ жертвы *Фортунѣ*, дополнило чашу его бѣшенства (*). Тогда святый Евпсихій умеръ въ жесточайшихъ мученіяхъ; множество гражданъ взято подъ стражу; одни наказаны смертію, другіе посланы въ заточеніе; у многихъ отобраны имѣнія; церкви ограблены; церковнослужители расписаны по дальнымъ полкамъ, а городъ былъ обремененъ чрезвычайными налогами.

Василій Великій трепеталъ отъ ужаса, видя тирана, готоваго истребить вѣру Христову, и сокрушался о злополучіи гражданъ; но въ особѣ царя земнаго не преставалъ почитать власть и силу Царя небеснаго. Воздавая *Божія Богови и Кесарева Кесареви*, онъ молился и побуждалъ молиться духовныхъ чадъ своихъ къ Господу силъ, чтобы умудрилъ и обратилъ на правый путь Іуліана; но *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость* (**). Богоотступникъ не чувствовалъ, коль великаго имѣетъ за себя молитвенника, и восхотѣлъ до

(*) См. въ Четь-Минеи житіе святаго мученика Евпсихія Апрѣля 9 дня.

(**) Прем. Сол. 1. 4.

конца посрамить Кесарію въ лицѣ ея святаго Архипастыря — что происходило слѣдующимъ образомъ.

Отправляясь на брань противу Персіи, Іуліанъ шелъ съ воинствомъ чрезъ Каппадокію. Василій Великій, какъ помазаннику Божію, вышелъ ему на встрѣчу съ освященнымъ соборомъ и съ лучшими гражданами, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, который, ненавидя Христоненавистника, подвигся единственно на гласъ своего Архипастыря. Угодникъ Божій вынесъ ему на благословеніе три чистые хлѣба, изъ ячменной муки приготовленные, каковыми и самъ обыкновенно питался. Что же сдѣлалъ Іуліанъ? Онъ велѣлъ оруженосцамъ принять оное, а святому Василію дать горсть сѣна, съ ругательствомъ сказавъ: «ты поднесъ намъ ячмень, пищу скотами употребляемую; пріими же отъ насъ сѣно.» — «О Государь! отвѣчалъ огорченный до глубины сердца Василій, мы принесли тебѣ то, что сами ѣдимъ; а ты, воздавая скотскою пищею, воистину ругаешься: ибо не можешь властію твоею сѣно претворить въ хлѣбъ и пищу человѣческую.» — Тогда Іуліанъ, съ яростію воззрѣвъ на Святителя, воскликнулъ: — Будь же увѣренъ, что стану тебя кормить сѣномъ, когда возвращусь изъ Персіи; разорю городъ сей до основанія; все мѣсто изгладу плугомъ, да родитъ жито, а не людей. Но нѣтъ! сего для васъ мало: я повелю самыя развалины посыпать солію: тогда не кому будетъ внимать твоимъ совѣтамъ; не кому будетъ возставать противу моихъ намѣреній. . . Возчувствуешь, дерзкій старецъ, всю силу гнѣва Іуліанова! . .» Упоенный славою будущихъ побѣдъ, Іуліанъ пошелъ далѣе; а Святитель отринутый и поруганый, продолжалъ молиться Господу, да благодатію своею просвѣтитъ поступника и пошлетъ на него духа умиленія и покаянія.

Между тѣмъ Іуліанъ, вступивъ въ Персидскіе предѣлы,

разсѣялъ нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ — за что принося благодарственныя жертвы идоламъ, объвилъ воинству и поклялись всенародно предъ истуканомъ Зевеса, что, по окончаніи войны, непремѣнно истребитъ Христіянство. Извѣстясь о семъ, Василій Великій потерялъ всю надежду, видѣть обращеніе отступника. Должно было или ожидать снова курящихся по всей земли жертвъ выдумкамъ баснословія, или потребить отъ лица земли сильнаго и хитраго безбожника. Праведникъ, одинъ оставшись въ церкви, повергся предъ образомъ Пресвятыя Богородицы, гдѣ изображенъ былъ съ копіемъ и воинъ Христовъ Меркурій (*); онъ молился, чтобы гонитель Христіянства отъ брани живъ не возвратился. . . Хотя всемірная Заступница, не хотящая смерти грѣшниковъ, запрещаетъ молиться о погибели ихъ; но поелику Іуліанъ не хотѣлъ обратиться и живъ быти, Матерь Божія своимъ благословеніемъ утвердила смерть его. Посреди слезныхъ молитвъ Василія Великаго вдругъ святаго страстотерпца на иконѣ не стало. Архипастырь ужаснулся. . . Но чрезъ нѣсколько времени воинъ Христовъ показался опять — съ копіемъ окровавленнымъ. Въ тотъ самый часъ, какъ послѣ узнали, Іуліанъ пораженъ былъ на брани рукою невидимою.

Свои и чужіе грѣхи.

Нѣкоторый инокъ учинилъ прегрѣшеніе. Братія, собравшись разсуждать о его дѣлѣ, послали за Аввою Моисеемъ (**); но смиренный старецъ отказался быть въ ихъ совѣтѣ. Скитскій Пресвитеръ приказалъ сходить за нимъ

(*) См. въ житіи святаго великомученика Меркурія, котораго память празднуется Ноября въ 24 день.

(**) Его память Апрѣля въ 20 день.

вторично и сказать, что братія ожидаютъ его всѣмъ соборомъ. Тогда Моисей пошелъ, но какимъ образомъ? Онъ насыпалъ въ ветхую кошницу песку и понесъ съ собою. — «Что это значитъ, Авва?» встрѣчая его, спросили иноки. — «Видите, сколько за мною грѣховъ, указывая на сыплющійся песокъ, отвѣчалъ святый Моисей: я не вижу ихъ; а между тѣмъ иду совершить судъ надъ другимъ!» — Услышавъ сіе, иноки ничего не сказали согрѣшившему брату и безмолвно простили его.

Видѣніе преподобнаго Зосимы объ участи новгородскихъ бояръ (*)

Когда Соловецкая обитель украсилась зданіемъ, а что важнѣе всего, добродѣтельными иноками, и прославилась подвигами и чудесами святаго настоятеля, врагъ рода человѣческаго, ненавидя добро, покусился уничтожить ее и подвигнулъ на брань злобныхъ людей. Слуги Новгородскихъ бояръ и Корельскихъ помѣщиковъ, приходя на рыбную ловлю, называли себя единственными господами острова и не допускали иноковъ ни къ одному озеру. Благочестивые старцы съ кротостію представляли имъ свою необходимость въ житейскихъ потребностяхъ: но злые люди отвѣчали однимъ ругательствомъ, дѣлали разныя обиды и наглости, и хвалились разогнать иноковъ.

Послѣдняя угроза побудила преподобнаго Зосиму итти въ Новгородъ, чтобы испросить защиту святой обители. Тамъ, по совѣту Архіепископа Ѳеофила, онъ былъ у всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ получилъ увѣреніе въ ихъ

(*) Преподобный Зосима, родившійся Новгородской области въ селѣ Торвулѣ при озерѣ Онегѣ, возобновилъ Соловецкую обитель, послѣ преподобнаго Савватія опустѣвшую; собралъ братію, построилъ церковь и иноческія келліи. и умеръ въ глубокой старости. Память его празднуется Апрѣля въ 17 день. См. житія Святыхъ.

покровительствѣ. Одна гордая Марѳа, Новгородская посадница, съ безчестіемъ выгнала его изъ дому; и рабъ Божій, уходя отъ нея, сказалъ ученикамъ своимъ: *се дніе грядутъ, въ няже жители дому сего не изслѣдятъ стопами своими двора сего.*

Архіепископъ Ѳеофилъ, опасаясь, чтобы Марѳа, которая сильно дѣйствовала на умы Новгородцевъ, не сдѣлала для обители чего нибудь худшаго, дѣло Зосимы принялъ на себя и бояръ довелъ до того, что они съ общаго согласія уступили въ церковное владѣніе весь островъ и дали *жалованную грамоту*; сверхъ того, одарили храмъ Господень церковными сосудами, священническими одеждами и окладами на святые образа.

Тогда и честолюбивая посадница почувствовала стыдъ; а общій отзывъ о благочестіи и святости Зосимы заставилъ ее раскаяться въ оскорбленіи, ему причиненномъ: она пригласила его на обѣдъ. Кроткій старецъ, подавая примѣръ незлобія, пришелъ въ домъ ея; но посреди общаго веселія, вдругъ удивился и въ безмолвіи опустилъ очи свои долу; опять воззрѣлъ на пирующихъ бояръ и опять преклонилъ главу свою; то же сдѣлалъ и въ третій разъ; потомъ воздохнулъ и прослезился. Сколько ни просили его, старецъ не могъ вкушать пищи и питія.

По окончаніи стола, Марѳа извинялась предъ нимъ въ своей, какъ говорила она, неосторожности, и Соловецкой обители подарила деревню, лежащую при рѣкѣ Сумѣ. Когда преподобный Зосима возвращался домой, сопровождавшій его ученикъ, именемъ Даніилъ, осмѣлился спросить о причинѣ удивленія и слезъ за трапезою посадницы. — «Чадо! отвѣчалъ старецъ, горестно и самому мнѣ знать ужасную тайну, не только открывать другимъ; однако познай судьбы Божія, имѣющія сбыться

Digitized by Google

въ свое время: я видѣлъ шесть знаменитѣйшихъ бояръ Новгородскихъ, безъ главъ на пиршествѣ сидящихъ, и ужасался. . . Послѣ сего можно ли мнѣ было участвовать въ трапезѣ? Думаю, что они будутъ нѣкогда обезглавлены; но, чадо! сохрани въ сердцѣ твоемъ что слышалъ отъ меня.»

Вскорѣ пророчество святаго Зосимы оправдалось событіемъ. Валикій Князь Іоаннъ Васильевичъ, утверждая въ Россіи благословенную власть самодержавія, овладѣлъ Новгородомъ, и за непокорство казнилъ тѣхъ бояръ, которыхъ святый старецъ видѣлъ безъ главъ на пиршествѣ. Марѳа Борецкая отослана съ дѣтьми своими въ заточеніе; домъ ея разрушенъ и самое мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, поросло травою.

Святыня Просфоры.

Преподобный Зосима Соловецкій, въ одно время, далъ пріѣхавшимъ на островъ купцамъ отъ своего священнодѣйствія просфору: но они, идучи изъ церкви, по неосторожности обронили ее. Инокъ Макарій, по случаю, проходя мимо, увидѣлъ надъ просфорою стоящаго пса, который всемѣрно старался схватить ее зубами, но, при каждомъ покушеніи опаляемъ былъ огнемъ, отъ святаго хлѣба исходящимъ. Макарій приблизился, и — огня не стало; перекрестившись, поднялъ онъ просфиру и, принеся къ преподобному Зосимѣ, разсказалъ чудное видѣніе. Всѣ удивились столь поражающему уроку Христа Спасителя, въ Его же славу совершается *Святая Святыхъ*.

Христіяне! изъ сего познайте святость хлѣбовъ, пріемлемыхъ вами отъ алтаря Господня, и вкушайте ихъ съ чистымъ сердцемъ, съ благоговѣніемъ къ Богу: въ противномъ случаѣ бойтесь, да огнь гнѣва Божія не опалитъ васъ.

Digitized by Google

Благодарность уволеннаго раба.

Нѣкоторый старецъ, бывшій прежде рабомъ, обитая въ скитѣ, каждый годъ ходилъ въ Александрію съ тѣмъ, чтобы отдать оброчныя деньги прежнимъ господамъ, для расплаты съ другимъ, который долженъ былъ вмѣсто него служить. Благочестивые господа, воздавая должную справедливость святому человѣку, всегда съ почтеніемъ встрѣчали его, и наконецъ едва упросили впредь не дѣлать сего. Однако старецъ и тогда не пересталъ платить имъ — только другимъ образомъ: принося въ сосудѣ воду, онъ умывалъ ноги ихъ... «Авва! ты обременяешь себя напрасно, говорили благочестивые хозяева, но Авва отвѣчалъ имъ: «я рабъ вашъ, и не могу по достоинству возблагодарить васъ за то, что позволили мнѣ безпрепятственно служить Богу — вы не пріемлете цѣны: по крайней мѣрѣ, вотъ оброкъ, который могу воздать вамъ!» — указывая на сосудъ съ водою, продолжалъ онъ. Добрые господа дѣлали ему возраженія и доказывали, что они не могутъ быть спокойны, пока будутъ видѣть его безпокойство; но старецъ сказалъ рѣшительно: «если не хощете принимать сей слабой жертвы, я останусь по прежнему у васъ слугою.» — Благочестивые хозяева, опасаясь сего, наконецъ позволили ему дѣлать, что хочетъ, и отпускали его съ надлежащею честію, наградивъ всѣми потребностями для жизни, такъ что онъ могъ подавать и за нихъ милостыню. Сей старецъ былъ славенъ и любимъ въ скитѣ.

Обоюдное милосердіе.

Нѣкогда къ преподобному Ѳеодору Сикеотскому (*) пришелъ изъ Иліополя Галатійскаго церковный экономъ и,

(*) См. житіе его Апрѣля 22 день.

бливаясь слезами, сказалъ: — Помилуй меня, рабъ Божій, и помоги моему несчастію: я поручилъ служителю собрать церковные доходы, и сей безчестный человѣкъ бѣжалъ съ деньгами. Сколько ни искали его, но найти не могли: помолись Господу Богу, чтобы показалъ мнѣ, гдѣ сокрылся онъ — иначе я погибну; ибо все мое имѣніе не довлѣетъ къ тому, чтобы воздать церкви за похищенное имъ.» — «А не будешь ли бить твоего служителя? спросилъ преподобный Ѳеодоръ: не будешь ли отъ него требовать съ лихвою? Если дашь вѣрное слово, то Господь тебя обрадуетъ и бѣглеца предастъ въ руки твои.»—Экономъ поклялся даже наградить его. Тогда Сикеотскій чудотворецъ сказалъ ему: «иди съ миромъ въ домъ твой и будь благонадѣженъ; уповаю на Бога, что скоро поможетъ тебѣ.»

Въ то самое время Господь молитвами святаго Ѳеодора связалъ хищника. Онъ остановился близь нѣкоторой веси и не могъ ступить далѣе; думалъ, что бѣжитъ, и пребывалъ на одномъ мѣстѣ. Тутъ былъ узнанъ, взятъ и приведенъ къ эконому; все церковное имущество возвращено и хищникъ наказанъ только своею совѣстію. Такимъ образомъ, по требованію преподобнаго Ѳеодора, счастіе одного не сдѣлалось *видимымъ* злосчестіемъ другаго.

Сила Креста Господня.

Когда святый Іуліанъ былъ возведенъ на епископскій престолъ въ Бострѣ, тогда нѣкоторые изъ гражданъ, ненавистники имени Христова, вознамѣрились ревностнаго Архипастыря умертвить. Они подкупили его кравчія, и сей злочестивецъ, подавая Святителю пить, въ стаканъ положилъ яду; но святый Іуліанъ, едва принялъ смерто-

военое питіе въ руки, позналъ свыше не только о злоумышленіи, но и о всѣхъ злоумышленникахъ. Онъ поставилъ предъ собою чашу и, не сказывая о томъ служителю, велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ гражданъ, бывшихъ въ заговорѣ. Когда пришли они, праведникъ, не желая предъ свѣтомъ обнаружить ихъ злодѣянія, сказалъ тихо: «если хощете смиреннаго Іуліана умертвить ядомъ, се предъ вами пію чашу сію.» — Потомъ трижды перекрестилъ оную и, сказавъ *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, выпилъ и остался невредимъ. Пораженные ужасомъ, злодѣи припали къ стопамъ его и умоляли, чтобы простилъ ихъ.

Христіане! и россійская исторія представляетъ разительный примѣръ, коль необорима сила Креста. Въ смутныя времена самозванцевъ, когда злонамѣренные бояре тщетно принуждали Святѣйшего Патріарха Гермогена, чтобы согласился принять на Всероссійскій престолъ Польскаго короля Сигисмунда, одинъ изъ вельможъ устремился на Архіерея Божія съ кинжаломъ. Гермогенъ тотчасъ оградилъ его крестнымъ знаменіемъ, и едва сказалъ: *буди на тебѣ сила крестная*—оружіе выпало изъ рукъ убійцы, и злоумышленники хотя скрежетали зубами, но къ человѣку Божію на тотъ разъ прикоснуться не смѣли.

Чудотворная сила святыхъ иконъ (*)

Когда Срацины овладѣли Сирійскимъ городомъ Рамеліею, нѣсколько сихъ варваровъ изъ любопытства вошли въ церковь святаго великомученика Георгія. Одинъ изъ нихъ, видя Священника, на колѣняхъ молящагося предъ образомъ Побѣдоносца, съ насмѣшкою сказалъ товарищамъ «вотъ безумецъ, доскѣ покланяющійся!» и, вынявъ изъ колчана стрѣлу, пустилъ въ икону: но стрѣла, вопреки на-

Digitized by Google

правленію, устремилась вверхъ и, съ силою низвергшись, пронзила руку у варвара. Почувствовавъ нестерпимую боль, онъ поспѣшно ушелъ домой; болѣзнь ежеминутно умножалась и вскорѣ вся рука опухла.

Срацинъ ожидалъ пагубнѣйшихъ слѣдствій. . . но, къ счастію, въ услугахъ у него жила Христіянка. Узнавъ, что случилось въ церкви, она сказала ему: «я человѣкъ простой, о святости и чудесахъ вѣры говорить не умѣю, но знаю, что поступокъ твой заслуживаетъ смерть. Если хочешь быть здравъ, то призови Священника и спроси у него, что дѣлать должно».—Сколько Срацинъ ожесточенъ ни былъ противъ Христіянъ, но видя опасность, съ радостію согласился на предложеніе служанки, и Священникъ пришелъ.—«Какую силу имѣетъ образъ, которому ты, въ бытность нашу въ церкви, столь усердно покланялся?» спросилъ у него Срацинъ. — «Всю силу имѣетъ только единъ Богъ, отвѣчалъ Священникъ: ему я и покланялся; а святаго великомученика Георгія, тутъ изображеннаго, молилъ о томъ, да будетъ о мнѣ ходатаемъ къ Богу.» — «Итакъ Георгій не Богъ вашъ; кто же онъ?» опять спросилъ варваръ.—«Онъ возлюбленный слуга Божій, сказалъ Священникъ: былъ человѣкъ, намъ подобострастный, но за славу имени Христова претерпѣвъ мученіе и смерть, получилъ отъ него благодать чудодѣйствовать. Любя угодника Божія, мы почитаемъ его икону и, взирая какъ бы на самого, покланяемся, объемлемъ, лобызаемъ оную. Дерзость твоя, столь очевидно наказанная, свидѣтельствуетъ, что Христіяне съ умиленіемъ припадаютъ не къ простому древу.» «Что жъ мнѣ присовѣтуешь сдѣлать? спросилъ поколебавшійся въ невѣріи варваръ: посмотри на мою руку: я мучусь и, безъ

(*) См. въ чудесахъ Св. великомученика Георгія Апрѣля въ 23 день.

сомнѣнія, умру».—«Если хочешь быть живъ, отвѣчалъ Пресвитеръ, то вели принести въ домъ твой образъ святаго Георгія, поставъ надъ твоимъ ложемъ и возжги лампаду елея—пусть она горитъ всю ночь; а назавтра помажь имъ руку твою, и вѣруй, что исцѣлѣешь.»

Немедленно святая икона была принесена.—Срацинъ поступилъ такъ, какъ приказалъ Священникъ, и увидѣлъ, что опухоль опала и рана закрывалась. Въ удивленіи и восхищеніи, онъ хотѣлъ выслушать повѣсть о святомъ великомученикѣ, и между тѣмъ, какъ Священникъ читалъ его житіе и страданія, Срацинъ, обнимая икону, сквозь слезы говорилъ: — О святый Георгій! ты былъ юнъ, но премудръ; а я старъ, но безуменъ; младъ, но Богу любезенъ; а я долголѣтенъ, но гнусенъ предъ Богомъ: моли о мнѣ Господа твоего, да учинитъ меня рабомъ своимъ.»—Потомъ припалъ къ ногамъ Священнослужителя и умолялъ даровать ему святое Крещеніе.

Въ тотъ же вечеръ сей варваръ, какъ агнецъ изъ волка, изъ зловѣра сдѣлался Христіяниномъ, а назавтра, нетрепетно проповѣдуя имя Христово, отъ рукъ прежнихъ своихъ единовѣрцовъ скончался — смертію мучениковъ.

Георгій побѣдоносецъ (*).

Въ странѣ Сирофиникійской изъ одного великаго озера, которое простиралось отъ горы Ливанской, выходилъ

(*) Всѣ читаютъ и восхищаются повѣстію о Персеѣ и Андромедѣ. Поэты утѣшаютъ насъ разсказомъ, живописцы наполняютъ галереи картинами, а философы выводятъ изъ нея нравоучительныя истины. Всѣ знаютъ, что это выдумка баснословія, но всѣ уважаютъ потому, что она имѣетъ въ себѣ много трагической поэзіи. Но не стократъ ли лучше сдѣлали бы они, если бы сіе трагическое постарались отыскать въ пре-

огромный, крылатый и когтями вооруженный змій, и кого встрѣтитъ, увлекая въ воды, пожиралъ—отъ чего близлежащій городъ Беритъ находился въ безпрестанномъ страхѣ. Многажды народъ вооружался на его убіеніе; но змій отважнѣйшихъ умерщвлялъ издалека — однимъ дыханіемъ, и народъ всегда съ ужасомъ убѣгалъ назадъ. Общее уныніе овладѣло сердцами: ибо чудовище, своимъ ядомъ заражая воздухъ, по ихъ мнѣнію, вливало смерть даже въ плоды земные.

Наконецъ жители (они всѣ были идолопоклонники) оставили домашнія и общественныя занятія; непрестанно собирались на градскую площадь и разсуждали, что имъ въ общемъ злосчастіи дѣлать должно. . . Не зная, на что рѣшиться, приступили они къ своему Князю и громко вопіяли: «погибаемъ отъ змія! спаси насъ! ты начальникъ и отецъ!»—«Не знаю, что повелятъ мнѣ предпринять боги, отвѣчалъ имъ Князь: я буду молить ихъ, чтобы открыли мнѣ волю свою»—и пошелъ совѣтоваться съ изувѣрными кумирослужителями.

Какъ обрадовался духъ геенскій, услышавъ намѣреніе Князя Беритскаго! Онъ весь вгнѣздился въ умъ и сердце жрецовъ своихъ, и устами ихъ далъ слѣдующій отвѣтъ:—«Если не хочете погибнуть всѣ, то жителямъ Берита, не исключая и Князя, должно каждый день, по жребію, отдавать на снѣденіе змію дѣтей своихъ, сына или дочь.»—Проклятый совѣтъ былъ принятъ; и поступая по оному, начали приносить богомерзкому жертву прежде чиновники, потомъ народъ. Каждое утро несчастный городъ наполнялся воплемъ и рыданіемъ; каждое

даніяхъ православной Церкви? Тогда повѣсть, или картина, имѣя на себѣ священную печать Вѣры, была бы несравненно ближе къ сердцу христіянскому. Таково чудо святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

Digitized by Google

утро оплакивали отрока или отроковицу, на смерть обреченныхъ. Родители и сродники, терзая власы свои, приводили ихъ къ озеру и тутъ оставляли. Немедленно изъ глубины водъ являлось чудовище и несчастную жертву пожирало.

Наконецъ пришла чреда и Князю отдать единородную дщерь. Онъ приказалъ ей облечься въ лучшія одежды и, оплакавъ, какъ умершую, выслалъ на уреченное мѣсто; а самъ, скрепивъ сердце свое, смотрѣлъ съ высокой башни, какъ будетъ погибать отроковица... Стоящая на брегѣ озера Княжна, ожидая лютаго часа, рыдала и, ломая руки свои, возводила къ небесамъ помертвѣвшія очи.

Но Богъ, желающій всѣмъ спастися, восхотѣлъ избавить градъ сей отъ власти змія и ада. По его всесильному мановенію, вдругъ является святый Великомученикъ Георгій, въ образѣ младаго всадника, копіемъ вооруженный, и приближась къ отчаянной дѣвицѣ, спрашиваетъ, почто она стоитъ у озера и такъ горько плачетъ? «Бѣги отсюду, какъ возможно скорѣе, добрый юноша, отвѣчала Княжна, не зная, что это святый Великомученикъ Георгій—бѣги, чтобы не погибнуть вмѣстѣ со мною!»—«Не страшись о мнѣ, сказалъ Побѣдоносецъ, но скажи, чего ожидаешь здѣсь, между тѣмъ какъ изъ города весь народъ смотритъ на тебя?» Тогда дѣвица вкратцѣ сказала ему о лютости змія, о несчастіи ихъ города, о ежедневномъ жертвоприношеніи дѣтей, и опять начала просить его, чтобы безъ нужды не подвергалъ опасности жизнь свою.—«Вижу, что ты, добродушный юноша, мужественъ и силенъ, но противъ лютаго чудовища и тысячи устоять не могутъ: итакъ, бѣги и спасайся; иначе самъ погибнешь, а меня не избавишь.» — «Во имя Господа моего Іисуса Христа все возможно!

Digitized by Google

отвѣчалъ Георгій.—Въ сіе мгновеніе ужасный змій показался на поверхности водъ, быстро приближаясь къ добычѣ. . . Дѣвица испустила отчаяный вопль. . . А святый Побѣдоносецъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, и устремился на чудовище, потрясая копіемъ своимъ; мгновенно ударилъ его въ самую гортань и, притиснувъ къ землѣ, попиралъ разъяреннымъ копемъ. . . Потомъ приказалъ дѣвицѣ привязать его къ своему поясу и вести въ городъ, какъ кроткаго пса. . . Народъ ужаснулся при толь внезапномъ зрѣлищѣ: но Побѣдоносецъ воодушевилъ ихъ бодростію. . . «Не бойтесь, говорилъ онъ, но уповайте на Господа и вѣруйте въ него; сей Господь послалъ меня истребить чудовище, васъ пожирающее.» — Послѣ сего посреди града умертвилъ змія и, повелѣвъ сожечь трупъ его, сталъ невидимъ.

Князь и весь народъ, познавъ, что это былъ святый Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій, приняли святое крещеніе. Двадцать пять тысячъ народа, кромѣ женъ и дѣтей, отродились водою м Духомъ.

Непрестанная молитва.

Нѣкогда къ Лукію, старцу Енатскому, пришли иноки, такъ называемые Евхиты, или молитвенники (*). . . «Какимъ занимаетесь рукодѣліемъ?» спросилъ у нихъ Лукій.— «Мы не занимаемся работою рукъ, отвѣчали они, но по заповѣди Апостольской, непрестанно молимся.—«А ѣдите ли?» опять спросилъ старецъ.—«Ѣдимъ,» отвѣчали они.— «И такъ, когда ѣдите, кто тогда за васъ молится? воз-

(*) Одна изъ еретическихъ сектъ. — Послѣдователи ея, между множествомъ заблужденій, отвергали всѣ добродѣтели, даже силу Таинствъ, въ разсужденіи нашего спасенія, и всю важность приписывали однѣмъ молитвамъ.

Digitized by Google

разилъ Лукій; сверхъ того, спите ли вы?»—«Какъ же можно не спать?» сказали Евхиты. — «Итакъ, когда спите, кто тогда за васъ молится?» опять возразилъ старецъ. Пришельцы не могли дать никакого отвѣта. Тогда преподобный Лукій сказалъ имъ:—«Простите мою откровенность: вы сами себѣ противорѣчите. Я, напротивъ того, докажу вамъ, что, и занимаясь рукодѣліемъ, молюсь непрестанно. Напримѣръ, плету изъ камыша корзины и читаю: *помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей, и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое*. . . не молитва ли это?»—«Конечно! отвѣчали Евхиты. «Такимъ образомъ проводивъ весь день въ трудѣ и молитвѣ, продолжалъ старецъ, я выработываю нѣсколько денегъ, и половину изъ нихъ отдаю нищимъ, а другую употребляю на свои необходимости. Когда же ѣмъ или сплю, тогда молятся за меня пріемшіе милостыню.— Не видите ли, что я, съ помощію Божіею, исполняю правило Апостола и молюсь непрестанно?»

Великопермскій Апостолъ.

Святый Стефанъ (*), Епископъ Пермскій, будучи Іеромонахомъ, воспріялъ твердое намѣреніе, просвѣтить крещеніемъ страну Пермскую. Слыша, что жители ея, покрытые мракомъ идолопоклонства, чрезвычайно привержены къ волшебству и чародѣйствіямъ, онъ объятъ былъ священною ревностію Апостоловъ спасти отъ погибели души человѣческія, изведя ихъ отъ тьмы и сѣни смертной къ солнцу истиннаго Богопознанія. На сей конецъ, началъ онъ учиться Пермскому языку и чрезъ неутомимое прилежаніе успѣлъ столько, что вскорѣ изобрѣлъ

(*) Память его празднуется въ 26 день Апрѣля.

Digitized by Google

Пермскія буквы, и на ихъ нарѣчіе преложилъ нѣсколько Священныхъ книгъ. Но сіе для великаго Пастыря казалось недовольнымъ: желая паче научиться Богомудрію онъ послѣ сего устремилъ все свое вниманіе на языкъ Греческій, въ которомъ успѣлъ равномѣрно.

Между тѣмъ Божественное рвеніе умножалось въ сердцѣ его болѣе и болѣе. Святый Стефанъ съ пощеніемъ и слезами молился день и ночь Господу, да по своему произволенію устроитъ путь его; потомъ испросилъ благословеніе онъ Епископа Коломенскаго Герасима, бывшаго тогда блюстителемъ Всероссійской Митрополіи, и — по словамъ Апостола: *вамъ даровася, еже о Христѣ, не только еже въ него вѣровати, но и еже по немъ страдати* (*), отправился въ Пермь. Положивъ на сердцѣ своемъ или обратить невѣрныхъ къ Спасителю міра, или принять за него вѣнецъ мученическій, неусыпный Священноинокъ началъ проповѣдывать истиннаго Бога, одинъ посредѣ рода строптиваго и развращеннаго, какъ агнецъ осредѣ волковъ. Невѣрные удивлялись неслыханному ученію, мало по малу познавали истину и принимали святое Крещеніе; и хотя большая часть идолопоклонниковъ не хотѣли слышать угодника Божія, дѣлали ему разныя пакости, ругались и неоднажды намѣрены были убить его: но Евангельская ревность все преодолѣла. Преподобный Стефанъ соорудилъ храмъ Господень, по новоизобрѣтенной Пермской азбукѣ обучилъ грамотѣ нѣсколько тамошнихъ урожденцевъ и чрезъ нихъ болѣе и болѣе распространялъ вѣру Христову.

Но едва неусыпный дѣлатель винограда Господня началъ пожинать плоды своихъ подвиговъ, вдругъ появился нѣкоторый волхвъ, называемый отъ тамошнихъ жителей

(*) Филип. 1. 29.

Кудесникомъ, старѣйшина всѣхъ чародѣевъ, котораго идолопоклонники почитали отцемъ, наставникомъ и главою ихъ суевѣрныхъ обрядовъ при жертвоприношеніяхъ. Онъ началъ новопросвѣщенныхъ людей совращать съ пути истины; но, къ счастію, большая часть Христіянъ вѣрили и не вѣрили его увѣщаніямъ и предложили ему состязаться съ преподобнымъ Стефаномъ. Волхвъ согласился; но всѣ его бредни опровергаемы были ученіемъ Евангельскимъ; всѣ его чарованія и волшебства низлагались молитвою Равноапостольнаго пастыря. Наконецъ отчаянный жрецъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: хотѣлъ устрашить... «Перейдемъ оба сквозь огонь и воду, сказалъ онъ Стефану, и кто не сгоритъ и не утонетъ, того вѣра, какъ истинная и Богу пріятная, должна въ Пермской странѣ господствовать.»—Но святый Пастырь отвѣчалъ нетрепетно: «ты отъ меня требуешь вещи, которая превосходитъ силы человѣческія; однако уповаю на милость Всемогущаго Бога, *Иже всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити*. Благословенъ Господь Богъ! продолжалъ онъ, обратясь къ народу: принесите сюда огня и зажгите пустую храмину; я и чародѣй, взявъ другъ друга за руку, внидемъ въ нее.»

Немедленно, по приказанію святаго Стефана, все было исполнено. Тогда, воздѣвъ руки свои къ Богу, онъ излилъ слезную молитву: «Владыко Всемилостивый и Всемогущій! яви человѣколюбіе твое, покажи силу твою, да разумѣютъ предстоящіе люди, яко вѣра твоя истинна; *се врази твои возшумѣша, и ненавидящіи тя воздвигоша главу* (*). *Положиша на недеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по земли* (**). *Сего раби сотвори со мною знаменіе во благо: и да видятъ ненавидящіи мя, и постыдятся, яко ты Господи помогъ ми, и утѣшилъ*

(*) Псал. 88. 3. (**) Псал. 85. 17.

мя еси (*).» Совершивъ молитву, святый Пастырь воскликнулъ къ предстоящему народу: «миръ вамъ, братія и чада; простите и молитесь о мнѣ; я готовъ умереть за святую вѣру.»—Потомъ, крѣпко взявъ волшебника за руку, силою повлекъ въ пылающій огонь. . . Но куда исчезла сила чародѣйства?.. Обаятель затрепеталъ: онъ падалъ на землю, кричалъ, просилъ пощады; между тѣмъ народъ вопіялъ съ ругательствомъ: да идетъ въ огонь, поелику самъ предложилъ сей опытъ!» Такимъ же образомъ злобожный волхвъ поруганъ былъ и у рѣки, гдѣ положено было спуститься въ одну прорубь и выйти изъ другой.

Тогда преподобный Стефанъ сказалъ ему: «хочешь ли вѣровать во Іисуса Христа и просвѣтиться крещеніемъ?»— Но какъ ожесточенный изувѣръ не хотѣлъ исполнить даннаго слова, то народъ возопіялъ единогласно: «злодѣй повиненъ смерти!» и хотѣлъ растерзать его. Одно милосердіе святаго Стефана спасло его.—«Не буди рука наша на врагѣ нашемъ, удерживая раздраженный народъ, говорилъ онъ: ибо Христосъ не убивать послалъ меня, но благовѣстить, велѣлъ не мучить, но учить съ кротостію, по словамъ порфиропоснаго Пророка: *накажетъ мя праведникъ милостію и обличитъ мя* (**). А если онъ, ожесточенный злобою, вѣровать не хочетъ, то вѣчная казнь готова ему въ геенпѣ огненной.»—Послѣ сего повелѣлъ изгнать его изъ предѣловъ Пермскихъ.

Тогда новонаселенная Церковь осѣнилась миромъ, и повсюду на развалинахъ идольскихъ капищъ созидаемы были храмы Господни. Наконецъ преподобный Стефанъ почелъ за необходимое, чтобы Пермская страна имѣла Епископа, и съ общаго согласія Христіянъ, послалъ

(*) Псал. 72. 9. (**) Псал. 140. 5.

Digitized by Google

прошеніе къ Великому Князю Димитрію Іоанновичу и Преосвященному Митрополиту Пимену, возвѣщая объ успѣхахъ православной вѣры и требуя Архипастыря. Но кто болѣе достоинъ былъ сана Архіерейскаго, какъ не тотъ, кто совершилъ столько трудовъ и подвиговъ? Равноапостольный проповѣдникъ Евангелія вызванъ былъ въ Москву и, рукоположенный въ Епископа, возвратился къ любезной паствѣ, отъ небеснаго Пастыреначальника ему врученной (*).

Клятва, которую нарушить можно.

Къ нѣкоторому старцу пришелъ незнакомый человѣкъ и сказалъ: «я и братъ мой, другъ съ другомъ поссорились; къ несчастію, онъ не хочетъ примириться, хотя я всѣми мѣрами стараюсь о томъ. Человѣкъ Божій, сдѣлай милость, уговори его.»—Старецъ съ радостію принялъ на себя дѣло пришельца и, призвавъ къ себѣ брата его, началъ говорить о любви и согласіи... Сначала, казалось, что ожесточенный братъ умягчается — но вдругъ сказалъ: не могу примириться; ибо Крестомъ поклялся вѣчно враждовать на него.» Тогда старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: «клятва твоя имѣетъ такую силу: Сладчайшій Іисусе! заклинаю себя Крестомъ твоимъ, что не буду исполнять твоихъ заповѣдей, и хочу повиноваться волѣ врага твоего діавола. Другъ мой! не только должно отвергнуть то, на что мы въ злой часъ рѣшились: но должно раскаяться въ ономъ; должно сокрушиться о томъ, въ чемъ противъ души своей согрѣшили. Если бы Иродъ раскаялся и не поступилъ по своей клятвѣ, не сдѣлалъ бы величайшаго на свѣтѣ злодѣянія, не умертвилъ бы Предтечу Христова. Вспомни, что было тогда, когда

(*) Святитель Христовъ Стефанъ преставился въ Москвѣ, прибывъ туда по дѣламъ, до своей паствы касающимся.

Digitized by Google

Іисусъ хотѣлъ умыть ноги святаго Петра, а онъ отрицался (*)... Вспомни, что сей же Апостолъ съ клятвою утверждалъ: *не знаю человѣка* (**); но сдержалъ ли свое клятвенное слово? долго ли продолжалъ свое невѣдѣніе о человѣкѣ? *и изшедъ вонъ, плакася горько* (***).» — Выслушавъ истину изъ устъ старца, незнакомецъ въ тотъ же часъ съ братомъ своимъ примирился.

Христіяне! если въ какой либо шумной и порочной страсти данная нами клятва влечетъ за собою гибельныя слѣдствія для нашего спасенія, или для счастія ближнихъ: немедленно смойте ее вашими слезами; пагубно исполнять оную. Но, чтобъ избѣгнуть опасности, въ которой находился братъ, Крестомъ поклявшійся враждовать на брата, то лучшее средство, никогда не клястися безъ нужды и въ маловажныхъ случаяхъ. Если ты человѣкъ совѣстный, справедливый, благоразумный и чистосердечный: то одному слову *да* или *нѣтъ* повѣритъ каждый; напротивъ того, дурной человѣкъ, хотя надрывайся отъ клятвъ—все будетъ напрасно. . . На что же безъ разбора столь легкомысленно призывать имя Того, Кому предстоятъ съ трепетомъ чины Ангельскіе и, отъ страха закрывая лица свои, взываютъ: *Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ! Исполнь вся земля славы Его* (****).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ И ПЕРВАГО ТОМА.

1237731.

(*) Іоан. XIII. 8. 9. 10. (**) Матѳ. XXVI. 74. (***) Матѳ. XXVI. 7 (****) Исаіи VI. 3.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Твердость Василія Великаго 1
Непамятозлобіе Василія Великаго. 3
О трудолюбіи 4
Юный благотворитель 5
Величайшая жертва. 6
Святый Григорій Богословъ отказывается отъ Патріаршества, чтобы даровать миръ Церкви 8
Богъ вѣдаетъ, кого послать на встрѣчу 10
Милостыня отъ подаянія 11
По какому случаю установленъ праздникъ Срѣтенія Господня . —
Симеонъ Богопріимецъ 12
О Терпѣніи 14
Пагубно вѣрить снамъ. 15
Наказанный ненавистникъ. 16
Чудесная встрѣча 18
Праводное воздаяніе отступнику Вадитзису. 19
Видѣніе старца о пріемлющихъ милостыню 21
Ревность по Христѣ блаженнаго Кодрата 22
Великодушіе противу обидъ 24
Цѣломудріе Хризанеа и обращеніе дѣвицы Даріи. 25
Ненавистникъ неспособенъ ни къ какимъ добродѣтелямъ 31
Наказанный клятвопреступникъ . . . . . —
О молитвахъ, недостойныхъ Божія величества 33
Единственное сокровище для человѣка есть—Богъ 37
Какъ сребролюбивая инокиня сдѣлалась щедролюбивою. 39
Поступокъ Св. Фервуѳы въ разсужденіи супружества 41

Digitized by Google

Стр.
Примиритель. 43
Отступникъ Нирсанъ ужаснѣйшею цѣною покупаетъ себѣ жизнь 45
Сила Архипастырскаго запрещенія 46
Человѣкъ, рачительный къ своей должности, не дожидается приказаній, а особливо понужденій 48
Примѣръ добродѣтельныхъ мужей для насъ спасителенъ . . . 49
Сокращенное содержаніе закона Божія. . . . . —
Для щедраго и Богъ щедръ 50
Сила молитвы 51
Самсонъ страннопріимецъ 52
Смиреніе, Богомъ прославленное. 54
О важности сана Епископскаго и вообще Священническаго . . . —
Многостраданіе за вѣру 55
Неблагодарность Царя Саворія 57
Пустынолюбецъ, или начало Соловецкаго монастыря 59
Христіянская любовь къ ближнимъ 61
Празднословіе и бесѣда духовная 65
Ходи въ церковь, и никогда не выходи изъ нея, пока не кончится служба Божія 66
Смиреніе Преподобнаго Ѳеодосія. 68
Царь — отецъ 70
Смиренномудріе Арсенія Великаго 71
Осужденіе падаетъ на осуждающаго 72
Истинный пестынножитель 73
Излишняя на себя надежда пагубна. . . . . —
Хранитель цѣломудрія Ѳеодоры. 75
Благочестивый споръ 77
Обращеніе въ Христіянскую вѣру Св. Философа Іустина . . . 78
Супружеская вѣрность. 83
Неосмотрительность въ обвиненіи 85
Исправленный мститель 88
Повиновеніе Власти. 89

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Козма и Даміанъ, безмездные цѣлители 93
Образъ подаянія милостыни 94
Слезы преподобнаго Памвы 95
Пустыннолюбецъ и страннолюбецъ 96
Презрѣніе богатства. 98
Истинная добродѣтель имѣетъ великую силу и надъ невѣрными . 100
Какъ Святый Александръ сдѣлался Епископомъ Команскимъ . . 102
Пустынникъ 105
Средство сдѣлать врага другомъ 106
Предметъ разговоровъ 108
Нравоучительныя правила преподобнаго Отца нашего Пимена. . 109
Истинный трудникъ. 112
Словопреніе Святаго Александра, Патріарха Цареградскаго. . . 113
Святый Анфимъ, Епископъ Никомидійскій, хочетъ лучше принять казнь, нежели сдѣлать лжецами воиновъ 114
Обращенный мучитель. 116
Благочестивый художникъ. 118
Чудо отъ Архистратига Михаила, бывшее въ Колоссаяхъ, еже есть въ Хонѣхъ. 119
Богъ пріемлетъ молитвы, не смотря на лица 121
Святая Пулхерія избираетъ невѣсту Царю, своему брату . . . 123
Святая Пулхерія уличаетъ въ безпечности Царя, своего брата . 124
Обновленіе храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ . . . 126
Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня. . . 127
О сомнѣніи въ дѣлахъ вѣры. 128
Искушеніе свыше 129

Digitized by Google

Христіянинъ-патріотъ 181
Награда благочестивому 134
Непоколебимость въ вѣрѣ. 137
Кто не имѣетъ добрыхъ дѣлъ, для того и молитва другихъ за него безполезна 139
Смиреніе преподобнаго Сергія, Игумена Радонежскаго 141
Ревность о спасеніи ближняго 142
Казнь богоотступнику 144
Разумъ младенца 146
О томъ, сколь грѣшно осуждать другихъ. 147
О послушаніи 149
Ревность къ проповѣди 150
Обращеніе къ Богу Маріи 153
Одна истинная вѣра непоколебима въ злостраданіяхъ 156
О пользѣ поминовенія усопшихъ. . . . . —
Поступокъ Іоанна Милостиваго съ племянникомъ своимъ . . . 157
Напоминаніе смерти. 159
Благоупотребленіе подарка. 160
Поступокъ Іоанна Златоуста съ Евтропіемъ 161
О именахъ, означающихъ отличіе человѣка 163
О неисповѣдимости судебъ Господнихъ 164
О жизни и смерти человѣческой. 166
Поступокъ Амфилохія, Епископа Икопійскаго, противу Ѳеодосія, Царя Греческаго 168
Клевета на Святаго Григорія, Епископа Акрагантійскаго. . . . 169
Обращеніе Святыя Великомученицы Екатерины 172
Святый Петръ, Архіепископъ Александрійскій, предаетъ самъ себя на смерть, чтобъ предупредить бунтъ. 176
Покаяніе Святаго Іакова 178
О богатыхъ и убогихъ. 180
О Божескомъ долготерпѣніи 182
Награда милостивому 184
Царскій обѣдъ 187
О дѣлахъ человѣческихъ 188
Творецъ въ своемъ твореніи 189
Примѣръ подаянія милостыни. 192

Digitized by Google

Святый николай укрощаетъ бунтъ 195
Невинность освобождается отъ смертной казни 196
Избраніе Святаго Амвросія на Епископство Медіоланское . . . 198
Нелицепріятіе Святаго Амвросія противу грѣшниковъ 201
Архипастырь, воздающій Божія Богови и Кесарева Кесареви. . 206
Истинная слава 209

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стр.

Начало Литургіи святаго Василія Великаго. 213
Смерть Василія Великаго 221
Сила имени Іисусова 215
Друзья по вѣрѣ Христовой 216
Россійскій Амвросій. 218
Нелицепріятіе, снисхожденіемъ растворяемое. 222
Новозавѣтный Елисей 223
Не должно мечтать высоко о своихъ добродѣтеляхъ. 224
Трудъ и молитва 226
Пустынникъ и языческіе мудрецы 227
Общее правило для начальниковъ и отцевъ семейства . . . . —
Любочестіе величайшаго въ инокахъ 228
Сострадательность къ заблуждающимъ 229
Благоразумное послабленіе къ подчиненнымъ есть добродѣтель въ начальникѣ. 230
Слава милостыноподаянія . . . . . —
Посрамленная клевета 231
Ревность сберечь доброе имя ближняго 233
О томъ, что дарованія должно употреблять единственно въ пользу ближнихъ 235
О томъ, сколь любезны Богу добродѣтели семейственныя. . . . 236
Сила дружескаго привѣтствія. 238
Любовь къ предметамъ ненавистнымъ и ненависть къ предметамъ достолюбезнымъ 239
Цѣломудріе Св. мученицы Евфрасія. . . . . —

Digitized by Google

О томъ, коль горекъ плодъ непослушанія 241
О томъ, сколь грѣшно съ легкомысліемъ принимать слово Господне 243
Благодарность новопросвѣщенныхъ къ Евѳимію Великому . . . 245
Отеческое наслѣдство 248
Видѣніе Григорія Богослова, еще въ юности его 249
Невидимая десница, отвратившая смертный ударъ отъ Григорія Богослова 250
Испытаніе самого себя 252
Скромность и самохвальство . . . . . —
Отчего установленъ праздникъ трехъ Святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста 253
Неусыпный стражъ вѣры Христовой 254
Чувствованія Святыя Агаѳіи въ темницѣ 256
Необоримая заступница. 257
Молитва о счастіи враговъ 258
О томъ, коль спасительно не слушать клеветы 259
Сила истинной вѣры 260
Болѣзнь и исцѣленіе сребролюбца 262
Сила родительскихъ молитвъ. 263
Мученикъ, защищающій мучителя 265
Духъ клеветы 267
Любовь къ отечеству посреди лютыхъ тиранствъ 268
Вражда и дружество Великаго Князя съ инокомъ 269
Исповѣдникъ Святыя Троицы 271
Уступчивость святаго Мелетія 273
Слава святаго Мелетія 275
О происхожденіи обряда, готовить коливо, въ память святаго великомученика Ѳеодора Тирона 277
Покаяніе грѣшницы 279
Разность преступленій 282
Тѣлесное и душевное занятіе 283
Человѣколюбіе оттельника 284
Умирающій праведникъ . . . . . —
Трудолюбивые постники 285
Христіянское братолюбіе 286
Отецъ и сынъ посреди страданій 288

Digitized by Google

Страданіе четыредесяти воиновъ, въ Севастійскомъ озерѣ за Христа умершихъ. 291
Неустрашимый воинъ Христовъ. 293
Младенецъ, небесною рукою воспитанный. 294
Благодать за посѣщеніе Святыхъ мѣстъ 296
Милость Господня за милость къ нищимъ 298
О томъ, коль трудно и мудрому начальнику угодить своенравію подчиненныхъ. 300
Сила повиновенія 302
Недостойно пріемшій священство 303
Изобличенный хищникъ . . . . . —
Польза поминать на проскомидіи усопшихъ 304
Добродѣтельный пустынникъ. 305
Иноки, полагающіе душу свою за Церковь Божію и за братію . 306
Необоримое оружіе противу враговъ видимыхъ и невидимыхъ . 309
Божіе мщеніе за гонимую невинность 311
Инокъ, пророчески изобличившій мятежнаго вельможу. . . . 313
Разборчивость Іоанна пустынника въ пріемѣ посѣтителей. . . 315
Непоколебимость исповѣдника Христова 316
О томъ, коль спасительно жить въ незлобіи сердца и не осуждать другихъ 318
Казнь немилосердому 319
Предосторожность въ разсужденіи молодыхъ людей. 320
Іуліанова злоба на Христіянъ и мщеніе, Богомъ на него излиянное . . . . . —
Свои и чужіе грѣхи 323
Видѣніе преподобнаго Зосимы объ участи Новгородскихъ бояръ . 324
Святыня просфоры 326
Благодарность уволеннаго раба 327
Обоюдное милосердіе 328
Сила Креста Господня. 329
Чудотворная сила Святыхъ иконъ 330
Георгій побѣдоносецъ 332
Непрестанная молитва. 335
Великопермскій Апостолъ. 336
Клятва, которую нарушить можно 339

Digitized by Google